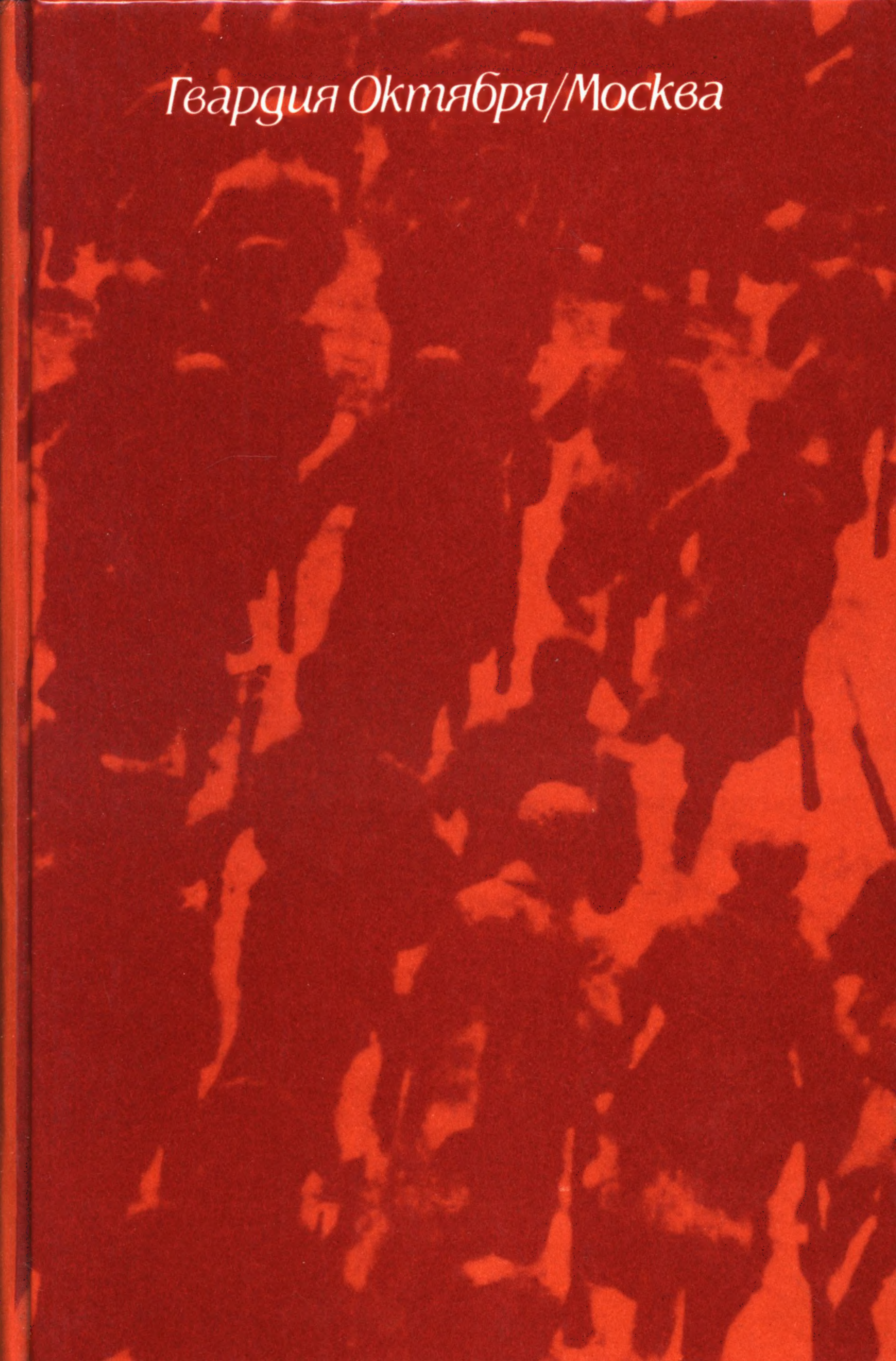

Гвардия Октября/Москва

ГВАРДИЯ ОКТЯБРЯ

Москва

Москва
Издательство
политической
литературы
1987

МОСКВА

Гвардия Октября

ББК 63.3(2)711.1
Г25

Составитель И. Г. Лупало

Гвардия Октября. Москва/Сост. И. Г. Лупало.— М.:
Г25 Политиздат, 1987.— 399 с., ил.

Эта книга о тех, кто в октябре 1917 года возглавил вооруженное восстание в Москве. В ней помещены очерки о Г. А. Усиевиче, В. П. Ногине, И. А. Пятницком, Л. А. Лисиновой, И. И. Скворцове-Степанове, Е. М. Ярославском и других. В книгу включены также оригинальные документы и воспоминания героев Московского восстания.

Некоторые материалы публикуются впервые. Книга иллюстрирована. Рассчитана на массового читателя.

Г $\frac{0505030101—107}{079(02)—87}$ 130—87 **ББК 63.3 (2)711.1**

Предисловие

Давно доказано, что нельзя знать историю, особенно историю массовых революционных движений, не зная ее наиболее выдающихся деятелей и активных участников.

В. И. Ленин призывал тщательно и любовно собирать документы и воспоминания творцов нашей революции, создавать такие книги, которые на примере пламенных пролетарских борцов — типа И. В. Бабушкина и Н. Э. Баумана — учили бы подрастающее поколение, как надо жить и действовать [1].

Эта ленинская мысль особенно актуальна сегодня, в канун 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Яркие, волнующие страницы в летопись этого главнейшего события XX века, коренным образом изменившего ход мировой истории, судьбы всего человечества, вписали трудящиеся Москвы. Сердцем России называл В. И. Ленин Москву, подчеркивал, что без нее Петербург «все равно, что одна рука без другой»[2].

Московские рабочие, составлявшие значительную часть российского пролетариата, прошедшие длительную школу классовой борьбы, оказали энергичную поддержку газете «Искра», вокруг которой сложилось стальное ядро революционеров, создавшее под руководством В. И. Ленина большевистскую партию. В декабре 1905 года они первыми пошли на штурм самодержавия, дав образец борьбы всем трудящимся России. «Москва — оплот большевизма»,— вынуждена была констатировать охранка в 1910 году в одном из своих донесений. Вслед за рабочим Питером московский пролетариат решительно выступил в Февральской революции 1917 года.

Около 600 московских большевиков вышло из подполья после свержения царского самодержавия. Вскоре их число возросло в десятки раз. Вместе с Московским комитетом РСДРП(б) действовало Московское областное бюро ЦК, руко-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 83.
[2] Там же, т. 21, с. 434.

водившее большевиками 14 губерний Центрального промышленного района. Борьбу подмосковных рабочих и крестьян возглавлял Московский окружной комитет. Через свое Военное бюро МК партии поддерживал тесную связь с воинскими частями Московского гарнизона (насчитывавшего около 100 тысяч солдат) и с солдатами Московского военного округа и даже Западного фронта.

Условия, в которых боролись московские большевики, отличались рядом особенностей. Москва была преимущественно мелкобуржуазным городом. Основную массу рабочих составляли текстильщики, тесно связанные с деревней, кустари, ремесленники, городские служащие. Большинство воинских частей Московского гарнизона было представлено запасными частями, тыловыми командами, где служило немало выходцев из имущих слоев населения, поддерживавших политику соглашательских партий. Вооружены эти воинские части были очень плохо. В городе осели руководящие центры многих всероссийских контрреволюционных и полуконтрреволюционных организаций и учреждений.

Вот в таких условиях и действовали московские большевики. Условия эти не могли не сказаться на развитии октябрьских событий 1917 года: в отличие от Петрограда, революция в Москве приняла затяжной характер. Этими условиями объясняются некоторые ошибки отдельных руководителей московских большевиков, нерешительность. Хотя в горниле революционных боев, в сложнейшей обстановке, зачастую не имея необходимой информации о положении в Петрограде и стране, избежать этих ошибок им было непросто, а иногда — невозможно.

В. И. Ленин в планах подготовки вооруженного восстания отводил Москве видное место. Он считал, что исход борьбы в конечном счете решался в рабочих кварталах Петрограда и Москвы [1].

В историческом письме Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б) вождь революции писал в сентябре 1917 года: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народов обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее»[2].

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 245.
[2] Там же, т. 34, с. 239.

«Взяв власть *сразу* и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно»*[1],— пророчески предвидел вождь революции.

Для такой победы нужны были твердые люди, которые бы не колебались, не шли бы на блоки с оппортунистами и соглашателями, которые бы ясно сознавали практическую необходимость взятия власти, пути и средства к нему[2].

В основном о таких людях и рассказывает наша книга, которая служит логическим продолжением очерков «Гвардия Октября» о героях Октябрьской революции в Петрограде.

Славные бессмертные имена революционеров-ленинцев: И. Ф. Арманд, А. С. Ведерников, М. Ф. Владимирский, Р. С. Землячка, В. М. Лихачев, В. П. Ногин, М. С. Ольминский, В. Н. Подбельский, И. А. Пятницкий, П. Г. Смидович, И. И. Скворцов-Степанов, Г. А. Усиевич и многие другие. Это были профессиональные революционеры, вынесшие на своих плечах основную тяжесть борьбы по созданию и упрочению партии нового типа, закалившиеся в пламени революционных боев, твердо отстаивавшие ленинские идейные и организационные принципы. Среди них талантливые публицисты и пропагандисты, подлинные народные трибуны и умелые агитаторы, работники военной организации, создатели красногвардейских отрядов, руководители московских профсоюзов и фабзавкомов. Вместе с ними в подготовке революции активно участвовала большая группа рабочих вожаков, бывших подпольщиков, о некоторых из них также рассказывается в книге. Все они делали одно великое дело, без которого победа была невозможна,— помогали развитию сознания масс, их организации, самодеятельности, создавая тем самым политическую армию Великого Октября.

Воспитание историей — могучее идеологическое средство. И потому цель данной книги: не только создать интересные образы небольшой, но типичной группы революционеров, еще раз зафиксировав тем самым славное прошлое нашей большевистской партии, а, главное, на их примере помочь формированию высоких политических и нравственных качеств нового человека.

А. Пономарев,
доктор исторических наук

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 241.
[2] См. там же, с. 77.

ПИСЬМО В ЦК, МК, ПК И ЧЛЕНАМ СОВЕТОВ ПИТЕРА И МОСКВЫ БОЛЬШЕВИКАМ

Дорогие товарищи, события так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно *преступлением.*

Аграрное движение растет. Правительство усиливает дикие репрессии, в войске симпатии к нам растут (99 процентов голосов солдат за нас в Москве, финляндские войска и флот против правительства, свидетельство Дубасова о фронте вообще).

В Германии начало революции явное, особенно после расстрела матросов. Выборы в Москве — 47 процентов большевиков — гигантская победа. С левыми эсерами мы *явное* большинство *в стране.*

Железнодорожные и почтовые служащие в конфликте с правительством. Либералы вместо съезда на 20-ое октября говорят уже о съезде в 20-х числах, и т. д., и т. д.:

При таких условиях «ждать» — преступление.

Большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны *взять власть тотчас.* Этим они спасают и всемирную революцию (ибо иначе грозит сделка империалистов всех стран, кои после расстрелов в Германии будут покладисты друг к другу и *против нас объединятся),* и русскую революцию (иначе волна настоящей анархии может стать сильнее, *чем мы),* и жизнь сотням тысяч людей на войне.

Медлить — преступление. Ждать съезда Советов — ребячья игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции.

Если нельзя взять власти без восстания, надо *идти на восстание тотчас.* Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы Московский Совет сразу тотчас взял власть и объявил себя (вместе с Питерским Советом) правительством. В Москве победа обеспечена и воевать некому. В Питере можно выждать. Правительству нечего делать и нет спасения, оно сдастся.

Ибо Московский Совет, взяв власть, банки, фабрики, «Русское Слово», получает гигантскую базу и силу, агитируя перед всей Россией, ставя вопрос так: *мир* мы предложим *завтра,* если бонапартист Керенский сдастся (а если не сдастся, то мы его свергнем). *Землю* крестьянам *тотчас,* уступки железнодорожникам и почтовым служащим — *тотчас,* и т. д.

Необязательно «начать» с Питера. Если Москва «начнет» бескровно, ее поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочувствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска *идут на Питер.*

Если даже у Керенского есть под Питером один-два корпуса конных войск, он вынужден сдаться. Питерский Совет может выжидать, агитируя за московское советское правительство. Лозунг: власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным.

Победа обеспечена, и на девять десятых шансы, что бескровно.

Ждать — преступление перед революцией.

Привет *Н. Ленин.*

Взяв власть *сразу* и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно.*

Н. Ленин

*   *

*

Григорий Александрович
УСИЕВИЧ

Усиевич Г. А. (партийный псевдоним — Гр. Тинский) (1890—1918 гг.), участник борьбы за Советскую власть в Москве. Член КПСС с 1907 г. Родился в семье коммерсанта в местечке Хотиничи Мглинского уезда Черниговской губернии. В Тамбове, будучи гимназистом, включился в революционное движение. Вместе с В. Н. Подбельским организовал подпольный кружок молодежи, где изучали марксистскую литературу. Учился в Петербургском университете на юридическом факультете. В 1908 г. — член Петербургского комитета РСДРП. В январе 1910 г. арестован и в 1911 г. сослан на вечное поселение в Конский уезд Енисейской губернии. Находясь в ссылке, сотрудничал в газете «Правда»

и журнале «Просвещение». Летом 1914 г. Усиевич бежал из Сибири, затем эмигрировал за границу. В Цюрихе встретился с В. И. Лениным. 3 апреля 1917 г. вместе с В. И. Лениным вернулся в Россию. Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). С конца апреля 1917 г. работал в Москве: член Московского комитета РСДРП(б) и Исполкома Моссовета, гласный большевистской фракции городской думы. Делегат VI съезда партии. В дни Октябрьского вооруженного восстания в Москве входил в состав Московского Военно-революционного комитета и оперативного штаба по руководству военно-техническими вопросами. Возглавлял отряд Красной гвардии, который овладел городской телефонной станцией в Милютинском переулке (ныне улица Мархлевского). Участник гражданской войны. 9 августа 1918 г. Усиевич погиб в бою под селом Горки (ныне Камышловский район Свердловской области).

* * *

Во главе Московского ВРК [1]

Григорий в одной группе с В. И. Лениным ехал через Германию в Стокгольм, а оттуда в одном вагоне возвращался в Петроград.

Долгая и чреватая разными неожиданностями дорога домой позволяла Григорию постоянно общаться с Владимиром Ильичем и видеть, с каким нетерпением ожидал вождь прибытия в город революции. Поезд мчался быстро, а казалось, что он еле-еле ползет. Ильич часто выходил из купе и подолгу стоял у окна, всматриваясь вдаль.

«Скорее, скорее, скорее!» — говорила вся его фигура. «Скорее, скорее, скорее...» — думал и Григорий Александрович...

Надежда Константиновна Крупская вспоминала, как возбужденный и радостный Усиевич, высунувшись в окно вагона, кричал: «Да здравствует мировая революция!»[2]

И вот под вечер 3 апреля они в Питере. Рабочие и матросы радостно встретили В. И. Ленина.

«Да здравствует социалистическая революция!» — прогремел на всю страну призыв вождя, вновь вставшего у руля революции.

«Да здравствует Ленин!» — неслось в ответ со всех сторон.

Быстро проходят первые дни в Питере.

— Вам надо поехать в Москву,— обращается к Григорию Владимир Ильич.— Нужно рассказать московскому пролета-

[1] Автор очерка В. А. Кондратьев.

[2] См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти т. М., 1979, т. 1, с. 448.

риату о нашей конференции [1], о задачах предстоящей борьбы на втором этапе революции.

Гордый заданием вождя, он мчится в Москву. Прямо с вокзала попадает на митинг у памятника Скобелеву напротив здания Московского Совета. С импровизированной трибуны выступал оратор в добротном пальто с каракулевым воротником.

— Мы призываем вас, господа, поддерживать демократию,— разносились его слова.— Временное правительство заботится о рабочих и готовит новые законы...

— Даешь восьмичасовой рабочий день, долой войну! — прервали оратора из толпы.— Довольно брехни!

— Долой! Долой! — загремело кругом.

Григорий протиснулся к трибуне и помог стащить незадачливого оратора. Поднявшись на его место, он начал говорить.

— Товарищи москвичи! Я только что из Питера. Я привез вам привет от Ленина, вождя большевиков — единственной партии, которая борется за народное дело.

Толпа притихла, сосредоточенно ловя каждое его слово.

— Большевики поддерживают все требования рабочих и зовут их на решительную борьбу с угнетателями. Мы провозглашаем: «Долой войну, долой министров-капиталистов, хлеба, свободу народу!»

— Хоть и в очках, а говорит по-нашему, по-рабочему,— одобрительно отзывались рабочие, стоявшие у трибуны.

Привлеченные страстной речью большевистского оратора, прохожие присоединялись к митингу и теснее окружали Григория.

Свою речь он закончил ленинским призывом: «Да здравствует социалистическая революция!»

Московские большевики кооптировали Усиевича в городской комитет, и 23 апреля он уже участвует в заседании МК. При обсуждении вопроса о выборах в городскую думу Григорий отстаивал составление отдельного большевистского списка для голосования и выступил против блока с меньшевиками и эсерами.

На общегородской конференции партии, которая состоялась 10 мая в здании кинотеатра «Художественный», обсуждался аграрный вопрос. От решения этого вопроса во многом зависела судьба революции. С большой речью на конференции выступил Григорий Александрович.

[1] Речь идет о 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), состоявшейся 24—29 апреля 1917 года в Петрограде.

— Я поддерживаю взгляды Ленина по аграрному вопросу,— начал он.— Мы, как большевики, надеемся только на пролетарские и полупролетарские слои деревни, на так называемых однолошадных и безлошадных крестьян, которые раньше составляли до 60 процентов деревни, а сейчас их число возросло, вероятно, до 70—75 процентов.

Имя Ленина все чаще стало появляться на страницах газет, оно уже не сходило с уст людей. Московские большевики настойчиво разъясняли правоту Ленина, несли его пламенные призывы в массы. По заданию МК Григорий Александрович составил доклад о жизни и деятельности В. И. Ленина и часто выступал с ним перед массовыми аудиториями.

Перед нами пожелтевшие от времени страницы газеты московских большевиков «Социал-демократ» от 20 мая 1917 года. В одной из резолюций, напечатанных здесь, читаем: «Собрание (500 чел.) Городского района, выслушав доклад тов. Усиевича о Ленине и русской революции, постановило приветствовать т. Ленина, своего идейного вождя, стойко защищающего интересы рабочего класса и высоко держащего знамя революционного Интернационала».

В конце мая на улицах города, на афишных тумбах появились новые объявления. В них МК и Областное бюро ЦК большевиков извещали, что вскоре в Сергиевском народном доме состоится публичный доклад Г. А. Усиевича на тему «Ленин и русская революция».

Интерес к докладу оказался столь велик, что уже в день объявления о нем все билеты в Народный дом были проданы. МК и Областное бюро ЦК были вынуждены дать второе объявление о том, что доклад Г. А. Усиевича будет повторен в четверг, 8 июня.

С докладом «Ленин и русская революция» Усиевич выступал десятки раз, и все же невозможно было удовлетворить живой интерес населения к этой теме.

Все сталкивающиеся с Усиевичем товарищи чувствовали громадную силу воли этого человека, его исключительную целеустремленность, глубочайшую партийную убежденность. Жена и друг Григория Александровича Елена Феликсовна Усиевич вспоминала:

«Он обладал удивительным свойством: всякий, с кем бы он ни сталкивался, как-то невольно оборачивался к нему самой лучшей своей стороной. И он был ко всякому внимателен, заботлив. Какая-то детская нежность была в его отношении к людям.

А каким был Усиевич на трибуне! В жарких спорах с меньшевиками и эсерами он проявил себя блестящим, беспощад-

ным оратором... А как увлекал он за собой массы! Не прошло и нескольких недель после его приезда в Москву, как уже солдаты Московского гарнизона не хотели слушать никаких ораторов, во что бы то ни стало требуя: «Усиевича!» Огромное доверие он приобрел среди рабочих и солдатских масс...

Носясь по всей Москве и проводя массовые митинги, устраиваемые нашей партией, он в то же время умел срывать попытки других партий привлечь на свою сторону рабочих и солдат. Я бы сказала, что он делал это прямо-таки изящно. Помню один митинг в помещении цирка, если не ошибаюсь, устроенный кадетами. Первые ряды занимала московская буржуазия, разряженные дамы, вылощенные «земгусары» и прочая публика. Но дальше виднелась плотная масса завлеченных сюда рабочих и солдат. Когда Григорий Александрович громовым голосом потребовал слова и внезапно появился на трибуне, худощавый, со своей близорукой, сияющей улыбкой на лице, какая-то дама в первых рядах с удивлением воскликнула:

— Боже мой! Такой симпатичный — и большевик!

— Мы все такие,— ответил он, кланяясь ей с обаятельнейшей из своих улыбок... И тут же, обращаясь к рабочим, принялся громить и разоблачать выборные махинации буржуазии, направленные на обман народа. После этого он, не оглядываясь, вышел, а за ним повалила толпа рабочих. Буржуазные дельцы остались в своей компании, так сказать, и это сделало митинг совершенно ненужным, он был сорван...»[1]

По поручению МК Усиевич много внимания уделял продовольственному вопросу города. Он — делегат от большевиков Москвы на Всероссийском продовольственном съезде, созванном в Петрограде в мае 1917 года.

Г. А. Усиевич выступал на этом съезде и вскоре писал в московскую большевистскую газету «Социал-демократ»: «Продовольственный съезд лишний раз подтвердил, что кризис, переживаемый Россией, не может быть устранен без коренной ломки всего буржуазного строя... Министры Временного правительства, меньшевики и эсеры — представители Петроградского Совета в тумане слов не смогли скрыть своего единства. И только Ногин, выступавший от имени большевиков, выступал от имени трудящихся».

«Только революционная власть пролетариев и полупролетариев, развернув революционную борьбу за социализм, проведя целый ряд решительных, переходных к социализму

[1] Герои Октября. М., 1967, с. 170—171.

мер, сможет разрешить продовольственный кризис» — так заканчивалась эта статья.

Как член МК, Григорий Александрович был ответственным за проведение выборной кампании в городскую думу. Дума могла стать удобной трибуной для проведения в жизнь лозунгов партии и разоблачения соглашателей.

Накануне выборов в думу — а они должны были состояться 25 июня — мелкобуржуазные партии развернули бешеную агитацию. На улицах все чаще появлялись листовки с призывом: «Граждане! Не голосуйте за список № 5. Это большевики!!!»

Несмотря на огромную работу в массах, выборы дали победу эсерам, кадетам и меньшевикам. Большевики получили только 23 места. Это свидетельствовало о том, что значительная часть трудящихся Москвы еще находилась в плену мелкобуржуазных иллюзий, оборонческих настроений. Большевики, войдя в думу, образовали свою фракцию в составе И. И. Скворцова-Степанова, М. С. Ольминского, Г. А. Усиевича и других и развернули агитационно-пропагандистскую работу в самых широких слоях трудящихся.

По заданию МК большевиков Григорий Усиевич объезжает большие и малые предприятия города, сплачивает рабочих, организует большевистские фабрично-заводские комитеты. Это по его инициативе в июне открылась конференция заводских и фабричных комитетов Басманного района. На этой конференции Усиевич выступил с докладом о роли фабзавкомов в связи с финансово-экономической разрухой в стране.

— В стране разруха,— говорил он перед собравшимися.— Эту разруху усиливает все продолжающаяся война и новое явление — локауты предпринимателей. Локаутами хотят задушить революцию...

— Что же делать? — спрашивает у притихшего зала Григорий Александрович. И отвечает:

— Единственным действенным средством борьбы с этой разрухой является контроль над производством и распределением со стороны Советов и фабзавкомов.

За резолюцию, предложенную Усиевичем, голосовал 51 представитель фабрик и заводов района, против — 14 и двое воздержались. Большевистские резолюции были приняты и по всем другим вопросам конференции.

Через несколько дней аналогичные резолюции принимались рабочими почти всех московских предприятий. И на многих из них сумел побывать Григорий Александрович и выступить перед рабочими. В эти дни, вспоминают его товарищи, он буквально не спал и сильно охрип от речей.

После расстрела Временным правительством мирной демонстрации 3—4 июля в Петрограде он назначается в так называемую советскую комиссию МК, в составе которой вместе с Н. Н. Прямиковым и другими видными московскими большевиками много работает по укреплению позиций партии в Советах.

В августе Григория Александровича избирают ответственным секретарем Совета рабочих депутатов Городского района. Под его руководством проводятся бойкот меньшевистско-эсеровского сговора с Временным правительством, демонстрации и митинги против созыва Московского совещания контрреволюционных сил. В субботу, 12 августа, в день открытия совещания, рабочие и служащие Москвы по призыву большевиков провели однодневную всеобщую забастовку.

В начале октября в районах начали работу только что избранные районные думы. В Бутырском районе в состав думы вошло много большевиков. Председателем думы был избран Усиевич. Большевик во главе думы! Не отражало ли это веление времени? Да, так оно и было. Первое заседание думы прошло при большом стечении народа. Молодой председатель умело вел заседание и поразил всех своей решительностью и деловитостью. Гласные-меньшевики не смогли провести ни одного своего предложения.

Большую роль сыграл Григорий и в организации отрядов Красной гвардии, в вооружении рабочих. И когда в Петрограде началось восстание, он с радостью сообщал об этом на фабриках и заводах и призывал привести в боевую готовность красногвардейские отряды. 25 октября Усиевича избрали членом Московского Военно-революционного комитета.

К вечеру 25 октября за подписью Усиевича, как члена МВРК, вышло несколько важных документов — приказов, предписаний [1].

Утром 26 октября он вызвал П. Ф. Федотова [2], солдата-двинца:

— Организуйте штаб разведки при ВРК,— распорядился Григорий Александрович.— Во что бы то ни стало нужно провести солдат-двинцев к Московскому Совету.

Прошел всего лишь час, а Петр Федотов уже прислал в ВРК первые свои донесения.

[1] См.: Московский Военно-революционный комитет. Октябрь — ноябрь 1917 года. М., 1968, с. 29, 82, 165, 213 и др.

[2] Федотов П. Ф. (1887—1962) — член КПСС с 1912 года. Рабочий-сапожник. В дни Октябрьского вооруженного восстания — заместитель председателя разведки Московского ВРК и его оперативного штаба.

Все время на ногах, с воспаленными глазами, Григорий Александрович день и ночь среди восставших. Это под его руководством работал арсенал ВРК и производилось снабжение рабочих оружием.

В дни восстания Усиевич, стремясь к меньшему кровопролитию, поверил в пользу перемирия с контрреволюционерами, которое было заключено при его участии 29 октября. Когда же юнкера нарушили это перемирие, он высказался за введение в бой артиллерии.

Шесть дней жестокой борьбы принесли победу Советам. 9 ноября Григорий Александрович выступил с докладом о деятельности Московского ВРК на соединенном заседании Московского Совета рабочих и Совета солдатских депутатов, собравшемся в Политехническом музее.

* * *

Из доклада Г. А. Усиевича 9 ноября 1917 г. Московским Советам о деятельности Московского ВРК [1]

Товарищи, Военно-революционный комитет Московских Советов р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] поручил мне приветствовать вас от имени Военно-революционного комитета и сделать доклад о его деятельности.

Две недели тому назад на заседании Московских Советов, заседании, которое отныне войдет в историю как важное заседание в истории человечества... вы избрали семь человек, которым было поручено руководство для активного поддержания петроградских товарищей.

Товарищи! После восьми дней борьбы, после двух недель тяжелой работы Военно-революционный комитет созывает общее собрание Советов, чтобы сделать доклад обо всем происшедшем.

Нужно сказать, что те семь человек, которые были вами выбраны в Военно-революционный комитет, едва в состоянии были вынести всю тяжесть работы, которая на них лежала. Вы знаете, какова была эта работа в восемь дней боевых действий; вы знаете, что Военно-революционный комитет мог ее сделать, конечно, только опираясь на народные

[1] Печатается с сокращениями по сборнику: Московский Военно-революционный комитет. Октябрь — ноябрь 1917 года, с. 231—247.

массы, опираясь на московских рабочих и Московский гарнизон. Только опираясь на эти силы, Военно-революционный комитет мог выполнить ту грандиозную задачу, которая перед ним стояла; только опираясь на всю народную массу, Военно-революционный комитет мог довести то дело, которое ему было поручено, до конца — до получения народом власти, до полной несомненной победы. Победа в том, что власть в Москве в настоящее время действительно находится в руках Советов рабочих и солдатских депутатов.

Вы помните, что на том заседании, на котором произошли выборы в комитет, намечались важные вопросы, намечались две основные линии: будем ли мы ожидать развития петроградских событий, или мы выступим на поддержку наших петроградских товарищей.

Подавляющее большинство Совета стало на точку зрения, на которую только могла встать революционная демократия: не ждать, пока наши петроградские братья будут разбиты, поддержать их всеми силами, которые у нас имеются, и помочь им одержать победу, чтобы власть Советов была распространена по всей России. Эту линию поддержало большинство Советов.

Меньшевики и эсеры стояли на той точке зрения, что необходимо московским товарищам ожидать того, что произойдет в Петрограде, и что нужно организовать общий демократический орган, в который должны войти представители земских и городских самоуправлений, который не будет вести борьбу, а станет следить за порядком и безопасностью московских граждан.

Для нас было ясно, что эта политика не встретит сочувствия у московских рабочих и солдат, ибо для нас, всех решительно, не было вопроса о том, чтобы можно было ждать. Ждать мы не могли, мы понимали, что поражение рабочих и солдат Петрограда было бы поражением русской революции, и мы бросили на чашку весов все наши силы, чтобы поддержать русскую революцию. Поэтому Военно-революционный комитет с первых шагов поставил себе задачей — всеми силами поддержать рабочих и солдат.

Вы знаете, что Военно-революционный комитет с первых шагов был ослаблен, что эсеры отказались от голосования резолюции на последнем заседании и отказались войти в Военно-революционный комитет. Тогда решено было Советами этот к[омитет] организовать, что меньшевики, два представителя которых решили войти в ВРК, на этом собрании заявили, что они войдут туда, чтобы идейно противодействовать тому, что решили проводить большевики, их гибельной

работе, а не для того, чтобы там активно действовать. Итак, в ВРК было четыре большевика, два меньшевика и один объединенец. Фактически всю тяжесть работы пришлось вынести на своих плечах четырем большевикам, а когда вышли из к[омитета] меньшевики, то и их двум заместителям. Фактически всю работу вынесли большевики, нужно определенно признать, что во всем движении, когда все рабочие и солдаты стали на защиту свободы, была одна партия, которая шла непрерывно с народом, это — партия большевиков.

Меньшевики колебались: то входили в к[омитет], то выходили. Они держались выжидательной политики, которую рекомендовали Советам. Они посредничали между Военно-революционным комитетом и «Комитетом общественной безопасности»[1], т. е. с нашими врагами; они хотели остановить кровопролитие, но участия на стороне рабочих не принимали.

Что касается эсеров, то, за исключением левого крыла, представители которого вошли в Военно-революционный комитет, они не принимали участия в работе к[омитета], а принимали в нем участие только отдельные лица, причем некоторые принимали самое большое и активное участие как в нашей общей работе, так и в боевых действиях. Зато большая часть эсеров принимала решительное участие в борьбе против нас в союзе с юнкерами и офицерами. (Голоса: «Позор!») Это те люди, которые вместе с офицерами расстреливали в эти дни солдат и красногвардейцев.

Очертив те условия, при которых приходилось вести борьбу Военно-революционному комитету, я перейду к изложению самой деятельности комитета.

Вы знаете, что в самый решительный момент, когда Военно-революционный комитет уже организовался, он стоял без всяких реальных сил. Когда он отправился с заседания Советов в 12 часов ночи [2] в генерал-губернаторский дом, то в его руках была небольшая команда самокатчиков и больше никакой реальной вооруженной силы у него не было. Ясно, что в первый момент для нас необходимо было приложить все усилия, чтобы не дать взять Советы и Военно-революционный комитет врасплох. Мы знали, что юнкера мобилизуются, что их мобилизуют, чтобы двинуть. И для того, чтобы они

[1] «Комитеты общественной безопасности» — контрреволюционные организации. Созданы во многих городах России в октябре — ноябре 1917 года для борьбы против социалистической революции. В Москве «Комитет общественной безопасности» был создан при городской думе 25 октября 1917 года во главе с городским головой В. В. Рудневым.

[2] Речь идет о вечернем заседании Московских Советов рабочих и солдатских депутатов 25 октября 1917 года.

пошли против Советов, достаточно было приказа их штаба, а нам нужно было еще собрать силы.

Собственно, мы знали, что хотя за нами громадное большинство Московского гарнизона, что хотя за нас стояло громадное большинство рабочих, но это большинство было почти безоружно. Три четверти Московского гарнизона не имело оружия. Красная гвардия была в зачаточном состоянии. Поэтому первые действия, которые были предприняты Военно-революционным комитетом,— это вооружение солдат и рабочих.

Оружие мы могли получить только из Арсенала. Другого оружия не было. Арсенал охранялся нашим полком, 56-м, и мы могли оружие получить во всякое время.

Но пока Военно-революционный комитет призывал верные ему солдатские части, на которые можно было рассчитывать сразу, пока он готовил эти части к выступлению, нами были получены сведения, что по приказу военного округа юнкера направляются к Кремлю, и мы в этот момент почти проиграли бой, потому что когда наши солдаты отправились в Кремль получить оружие, то оказалось, что все оружие было уже забрано юнкерами и были арестованы те части, которые защищали Кремль. С другой стороны, юнкера и офицеры были вооружены с ног до головы. Мы с первых шагов действовали так, чтобы избежать кровопролития, чтобы не было пролития братской крови, но мы ничего не могли сделать, когда, например, велись переговоры нашим представителем Мураловым [1] с поручиком Ровным, который обещал юнкеров убрать. Фактически вышло так, что они остались у Кремля. Юнкера арестовали наши автомобили и тех солдат, которые поехали за оружием; это было первое враждебное действие. Ясно, что раз наши противники были вооружены до зубов, то мы должны были приложить все усилия, чтобы это оружие получить, поэтому мы дали приказ всем частям, на которые мы рассчитывали и у которых было оружие, чтобы они выступили на помощь 56-му полку, и еще и потому, что от них мы получили известие, что они не смогут долго продержаться, если не получат поддержки. Мы не могли допустить, чтобы они погибли, и мы приняли все меры, чтобы все наши части направились к Кремлю, чтобы заставить юнкеров оттуда удалиться.

На другой день начались предательские действия юнкеров, которые двигались к Совету р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]. Этот отряд стоял у Кремля и не посмел напасть на

[1] Муралов Н. И.— член Московского ВРК.

наши части, а когда к нему подошла небольшая кучка двинцев, то они открыли по ним стрельбу.

Это была первая кровь, это было первое боевое столкновение, и вина его падает всецело на головы тех юнкеров, которые начали его, и на головы людей, которые стояли за ними. Это был сигнал для боевых действий. После этого начались столкновения вокруг Кремля по всей линии.

В это самое время у нас явилась надежда на то, что удастся все-таки избегнуть кровопролития. В это самое время к нам в Военно-революционный комитет пришли три эсера: два от С[овета] с[олдатских] д[епутатов] и один от С[овета] р[абочих] д[епутатов]. Они собрались в ВРК выяснить условия положения, с тем чтобы эсеры стали действовать с нами. Переговоры с этими представителями вел я, и мы достигли полного соглашения. Те условия, которые были приняты мною и теми тремя эсерами, которые вели переговоры, эти условия были приняты и Военно-революционным комитетом. Условия касались главным образом организации революционного органа власти, в который входила бы наша «семерка» и 10 представителей от других организаций, но чтобы перевес принадлежал все-таки большевикам. Там шел разговор о принципиальном соглашении, и это соглашение было достигнуто. На почве этого соглашения я отправился вместе с другими товарищами в Совет солдатских депутатов. Несмотря на то что [его] Исполнительный комитет, где принят был ряд решительных шагов против нашего Революционного комитета, несмотря на то что Президиум Совета солдатских депутатов рассылал телефонограммы по частям, чтобы они не подчинялись Военно-революционному комитету, несмотря на то что они послали своего представителя в «Комитет общественной безопасности»,— мы отправились туда, вступили с ними в переговоры, и, казалось, соглашение возможно, что оно будет достигнуто.

Насколько уже всем казалось тогда, что соглашение близко к осуществлению, видно из того, что после этого многие представители всех фракций — и большевики и меньшевики, эсеры и беспартийные — отправились вместе на гарнизонное собрание, которое было здесь назначено. Относительно этого гарнизонного собрания — раньше его назначил Президиум С[овета] с[олдатских] д[епутатов], потом он его отменил, но Военно-революционным комитетом были разосланы телефонограммы, чтобы собрание состоялось. На собрании было более 2 тысяч человек.

На это собрание мы отправились все вместе, потому что мы полагали, судя по заявлению представителей фракции

и Исполнительного комитета С[овета] с[олдатских] д[епутатов], что все с этим проектом согласны. Что все были согласны, видно из того, что мне, большевику, было поручено сделать от имени всех фракций доклад о положении дел и о том, что соглашение почти состоялось и что, таким образом, кровопролитие нам удалось предотвратить. Это сообщение я и сделал на гарнизонном собрании.

Но, увы, товарищи, оказалось, что все это был только мыльный пузырь: на деле оказалось, что левая часть социалистов-революционеров, которая шла на это соглашение, не оказалась достаточно сильной, силы оказались в руках правой части эсеров городской думы, и эта правая часть не шла ни на какие соглашения, она требовала ареста Военно-революционного комитета. Вот те ультимативные требования, которые выставляла правая часть.

Разумеется, на таких условиях никакое соглашение не было возможно.

Наши товарищи — Ногин и другие — отправились в это время в Кремль для того, чтобы там договориться с подполковником Рябцевым [1] и представителями эсеров в думе о том, чтобы не допустить кровопролития, чтобы не вводить юнкеров в Кремль и чтобы оставить охранять Арсенал 56-й полк. Таким образом, казалось, что переговоры налаживаются. Мы шли во всем навстречу в этих переговорах.

Конечно, товарищи, это было необходимо, но, ведя эти переговоры, мы все-таки поставили на ноги весь Московский гарнизон. Это было необходимо, потому что, с одной стороны, мы имели вооруженную силу юнкеров против невооруженной силы солдат и рабочих. Ясно — для того чтобы с нами считались как с силой и чтобы Рябцев, Руднев [2] и другие не думали, что они могут диктовать какие угодно условия, мы мобилизовали все свои силы, и силы были мобилизованы. Они были готовы по первому сигналу пойти в бой, но мы, товарищи, повторяю, всеми средствами этого боя избегали.

На этом гарнизонном собрании, на котором мы [не] пришли к соглашению с эсерами, было ясно, что гарнизон будет на нашей стороне, и нам было легко вынести какое угодно постановление. Ясно было, что солдаты признают только власть Военно-революционного комитета, но мы этого не сделали, рассчитывая на соглашение. Но в конце собрания мы получили известие, что Рябцев объявляет на военном положении Москву и предъявляет нам ультиматум сдаться в течение

[1] Речь идет о полковнике К. И. Рябцеве, командующем войсками Московского военного округа.

[2] Руднев В. В.— правый эсер, председатель Московской городской думы.

15 минут. Вот что нам ответили эти господа на все наши разговоры, на все наши предложения. После этого мы спешно распустили наше гарнизонное собрание, призвав товарищей солдат быть готовыми к боевому выступлению, если это нам понадобится. У нас была надежда достичь мирным путем соглашения, но это оказалось мифом.

Затем в дальнейшем оказалось, что левые эсеры продолжали стоять на этой позиции, но думские эсеры требовали в лице городской думы, которая выступила против ВРК, чтобы был создан общедемократический орган; мы, конечно, товарищи, на это пойти не могли. Все переговоры, которые велись при посредстве меньшевиков и эсеров, не удались. Они совершенно не желали разговаривать с нами, не желали сговориться с нами на этих условиях.

Был, товарищи, очень тягостный час, когда из Военно-революционного комитета т. Ногин вел переговоры с Рудневым и Рябцевым. Я бы сказал тогда, что этого не следовало бы делать, чтобы та сторона не ставила бы нам унизительных условий об аресте Военно-революционного комитета и о разоружении частей. Это был вопрос о бое, и мы, товарищи, должны были бой принять.

Я уже сказал, что мы предложили соглашение на основе объединения революционного советского органа, в который входят семь представителей от Совета и 10 представителей от разных других организаций, с тем чтобы в этом органе было девять большевиков и восемь представителей других партий. Это основание для соглашения было отвергнуто, и они предъявили ультиматум, о котором я вам заявил. Этот ультиматум мы отвергли, и, таким образом, боевые действия начались.

Я, товарищи, не буду говорить вам подробно о всем ходе боевых действий в течение недели. В течение этой недели опять-таки неоднократно начинались и возобновлялись и опять-таки не приводили ни к чему переговоры о соглашении. В этих переговорах принимали участие меньшевики, объединенцы, левые эсеры, Всероссийский железнодорожный союз [1]. Я не буду подробно останавливаться на этих переговорах, укажу только, что эти переговоры ни к чему не приводили, потому что та платформа, которую мы предлагали, которая была единственно приемлемой,— создание советского революционного органа — решительно и категорически отвергалась противоположной стороной.

[1] Всероссийский исполнительный комитет ж.-д. профсоюза (Викжель) в дни Октябрьской революции стал одним из контрреволюционных центров.

Григорий Александрович
УСИЕВИЧ

Нам ставили упреки с двух сторон. С одной стороны нам говорили, что мы слишком неустойчивы, что мы ведем авантюристскую политику, что мы идем к кровопролитию. Так говорили меньшевики и др. С другой стороны, наша масса — рабочие и солдаты — они все время, я должен это сказать, упрекали Революционный комитет в медлительности, упрекали в нерешительности действий. Я должен отбросить обвинения с той и с другой стороны. Я должен сказать, что Военно-революционный комитет действовал таким образом, как подсказывала обстановка. Иначе он действовать не мог.

По вопросу о том, что будто бы мы толкали к кровопролитию, я сказал, товарищи, что в первый и второй день мы исчерпали все средства, которые были в нашем распоряжении, для того чтобы избегнуть кровопролития.

Когда борьба началась, мы решили применять самые решительные средства. Я скажу вам опять-таки, что в третий и четвертый день борьбы у нас была надежда, что удастся покончить дело без большого кровопролития, но эта надежда оказалась тщетной.

Было заключено перемирие, но и это перемирие фактически не состоялось. Не состоялось фактически перемирие потому, что обе стороны, юнкера и офицеры, с одной стороны, наши солдаты и рабочие — с другой, были в это время настолько озлоблены, настолько разъединены той кровью, которая была пролита, что ни о каком перемирии не могло быть и речи.

На нас сыпалось много нареканий с обеих сторон. Со стороны рабочих и солдат, что этого перемирия не нужно было заключать. Я опять-таки, товарищи, говорю, что если Военно-революционный комитет заключил перемирие, что если Военно-революционный комитет вел все время эти переговоры, то он делал это исключительно с целью избежать кровопролития или сделать его возможно меньшим. Это перемирие ни к чему не привело, и его фактически не было.

После перемирия силы склонились целиком на нашу сторону. После перемирия стало ясно, что победа склоняется на сторону рабочих и солдат. И тут мы полагали, что есть еще возможность сговориться. Мы все время не прерывали этих переговоров, при помощи Викжеля и при помощи объединенцев и левых эсеров. Переговоры все время велись, но эти переговоры ни к чему не приводили.

Когда выяснилась окончательная невозможность соглашения, мы вынуждены были перейти к самым энергичным мерам, мы вынуждены были приступить к артиллерийской бомбардировке.

Григорий Александрович
УСИЕВИЧ

Орудие революционных сил
у Крымского моста

Я, товарищи, должен вам сказать следующее. По этому вопросу нас обвиняли с двух сторон. Одна сторона говорила, что это варварство, что бомбардировку ни в коем случае нельзя было допускать. С другой стороны, наши солдаты и рабочие оказывали всякое давление на Революционный комитет и говорили, что вы жалеете камни и не жалеете людей — наших людей расстреливают из всех домов, расстреливают из пулеметов со всех сторон, и приходят известия, что на помощь юнкерам идут казачьи и всякие другие части. От нас требовали этих решительных действий, чтобы сокрушить силу юнкеров и офицеров, чтобы обеспечить наш тыл. После долгих колебаний — я должен сказать, что колебания были долгие,— после долгих сомнений Военно-революционный комитет вынужден был отдать приказ о бомбардировке Кремля, ибо другого средства для окончания этой борьбы не было, ибо та борьба, которая велась на улицах, которая велась в закоулках, та партизанская война, которую вели наши враги против нас, грозила затянуться на неделю. Этого мы допустить не могли, потому что ясно было, что всякое затягивание войны вносило деморализацию в наши ряды и привело бы к тому, что мы получили бы полное поражение. Поэтому Военно-революционный комитет должен был прибегнуть к крайнему средству и бомбардировкой заставить врагов наших, юнкеров и офицеров, и думу сдаться.

Когда, товарищи, выяснилось, что вся сила на нашей стороне, господа из городской думы, тот же Руднев и Рябцев и

другие совершенно переменили тон. Руднев от имени «Комитета общественной безопасности» прислал письмо, в котором заявил, что военная борьба, боевые действия, по существу, кончены, что они переходят к политической борьбе с большевиками и просят указать, какие условия для мира мы выдвигаем.

Вам, товарищи, всем известен тот договор, который был заключен после этого предложения. Этот договор опять-таки вызвал самые большие нарекания со стороны наших воинов, со стороны солдатской и рабочей массы. Я не буду сейчас останавливаться на этом договоре. Дело прошлое. Я не буду говорить, почему Военно-революционный комитет пошел на уступки. Военно-революционный комитет и здесь пошел на уступки, вопреки требованиям масс, потому что желал избежать еще лишней крови и лишнего разрушения, а полная победа и без того была в наших руках. Поэтому Военно-революционный комитет счел возможным принять условия, которые были выгодны в известной степени для юнкеров и офицеров, которые давали им больше, чем они могли ожидать.

Но так как этот договор передал всю власть в распоряжение Военно-революционного комитета, так как этот договор предоставил нам полную возможность регулировать отношения в Москве в интересах демократии, в интересах рабочих и солдат, то Военно-революционный комитет на этот договор согласился.

...Военно-революционный комитет произвел громадную боевую и организационную работу. Военно-революционный комитет сделал много, страшно много ошибок, товарищи, в этом нет никакого сомнения. Но в процессе борьбы, в процессе боевого действия, когда нужно решать все неотложные вопросы, когда вместе с тем шел вопрос о жизни и смерти, когда шел вопрос о революции, эти ошибки должны были быть неизбежны. Ошибки могли быть большие.

Я надеюсь, что результаты показывают, что мы пришли к победе, что в общем та линия, которую вел Военно-революционный комитет, была правильна, и эта линия привела к тому, что власть в Москве находится в руках Советов. Эту власть мы сейчас передаем вам и от вас зависит, как с нею распорядиться в дальнейшем. (Аплодисменты.)

* *
*

Василий Матвеевич
ЛИХАЧЕВ

Лихачев В. М. (партийные псевдонимы — Влас, Карась) (1882—1924 гг.), один из руководителей Октябрьской революции в Москве. Член КПСС с 1902 г. Родился в семье приказчика лесопромышленника в г. Козьмодемьянске Казанской губернии (ныне Марийская АССР). Учился в Казанском земледельческом училище, из которого исключен за участие в студенческой политической демонстрации. Работал на лесных промыслах в Пермской губернии, где установил связи с политическими ссыльными, вел пропагандистскую работу среди рабочих. Был арестован и выслан в Уфимскую губернию. Идейное влияние на Лихачева оказала ленинская «Искра». Партийный организатор, член Восточного бюро

ЦК партии, Лихачев вел подпольную работу в Самаре (Куйбышев), Уфе, Казани, Нижнем Тагиле и других городах, неоднократно подвергался арестам царской охранки. Участник революции 1905—1907 гг. В 1907—1908 гг.— секретарь Московского комитета РСДРП. В годы реакции последовательно защищал ленинские организационные, теоретические и тактические принципы. В 1912 г. Лихачев бежал из сибирской ссылки, эмигрировал в США, был членом Американской социалистической партии. После Февральской революции 1917 г. возвратился в Россию. Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). С мая 1917 г.— секретарь Московского комитета РСДРП(б). 25 октября (7 ноября) 1917 г. под руководством Лихачева состоялось историческое заседание МК РСДРП(б), принявшее решение о создании Боевого партийного центра для руководства вооруженным восстанием в Москве. С 27 октября (9 ноября) 1917 г.— чрезвычайный комиссар Военно-революционного комитета Пресненского района в 1-й запасной артиллерийской бригаде, расположенной на Ходынке. Под командованием Лихачева артиллеристы громили важнейшие пункты контрреволюции. В дальнейшем — на советской и хозяйственной работе — первый председатель МСНХ. Умер в 1924 г. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

* * *

Товарищ Влас [1]

...Совсем недавно Лихачев покинул Америку и лишь месяц жил на родине. Но все прошлое словно осталось далеко позади.

Апрель 1917 года... Наверное, навсегда он запомнится, как самый яркий месяц в жизни. Первые дни внутренней растерянности, попытки вникнуть в события, постичь их. Встречи со старыми друзьями, стекавшимися со всех концов света, из тюрем и ссылок в Петроград. И наконец, личное знакомство с Владимиром Ильичем Лениным.

Все, что он слышал о Ленине раньше, образ, вставший перед ним из ленинских работ, всегда бывших путеводной нитью в его революционной судьбе, все бледнело перед тем, что думаешь и испытываешь, когда видишь, слышишь, говоришь с Ильичем.

На Петроградской общегородской конференции Российской социал-демократической рабочей партии большевиков в перерыве между заседаниями состоялся разговор товарища Власа с Владимиром Ильичем. С каким интересом расспра-

[1] Из книги: *Флорич Ф.* Ключи студеные. М., 1968.

шивал Ленин о положении в Соединенных Штатах, где ему не довелось побывать, как внимательно слушал рассказ о настроениях русской эмиграции, о той работе, какая проводилась большевиками среди русских рабочих в Америке.

Почти все делегаты от Московской партийной организации на Апрельской конференции были старыми соратниками и друзьями Лихачева. Вместе с ними он возвращался в Москву, как в свой родной дом. Ведь именно здесь он провел последние годы активной революционной работы в России...

Московский комитет направил Лихачева в Железнодорожный райком партии.

Как и другие московские большевики, он почти каждый день встречался с рабочими, разъяснял им решения 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), наметившей задачи дальнейшей революционной борьбы.

— Цель партии,— говорил он,— переход полной власти в стране в руки Советов рабочих и солдатских депутатов.

Рабочие Железнодорожного района выдвинули Василия Матвеевича своим представителем в Московский комитет партии.

19 мая на заседании МК и Областного бюро его избрали секретарем: московские большевики знали его непоколебимую преданность идеям марксизма, твердость убеждений, организаторские способности, умение вести за собой людей.

Спустя несколько дней Московский комитет провел смотр партийным силам. На собрании секретарей районных комитетов подсчитывались партийные ряды: численность всей городской организации превышала 10 тысяч — за короткий срок она выросла почти вдвое.

Московский комитет разместился в двух комнатах Капцовского училища в Леонтьевском переулке. Василий Матвеевич находился здесь с 11 часов утра до 2 дня и с 6 до 8 вечера по будням, а в воскресные дни — с 12 до 3 дня. В остальное время он ездил по районам, выступал на рабочих митингах, бывал в воинских частях, особенно часто в казармах 1-й запасной артиллерийской бригады.

Московские артиллеристы хорошо проявили себя еще в феврале. Когда пришла весть о свержении царя, солдаты сломали замки на оружейных цейхгаузах и стали раздавать оружие рабочим. Кто-то из солдат нашел красный платок и укрепил его на острие шашки. Тысячная солдатская масса двинулась к городской думе.

Теперь важно было, чтобы солдатская масса представляла себе цели нынешней борьбы уже не с самодержавием, а с Временным правительством. Добиться этого сейчас было

легче. Люди устали от войны, а она не прекращалась. Надежды на землю и мир не сбывались. Большевистская агитация и пропаганда встречала понимание и отклик в казармах.

...В комнатах, занимаемых Московским и Окружным комитетами, а также редакцией газеты «Социал-демократ», всегда было многолюдно. Приходили рабочие не только с московских предприятий, но и из Мытищ, Пушкина, Подольска, Коломны. Приезжали солдаты — посланцы с фронта. Люди шли за советом, просили снабдить литературой, помочь справиться с трудностями.

...По приезде в Москву Раиса Савельевна не без труда разыскала адрес, где мог находиться муж. Открыв дверь, она даже растерялась — комната полна народу, кто сидит на корточках, кто на кипе газет, а кто прямо на полу, разостлав пальто. Какой-то рослый солдат громко басил:

— Не хотим воевать, и баста! Пускай сами министры-капиталисты идут в наступление, пусть порастрясут жирок, толстопузые!

— Помилуй, брат, так как же они с такой комплекцией из окопа выскочат? — услышала Раиса Савельевна знакомый хрипловатый голос с ему одному присущей смешливой интонацией.

Солдат загоготал, присев на край стола. И тут только Раиса Савельевна разглядела своего мужа, а он увидел остановившуюся в дверях жену. Кинуться друг к другу нельзя было — так много людей сидело на полу.

— Ну вот, прибыло пополнение,— оправившись от радостной неожиданности, улыбнулся Лихачев...

Вечером Раиса Савельевна присутствовала на общегородской конференции партии. Лихачев, Обух [1] и Штернберг были избраны в президиум.

Василий Матвеевич сделал доклад об организационных вопросах и порядке выборов в Московский комитет.

О необходимости вступить в открытую борьбу с Временным правительством, которое готовится к новому наступлению на фронте, вместо того чтобы прекратить гибельную для России войну, говорил Штернберг.

Ломов в своем докладе охарактеризовал экономическое положение страны. Война привела к разрухе. Дезорганизован транспорт — четверть локомотивного состава полностью

[1] Обух В. А. (1870—1934) — член КПСС с 1894 года, старейший деятель революционного движения в России, участник трех революций в Москве. Врач. Принял активное участие в подготовке и проведении Октябрьской революции в Москве: член комиссии по организации Красной гвардии, Исполкома Московского Совета. Во время октябрьских боев — один из организаторов медицинской помощи красногвардейцам.

негодна, более половины паровозов испорчены, и нет рабочих рук для их ремонта. Не на чем вывозить образовавшиеся в Донецке залежи каменного угля, остается неиспользованной нефть. Резко сократились посевные площади — почти всю рабочую силу забрала война. Расстроены финансы страны, обесценен рубль.

Раиса Савельевна, только что вернувшаяся из Америки с третьей очередью эмигрантов, с болью в сердце слушала все это. Февральская революция сперва вызвала у эмигрантов надежды на перемены в политике, они стремились возвратиться на родину, думая, что застанут начало новой жизни. Однако все оставалось по-прежнему, политика Временного правительства вела страну к полному упадку. Да, нужна подлинная революция, социалистическая, которая приведет к миру, к коренным переменам в руководстве страной.

Под этим лозунгом Московская конференция решила провести всеобщую демонстрацию в Москве 18 июня. В этот же день должна была состояться демонстрация в Петрограде и в других крупных городах. А Керенский назначил 18 июня днем наступления русских войск на Юго-Западном фронте. Он рассчитывал на то, что победа соглашателей на съезде Советов обеспечит Временному правительству поддержку народных масс.

В комиссию по проведению демонстрации в Москве вошли четыре члена МК, в том числе его секретарь — Лихачев.

Москва бурлила. Во всех районах к сборным пунктам приходили тысячи рабочих и солдат Московского гарнизона. Во всех районах, на всех площадях города состоялись многолюдные митинги. Демонстранты несли лозунги: «Вся власть Советам!», «Хлеба, мира и свободы!», «Долой 10 министров-капиталистов!», «Против политики наступления!» Грандиозный митинг состоялся в центре, на Скобелевской площади [1], куда с Ходынки прибыли несколько тысяч рабочих и около 3 тысяч солдат.

На этом митинге выступали Лихачев и другие члены Московского комитета. С большим энтузиазмом была принята большевистская резолюция.

21 июня на заседании Московского комитета подводились итоги этой крупнейшей демонстрации, доказавшей, что у трудящейся и солдатской массы почти не осталось иллюзий насчет характера политики буржуазного правительства. Предпринятое им наступление на фронтах вызвало всеобщее возмущение...

[1] Ныне Советская площадь.

Из воспоминаний О. А. Пятницкого [1]

«Хорошее руководство и хорошую организацию познают не только во время побед, но главным образом во время поражения, во время упадка революционного настроения в массах. После июльского поражения, когда вся буржуазия и эсеровская и меньшевистская печать обливали нашу партию грязью, обвиняя в том, что мы немецкие шпионы, Московская организация сузилась, в ней осталась лишь самая сознательная часть рабочего класса Москвы, но с еще большей энергией она — Московская организация — боролась на заводах и фабриках против меньшевиков и с.-р.[2] под руководством МК и его секретаря товарища Власа».

Уже в августе 1917 года Московский комитет мог провести крупную забастовку против московского демократического совещания и мобилизовать весь рабочий класс Москвы против похода Корнилова. С этого момента Московская организация не только возвратила себе доверие рабочих Москвы, которым она пользовалась до июльских дней, но она уже стала организацией большинства рабочих и солдат Москвы. Надо отметить немаловажный факт того времени: вся Московская организация — от ячейки и фракции до Московского комитета — работала дружно, несмотря на то что внутри самой организации и в МК были разные оттенки в революционной работе. Дружно, в контакте со всей Московской организацией работала наша тогдашняя тяжелая артиллерия, наш набат — «Социал-демократ».

Тов. Влас был активным участником всех исторических событий 1917 года, в которых большевики играли исключительную роль. В июне он, как секретарь МК, проводит подготовку к VI полулегальному съезду партии, состоявшемуся в июле — августе 1917 года в Петрограде. В июле, когда «Соц.-демократу» грозила участь прекратить свой выход ввиду отказа типографии его печатать, МК была предпринята кампания по сбору фонда на приобретение собственной типографии. Эта кампания встретила сочувствие рабочих и солдатских масс — и в фонд типографии было собрано до 150 000 р.[3]

...Теплая августовская ночь. Москва, днем напоминающая растревоженный улей, сейчас пустынна и тиха.

[1] См.: *Леви Е.* Товарищ Влас. Биографический очерк, воспоминания и статьи. М., 1926, с. 69—70.
[2] Эсеров.
[3] *Леви Е.* Товарищ Влас, с. 70.

Василий Матвеевич и Раиса Савельевна идут по безлюдным бульварам домой, вернее, к дому Владимира Александровича Обуха, гостеприимно предоставившего им одну из комнат своей квартиры. Известный московский терапевт был одним из активнейших партийных работников Московской организации, сподвижником Ленина.

— Какое счастье,— сказала Раиса Савельевна,— что мы нашли здесь так много новых друзей...

— Для тебя они все новые,— улыбаясь, сказал Лихачев,— а для меня многие из них старые. Павел Мостовенко [1], комиссар автомобильной роты, помнишь, тот, кто был делегатом на VI съезде партии... И Андрей-большой, Бубнов [2],— старый друг, и начальник Красной гвардии Алексей Ведерников. А сколько еще других товарищей, с которыми связана моя московская жизнь десятилетней давности! Хотелось бы тебя поводить по всем местам, где я жил...

— По всем не надо, Вася, ведь дольше всего ты пробыл в Таганской тюрьме, а туда мне совсем не хочется.

Оба засмеялись. Как мало приходится им видеться в последние месяцы! С момента приезда жены в Москву Лихачев впервые выбрал время походить с ней по городу, да и ей тоже было не до прогулок — у пропагандистов Пресни работы по горло.

Они медленно шли об руку, наслаждаясь тишиной, любуясь красотой московских бульваров. И говорили о счастье. Оно было уже где-то близко, то счастье, которое нужнее всего. Каждый день приближал к победе. События сменялись с такой быстротой, что дни проходили, как мгновение, а оглянешься назад, и кажется, будто прошли годы — так велики перемены. Будто давным-давно отошли июльские дни, принесшие так много тревоги за будущее революции. Враги распоясались, повели наступление на большевиков. Ленину пришлось уйти в подполье, жизни его угрожала опасность. Нелегко было в этот период московским большевикам. Им запретили доступ в казармы. А как важно было агитировать солдатские массы, чтобы они отказывались от посылки на фронт, где захлебнулось авантюрное наступление, начатое по приказу Временного правительства. Напрасно оно думало, что Москва — более спокойное прибежище, чем Питер.

[1] Мостовенко П. Н. (1881—1939) — член КПСС с 1901 года, участник революции 1905—1907 годов и Октябрьской революции в Москве. Делегат VI съезда РСДРП(б). В Октябрьские дни 1917 года — кандидат в члены Московского ВРК, председатель Московского Совета солдатских депутатов.

[2] Бубнов А. С. (1883—1940) — член КПСС с 1903 года. Делегат 7-й (Апрельской) конференции и VI съезда РСДРП(б). Один из руководителей Октябрьской революции в Петрограде.

12 (25) августа, когда они проводили в Большом театре свое Государственное совещание, однодневная забастовка более чем 400-тысячного пролетариата Москвы парализовала всю жизнь в городе. Даже повара в «Метрополе» отказались кормить министров-капиталистов.

События последних дней с особой очевидностью показывали: массы отдают себе отчет в том, что близится пора взять власть в свои руки, что будет это нелегко, но свершится неизбежно. И еще они поняли: есть такая партия, которая может привести их к власти. Вот почему ряды ее росли не по дням, а по часам, вот почему большевики все больше мест занимали в Московском и районных Советах...

Когда утром 25 октября под председательством Лихачева шло заседание Московского комитета, в повестке дня было создание боевых центров партии и Московского Совета для руководства рвавшимися в бой рабочими и солдатами.

Из протокола заседания Московского комитета 25 октября 1917 года

«По первому вопросу Влас говорит: «Аппарат нужно немедленно создать. Необходимо выработать проект боевого органа; в начале он будет несовершенным, но по мере действий он оформится»[1].

...Никто еще не знал о выстреле «Авроры», о штурме Зимнего, об аресте Временного правительства. Накануне не работала телефонная связь с Петроградом. Но все участники этого собрания говорили о необходимости безотлагательного выступления.

В 11 часов 45 минут, в тот самый момент, когда Лихачев, предлагая немедленно создать боевые органы, говорил, что назрел момент и «сила за нами», в комнату буквально влетел взволнованный Алексей Степанович Ведерников и зачитал только что полученную от Ногина телефонограмму из Петрограда. Социалистическая революция свершилась!

Не терять ни минуты, действовать немедленно — таково было решение Московского комитета партии.

И начались бурные события.

...Об этих семи днях много писали историки, много вспоминали участники событий, немало страниц посвятили им писатели и поэты.

И все эти семь дней Василий Матвеевич Лихачев был в центре событий.

[1] *Леви Е.* Товарищ Влас, с. 71.

Василий Матвеевич
ЛИХАЧЕВ

Из воспоминаний Г. Голенко [1]

В один из дней октябрьских боев сидим в Московском Совете, несколько дней не спали. У большинства движения нервные, вид возбужденный. Появляется Влас: пробрался из Хамовников. Как всегда, спокоен, невозмутим. С характерной усмешкой, острит. Не знаю, как на других он подействовал, но я подтянулся [2].

...В один из самых трудных дней боев Московский комитет партии назначил Лихачева комиссаром при 1-й запасной артиллерийской бригаде. Он руководил ее выступлением, ее продвижением к центру. Артиллерия взяла в железное кольцо все опорные пункты врага. День ото дня это кольцо сжималось. И наконец наступил день, когда был выпущен последний снаряд, прозвучали последние выстрелы.

Это было 2 ноября 1917 года.

* * *

Учредительное собрание [3]
(Газета «Новый мир»[4], 21 марта 1917 года)

Свершилось. Лопнуло терпение обездоленного русского народа. Восстал он. Свергнул старый романовский дом. Сбросил ржавые цепи, мешавшие ему жить, расти, развиваться.

Великая революция, как лесной пожар охватившая всю Россию, вселила ужас в угнетателях, бодрость в угнетенных и поставила перед всем русским народом вопрос, имеющий

[1] Голенко Г. К. (1872—1942) — член КПСС с 1905 года. Активный участник трех революций в Москве. В Октябрьские дни 1917 года — секретарь Московского ВРК.

[2] *Леви Е.* Товарищ Влас, с. 70.

[3] Статья эта была написана В. М. Лихачевым в Америке вскоре по получении там первых сообщений о Февральской революции. Подробностей еще не было, размах движения был неизвестен. Но даже при этих условиях он на первый план выдвигает революционные требования в той форме, в какой это могло быть доступно читателям «Нового мира» — малоразвитым рабочим из крестьян-эмигрантов. В последних словах он имеет в виду идею диктатуры пролетариата и крестьянства, сторонником которой, как старый большевик, он всегда был. Через пять дней после опубликования этой статьи — 26 марта — В. М. Лихачев с первым же пароходом — «Христиания», отходящим из Нью-Йорка в Европу, уже сам ехал на поле битвы, на которое звал других. Статья печатается по тексту сборника: *Леви Е.* Товарищ Влас. Биографический очерк, воспоминания и статьи, с. 99—100.

[4] Эта газета издавалась русской колонией в Нью-Йорке. В. М. Лихачев принимал в ней деятельное участие. Статьи его были интересны, просты и доступны самому широкому кругу читателей. При участии Лихачева поднялся тираж газеты, она фактически перешла из рук меньшевиков в руки большевиков. Была избрана новая редакция, в которую вошли В. М. Лихачев и большевики из группы молодежи.

колоссальное, решающее значение для России, для всего мира.

В эти великие дни всем стало ясно, что народ сам должен взять свою судьбу в свои собственные руки. Насильники-опекуны должны дать отчет, предстать перед грозным судьей — русским народом. Самодержавие русского царя и его чиновников неизбежно заменяется народовластием.

«Пусть народ сам скажет, хочет ли он меня царем»,— ответил Михаил Романов, когда лакеи русской буржуазии предложили ему царскую корону.

И мог ли он сказать что-либо иное! Ибо разгневанный народ, срывая без его воли надетую корону, сорвет вместе с короной и царскую голову.

Итак, власть народа должны были признать все, даже враги его — вплоть до представителя романовского рода.

Теперь посмотрим, каким образом узнать волю народа; каким образом выполнить желание 180-миллионного населения России, разбросанного на протяжении десятков тысяч верст.

Еще в памятные дни русской революции 1905 года народные (крестьянские и рабочие) партии выдвинули требование созыва полновластного Учредительного собрания. И теперь под давлением восставших рабочих Временное правительство созывает народных представителей — Учредительное собрание.

Учредительное собрание должно быть созвано на основе всеобщего, прямого и тайного голосования. Всеобщего — все мужчины и женщины, достигшие 20 лет, могут принимать участие в выборах. Равного — каждый избиратель может быть выбран. Прямого — без всяких решет и сит. Кандидаты прямо должны выбираться в Учредительное собрание. Голосование должно быть тайным, чтобы богачи не могли запугать бедняка, заставить его голосовать, как они хотят.

Учредительное собрание должно быть полновластным (суверенным), то есть оно должно иметь право произвести изменения, какие только найдет нужными: отбирать земли царские, удельные, монастырские и прочие, наделять крестьян землей, с корнем вырвать дворянство и остатки крепостного права, выработать и провести в жизнь рабочее законодательство, установить, какой порядок, какое правительство должно быть на Руси; сложить свои полномочия, как только будут выбраны новые представители в законодательные учреждения.

Учредительное собрание действительно выполнит волю народа, если оно будет созвано при условии полной свободы

слова, печати, собраний. Должно быть выяснено, чего добиваются крестьяне, рабочие и буржуазия, чтобы каждый мог голосовать согласно своим интересам — интересам своего класса.

Чего нужно добиваться рабочим, чего будет добиваться социал-демократическая рабочая партия — об этом поговорим в следующий раз.

Такое Учредительное собрание может быть созвано только в том случае, если волны революционного движения не улягутся, если действительно революционное Временное правительство будет выдвинуто самим народом, готовым взять свою судьбу в собственные руки [1].

Лапатон [2].

* *
*

[1] Лозунг Учредительного собрания получил распространение в политической борьбе против самодержавия в начале XX века. Первой включила его в свою программу (1903 г.) РСДРП. Целью созыва Учредительного собрания в условиях победоносной демократической революции должна была стать реализация ближайших политических задач РСДРП, ее программы-минимум. Статья В. М. Лихачева была написана за две недели до исторических Апрельских тезисов В. И. Ленина, определивших государственную форму диктатуры пролетариата в условиях перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую как Республику Советов. По сравнению с парламентской республикой, которую должно было провозгласить Учредительное собрание, Республика Советов являлась более высокой формой демократии.

[2] Псевдоним, под которым В. М. Лихачев печатал свои статьи в журнале «Новый мир».

Ольга Афанасьевна
ВАРЕНЦОВА

Варенцова О. А. (партийные псевдонимы — Мария Ивановна, Екатерина Николаевна) (1862—1950 гг.), участница борьбы за Советскую власть в Москве.
Член КПСС с 1893 г.
Родилась в семье ткача в Иваново-Вознесенске. Окончила Высшие женские курсы в Москве. В революционном движении с 1884 г.; посещала народнические кружки, участвовала в студенческих волнениях. Агент и корреспондент ленинской «Искры». В 1901—1902 гг.— член ЦК и ответственный секретарь «Северного рабочего союза». В 1903—1905 гг. вела партийную работу в Астрахани, Вологде, Егорьевске, Ярославле. В период революции 1905—1907 гг.— на партийной работе в Московском окружкоме РСДРП,

затем в военных организациях Петербурга и Иваново-Вознесенска. В 1912—1913 гг. в Москве входила в «инициативную группу» по воссозданию МК РСДРП и организации большевистской газеты «Наш путь». Неоднократно подвергалась арестам и ссылкам.
После Февральской революции 1917 г.: с марта,— секретарь Военного бюро при МК РСДРП(б). Работала среди солдат Московского гарнизона, создавала в частях большевистские ячейки, участвовала в обучении красногвардейцев военному делу.
В дни Октябрьского вооруженного восстания — член боевой «тройки» Городского района Москвы, руководившей борьбой с контрреволюционерами, и штаба Красной гвардии.
После победы Октябрьской революции — член Бюро военных комиссаров. В 1919—1921 гг.— секретарь Иваново-Вознесенского губкома партии. В дальнейшем — на научной работе.

* * *

Военное бюро при Московском комитете РСДРП (большевиков) [1]

С первых же дней Февральской революции наша партия обратила самое серьезное внимание на работу среди армии. В февральско-мартовские дни рабочий класс увлек за собой армию в революционный поток. Совершилось единение солдат и рабочих. Армия перешла на сторону восставшего пролетариата, и самодержавный строй, казавшийся твердым как скала, сразу рухнул. Февральская революция обошлась очень дешево трудящимся массам. Этот опыт был учтен всеми партиями. И сейчас же после низвержения самодержавия между ними завязалась ожесточенная борьба за армию. Этой борьбой были окрашены первые месяцы революции. Все партии, оценивая армию как физическую материальную силу, которая могла решить ход и исход революционной борьбы, стремились идейно овладеть ею, расширить и укрепить свое влияние среди солдат для использования их в своих классовых интересах.

Для нашей партии работа в армии имела и еще одно не менее важное значение. Представлялся крайне благоприятный момент через армию связаться с деревней, создать опору среди крестьянства. Наша армия состояла из крестьян, миллионы которых империалистическая война вырвала из деревни,

[1] Воспоминания О. А. Варенцовой печатаются по книге: Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957, с. 346—358.

поставила под ружье, бросила в города, где кипела ожесточенная классовая борьба. Деревня как будто придвинулась к рабочему классу, который выступал организованно под знаменем социализма. Наша партия должна была использовать этот момент. Вырывая армию из-под влияния буржуазных партий, она в то же время укрепляла свои позиции в деревне.

Для разрешения вышеуказанных задач были созданы после февральского переворота Военные организации при Московском и Петроградском комитетах, а затем Военное бюро при Центральном Комитете партии для руководства работой в армии в общероссийском масштабе.

Московский комитет (большевиков) в первые же дни своего открытого существования решил создать Военное бюро для работы среди солдат Московского гарнизона, поручив его организацию Станиславу [1]. Бюро приходилось строить сверху. По уставу Военной организации, выработанному позднее, Военное бюро выбиралось на собрании представителей партийных организаций воинских частей и учреждений. Но тогда еще не было не только военной организации, которую надо было строить заново, но и постоянных связей с воинскими частями. В распоряжении Московского комитета находились только бланки и печать Военного бюро...

В начале марта (1917 г.) я обратилась к секретарю Московского комитета Р. С. Землячке, выразив желание работать в Военной организации. Она предложила мне столковаться со Станиславом и указала еще на двух товарищей, желающих работать в Военной организации,— Федора Крюкова [2] и Сергея Лопашова [3] (оба офицеры). Станислав в течение нескольких дней в комитет не заглядывал. Между тем на уличных летучих митингах, быстро собиравшихся на всех площадях, у всех памятников, кадетские ораторы призывали к войне до победного конца, до полного сокрушения врага. Борьба обострялась. Медлить нельзя было. Мы втроем [4] решили начать работу. К половине марта Военное бюро окончательно сконструировалось: в него вошли А. Аросев, Ф. Крюков, С. Лопашов, Г. Коган, М. Шкирятов, пишущая эти строки и Швед. Я выбрана была секретарем. Военное бюро по своему организационному строению соответствовало району. Оно руководило партийной работой среди солдат

[1] А. В. Вольский.

[2] Крюков Ф. О.— см. сноску на с. 129.

[3] Лопашов С. А. (1881—1938) — член КПСС с 1904 года, участник Февральской и Октябрьской революций в Москве.

[4] Позднее в Военное бюро вошли В. Н. Василевский (в апреле) и Н. И. Смирнов (в мае).— *Прим. авт.*

Московского гарнизона и избиралось собранием представителей партийных организаций в воинских частях и учреждениях, причем от пяти организованных посылался один делегат и от каждой самостоятельной группы не менее одного представителя. В своей внутренней деятельности Военное бюро было автономно. Но выпуск листков и брошюр от его имени для распространения среди солдат допускался лишь по одобрении их текста Московским комитетом большевиков. Перед Военным бюро с первых дней его существования встали две задачи: организационная — создание партийных ячеек и выделение из них исполнительных коллективов в частях — и агитационная. Следует отметить, что первые месяцы революции Московский гарнизон всецело находился под влиянием мелкобуржуазных партий — эсеров и меньшевиков, что наглядно доказывали выборы в первый Совет солдатских депутатов, в который прошло только семь большевиков... А всего в солдатском Совете было более 400 депутатов. В составе полковых комитетов большевики тоже составляли ничтожный процент.

Эсеровско-меньшевистский Совет солдатских депутатов, стремясь оградить Московский гарнизон от «большевистской заразы», затруднял доступ в казармы нашим агитаторам. Чтобы попасть в казарму, агитатору необходимо было запастись мандатом от Президиума Совета, что не всегда удавалось.

Несмотря на все преграды, агитаторы Военного бюро проникали в казармы и вели там широкую агитацию. В Военное бюро ежедневно поступали требования от солдат разных воинских частей о присылке агитаторов, причем митинги устраивались солдатами-массовиками по собственному почину. В гарнизоне оказались бывшие рабочие-большевики [1]. Они и завязывали сношения с Московским комитетом и Военным бюро, устраивали митинги, приглашая на них большевистских агитаторов. При содействии этих солдат, старых большевиков, Военному бюро удалось в короткое время создать Военную организацию и развернуть широкую агитацию в казармах [2].

Одним из первых явился в Бюро Демидов с требованием прислать агитатора, причем заявил, что у них в мастерских тяжелой осадной артиллерии уже организована социал-де-

[1] Шорин в 56-м полку, Павлычев в 85-м полку, Крюков, Смирнов, Будзыньский в 55-м полку, Демидов в мастерских тяжелой осадной артиллерии, Блохин в автомобильной роте, и в других частях также нашлись рабочие-большевики.— *Прим. авт.*

[2] Особенно часто выступали на митингах А. Аросев, Г. Коган, М. Шкирятов и Ф. Крюков.— *Прим. авт.*

мократическая ячейка, из которой потом образовалась очень сильная и наиболее тесно связанная с Бюро организация. Затем в 55-м полку, где работал погибший потом от туберкулеза Сергей Крюков, партийная организация отличалась особенной серьезностью и деловитостью.

В июне месяце во всех полках, артиллерийских бригадах, автомобильных ротах и других воинских частях уже существовали партийные ячейки [1], представители которых принимали участие в выборах делегатов на Всероссийскую конференцию военных организаций, которая заседала в 20-х числах июня в Петрограде.

Большевистские лозунги находили живой отклик среди солдат Московского гарнизона. 18 июня на Ходынке состоялся солдатский митинг, на котором присутствовало до 3 тысяч человек (были и рабочие Бутырского района). Была принята большевистская резолюция. После митинга состоялась демонстрация (в ней приняла участие только часть участников митинга). Впереди несли знамя с лозунгом: «Вся власть Советам рабочих и крестьянских депутатов!» Затем следовало знамя Военной организации РСДРП(б) и остальные знамена с лозунгами: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Против политики наступления!» Шествие остановилось у Скобелевской площади, где был устроен митинг [2].

22 июня состоялся митинг солдат 1-й запасной артиллерийской бригады в количестве 8 тысяч человек. Собрание, выслушав делегатов с фронта и представителей от всех политических партий, приняло большевистскую резолюцию с резким осуждением политики Временного правительства. «В этот момент мы, рабочие и солдаты,— говорится в резолюции,— должны сплотиться в единую революционную силу, чтобы отбить всякое нападение наглеющей буржуазии. Мы должны создать собственную власть — власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Итак, большевистские лозунги воспринимаются уже солдатскими массами. Но выборы 25 июня в Московскую городскую думу наглядно показали, что Московский гарнизон далеко еще не освободился от мелкобуржуазных иллюзий.

[1] К сожалению, весь архив Военного бюро погиб во время взрыва в Леонтьевском переулке, и нет возможности восстановить численный состав организаций по отдельным воинским частям, а также численность собраний, избиравших делегатов на Всероссийскую конференцию.— *Прим. авт.*

[2] Московский комитет поднял вопрос об устройстве демонстрации в Москве и вел переговоры с Московским Советом. Последний, предполагая, что демонстрация пройдет под большевистскими лозунгами, запретил устройство общегородской демонстрации, но разрешил районные демонстрации, а на самом деле сорвал демонстрацию. Демонстрация на Ходынке была нарушением постановления Совета.— *Прим. авт.*

Подавляющее большинство его голосовало за эсеров и меньшевиков. Эсеры на этих выборах одержали победу.

Работа Военного бюро для фронта. Скоро Военному бюро пришлось раздвинуть рамки своей деятельности за пределы Московского гарнизона. Перед ним выдвинулась другая, не менее важная задача — удовлетворить настойчивые запросы фронта на литературу, установить прочные связи с последним.

Волны революции медленно и глухо докатывались до фронта. Солдаты, сидевшие в окопах на передовых позициях, были плохо осведомлены о событиях, совершавшихся внутри страны, питались больше слухами, иногда наивными, а иногда злостными. К своему командному составу они относились с недоверием. Буржуазные газеты, как «Русское слово», «Утро России», их тоже не удовлетворяли. Наиболее энергичные и сознательные из фронтовиков под разными предлогами добивались командировок или краткосрочных отпусков в Москву, в Петроград, чтобы здесь найти ответы на тревожившие их вопросы и запастись литературой. С первых дней существования Бюро солдаты-фронтовики сделались обычными ежедневными посетителями его. Часто они направлялись в Бюро из районов товарищами большевиками. Московский комитет в то время помещался в Капцовском училище и занимал одну небольшую комнату, в которой работали секретариат комитета, финансовое бюро, Московское областное бюро, Бюро социал-демократии Польши и Литвы, и здесь же за небольшим столиком помещалось и Военное бюро. Доступ в комитет и Бюро был совершенно открытый, свободный. Никаких пропусков не требовалось. С утра до позднего вечера в комитете было тесно и шумно, особенно у маленького столика Военного бюро. Иногда собиралось до десятка солдат с разных фронтов. Они информировали о настроении солдат в действующей армии, делились впечатлениями. Нередко завязывалась оживленная дискуссия. Фронтовиков больше всего и прежде всего интересовали вопросы о войне и мире, о наступлении, братании. Они заявляли, что армия устала, жаждет мира, но не знает, как добиться его. «Нас уверяют,— говорили солдаты,— что надо разбить германскую армию, а потом и мир. Правда ли это?»

Скоро в Военное бюро и редакцию «Социал-демократа» стали поступать письма с фронта с требованием литературы. Вот что писал один фронтовик: «Товарищи, вы забыли действующую армию. Мы читаем только буржуазную прессу. К нам приезжают только кадетские ораторы. Дальше Смоленска и Минска не проникает социал-демократическая лите-

ратура. Солдаты малосознательны и мало осведомлены. Всюду сеется рознь между солдатами и рабочими. Товарищи, посылайте литературу, посылайте своих представителей с требованием посылать делегатов от каждой части в тыловые организации. Устанавливайте тесную связь, иначе делу свободы грозит величайшая опасность». Другой товарищ с фронта пишет: «Просим вас выслать для наших стариков-ратников газету «Социал-демократ». Дайте ж свет для нашей жизни, а то мы сидим во тьме, не знаем, что творится внутри дорогой нам родины...» Такие письма получались ежедневно.

Фронтовиков приходилось снабжать литературой бесплатно. Но в распоряжении Военного бюро не было никаких средств, да и Московский комитет располагал ничтожными денежными суммами. Очутившись в таком тяжелом положении, Военное бюро обратилось за помощью к московским рабочим, призывая их жертвовать на литературу в окопы. Московский пролетариат живо откликнулся на этот призыв, и немедленно стали поступать пожертвования не только от рабочих Москвы, но и из области.

В 1917 году Первое мая праздновали по западноевропейскому стилю, то есть 18 апреля, но, чтобы не причинить ущерба производству, московские рабочие решили отработать ближайшее воскресенье (16 апреля), а весь заработок этого дня отдать на красный подарок армии, на приобретение литературы в окопы. Большевистские организации передавали заработок 16 апреля Военному бюро, но большая часть его была передана Совету. Касса Военного бюро сразу пополнилась, и явилась возможность снабжать фронт литературой бесплатно: начиная со второй половины апреля на фронт посылалось ежедневно в среднем не менее 3 тысяч экземпляров газет («Социал-демократ», «Правда», «Солдатская правда») и более тысячи брошюр и книг. Большая часть этой литературы передавалась непосредственно солдатам с фронта, делегированным своими организациями в Москву за получением литературы. Очень обильно снабжались литературой и маршевые роты, отправляемые из Москвы на фронт. Давали литературу и солдатам, возвращавшимся на фронт из отпусков и направляемым в Бюро партийными товарищами или районными организациями. Менее всего отправлялось посылками, так как они редко доходили по своему назначению... Велась с фронтом оживленная переписка. Число солдат с фронта, посетивших Военное бюро за время с 24 марта по 11 июня (1917 г.) и снабженных литературой, достигало 838 человек. Снабжались литературой не только фронт, но

и тыловые части, расположенные около Москвы,— Тверь, Троицко-Сергиевский Посад [1], Павловский Посад и проч.

Скоро Военное бюро при содействии солдат, приезжавших за литературой, и маршевых рот, отправляемых из Москвы, установило прочные сношения со всеми фронтами, за исключением Румынского и Кавказского, и поддерживало с некоторыми частями постоянную связь. В письмах, присылаемых с фронта, солдаты заявляли, что они считали большевиков какими-то разбойниками, врагами народа, германскими шпионами, как их изображали буржуазные газеты, и только ознакомившись с большевистскими газетами «Социал-демократ», «Солдатская правда» и с большевистскими листками, поняли, что такое большевики и чего они добиваются.

Рабочие очень дорожили единением с фронтом и стремились поддерживать и укреплять взаимное понимание. Рабочие завода Михельсона, пожертвовав Бюро значительную сумму на литературу в окопы, не ограничились этим, а решили направить на фронт делегацию от завода с литературой, собрав для этой цели более 4 тысяч рублей. Попасть на фронт рабочей делегации да еще с большевистской литературой в то время (в июне 1917 г.) было нелегко. Надо было запастись всевозможными мандатами, добиться разрешения для выезда на территорию действующей армии, но товарищи-михельсоновцы отличались упорством, настойчивостью и добились своего. Им удалось проникнуть на фронт, передать литературу непосредственно солдатам и вести там агитацию. Солдаты в своем письме, помещенном в «Социал-демократе», так выражают им свою признательность: «Комитет и все солдаты N-го отдельного полевого дивизиона, находящегося в действующей армии, глубоко благодарят революционный пролетариат завода Михельсона за пожертвованную литературу, которая многим тысячам солдат открыла глаза и принесла свет правды в освещение текущих событий переживаемой революционной эпохи». Такие пожертвования (более чем на 4 тысячи рублей) лишний раз показывали, насколько крепла идейная связь между революционным авангардом пролетариата и революционной армией солдат: никакие происки и клевета буржуазии не могли разъединить их пути в дальнейшем ходе революции. В сентябре и октябре, накануне переворота, Военное бюро осаждалось делегациями с фронта, представлявшими резолюции с требованиями передачи всей власти Советам, решительной борьбы за мир и перемирия на всех фронтах.

[1] Ныне г. Загорск.

Работа Военного бюро для деревни. Военное бюро в начале своей деятельности направляло литературу в деревню через солдат, отправляющихся в отпуска, но эти посылки имели случайный характер. Вообще, в первые месяцы революции наша партия мало захватила деревню, в особенности в земледельческих районах, где крестьянство находилось всецело под влиянием эсеров. Громадные же массы крестьянской бедноты оставались совершенно неорганизованными. Между тем приближались выборы в волостные и уездные земства. А затем в ноябре предстояли выборы в Учредительное собрание. С работой в деревне надо было спешить.

Военное бюро совместно с Областным бюро партии решило использовать для организации деревни городских рабочих и солдат, объединив их в большевистские землячества, чтобы через них руководить работой в деревне. Рабочие и солдаты имели тесную связь с деревней, часто ездили туда в отпуска. Надо было придать этим связям и сношениям организованный характер. На общем собрании Военной организации 30 июля 1917 года в докладе о волостном земстве был затронут и вопрос о землячествах, вызвавший серьезное внимание слушателей и решенный собранием в положительном смысле [1]. Общий интерес вызвало выступление делегата с фронта — эсера, который заявил, что все крестьяне еще считают себя эсерами, но уже между крестьянами и партией эсеров образовалась трещина. Крестьяне недовольны, что партия затягивает разрешение земельного вопроса, убеждая крестьян не брать земли и дожидаться Учредительного собрания. Солдаты, выступавшие на собрании, подчеркивали, что крестьяне под влиянием эсеровской агитации враждебно относятся к большевикам, но вопросы о земле, о власти решаются по-большевистски. На этом же собрании обсуждался вопрос об издании крестьянско-солдатской газеты. Была вынесена следующая резолюция: «Собрание признает выпуск газеты совершенно необходимым и поручает Военному бюро немедленно войти в сношение с Московским комитетом для окончательного утверждения проекта программы и организации издания». Но газета появилась в свет только 4 октября под названием «Деревенская правда». Это была живая, интересная и доступная газета, которая пользовалась успехом не только среди солдат, но и московских рабочих. Организационную работу по изданию газеты вел член Бюро Н. И. Смирнов, а главным сотрудником и идейным вдохновителем

[1] По организации землячеств много работал Н. И. Чиненов.— *Прим. авт.*

ее был Емельян Ярославский (тоже член Бюро)[1]. Аппарат распространения газеты был хорошо налажен. Заботились о том, чтобы газета скорее и легче доходила до читателя. Она продавалась и в районах, у ворот фабрик и заводов, и на вокзалах, где скапливалось много солдат и в значительном количестве раздавалась последним бесплатно. Потом «Деревенская правда» была переименована в «Бедноту».

Военное бюро выполнило еще одну работу для деревни, снабдив ее литературой [2], в особенности в большом количестве декретами Совета Народных Комиссаров после Октябрьской революции. В ноябре 1917 года началась частичная демобилизация Московского гарнизона и действующей армии. В Военное бюро хлынул стремительный солдатский поток демобилизованных. Они требовали газет, листков, декретов и обращались за разъяснениями, что делать и как вести работу в деревне. В организационном отношении их не удалось использовать надлежащим образом. Они подавляли своим количеством. В ноябре, декабре и январе через Военное бюро прошло несколько тысяч демобилизованных. Литературой они снабжались обильно.

Накануне октябрьского переворота. В августе месяце работа Военного бюро оживилась. Оно пополнилось новыми работниками — Емельяном Ярославским, скоро завоевавшим популярность среди Московского гарнизона, и В. Тихомирновым [3] взамен выбывших А. Аросева, арестованного в Твери, и В. Василевского и С. Лопашова, отправленных на фронт. Ежедневно устраивались митинги в казармах с участием агитаторов Военного бюро, выносились большевистские резолюции с однородными требованиями: вооружения рабочих и революционных солдат, ареста царских генералов и буржуазных вождей контрреволюции — Родзянко, Рябушинского, Гучкова, Милюкова, разгона военных контрреволюционных организаций — Офицерского союза, Военной лиги, разгона Государственной думы и Государственного совета, закрытия контрреволюционных буржуазных газет «Русское слово», «Утро России», конфискации типографий и автомобилей и передачи последних районным Советам, немедленного провозглашения диктатуры: революционной демократии, издания декрета о передаче всей земли в распоряжение кре-

[1] Позднее, с конца января 1918 года, газету вела Мария Михайловна Костеловская.— *Прим. авт.*

[2] Распределением литературы для фронта и для деревни заведовала Мария Драчева.— *Прим. авт.*

[3] Тихомирнов В. А. (1889—1919) — член КПСС с 1905 года, делегат VI съезда РСДРП(б), участник Октябрьского вооруженного восстания в Москве. Работал в Военном бюро МК РСДРП(б).

стьянских комитетов и проч. Резолюции с такими требованиями были приняты в 6-й батарее 1-й артиллерийской бригады, в селе Богородском на тысячном митинге в составе солдат трех батарей дивизиона запасной артиллерийской бригады, в мастерских тяжелой осадной артиллерии, в Мызораевском гарнизоне, генеральном военном госпитале и других воинских частях.

Совершился перелом в настроении широких рабочих и солдатских масс. Московское совещание и кадетско-корниловский заговор окончательно разоблачили настоящие замыслы и планы Временного правительства. Смертельная опасность, угрожавшая красному Петрограду в корниловские дни, заставила прозреть и более отсталые элементы. Недоверие и возмущение против Временного правительства росло с каждым днем. Общественная атмосфера раскалялась. Рабочие и солдаты резко реагировали на все события. На многотысячных митингах, устраиваемых Московским комитетом и Военным бюро, речи ораторов постоянно прерывались дружными, долго не смолкаемыми возгласами: «Долой Керенского!», «Долой Временное правительство!», «Вся власть Советам!» Общее собрание Военной организации 6 августа призывало всех товарищей расширять и укреплять свои организации для подготовки всех сил к общему выступлению против контрреволюционной буржуазии.

31 августа в исполнительные комитеты Совета рабочих и Совета солдатских депутатов явилась многочисленная делегация от различных фабрик и заводов с требованием немедленного вооружения рабочих.

Делегация заявила, что явится за ответом через три дня.

7 сентября состоялся парад войск Московского гарнизона. Рабочие делегации на Красной площади приветствовали революционных солдат, превратив этот парад в братание, в демонстрацию единения рабочих и солдат.

А. Аросев, член Военного бюро, арестованный в июльские дни в Твери, был переведен в Москву и содержался под стражей. В конце августа он объявил голодовку, заметка о которой появилась в «Социал-демократе». Задержание Аросева вызвало взрыв негодования. Редакция «Социал-демократа» получила несколько огромных связок резолюций (97 листов), покрытых бесчисленным количеством подписей с требованием немедленного освобождения Аросева. Военное бюро, осаждаемое множеством делегаций по этому делу, повело переговоры об освобождении Аросева с главнокомандующим войсками Московского военного округа и с прокурором. Аросев на четвертый день голодовки был освобожден.

За голодовкой Аросева началась голодовка в Бутырской тюрьме, где сидели 860 революционных солдат 5-й армии, арестованных в июле и августе за протест против смертной казни на фронте и за большевистские взгляды. Они были переведены из Двинской тюрьмы [1] — за недостатком там места — в Москву. Среди них находилось много членов ротных и полковых комитетов. По дороге были утеряны все их документы. Начальство обещало их освободить в Москве, но здесь они подверглись суровому режиму. Человек 200 двинцев в начале сентября объявили голодовку и прислали в Военное бюро письмо с изложением обстоятельств дела. Письмо это было помещено в «Социал-демократе».

На общем собрании Военной организации 8 сентября было принято предложение поднять широкую кампанию в частях войск, выносить резолюции с требованием немедленного освобождения голодающих товарищей, направлять делегации с резолюциями в Совет и выпустить листовку о голодающих. Снова посыпались резолюции и потянулись делегации и в Военное бюро и в Совет, причем делегации не ограничивались требованием освобождения двинцев, а упрекали высшие руководящие органы в медлительности, нерешительности, заявляя, что довольно слов, пора перейти к делу, выражая свою готовность к борьбе и уверенность в победе.

Для выяснения этого дела Совет создал комиссию для обследования мест заключения, которая нашла целесообразным освободить двинцев. Постановление комиссии было направлено командующему военным округом на утверждение. 22 сентября 593 двинца были освобождены.

Делегации с фронта, ежедневно посещавшие и Военное бюро и Совет, указывали на катастрофическое положение фронта, подчеркивая, что армия четвертой зимней кампании не выдержит, требовали решительной борьбы за мир и даже немедленного объявления перемирия на всех фронтах.

19 сентября состоялись перевыборы исполкомов Совета рабочих и Совета солдатских депутатов. В исполком Совета рабочих депутатов прошло: 32 большевика, 16 меньшевиков, 9 эсеров и 3 объединенца. В исполком Совета солдатских депутатов: 16 большевиков, 26 эсеров, 9 меньшевиков и 9 беспартийных. В первый исполком большевики получили абсолютное большинство, а эсеры позорно провалились.

На выборах в районные думы, происходивших 24 сентября, наша партия одержала блестящую победу. Почти весь Мос-

[1] После освобождения они стали называться двинцами. Из них была образована особая команда двинцев. В Октябрьские дни двинцы проявили много мужества и стойкости, храбро сражаясь на баррикадах.— *Прим. авт.*

ковский гарнизон (около 90 процентов) голосовал за большевиков. В некоторых частях за большевиков голосовало более 95 процентов. Так, в мастерских тяжелой осадной артиллерии из 2347 поданных голосов большевики получили 2286, так что численное преобладание эсеров в солдатском исполкоме нисколько не соответствовало их влиянию на солдатские массы. Между партией эсеров и массами образовалась уже не трещина, а пропасть.

На 22 октября Военное бюро созвало областную конференцию военных организаций. Из докладов с мест выяснилось, что гарнизон области крайне враждебно относится к Керенскому, к Временному правительству, что настроение среди солдат приподнятое, боевое. Конференцию на другой день (23 октября) пришлось закрыть, не исчерпав порядка дня. События быстро развивались. Из Петрограда получались тревожные вести. Делегатам нужно было спешить на места.

Вечером 23 октября состоялось совещание с представителями от районов и воинских частей. Обсуждался вопрос о предстоящем вооруженном выступлении. Представители воинских частей без колебаний и сомнений утверждали, что время настало, медлить нельзя, момент благоприятен, чтобы поднять солдат на борьбу с оружием в руках. Представители мастерских тяжелой осадной артиллерии, Мызораевского гарнизона, 56-го пехотного запасного полка, N-й батареи запасной артиллерийской бригады (в селе Богородском) заявили, что их части выйдут по призыву Московского комитета и Военного бюро. Другие указывали на необходимость призыва со стороны Совета. При обсуждении вопроса о восстании выяснилось, что Московский гарнизон из рук вон плохо вооружен: в одних полках у половины солдат не было винтовок, в других — патронов. Предусмотрительное начальство постепенно и незаметно под разными предлогами разоружало революционных солдат Московского гарнизона. Пятницкого это обстоятельство очень смутило, и он заметил: «Как же сражаться — голыми руками». Но и недостаток оружия не особенно беспокоил солдат. «Оружие найдется».

Вооруженной борьбой в Октябрьские дни руководил Военно-революционный комитет, и члены Военного бюро работали по его заданиям. Московский гарнизон оправдал возлагаемые на него надежды.

* *

*

Иосиф Аронович ПЯТНИЦКИЙ

Пятницкий И. (Осип) А. (настоящая фамилия Таршис) (1882—1938 гг.), деятель российского и международного движения, участник Октябрьской революции в Москве. Член КПСС с 1898 г. Родился в семье столяра в Вилькомире (ныне г. Укмерге Литовской ССР). Работал в Ковно (ныне г. Каунас) портным. В революционном движении с 90-х гг. В 1899 г. в Вильно (ныне г. Вильнюс) организовал первомайскую демонстрацию портных, был секретарем профсоюза портных. С 1901 г.— агент «Искры», участвовал в транспортировке и других нелегальных изданий. В марте 1902 г. арестован, совершил побег из тюрьмы. Эмигрировал за границу. В конце февраля 1903 г. в Лондоне познакомился

Иосиф Аронович
ПЯТНИЦКИЙ

с В. И. Лениным. Продолжал заниматься транспортировкой «Искры» в Россию, помогал переправлять к месту назначения делегатов II съезда РСДРП, участвовал в подготовке III съезда партии. Затем переехал в Одессу, где вошел в состав Одесского комитета РСДРП; уполномоченный ЦК РСДРП. В сентябре 1906 г. в Москве выполнял поручения Московского комитета РСДРП. В 1908 г. вновь эмигрировал. Делегат 6-й (Пражской) конференции большевиков 1912 г., на которой был утвержден руководителем технических транспортных дел ЦК РСДРП. В 1913—1914 гг. по заданию ЦК РСДРП занимался партийной работой в Вольске и Самаре (ныне г. Куйбышев). В 1914 г. арестован и сослан в Енисейскую губернию. Освобожден Февральской революцией 1917 г. В апреле 1917 г. вошел в состав Московского комитета РСДРП(б). Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б). В дни Октябрьского вооруженного восстания в Москве — член Боевого партийного центра и Московского Военно-революционного комитета. С ноября 1917 г.— на профсоюзной работе. В 1918—1922 гг.— член Исполкома Моссовета и член ВЦИК, одновременно в 1919—1920 гг.— председатель профсоюза железнодорожников. В 1920 г.— секретарь МК РКП(б). В дальнейшем — на партийной работе.

* * *

Десять ступеней к победе [1]

24 октября. Он надел длинное черное пальто, поднял воротник, нахлобучил на самые брови черную широкополую шляпу. Огляделся по сторонам: не забыл ли чего, не оставил ли такого, чего оставлять не положено. И вышел наконец из комнаты, не предполагая, что не вернется в нее 10 дней и ночей.

Над Москвой шумел косой дождь, громыхал железными вывесками, рвал с тумб афиши и объявления северный октябрьский ветер.

Прежде чем идти в МК, решил все же заглянуть в Московский Совет, который расположился в бывшем доме генерал-губернатора на Скобелевской (ныне Советской) площади.

Первым, кого встретил здесь Пятницкий, был Алексей Ведерников — «главком» московской Красной гвардии — волевой, исключительно энергичный человек. Осипу он чем-то напоминал Ивана Бабушкина.

— Что нового, Осип?

[1] Из книги: *Дмитревский В. И.* Десять ступеней к победе. М., 1976.

— Целый мешок слухов, и ничего определенного. А как у тебя, Алексей?

— Замоскворечье обещает выставить до трех тысяч бойцов. Файдыш [1] — молодчага! В других районах поменьше. А твои железнодорожники чем порадуют?

— Тысячи полторы уже наберется. Только чем воевать? Сотни две берданок да несколько «смит-вессонов» допотопных. Нужен как воздух кремлевский Арсенал.

— Так чего же, спрашивается, ждем?

— Сообщения от Ногина — как там в Питере.

Пятницкий заглянул в комнату, которая служила кабинетом членам Московского комитета М. Ф. Владимирскому, Илье Цивцивадзе [2] и ему самому.

Снял шляпу, сбросил пальто и тяжело опустился на стул.

Вопросительно посмотрел на Владимирского.

— Беспокоит меня молчание Ногина и Ломова,— Владимирский снял пенсне и привычным жестом протер стекла носовым платком.— Уж не случилось ли чего с ними?..

Им было неведомо, что именно в эти часы в Петрограде проходило заседание Центрального Комитета партии большевиков, на котором уже обсуждался вопрос о составе Советского правительства России, и что на заседании этом присутствовали оба московских посланца — Г. И. Ломов и В. П. Ногин. Им было предложено тотчас же информировать москвичей обо всем происходящем и тут же — одному немедленно, а другому на следующий день — выехать в Москву и принять участие в руководстве восстанием рабочих и солдат.

Три секретаря большевистской организации Москвы, насчитывавшей в рядах своих не менее 20 тысяч коммунистов, имевшей прочные опорные базы во всех районах города, старейшие члены партии, прошедшие подполье, единоборство с охранкой, тюремные одиночки, каторгу и ссылку, остро переживали свою неосведомленность, которая сковывала мысли и действия, рождала неуверенность в правильности принимаемых решений.

— Давайте так, товарищи,— предложил Пятницкий.— Остаемся здесь на всю ночь. Переходим, так сказать, на казарменное положение. Кроватей на целую роту хватит.

[1] Файдыш В. П. (1888—1947) — член КПСС с 1905 года. Участник революции 1905—1907 годов и Октябрьского вооруженного восстания в Москве. В Октябре 1917 года — член ВРК и начальник Красной гвардии Замоскворечья.

[2] Цивцивадзе И. В. (1881—1941) — деятель российского революционного движения, член КПСС с 1903 года. Профессиональный революционер.

И районы по телефону предупредим. Пусть боевую готовность объявят. А теперь, пожалуй, и в Моссовет пора.

...В коридоре Моссовета Осип встретил Бричкину.

— Есть новости,— сказала она.— Перехватили стряпню Рябцева. Он по телефону к частям гарнизона обратился. Рвет и мечет. Заявляет, что слухи о захвате большевиками власти в Петрограде — очередная большевистская провокация, что в Москве-де полный порядок и он, Рябцев, стоит на страже. Ну и в нашу сторону кулаками грозит: в Москве, мол, «они» — это народ-то революционный — будут раздавлены верными войсками беспощадно. И хвастается, что сил у него для этого вполне достаточно!

— Та-а-а-к,— протянул Пятницкий и запустил пятерню в бороду.— Новости у тебя, Соня, неплохие. Даже прямо отличные. Нет дыма без огня! Иначе полковник бы помалкивал.

В тот же день пленум Московских Советов рабочих и солдатских депутатов утвердил «Декрет № 1», Устав Красной гвардии и принял обращение «Ко всему трудящемуся населению». Оно звало рабочих и солдат Москвы ответить на атаки «вооруженных и невооруженных корниловцев» дружной и стройной контратакой по всему фронту.

25 октября. Рассвет пришел хмурым и мокрым.

— Неужели, Осип, и сегодня будем вот так сидеть и ждать у моря погоды? Я убежден, что в Петрограде что-то произошло,— сказал Владимирский.

— Передадим-ка по районам телефонограмму: «Собраться и избрать революционный центр в районе, определить, что занять в первую очередь (здания, помещения), немедленно вооружаться (захватывать склады оружия), связаться с революционным центром в Совете и партии».

— Передадим только руководителям партийных организаций района. Пусть будут начеку. Согласны?

Владимирский кивнул головой.

Цивцивадзе предложил:

— Я сделаю это. Успею до заседания.— И подсел к телефону.

Цивцивадзе имел в виду то самое объединенное собрание Московского областного бюро, Московского городского и окружного комитетов партии, которое должно было решить вопрос о создании Боевого партийного центра. Оно началось ровно в 10.

Время дискуссий и утомительных споров прошло. И пусть позиции Областного бюро и Московского комитета не всюду совпадали, сейчас события призвали людей к единомыслию и единодушию.

От Московского комитета в Центр выдвинули М. Ф. Владимирского и О. А. Пятницкого; от Областного бюро — И. Н. Стукова и В. Н. Яковлеву, от Московского окружного комитета — В. И. Соловьева, от Военного бюро при МК — Ем. Ярославского, от Центрального бюро профессиональных союзов — Б. Г. Козелева [1].

Собрание длилось минут 30—40. За ним последовало заседание Московского комитета РСДРП(б).

Председательствовал В. М. Лихачев.

Вслед за Боевым партийным центром необходимо было организовать и Боевой центр Московского Совета — Военно-революционный комитет. Но ведь в состав Московского Совета рабочих депутатов входили и меньшевики, и эсеры, и так называемые объединенцы, и беспартийные.

— Преобладание большевиков в ВРК — вот что может и должно обеспечить решающий успех,— обвел глазами присутствующих Лихачев.

Тут в комнату ворвался Ведерников. Его обычно спокойное лицо с аккуратно подстриженной темной бородкой было крайне взволнованно... Он развернул листок бумаги и громко, чеканя каждое слово, прочел:

— «Сегодня ночью Военно-революционный комитет занял вокзалы, Государственный банк, телеграф, почту. Теперь занимает Зимний дворец. Временное правительство будет низложено. Сегодня в 5 часов открывается съезд Советов. Ногин сегодня ночью выезжает. Переворот прошел совершенно спокойно, ни единой капли крови не было пролито, все войска на стороне Военно-революционного комитета». Подписали Ногин и Милютин.

— Откуда это у тебя? — спросил Ведерникова Владимирский.

— Я сегодня дежурил в Исполкоме Московского Совета. Бричкина прибежала, зовет: «Иди к телефону, скорее! Принимай телефонограмму!» Ну я и записал. Ровно в 11 часов 45 минут. Записал — и к вам.

Пятницкий вытащил из жилетного кармана часы: 11 часов 52 минуты.

Тут же было принято постановление о немедленном создании боевого советского центра и о необходимости закрепить большевистское влияние в частях гарнизона.

Пока принималось и голосовалось постановление, Пятницкий задумался. Он отлично понимал, что уж, коли телефоно-

[1] Козелев Б. Г. (1891—1936) — член КПСС с 1910 года. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Москве. В период от Февраля к Октябрю работал в профсоюзе металлистов, редактировал журнал «Металлист».

грамма Ногина прорвалась в Москву, о ней не могут не знать городской голова Руднев и командующий военным округом полковник Рябцев. И несомненно, они уже готовят удар по революции.

— С чего мы начнем?

— Телеграф, телефон, почта, вокзалы,— загибал пальцы Пятницкий.— Кремль. Там Арсенал, необходимое нам оружие.

— За Кремль можно не беспокоиться,— убежденно произнес Соловьев.— Его охраняют пять рот 56-го полка. Солдаты распропагандированы, полностью нас поддерживают. Да и арсенальная команда не станет чинить препятствия, когда начнем вывозить оружие.

— Это все мне известно. Но Кремль есть Кремль. Полагаю, что и Рябцев на него нацелился. Надобно усилить его охрану какой-нибудь надежной частью.

— А если ввести туда еще одну из рот 193-го запасного полка? Вполне надежные ребята,— предложил Ярославский.

Предложение приняли и рекомендовали назначить Ярославского комиссаром Кремля.

— Следовало бы немедленно закрыть все буржуазные газеты,— поднялся Соловьев.— Брехунов этих. «Русское слово», «Утро России», «Русские ведомости» и «Раннее утро». Пусть для них поскорее наступит поздний вечер.

— Дельное предложение,— тоже поднялся Пятницкий.— Поручим «закрытие» Соловьеву. А теперь пошли в Совет.

...В Московском Совете — как в бурлящем котле. Идет совещание представителей бюро всех фракций Советов. На нем присутствуют городской голова Руднев и командующий военным округом полковник Рябцев. Оба они держатся уверенно, даже вызывающе. Утверждают, что телефонограмма Ногина — фальшивка. Силы обеих сторон в Питере якобы занимают выжидательную позицию, Временное правительство продолжает руководить страной.

И конечно же, как и подобает соглашателям, эсеры и меньшевики состряпали демагогическую резолюцию, призывавшую создать временный общедемократический орган из представителей обоих Советов, городских и земских самоуправлений, Викжеля, почтово-телеграфного союза и... штаба Московского военного округа. Он-де, этот орган, должен быть создан для охраны революционного порядка и для защиты от натиска... контрреволюционных сил.

Что имелось в виду под названием «контрреволюционные силы», понять было нетрудно. Уж, во всяком случае, не дивизии, «верные правительству», наступавшие на Петроград!

К сожалению, представители фракции большевиков П. Г. Смидович и Е. Н. Игнатов при обсуждении этой резолюции настаивали лишь на обеспечении советского большинства в предложенном эсерами и меньшевиками органе власти, вместо того чтобы подвергнуть соглашательский проект разоблачению и критике.

— Как же вы могли такое половинчатое решение принять? — возмущенно воскликнул Пятницкий, встретив в коридоре Совета Смидовича.— Ведь соглашатели теперь обязательно вылезут со своей резолюцией на пленуме и станут утверждать, что большевики не возражают.

Петр Гермогенович посмотрел на Пятницкого своими добрыми близорукими глазами.

— Зря кипятишься, Пятница. У нас подавляющее большинство. На пленуме как-нибудь разберемся.

«Удивительное дело,— думал Осип, провожая глазами сгорбленную фигуру Смидовича с белой как снег головой.— Участник баррикадных боев 1905 года, умница, а в конкретных делах иной раз ну просто ребенок».

В отсутствие председателя Московского Совета рабочих депутатов Виктора Павловича Ногина заседание открыл «старейшина» — Смидович.

Говоря о создании органа власти, Смидович заявил:

— Наш Совет неоднократно уже формулировал своим большинством, что власть эта должна быть осуществлена в виде перехода в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...

И внезапно стал говорить о том, что «мы подошли к наиболее революционному и, может быть, трагическому моменту...».

— Чего это он в трагедию ударился? — удивленно пробормотал Пятницкий, повернувшись к сидевшему рядом Владимирскому.— «Трагический момент», «трагичность текущих событий». Ты, Михаил, только посмотри на эсеров и меньшевиков. Ратнер улыбается, Исув кивает головой, как китайский болванчик. У них же резолюция за пазухой!

Когда после перерыва вновь до отказа заполнился амфитеатр Большой аудитории, большевики предложили проект резолюции: «Московские Советы рабочих и солдатских депутатов выбирают на сегодняшнем пленарном заседании Революционный комитет из семи лиц. Этому Революционному комитету предоставляется право кооптации представителей других революционных демократических организаций и групп с утверждения пленума Совета рабочих и солдатских депутатов. Избранный Революционный комитет начинает

действовать немедленно, ставя себе задачей оказывать всемерную поддержку Революционному комитету Петроградского С. Р. и С. Д.».

В первоначальный состав Военно-революционного комитета были избраны семь членов и шесть кандидатов. От большевиков: членами — В. М. Смирнов, Н. И. Муралов, Г. А. Усиевич и Г. И. Ломов, кандидатами — А. Я. Аросев, П. Н. Мостовенко, С. Я. Будзыньский и А. И. Рыков. Меньшевики были представлены М. И. Тейтельбаумом и М. Ф. Николаевым, объединенцы — И. К. Константиновым и двумя кандидатами: Л. Е. Гальпериным и В. Я. Ясеневым.

Меньшевики, входя в МВРК, заявили, что делают это только для того, чтобы продолжать разоблачительную работу, естественно, обращенную против большевиков.

И все же их избрали в ВРК!

Вот теперь-то и почувствовал Пятницкий всю полноту ответственности, ложившейся на него, как и на других членов Боевого партийного центра. Ему казалось, что ВРК в таком составе вряд ли способен решить те поистине гигантские задачи, которые ставили перед ним каждый час, каждое мгновение события, предусмотренные и совершенно неожиданные. И когда члены ВРК направились в здание Московского Совета, чтобы приступить к работе, Пятницкий предложил Владимирскому:

— Пойдем-ка и мы с ними. Найдем там какую ни на есть комнатенку, чтобы работать с ВРК в соседстве.

Пятницкий настоял, чтобы первое свое заседание ВРК провел совместно с Партийным центром. ВРК следовало знать и принять к исполнению все то, что сегодня утром было намечено Партийным центром. Ему нравилось, как напористо, бескомпромиссно ведет себя самый молодой член ВРК — 27-летний Гриша Усиевич. «Это беру на себя»,— говорил он при решении того или иного вопроса; и «это» Усиевича всегда оказывалось наиболее трудным или сопряженным с риском для жизни.

Поздним вечером 25 октября проходило экстренное заседание Центрального штаба Красной гвардии и представителей воинских частей. Там пытались подсчитать, какими силами располагают большевики на случай вооруженной борьбы. Получалось приблизительно так: Красная гвардия насчитывала в своих рядах 10—12 тысяч бойцов, вооруженных менее чем тысячью винтовок, 9 тысячами револьверов, 5 пулеметами, одной пушкой и 600 ручными гранатами.

Оружия! Оружия! Оружия! — отчаянно взывают районы. Не лучше с оружием и у солдат. Представители гарнизона

доложили, что запасные полки вооружены едва ли на 20 процентов.

Выходило, что прежде всего следовало овладеть Кремлем и Арсеналом, то есть полностью принималось решение Партийного центра.

26 октября. К этому дню, по существу, единственной реально действующей властью в Москве стал Совет рабочих депутатов и его ВРК, опиравшиеся на хорошо организованные революционные органы почти всех районов. Вот почему некоторым деятелям большевистской партии из фракции Совета рабочих депутатов и ВРК представлялось, что здесь революция победила столь же стремительно и бескровно, как в Петрограде.

Но, как показали дальнейшие события, представления эти были необоснованными.

В МК Пятницкий узнал, что приехал Ногин и находится сейчас в Моссовете.

Обычно собранный, энергичный, Ногин на сей раз чувствовал себя как-то неуверенно, может, устал с дороги.

— В Петрограде обошлось без пролития крови. Надеюсь, что так будет и у нас... Или вы, Пятница, полагаете, что здесь могут произойти какие-нибудь столкновения? Я, по правде сказать, сомневаюсь. Сила-то на нашей стороне.

Началось второе заседание ВРК. Его прервал телефонный звонок. Секретарь ВРК А. А. Додонова [1] подошла к аппарату.

— Рябцев...

Ногин взял трубку.

В резких, категорических выражениях полковник требовал немедленно прекратить вооружение Красной гвардии и «расхищение» оружия большевиками. Грозил, что, если его требования не будут тотчас же выполнены, штаб округа начнет боевые действия.

Большинство членов ВРК, возмущенные грубым тоном Рябцева, требовали, чтобы Ногин попросту прекратил разговор. Но Виктор Павлович покачал головой и с едва проступившей смущенной улыбкой сказал в трубку:

— Хорошо, хорошо... мы тут обсудим ваше предложение и дадим вам знать.

— Никаких переговоров с господином полковником! — крикнул Усиевич.— Мы взяли власть в свои руки, мы должны оберегать ее.

[1] Додонова А. А. (1888—1967) — член КПСС с 1911 года. Участница борьбы за Советскую власть в Москве. Депутат первого созыва Московского Совета после Февральской революции. В Октябрьские дни 1917 года — секретарь Московского ВРК.

И это было более чем вовремя, потому что из Кремля поступали далеко не утешительные сведения.

Ранним утром Ярославский и Берзин ввели в Кремль роту 193-го запасного полка и потребовали от начальника склада оружия полковника Лазарева передать ключи комиссару Арсенала Берзину. Тот подчинился, и вот уже три грузовика, прибывшие в Кремль из районов, стали спешно загружаться винтовками. Но когда машины подъехали к воротам, те оказались запертыми снаружи, а за воротами выстроились цепи юнкеров и казаков с ружьями на изготовку.

Партийный центр разослал всем партийным организациям районов телефонограмму:

«Штаб во главе с Рябцевым переходит в наступление. Задерживаются наши автомобили, есть попытки задержать членов ВРК. На митингах по фабрикам и заводам надо выяснить это положение, и массы должны немедленно призываться к тому, чтобы показать штабу действительную силу. Для этого массы должны перейти к самочинному выступлению под руководством районных центров по пути осуществления фактической власти Советов в районах».

И все же Ногин, используя свой авторитет председателя Московского Совета рабочих депутатов и постоянно ссылаясь на ход событий в Петрограде, где якобы не пролилось ни капли пролетарской крови, настоял на том, чтобы направить к Рябцеву делегацию для переговоров «во избежание излишнего кровопролития». И вызвался самолично возглавлять эту делегацию.

26-го вечером на объединенном заседании исполнительных комитетов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов В. П. Ногин рассказал присутствующим о событиях в Петрограде и о своих беседах с командующим Московским военным округом. И Пятницкий, и Владимирский понимали всю опасность, таившуюся в этих переговорах, для судеб Московского восстания. Было ясно, что контрреволюции удалось временно сковать инициативу революционного народа в осуществлении вооруженного восстания.

Ни один из трех членов Партийного центра не мог знать тогда, что Москва давно уже стала объектом внимания Временного правительства. В Москве уже обосновались и С. Н. Прокопович, бывший министр продовольствия Временного правительства, и оставшиеся на свободе бывшие товарищи министров: финансов — Ф. Г. Хрущев, исповеданий — С. А. Котляревский, торговли и промышленности — Л. Б. Кафенгауз, земледелия — Н. Д. Кондратьев, юстиции — Г. В. Филатов. Ну чем не новый кабинет, который смог бы,

отвечая интересам недавно еще господствовавшего класса промышленников, помещиков и купцов, возглавить реставрацию старой власти!

А ежели принять во внимание непрекращавшиеся контакты Рябцева со ставкой верховного командования и Минском, где находился ближайший к Москве штаб Западного фронта, становится ясным, что Москва в ближайшие дни должна была превратиться в арену жесточайших боев.

26 октября вечером Рябцев вновь обратился к Ногину, а через него ко всему Военно-революционному комитету с предложением продолжить переговоры о вооруженном противостоянии в городе.

Боевой партийный центр и большевики, входившие в МВРК, собрались поздно вечером в Моссовете, чтобы обдумать и обсудить это предложение Рябцева.

В результате горячих споров за переговоры высказалось большинство: 9 из 14.

А в Кремле Н. И. Муралов и А. Я. Аросев продолжали переговоры с Рябцевым, который стал настаивать на выводе из Кремля не только роты 193-го полка, но и подразделений 56-го, несущих здесь постоянную охрану. Но тут в переговоры вмешались сами солдаты. Они твердо заявили, что останутся на своих местах, не позволят заменить их юнкерами и чуть было не расстреляли Рябцева.

27 октября. В этот день пролилась первая кровь. Кровь отважных, безоговорочно преданных революции солдат-двинцев. Но это случилось в 9 часов вечера, уже после ультиматума, предъявленного Рябцевым Военно-революционному комитету. А до первой вооруженной стычки был еще длинный день, полный несбыточных иллюзий и долготерпения со стороны тех, кто продолжал верить, что с врагом можно договориться.

На заседании ВРК, состоявшемся в этот день, с горячей речью выступил П. Г. Смидович, кооптированный в ВРК. Он заявил, что до получения директив из Петрограда вся линия поведения с переходом к наступлению, принятая Военно-революционным комитетом, считается ошибочной.

Пятницкий, Владимирский, Яковлева решительно возражали, продолжая считать переговоры оттяжкой, выгодной только противнику. Но они вновь остались в меньшинстве.

Невольно вспомнили утренний переполох в Моссовете, когда по Козьмодемьяновскому переулку промчался какой-то броневик и дал несколько пулеметных очередей по верхнему этажу Моссовета. Посыпалась штукатурка. «Вот вам и переговоры!» — продолжал мысленно рассуждать Осип.

Боевой партийный центр вновь призвал к немедленным действиям. Был отдан приказ Совету Замоскворецкого района об организации отряда из солдат-двинцев для охраны Московского Совета.

В 7 часов вечера Рябцев внезапно прервал переговоры и по указанию «Комитета общественной безопасности» предъявил ультиматум, в котором потребовал роспуска ВРК, вывода из Кремля караульного батальона 56-го полка, возвращения взятого в Арсенале оружия, суда над членами ВРК.

На ответ Рябцев предоставлял... 15 минут.

Выстрелы... Да нет, не случайные, а настоящая перестрелка. Разрывы гранат. И не слишком далеко от Скобелевской. Где-то в самом центре Москвы.

Это двинцы приняли первый бой за власть Советов в Москве. Им пришли на помощь солдаты 56-го полка, открывшие довольно рискованный — можно ведь и в своих попасть — огонь по юнкерам со стен Кремля.

Горячая схватка под кремлевскими стенами была не единственной в тревожный вечер 27 октября.

Боевой партийный центр и ВРК всю ночь принимали донесения от районов.

Разведка сообщала: две роты юнкеров и две сотни казаков окружают казармы 1-й артиллерийской бригады на Ходынке. Артиллеристы, единодушно поддерживающие Советы, оказывают энергичное сопротивление.

Юнкерам удалось напасть врасплох на роту самокатчиков, стоящую в Петровском парке, и захватить несколько пулеметов.

Все плотнее становится окружение Кремля.

Захвачен Брянский (ныне Киевский) вокзал.

Вооруженная «Комитетом общественной безопасности», домовая охрана стреляет из подворотен по красногвардейским отрядам, идущим на защиту Московского Совета...

Лишь поздно ночью затихает перестрелка.

И Партийный центр, и штаб Красной гвардии с должной серьезностью анализировали и оценивали сложившуюся к ночи обстановку.

— Это самый настоящий контрреволюционный мятеж,— говорил Пятницкий, поглядывая на встревоженные лица своих товарищей по Боевому партийному центру.— Пока мы заседали и вели всякие там переговоры, они наращивали свою боевую мощь. Вот так-то обстоит сейчас, дорогие товарищи, дело, и, чтобы не оказаться в мышеловке самим, нужно устроить противнику большую ловушку.

— Что вы подразумеваете под большой ловушкой? — спросил Ведерников.

— Районы, районы, Алексей! Красным кольцом окружают они центр города. Надо, чтобы это кольцо с каждым часом затягивалось все туже. Но я не военный. Тебе и Аросеву виднее, как действовать. Мое предложение такое: завтра с утра всем нам разойтись по районам и помочь товарищам скорейшим образом отмобилизовать все силы, которые находятся в их распоряжении. Сидеть здесь и ждать, пока с нами расправятся юнкеришки, бессмыслица и преступление. Если мое предложение принимается, я попробую пробраться на Каланчевку к своим ребятам.

— Ты прав, но только отчасти, товарищ Пятницкий,— бросил Ведерников.— Бесспорно, надо поднять районы. Ведь у нас там целая армия, пожалуй, уже за 12 тысяч красногвардейцев перевалило. Но защищать Моссовет считаю необходимым. Наш уход будет отрицательно воспринят рабочими и солдатами, которые пришли на защиту Совета. Бороться нужно и в центре, и в районах.

— Да мы же не примиренцы, товарищ Ведерников. Что же ты нас агитируешь? Чем крепче ударишь, тем лучше.

Все члены Партийного центра и ВРК вооружились револьверами. Пятницкий тоже получает наган и сует его в карман пальто.

28 октября. Этот день был, безусловно, самым критическим для только что установившейся власти Советов в Москве.

Опять было хмурым раннее московское утро. Опять по железным крышам барабанил, казалось, бесконечный холодный дождь. Хмуро было и на душе у Осипа.

Добравшись до Каланчевской площади, Пятницкий идет в бывшее жандармское отделение Николаевского вокзала, чтобы попытаться заставить викжелевцев связать его с Питером, в успех такого предприятия он почти не верит. П. Смидович уже поджидал его.

Один из руководителей Московского бюро Викжеля, правый эсер Гар, встретил Осипа шутовским полупоклоном и осведомился, чем обязан чести видеть у себя большевистского комиссара железнодорожников.

— Прошу соединить меня по прямому с Советом Народных Комиссаров,— сухо произнес Пятницкий.

— А что это за учреждение такое — Со-вет На-род-ных Комиссаров? — приподняв удивленно брови и явно издеваясь, спросил Гар.— Впрочем, гражданин Пятницкий, вашу просьбу я могу удовлетворить, но с одним условием: со сто-

лицей буду говорить я, так как только члены бюро Викжеля имеют право пользоваться прямым проводом.

После разговора с Гаром Осип направился в Совет Железнодорожного района.

Теперь он шел к своим товарищам, уверенный в успехе. Осип вспомнил, как, вернувшись из ссылки, он получил важное поручение от Московского комитета РСДРП(б). «Мы намерены направить тебя организатором экстерриториального Железнодорожного района, чтобы сокрушить там авторитет Викжеля»,— сказала ему тогда Розалия Самойловна Землячка. Он боролся за большевистское влияние в районном Совете, а затем и в профсоюзе железнодорожников.

Осип двое суток не был в Совете Железнодорожного района и теперь с удовольствием поглядывал на лица своих товарищей, тесно набившихся в небольшой комнате. Коротко выслушав рассказ Пятницкого о его стычке с Гаром, тут же решили, как связаться с Питером. Оказывается, провод с Петроградом, через который Московское бюро Викжеля было связано с их коллегами в столице, шел через Северный вокзал. Ну а там-то, у Железнодорожного ревкома, есть свои, надежные люди.

И вот уже Осип, прижимая к уху телефонную трубку, вызывает для переговоров члена Викжеля интернационалиста Хрулева.

— Говорит Пятницкий. Прошу тебя, товарищ Хрулев, информируй коротко, что там у вас в Питере. Но только правду, одну только правду... Как товарищ Ленин? Председатель Совета Народных Комиссаров... Понятно...— И, прикрыв рукой трубку, бросает окружающим: — Власть удерживается крепко! Во главе Совета Народных Комиссаров — Владимир Ильич!

Кончив разговор, он осторожно укладывает трубку на вилку и большим носовым платком вытирает лицо все в мелких бисеринках пота.

— Уф! Отлегло от сердца. Правительство Советов создано. Кстати, и от Москвы вошли в него товарищ Ломов — нарком юстиции, а товарищ Скворцов-Степанов — нарком финансов. А теперь, товарищи, есть у меня одна мыслишка: нельзя ли взять под наш контроль этот прямой провод? Установить свой пост. Перехватчика. И чтобы слушать круглые сутки. А? Технически это возможно?

Идею Пятницкого поддержали. Теперь все переговоры Московского бюро Викжеля со столицей были взяты под неусыпный контроль. Мало того, железнодорожная «контрразведка» начала перехват телеграмм, которыми обменивались

Рябцев, начальник штаба Ставки генерал Духонин, командующий Западным фронтом Балуев.

В тот же день Осип побывал в вагоноремонтных мастерских Курского вокзала, поговорил с рабочими и вновь вернулся на Каланчевку.

— Теперь первейшая задача,— сказал он членам районного ВРК,— тщательнейшим образом обследовать все запасные пути, вскрыть вагоны и найти оружие. Убежден, совершенно убежден, что оно где-то есть. И думаю, что вы его обязательно разыщете. Так что организуйте группы поиска и принимайтесь за дело.

Он остался на Каланчевке, дожидаясь докладов от разосланных по всем путям поисковых групп.

Тут, пожалуй, уместно будет остановиться на причинах, заставлявших секретаря МК и члена Боевого партийного центра Пятницкого значительную часть времени в эти дни проводить среди железнодорожников.

Стальные пути, бегущие к Москве с севера и востока, с юга и запада, представляли собой как бы распахнутые ворота, через которые в город могли проникнуть и друзья, и враги. Надо было неусыпно и бдительно охранять эти ворота. И партийный организатор экстерриториального района стал часовым возле этих ворот. И еще так много внимания уделял Осип «железнодорожной державе» потому, что первейшей своей задачей считал борьбу за отрыв массы железнодорожников (рабочих мастерских, машинистов, кочегаров, телефонистов) от Викжеля, где заправляли правые эсеры.

...Сейчас Осип сидел за столом, борясь с непомерной усталостью. До него не сразу дошел смысл тревожных слухов о положении в центре города.

Какие-то люди говорят, будто бы наши оставили Кремль...

Оставили Кремль? Нужно же такое измыслить...

Даже когда в комнату зашел Зимин [1] и, нагнувшись, шепнул на ухо: «Знаешь, Осип, слухи о Кремле подтверждаются», Пятницкий не поверил.

Не поверил он и перехваченной телеграмме комиссара Временного правительства на Западном фронте И. Жданова комиссарам армий: «Передаю последние сообщения: в Москве большевики сегодня сдались «Комитету спасения революции», Кремль освобожден. Оружие сдается». Однако по телеграфным проводам передавались все новые и новые реля-

[1] Зимин Н. Н. (1895—1938) — член КПСС с 1915 года, активный участник борьбы за Советскую власть в Москве. После Февральской революции — член Железнодорожного РК РСДРП(б). В Октябрьские дни 1917 года — начальник штаба Красной гвардии и член ВРК Железнодорожного района.

ции о падении Кремля. Руднев телеграфировал в ставку, ставка — командующим фронтами, те в свою очередь — штабам армий.

Глубоко переживая потерю Кремля, не зная всех подробностей происшедшего, Пятницкий терялся в догадках, пытаясь объяснить, как это могло произойти.

...Печка давно погасла. Комнату, где еще недавно было тепло, заполнил холод. Особенно дуло из широкой щели под дверью.

Пятницкий сидел в пальто с поднятым воротником, шляпа лежала рядом на полу. Он устал и смертельно хотел спать.

— Совсем плохо выглядишь, Осип. Пойдем-ка ко мне. Выспишься хотя бы,— обратился к нему Зимин.

— Не время спать, Николай, не время,— сказал Пятницкий.— Вот и Кремль проспали.— Тяжело вздохнул и продолжил: — Теперь вся наша надежда на районы и...— он на мгновение задумался, будто еще раз проверял верность своей мысли,— да и на железнодорожников...

— Но Викжель...

— При чем тут Викжель? Кучка бюрократов-соглашателей, они нам пакостили, пакостят и еще будут пакостить. Я говорю о нашей железнодорожной армии, Николай. Я вот было изругал самого себя за то, что околачивался здесь целый день, а потом подумал — зря! Ведь в нашем деле сейчас самое важное связь: с Питером, с Ивановом, Воронежем, с Тулой, с Тверью, Харьковом. Связь — это рельсы и бегущие по ним составы. Только это. Одних мы примем, раскрыв объятия, перед другими выставим непреодолимый заслон. Осуществить такое могут железнодорожники под руководством таких, как ты, как Кухмистеров, Уткин, Фонченко, Черняк [1]. Не согласен?

И когда Зимин, попрощавшись, вышел, Пятницкий положил на стол руки и уткнулся в них лбом.

Только на несколько минут. А потом дверь грохнула, и ввалился Ефим Кухмистеров.

— Обнаружили два вагона со снарядами! — пробасил он.

— А винтовки? — спросил, протирая глаза, Осип.

29 октября. ...В этот день ранним утром Пятницкий и Зимин отправились в нелегкий путь от Каланчевской площади до Скобелевской.

Над городом проносились рваные, мохнатые тучи, фонари почему-то не горели.

[1] Кухмистеров Е. Ф., Уткин П. Я., Фонченко З. Н., Черняк М. И.— борцы за Советскую власть в Москве. В Октябре 1917 года в качестве партийных организаторов вели большую работу среди железнодорожников Москвы.

До Моссовета они добрались без приключений.

— Смотри, пушки,— удовлетворенно заметил Пятницкий, поглядывая на тонкоствольные трехдюймовки, расставленные возле Моссовета.— Выходит, не зря мы снаряды вчера добывали.

В здании Моссовета все комнаты были переполнены вооруженными красногвардейцами и солдатами. В комнате, где обычно размещался ВРК, он застал незнакомых людей, устанавливавших на подоконнике «максим».

Но вот он столкнулся с Усиевичем, который по своей близорукости не сразу его узнал.

— Как ты здесь очутился, товарищ Пятницкий? — недоуменно спросил Гриша. Вид у него был чрезвычайно воинственный: пиджак наискось перехвачен ремнями, за плечами кавалерийский карабин, на широком поясе кобура с наганом.

— А где мне надлежит быть? — удивленно возразил Пятницкий.— Ты же знаешь, что я целые сутки пробыл у железнодорожников, а теперь вот...

— Принято решение: Боевой партийный центр и обе наши редакции перевести в другое место. Обстановка очень обострилась. Юнкера после захвата Кремля, по существу, заняли весь центр и ведут наступление на Скобелевскую. Мы остаемся тут, чтобы драться до последнего человека.

— Неужто так плохо?

— Понимаешь, мы вовсе не собираемся стать жертвами. Но надо глядеть на вещи трезво. Нельзя обезглавить восстание. Партийный центр должен находиться в безопасности.

— Вот что, Григорий,— решительно сказал Пятницкий.— Давай-ка отыщем местечко, и ты введи меня в курс событий. Я за эти сутки, видимо, здорово отстал.

Они отыскали комнату, и Усиевич подробно рассказал о падении Кремля.

Пятницкий до боли сжал кулаки.

...Выйдя с Зиминым из Моссовета, они тотчас же попали под пулеметный огонь. Обстреливались здания Моссовета и «Дрездена». Скобелевская отвечала рыком своих трехдюймовых орудий.

Переждав несколько минут в какой-то подворотне, Пятницкий и Зимин ринулись вверх по Тверской и вновь оказались в зоне обстрела. Пули тонко посвистывали над головами и, впиваясь в фасады домов, брызгались колючими кусочками штукатурки.

...В комнате, куда торопливо вошел Пятницкий, находились почти все члены Боевого партийного центра: Владимирский, Яковлева, Козелев и еще какие-то люди.

— Осип!

— Откуда ты, Пятница?

Радостные восклицания друзей немного смутили Пятницкого. Сняв шляпу и сбросив с плеч сырое, тяжелое от воды и двух револьверов пальто, он подходил к товарищам, каждому жал руку, хлопал по плечам.

— Давайте, товарищи, послушаем отчеты представителей районов? — предложил Владимирский.

И вот один за другим поднимаются со стульев вооруженные люди и докладывают Боевому партийному центру о том, что уже сделано в Бутырском, Сущевско-Марьинском, Хамовническом, Замоскворецком, Рогожском, Лефортовском и других районах Москвы.

Пятницкий из-под тяжелых, полуопущенных век поглядывал на выступавших товарищей. Все они, до крайности утомленные бессонными ночами, с ввалившимися, лихорадочно блестевшими глазами, говорили как победители или уж, во всяком случае, как люди, не сомневавшиеся, что они идут к победе. И теплая волна любви к ним, единомышленникам и соратникам, подступала к самому горлу.

— О положении в Железнодорожном районе,— начал он, встав со стула,— могу рассказать сам. Я обошел все вокзалы, депо, вагонные мастерские... Могу сказать с уверенностью одно — не за господами из Викжеля, а за Советами идут массы.

Неожиданно в комнату не вошла, а ворвалась возбужденная, радостная Маша Черняк [1].

— Осип, ты был прав! Оружие нашлось. Огромное количество. Товарищи, у нас есть теперь оружие!

— Да садись же и возьми себя в руки,— резко сказал Пятницкий.— Какое оружие? Расскажи все по порядку.

Черняк рассказала, как поисковые группы железнодорожников, созданные по указанию Пятницкого, тщательно обследовали запасные пути, вскрывая все товарные вагоны.

Удача сопутствовала Максиму Никифоровичу Маркину, красногвардейцу-большевику. Он обнаружил на товарной станции Сокольники Казанской железной дороги пульманы, охраняемые солдатами. В них были винтовки. Вызванный тут же отряд красногвардейцев под командованием Порфирия Уткина разоружил охрану, кстати сказать и не пытавшуюся сопротивляться, и 40 тысяч трехлинейных винтовок перешли в руки революции.

— А патронов-то достаточно? — спросил, нахмурившись, Пятницкий.

[1] Речь идет о Матильде Иосифовне Черняк.

— Патронов? — Маша недоуменно пожала плечами.— Никаких патронов в вагонах не было.

— Винтовка без патронов всего только дубина,— разочарованно бросил Владимирский.

Наступило молчание.

— А Симоновские пороховые погреба? — неожиданно вспомнила Яковлева.— Так ли уж трудно захватить их? Немедленно. Этой же ночью!

— Верно, Варвара! — одобрительно кивнул головой Пятницкий.— К утру Симоновские погреба должны быть в наших руках.

Сорок тысяч винтовок и штурмом захваченные пороховые погреба обеспечивали решительную и окончательную победу.

Кроме распределения оружия боевая «пятерка» занялась и другими вопросами. Неожиданно появился Василий Соловьев.

— Пришел сообщить, что по предложению Московского бюро Викжеля решено приостановить военные действия. Вот приказ ВРК, принятый час назад.

30 октября. К привычным шумам просыпающегося города примешивалась ружейная стрельба, вспыхивающая то где-то позади, то в переулке направо, а то и впереди.

Когда же Пятницкий вышел на Новинский бульвар (ныне улица Чайковского), чтобы по нему пройти к Крымскому мосту, перестрелка усилилась, затрещали пулеметные очереди.

Оберегая себя от случайной пули, Осип избрал единственно правильный способ передвижения — перебежки: то замирая за углом какого-нибудь дома, то пускаясь изо всех сил вперед.

И так пока не добрался до Калужской (ныне Октябрьская площадь), где в ресторане Полякова находился Военно-революционный комитет Замоскворецкого района. Вокруг дома собралось несколько сот вооруженных солдат и рабочих. У дверей стоял караул.

Пятницкий предъявил свои документы, его пропустили, и Осип оказался в кругу старых друзей и соратников. Были тут и секретарь МК Илья Цивцивадзе, и члены ревкома Иосиф Косиор [1], Владимир Файдыш и Петр Добрынин, и фактический военный руководитель Замоскворечья Павел Карлович Штернберг. Он-то и напустился на Пятницкого:

[1] Косиор И. В. (1893—1937) — советский государственный и партийный деятель. Член КПСС с 1908 года. Активный участник Октябрьского вооруженного восстания в Москве.

— Вы должны были потребовать полной капитуляции противника, а не соглашаться ни на какие переговоры.

— Вот что, товарищи,— вымолвил Пятницкий,— вы накормите сначала, а потом уже ругайте. Забыл, когда ел.

Его повели в угол зала, где на столах лежали хлеб, сыр, колбаса и стояли эмалированные чайники с горячим чаем.

— Спасибо за угощение,— сказал он, допивая последний глоток чая.— Теперь скажите, пожалуйста, где вы нашу «пятерку» приютили?

— В столовой Коммерческого института. Я тебя туда провожу, дорогой,— сказал Цивцивадзе.— Там и редакцию «Социал-демократа» и «Известия Московского Совета» разместили.

В новом помещении, занятом Боевым партийным центром, уже собралось немало представителей из районов.

Их сообщения позволили Пятницкому объективно оценить ситуацию, сложившуюся в Москве.

Необходимо было срочно связаться с ЦК, чтобы Боевому партийному центру решить, как быть дальше, особенно в связи с требованием Викжеля о продлении перемирия. Центр поручил выйти на связь с Петроградом Пятницкому и Владимирскому.

Пятницкий и Владимирский помчались на Николаевский вокзал.

Авторитет, которым пользовался Пятницкий среди железнодорожников, сработал и на этот раз. Пренебрегая протестами викжелевцев, связисты предоставили в распоряжение Осипа прямой провод и соединили его с одним из телефонов Смольного.

Трубку взял кто-то из членов ЦК (к сожалению, так и не удалось установить, кто именно).

— Говорит Пятницкий. Да, по поручению партийной «пятерки». Нас тут интересует несколько вопросов... Да, слышимость приличная... Так вот, как представляет себе Центральный Комитет создание центральной власти и власти на местах? Что, что? Ну это-то нам известно. Да и что Председателем Совнаркома стал Владимир Ильич... Ясно, совершенно ясно... Теперь второе: возимся тут с Викжелем. Он здорово мутит воду и ссылается на какую-то договоренность, якобы достигнутую в Питере. У меня вопрос: достигнуто ли на самом деле соглашение с другими партиями? Как, как? Пожалуйста, повтори... Да, тогда все понятно. Что? Наше положение? Наше положение хорошее. Да, хорошее. Мы прочно укрепились в Совете на Скобелевской площади. Районы жмут, и юнкера помаленьку сдают позиции. Так и скажи Владими-

ру Ильичу и товарищу Свердлову... Нет... Еще об одном скажи... Мы тут отвергли предложение перемирия и условия мира, предложенные в шести пунктах Викжелем. Переговоры прерваны. Одобряется ли наше поведение? Поступили правильно, по-большевистски? Вот этому очень радуемся... Да, теперь, полагаю, скоро добьем. Передай от москвичей товарищу Ленину привет. Ну, будь здоров. До встречи после победы... После победы, говорю...

— Ну что? Что они говорят? — нетерпеливо спрашивал Владимирский, то снимая, то вновь надевая пенсне.

Пятницкий широко улыбнулся:

— Значит, такие дела, товарищи.— И он емкими, короткими фразами передал присутствующим полученную информацию о положении в Питере.

— Теперь самое главное,— продолжал Осип,— то, что мы прервали переговоры и продолжаем боевые действия против мятежников, полностью соответствует тактике ЦК. Всякая нерешительность пагубна и сугубо опасна в эти решающие дни и часы. Передали еще, что товарищ Ленин обеспокоен положением в Москве и дал указание срочно выслать нам на подмогу отряды питерских красногвардейцев и матросов-балтийцев.

31 октября. Уличные бои в Москве достигли наибольшего накала именно 31 октября. Командование юнкеров все еще рассчитывало на помощь со стороны «многочисленных войсковых частей, верных Временному правительству и направленных в Москву». Однако на все их вопли о помощи ставка и командующие фронтами отвечали обещаниями.

...Теперь у Пятницкого был старенький «адлер» и самокатчик Сафонов за рулем.

— На Каланчевскую,— попросил Пятницкий, усаживаясь рядом с Сафоновым.

Было слышно, как гулко ухали тяжелые орудия. Вспышки выстрелов в дневном свете казались оранжевыми. Стрекотали десятки пулеметов. Гремели залпы из винтовок и одиночные ружейные выстрелы.

— Жарковато нынче, товарищ Пятницкий,— сказал Сафонов.

— Прорвемся?

— А то как же! Только бы свои не подбили.

Да, сегодня с врагом, ожесточенно сопротивляющимся революции, восставшая Москва говорила языком артиллерии.

Пока добирались до Каланчевки, чуть ли не десятки раз предъявляя документы красногвардейским патрулям, Пятницкий не только продумывал план своих действий на

ближайшие часы, но и старался представить себе масштабы происшедших событий. Действительность подтвердила гениальный прогноз Ленина. Москва оказалась более готовой к победоносному восстанию, чем предполагали некоторые руководители Московской большевистской организации, в частности он сам — Осип Пятницкий, секретарь Московского комитета.

Так, в тяжелом плену у собственных мыслей, добрался Пятницкий до места, где его встретили друзья. По торжествующему блеску глаз, возбужденным голосам и радостным улыбкам он сразу же понял: в Железнодорожном районе дела совсем неплохи.

Ревкомы и партийные организации были начеку. Не дожидаясь указаний от «пятерки» Железнодорожного района, они действовали инициативно, оперативно и очень целеустремленно: не пропускали эшелоны с врагами и давали «зеленую улицу» друзьям.

...В этот вечер на улицах Москвы смолкли выстрелы.

1 ноября. В среду, 1 ноября, мятежники почти повсюду отступали, с каждым часом теряя надежду на помощь извне. Юнкера, отогнанные от центра, пытались организовать нечто похожее на партизанскую войну. Укрепившись в некоторых зданиях, они вели оттуда беспорядочную стрельбу из пулеметов и винтовок. Но чаще, как было, например, в Кривоколенном переулке, окруженные офицеры и юнкера, попросив 10 минут на размышление, сдавались.

В этот день по предложению О. А. Пятницкого Боевой партийный центр принял решение о разоружении домовых комитетов, которые выступили союзниками юнкеров в уличных боях.

Успехи, достигнутые в подавлении контрреволюционного мятежа, давали возможность Боевому партийному центру вернуться в здание Моссовета на Скобелевской площади.

— Вы перебирайтесь, а я пока объеду все вокзалы, посмотрю, как там принимают бойцов, прибывших на помощь Москве,— сказал Пятницкий.

— Ты не очень-то рискуй. Можешь нарваться на заставу юнкеров! — предупредил его Владимирский.

Революционные отряды прибывали из Подольска, Серпухова, Ржева, Савельева, Кольчугина, Тулы, Твери и других мест.

Осип вернулся в Моссовет, совершенно убежденный в близкой и окончательной победе Советов. Он присел за маленький гостиный столик с гнутыми позолоченными ножками, на полированной поверхности которого разбросаны были

тетрадные листы. Его покачивало от усталости и невероятного нервного напряжения, которое пришлось пережить в эти дни.

Вдруг раздался телефонный звонок.

Пятницкий неохотно подошел к аппарату и снял трубку:

— Пятницкий. С кем говорю?

— Алло! Алло! С Пупко говоришь, товарищ Пятница, с Пупко... Звоню с Центральной городской станции. Алло, как слышишь?

— Дружище! Неужто взяли?

— Да еще как! Штурмом!..

Налаженная связь была еще одной ступенью к окончательной победе.

2 и 3 ноября. Густой бас Свердлова, пробившись через 500 верст, отделявшие Питер от Москвы, не потерял своей выразительности.

— Думаешь, что уже сегодня они капитулируют? А какие на то у тебя основания? Факты... Факты, мой дорогой Пятница. Ты не знаешь дотошности Владимира Ильича... Кремль... Кремль взят? Подвергнут обстрелу из тяжелых орудий. Нет, бомбардировка с аэропланов абсолютно противопоказана. Пострадают ценнейшие памятники старины... А еще что? Подавляющий перевес. А попробуй в цифрах.

— В цифрах... В цифрах примерно выглядит так: в Кремле заперлось около 7 тысяч юнкеров, а осаждают их 18 тысяч красногвардейцев и солдат. Думаю, что и общее соотношение сражающихся сторон такое же. Так и сообщи Владимиру Ильичу. Позже попытаемся дозвониться еще раз. А сейчас бегу на заседание ВРК...

...Шестидневные кровопролитные бои за власть Советов в Москве окончились победой революционных масс. Но побежденные мятежники продолжали торговаться, выговаривая себе какие-то особые условия.

2 ноября начались переговоры между представителями ВРК и «Комитета общественной безопасности» о капитуляции последних контрреволюционных частей. Одновременно ВРК потребовал немедленного роспуска «Комитета общественной безопасности». От ВРК в переговорах участвовали П. Смидович и В. Смирнов.

В 5 часов вечера 2 ноября был подписан договор о капитуляции, и «Комитет общественной безопасности» прекратил свое существование.

Договор, под которым стояли подписи представителей ВРК Смидовича и Смирнова, содержал следующие условия: «Комитет общественной безопасности» прекращает свое сущест-

вование; белая гвардия разоружается и расформировывается. Вместе с тем офицерам оставлялось соответствующее их званию оружие; в юнкерских училищах сохранялось оружие, которое необходимо для обучения; юнкерам гарантировались свобода и личная неприкосновенность; пленные обеих сторон немедленно освобождались. Для решения вопроса о способах разоружения создавалась комиссия из представителей ВРК, организаций, принимавших участие в посредничестве и командного состава мятежников.

— Ну и наворотили! — гремел Пятницкий, размахивая договором, который скреплялся целым столбцом подписей.— Оставить оружие тысячам, а быть может, десяткам тысяч отъявленных врагов пролетарской революции! При первом же удобном случае они удерут из Москвы и предложат свои услуги какому-нибудь генералу, решившему взять на себя роль спасителя России.

...В одной из комнат Моссовета Покровский и Скворцов-Степанов писали текст Манифеста Московского ВРК.

«Ко всем гражданам Москвы!

После пятидневного кровавого боя враги народа, поднявшие вооруженную руку против революции, разбиты наголову. Они сдались и обезоружены. Ценою крови мужественных борцов — солдат и рабочих была достигнута победа. В Москве отныне утверждается народная власть — власть Советов рабочих и солдатских депутатов.

...Беззаветный героизм солдат и Красной рабочей гвардии спас революцию...

Слава павшим в великой борьбе!

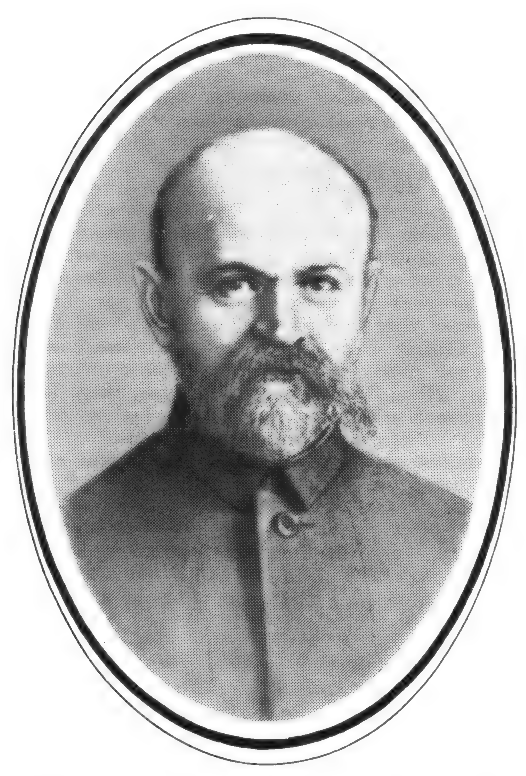
Да будет их дело — делом живущих!»

— Великолепно! — воскликнул Пятницкий.— Слова простые и яркие. Их поймет каждый солдат, каждый пролетарий.

...Побывав в четырех районах, Пятницкий поздно ночью возвращался в Московский Совет. Патрули красногвардейцев все еще останавливали машину и проверяли документы. Но на душе было спокойно. И впервые за 10 суток сердце билось ровно.

* *
*

Иван Иванович
СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ

Скворцов-Степанов И. И. (настоящая фамилия — Скворцов; один из литературных псевдонимов — И. Степанов) (1870—1928 гг.), был в числе руководителей Октябрьской революции в Москве, советский государственный и партийный деятель, историк, экономист. Член КПСС с 1896 г.
Родился в семье фабричного служащего в деревне Мальцево-Бродово Богородского уезда Московской губернии.
Окончил Московский учительский институт.
Преподавал в городском училище на Арбате.
В революционном движении — с 1892 г.
В мае 1895 г. арестован и сослан под надзор полиции в Тулу, где установил связь с марксистами-подпольщиками.
В 1901 г.— член Московского комитета РСДРП.
Был арестован и сослан в Восточную Сибирь.

Иван Иванович
СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ

Вернувшись в Москву, активно участвовал в создании и работе литературно-лекторской группы Московского комитета РСДРП (1905 г.). Участник революции 1905—1907 гг. Редактировал московские нелегальные и легальные большевистские газеты, был автором многих статей и заметок. В марте 1906 г. в Москве познакомился с В. И. Лениным, выполнял его поручения. Делегат IV (Объединительного) съезда РСДРП (1906 г.), на котором отстаивал ленинскую позицию. В 1911 г. выдвигался от большевиков кандидатом в депутаты на дополнительных выборах в 3-ю Государственную думу. В 1911 г. Скворцов-Степанов арестован и выслан в Астраханскую губернию. Возвратившись из ссылки, вновь работает в большевистских газетах и журналах. Перевел на русский язык многие произведения Карла Маркса и Фридриха Энгельса, в том числе «Капитал». В годы первой мировой войны работал в Московской партийной организации, разоблачал оборончество, меньшевизм. После Февральской революции 1917 г.— член Московского комитета РСДРП(б) и редактор газеты «Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов», которой сумел придать большевистское направление. Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). Был председателем большевистской фракции Московской городской думы, с М. Н. Покровским выпускал бюллетень — «Известия ВРК». На II съезде Советов включен в состав первого Советского правительства в качестве наркома финансов. Участник гражданской войны. После ее окончания по поручению ЦК РКП(б) работал над книгой «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства», которая вышла в 1922 г. с предисловием В. И. Ленина. На XIV и XV съездах партии избирался членом ЦК ВКП(б), в 1925—1928 гг.— ответственный редактор газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», в 1926—1928 гг.— директор Института В. И. Ленина. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

* * *

Трибун-ленинец [1]

Революция тотчас же поставила вопрос о необходимости иметь боевую газету. Московский комитет большевиков был единодушен относительно ее руководителя — все назвали имя Скворцова-Степанова. В 5 часов вечера 1 марта ему сообщил об этом М. С. Ольминский и предложил безотлагательно прибыть в помещение Союза земств и городов, которое находилось в доме № 7 на Маросейке (ныне улица Богдана Хмельницкого). Иван Иванович начал быстро собираться, а когда он вышел на улицу, к дому подкатил большой грузо-

[1] Из книги: *Викторов В., Куманев В.* Скворцов-Степанов. М., 1986.

вик с вооруженными солдатами, что вызвало немалый переполох среди обывателей Трубниковского переулка, где он в то время жил.

Доехали без задержек. Ивана Ивановича ждали М. С. Ольминский, Р. С. Землячка, Г. К. Голенко и ряд других работников МК РСДРП большевиков. После решено было ехать в типографию буржуазной газеты «Русское слово», которая располагалась на Тверской улице, и начать на «новой основе» выпуск «Известий Московского Совета». Редакция «Известий», к которой доставил Ивана Ивановича все тот же грузовик с солдатами, помещалась в глубине «владения» издателя Сытина — в верхнем этаже дома, где находились наборное и машинное отделения. Войдя в помещение, новый редактор «Известий» увидел большой стол, сколоченный из толстых промасленных досок.

— Здесь, а точнее, в этом углу заседает обычно редакция,— объяснил ему дежурный.

Кроме И. И. Скворцова-Степанова в редакцию «Известий» включены были также большевики В. С. Попов-Дубовской (брат писателя А. С. Серафимовича), его жена М. М. Попова (Костеловская) и Кац (Светлов), ставший впоследствии лидером группы эсеров-максималистов. Кац неплохо владел технической частью выпуска газеты, а Попова стала отвечать за «связь редакции с внешним миром» (так называли в шутку ее обязанности члены редакции), прежде всего с Московским Советом.

2 марта, в 8 утра, вышел первый номер «Известий Московского Совета». Газета быстро разошлась, и уже на следующий день в редакцию стали приходить рабочие, солдаты, предлагая свои заметки, сообщая последние новости. В городе было еще неспокойно. Взволнованные наборщики рассказали Ивану Ивановичу, что с крыши большого дома у Никитских ворот стреляют спрятавшиеся там городовые. Выстрелы доносились до редакции и с Тверской улицы, где было ранено несколько человек.

В негодовании Скворцов-Степанов садится и пишет статью «А Романовы еще топорщатся? Пора объявить их окончательно низложенными!». В это время в редакцию зашел товарищ председателя Моссовета меньшевик И. И. Егоров и после ознакомления с содержанием памфлета Ивана Ивановича заявил, что «печатанье надо отложить»... ибо статья «идет дальше решений Московского Совета». Иван Иванович пытался доказать абсурдность таких утверждений, потом сел за телефон, но связаться с Моссоветом так и не смог. Пришлось статью отложить.

В таком весьма неопределенном положении было выпущено пять номеров «Известий». По решению МК РСДРП большевиков из редакции вышли В. С. Попов и М. М. Костеловская. Однако Скворцову-Степанову по-прежнему поручалось руководить газетой (с этим после ряда проволочек вынужден был согласиться и Исполком Моссовета — слишком популярен был он в рабочей среде и в журналистских кругах).

По требованию эсеров и меньшевиков была введена новая практика: основные статьи, предназначенные для публикации, предварительно стали рассматриваться в Исполкоме Моссовета, редакции предписывалось смягчать критику Временного правительства, исключать из заметок наиболее резкие места.

Вместе с тем благодаря заботам Скворцова-Степанова к середине марта укрепился редакционный аппарат «Известий». Секретарем редакции стала большевичка Е. И. Ривлина, которая следила и за хозяйственной частью. К этому времени объем газеты увеличился, прибавилось работы и у главного редактора, которому приходилось ежедневно писать по две-три статьи, не считая заметок. Во многом это диктовалось тем, что буржуазия делала все для затруднения выпуска не только большевистских печатных изданий, но и «межфракционного органа» — газеты «Известия». Требовалось оперативно давать отповедь на все ухищрения реакции. Такой способностью обладал Иван Иванович.

Когда московская буржуазия пыталась изобразить отречение Николая II от престола как добровольный акт, в статье «Довольно комедий» Скворцов-Степанов убедительно разоблачил этот маневр. Царь не отрекся от престола, писал он 4 марта в «Известиях», а низложен народом, который разбил трон. Через день он пишет новую статью, разъясняя массам смысл свержения самодержавия: «В тюрьму! Царя в России нет. Престол разбит вдребезги могучим подъемом народа... В тюрьму величайшего преступника, атамана разбойничьей шайки. Вот голоса народа! И не брат этого преступника Михаил наследник престола, а победоносный народ».

Московский комитет большевиков внимательно следил за издательской деятельностью, придавая особое значение «Известиям». По просьбе Ивана Ивановича в редакцию направлялись опытные партийцы. В качестве заведующих отделами стали работать вернувшиеся из ссылки Николай Леонидович Мещеряков [1] и Владимир Николаевич Максимовский.

[1] Мещеряков Н. Л. (1865—1942) — деятель революционного движения в России, участник борьбы за победу Советской власти в Москве. Член КПСС с 1901 года. Профессиональный революционер.

Заведовать отделом внешней политики было поручено Вячеславу Петровичу Волгину, в то время «объединенцу» (впоследствии, в 1920 году, он вступил в РКП(б), а в 1942—1953 годах был вице-президентом Академии наук СССР, стал известным историком).

Плохо обстояло дело с помещением. Не улучшилось положение, когда редакцию перевели в здание Капцовского начального училища в Леонтьевском переулке (теперь улица Станиславского). Здесь, в доме № 19, в одной из комнат разместились сотрудники «Известий». В этом же доме в марте — июле 1917 года работали Московский городской, окружной комитеты и Московское областное бюро РСДРП (большевиков), а также Военное бюро при МК, редакция и издательство газеты «Социал-демократ».

Коридоры здания и комната редакции всегда были переполнены. Приходили люди самых различных политических убеждений, но почти все называли себя революционерами, борцами за свободу.

На митингах, заседаниях Московского Совета Иван Иванович считал свое участие обязательным, хотя в первые дни революции их было великое множество и чаще всего «внепланового порядка». Когда в начале марта на заседании Исполкома обсуждался вопрос о создании милиции, Скворцов-Степанов потребовал тщательно проверить состав образовавшихся милицейских отрядов, выдачу оружия, поскольку костяком народной милиции должен стать пролетариат.

Иначе думали меньшевики и эсеры, засевшие в Исполкоме. Чтобы отстранить рабочих от участия по охране общественного порядка, исполком Комитета общественных организаций с согласия меньшевистско-эсеровского большинства Исполкома Моссовета начал формировать милицию из солдат послушных полков, да и то из числа тех, кто покидал после лечения лазареты и не подлежал возвращению в армию. В основном это были полуинвалиды. Комиссарами этих отрядов милиции, как правило, назначались бывшие присяжные поверенные (абсолютное большинство из них меньшевики и эсеры).

Много сил Иван Иванович тратил на создание нормальных условий для работы редакции «Известий». Эти условия немного улучшились с переездом ее в начале апреля в бывший особняк московского генерал-губернатора (ныне здание Московского Совета), где получила две сносные комнаты. Однако хуже дело обстояло с типографией — уже в концу марта печатание «Известий» в типографии «Русское слово» прекратилось, и после мучительных поисков Ивану Ивановичу

удалось получить для редакции типографию акционерного общества «Московское издательство» на Петровке, 26. Типография, как метко заметил Скворцов-Степанов, была «сильно поношенная и потрепанная». При величайшем напряжении удавалось тираж доводить до 150 тысяч экземпляров, газета опаздывала к утренним поездам, да и к московским газетчикам иногда поступала только к полудню.

Бумаги часто не хватало. Несколько раз по настоянию Ивана Ивановича приходилось идти на прямые акты экспроприации бумаги у спекулянтов и буржуазных издательств, обычно на помощь прибывали грузовики с революционными солдатами.

Изо дня в день в рабочей печати и в «Известиях» появлялись материалы, написанные Скворцовым-Степановым. Об армии, о заговорах против российского пролетариата, о сущности оборонцев, о необходимости единства рабочих под знаменем революции. Много было написано об империалистической войне, с каждым днем уносившей все новые и новые жизни.

Попытка Временного правительства выйти из финансового кризиса путем организации подписки на «заем свободы» кончилась полной неудачей: трудовые массы настолько обнищали в условиях продолжавшейся империалистической войны, что не имели денежных средств. Но главное в том, что они сознательно бойкотировали «заем свободы», не получив от Временного правительства ни мира, ни земли. Даже крупная буржуазия не решилась поддержать заем, считая положение Временного правительства весьма неустойчивым.

«Кто богатеет и кто разоряется от войны? Бумажные деньги и займы» — так назвал свою брошюру Иван Иванович Скворцов-Степанов, посвятив ее анализу возраставшей в стране финансовой и экономической катастрофы. Пропагандистская кампания, писал он, в «Известиях» по поводу «займа свободы», объявленного Керенским, увенчалась «большим» успехом: на заем подписалась царская семья!

Находясь на посту ответственного редактора «Известий», Скворцов-Степанов не прекращал и свою партийно-лекторскую деятельность. 21 марта он выступил на совместном заседании МК и Мособлбюро РСДРП (большевиков) с участием городского актива с основным докладом «Текущий момент и задачи пролетариата».

На заседании решено было в ближайшее время заслушать доклад Скворцова-Степанова об отношении к войне, и уже 25 марта Иван Иванович выступил на эту острейшую тему на Московской областной конференции Советов рабочих и

солдатских депутатов. Он открыто заявил, что Временное правительство в мировой войне продолжает цели самодержавия. Министры этого правительства, много ратующие за свободу, в мировой войне «говорят языком царских министров и открыто возвещают о своей готовности проливать кровь народов ради захватов». «Мы требуем мира!» — воскликнул докладчик под бурные овации зала.

В единогласно принятую резолюцию Иван Иванович включил ленинский лозунг «Мира без аннексий и контрибуций с предоставлением всем нациям права на самоопределение». В резолюции содержался призыв к народам воюющих держав взять дело мира в свои руки и заставить правительства своих стран отказаться от захватнических стремлений.

3 апреля, впервые в легальных условиях после многих лет пребывания большевистской партии в подполье, начала работу 1-я Московская общегородская конференция РСДРП. Ее заседания проходили в здании биржи на Ильинке (ныне улица Куйбышева). Присутствовало около 400 делегатов.

Первое заседание от имени МК РСДРП открыл Скворцов-Степанов. Он не мог сдержать волнение. Несколько минут, улыбаясь, смотрел на зал, приветствуя делегатов. Затем, обращаясь к собравшимся, начал речь:

— Впервые наша конференция, товарищи, собралась открыто. Уже один этот факт очень знаменателен. Мы вышли из подполья, и первые наши слова должны быть обращены как слова горячего братского привета революционным борцам, освобожденным после свержения самодержавия из тюрем и ссылки, а также изгнанникам царизма — политическим эмигрантам. Вношу на рассмотрение делегатов двенадцать вопросов. Текущий момент, отношение к Временному правительству, аграрный вопрос, отношение к войне...

Уже 2-я Московская городская конференция, состоявшаяся 15 апреля, показала решительную поддержку московскими большевиками ленинской позиции по основным принципиальным вопросам текущего момента. Конференция избрала делегатов на Всероссийскую (и Московскую областную) конференцию РСДРП(б). В числе избранных — Ф. Э. Дзержинский, И. И. Скворцов-Степанов, Р. С. Землячка, П. Г. Смидович и другие видные партийцы. Иван Иванович выступил на городской конференции с докладом по аграрному вопросу, основной тезис которого — конфискация и национализация всей помещичьей собственности — получил полное одобрение делегатов.

А несколько дней спустя Иван Иванович выехал в столицу. После девятилетнего перерыва состоялась его встреча с Вла-

димиром Ильичем Лениным. Выступления В. И. Ленина на Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП(б), беседы с ним окончательно помогли Скворцову-Степанову выработать четкую линию по всем основным вопросам развертывания революции. В Москву Иван Иванович вернулся поистине окрыленным...

По мере роста влияния большевистской партии в массах заметно усиливалось сопротивление буржуазии, всеми средствами противившейся демократическим преобразованиям и развернувшей бешеную кампанию против революционных социал-демократов. Стены домов и заборы пестрели листками и объявлениями, содержащими различные небылицы о большевиках, резолюции мифических собраний солдат, служащих, коллективов заводов, принятые-де против РСДРП(б). И здание редакции «Известий» кто-то старательно по утрам обклеивал этими лживыми листками.

«Положение на газетном фронте явно обострилось,— говорил в кругу товарищей Иван Иванович.— Возросла развязность клеветников. Теперь они норовят для придания правдоподобности ссылаться на какие-то «имеющиеся документы». Например, что мы агенты Гогенцоллернов! Впрочем, такие басни прежде всего рассчитаны на тупого обывателя и черносотенцев всех мастей. Буржуазия не может простить пролетариату и его партии завоеванных ими позиций».

Конечно, в этой ситуации Скворцову-Степанову как ответственному редактору в «нефракционной газете» приходилось соблюдать известную нейтральность. Его часто охватывало бессильное негодование, когда он наблюдал, какие потоки клеветы выливались на партию, а «Известия» не могли ответить на каждый удар ударом. Поэтому после раздумий Иван Иванович пришел к мысли использовать исторические параллели, и в частности, жизнь и деятельность Марата, чтобы выразить через факты истории свое отношение к современным событиям. И вот с начала апреля до середины мая в «Известиях» публикуется серия его статей о герое французской революции.

«Друзья и враги разом поняли,— рассказывал позднее Иван Иванович,— что речь идет не только о французской, но и о нашей революции».

Скворцову-Степанову с каждым днем все труднее приходилось работать в «Известиях»: меньшевики и эсеры настаивали, чтобы главный редактор прекратил «однобокую линию», то есть явно большевистское направление газеты. Как вспоминал Н. Л. Мещеряков, «в конце мая 1917 года между руководящим меньшевистско-эсеровским большинством

Московского Совета и Скворцовым как представителем редакции произошел резкий конфликт. Тов. Скворцов не согласился выполнить те требования, которые предъявляли ему эсеры и меньшевики. Он предпочел уйти из газеты, нежели свернуть в какой бы то ни было степени то большевистское знамя, под которым работал... Мы устроили небольшое фракционное собрание. Он доложил нам о ходе своих переговоров, и мы все трое единогласно — третьим был тов. Максимовский — постановили: уйти из редакции».

Московский комитет РСДРП(б) одобрил уход Скворцова-Степанова с поста ответственного редактора и решил не назначать вместо него представителя — ситуация продолжала обостряться. Была принята резолюция: «1. Работа большевиков в редакционной коллегии и в общеполитическом отделе «Известий рабочих депутатов» в настоящий момент нецелесообразна. 2. Вернуться в редакционную коллегию для работы только в том случае, когда изменится соотношение сил». Выход Ивана Ивановича из редакции «Известий» одобрил также Хамовнический райком РСДРП(б). С 31 мая 1917 года он вынес решение прекратить поддержку этой газеты и проведение подписки на нее, поскольку она резко поворачивает в сторону, чуждую революционной демократии и «не выражает воли и взглядов революционного пролетариата».

Прекращение работы в «Известиях» было вынужденным шагом для Ивана Ивановича Скворцова-Степанова, вложившего столько сил и энергии в их деятельность. Как не раз он признавался, больше всего ему по душе была работа именно в массовой ежедневной газете. Несомненно, «Известия», руководимые Скворцовым-Степановым, сыграли немалую роль в осуществлении линии партии большевиков за завоевание широких масс после победы Февральской революции, в трудные месяцы подготовки перехода к социалистическому этапу революции.

Вместе с тем с уходом из «Известий» Иван Иванович не прекратил своей журналистской деятельности: с 7 марта он входил в состав редакции легальной газеты московских большевиков «Социал-демократ». Инициатором ее создания был М. С. Ольминский, который еще до выхода первого номера надолго уехал в Петроград (он вернулся в Москву только в апреле 1917 года). Решением МК РСДРП(б) в узкий состав редакции вошли И. И. Скворцов-Степанов, Н. М. Лукин-Антонов и А. И. Усагин. В газете не раз выступал В. И. Ленин. Здесь активно сотрудничали также Ем. Ярославский, В. Н. Подбельский, А. И. Ульянова-Елизарова, Г. И. Петровский,

М. И. Ульянова, А. Е. Бадаев, А. А. Сольц, П. Г. Смидович, В. П. Ногин, В. Д. Бонч-Бруевич, П. К. Штернберг, В. А. Обух, Г. К. Голенко и другие видные большевики, поэт Демьян Бедный.

Сжатый и выразительный язык, строгий стиль, экономное расположение материала в «Социал-демократе» — все было подчинено одной цели: доходчиво и правдиво рассказать широким массам о единственно верном пути расширения и углубления революции.

Всего в 1917 году вышло 246 номеров «Социал-демократа», и в подготовке всех их непосредственное участие принимал Скворцов-Степанов. А каждый номер, по образному замечанию старого большевика Г. К. Голенко, был «искрой, брошенной в революционный костер». Самой уничтожающей критике политика Временного правительства, помещичье-буржуазных и мелкобуржуазных партий подвергалась в Москве прежде всего на страницах «Социал-демократа», а также в ряде других большевистских изданий.

По существу, Скворцов-Степанов сотрудничал почти во всех периодических изданиях московских большевиков. С 4 октября 1917 года Московская военная организация РСДРП(б) стала издавать популярную газету для крестьян и солдат — «Деревенская правда» (под редакцией Ем. Ярославского). Скворцов-Степанов поместил в газете ряд своих статей и заметок. Печатался он и в профсоюзном журнале «Московский металлист» (выходил с августа 1917 года). Он живо откликался на все крупные события тех дней. Когда Временное правительство организовало 17—18 июня «наступление» русских войск (буржуазная печать назвала его «наступлением Керенского»), Иван Иванович на страницах газеты «Социал-демократ» назвал это авантюрой, которая преследовала цель — «затопить нас в бурном патриотическом потоке, который ожидался следом за известием о блестящих победах на нашем фронте».

«Наступление Керенского», как и следовало ожидать, провалилось. На проволочных неприятельских заграждениях остались горы трупов российских солдат. «Провал наступления использован для того, чтобы отнять и ограничить гражданские свободы солдата, который меньше всего виновен в катастрофе. Ему сначала воспретили читать ряд социал-демократических газет, которые помогли бы разобраться в сложившемся положении... В то же время командный состав вооружили военно-полевыми судами и смертной казнью» — так оценил Скворцов-Степанов истинный замысел кровавого плана Временного правительства.

РАБОТНИЦЫ И СОЛДАТКИ

Ваши мужья, братья и отцы умирают на фронтѣ за интересы капиталистов.

ПАРТІЯ

соціал-демократов
№ 5 БОЛЬШЕВИКОВ № 5

БОРЕТСЯ

против грабительской войны

ПРОТИВ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ДЛЯ СОЛДАТ.

Только эта партія борется и требует

МИРА ХЛѢБА И СВОБОДЫ.

на выборах гласных в районыя думы 24 сентября голосуйте за № 5

Одна из листовок Московского
комитета РСДРП(б), выпущенная
накануне выборов в районные думы:
«Работницы и солдатки.
Голосуйте за список № 5!»

Незадолго до июльских кровавых событий в Петрограде и массовых демонстраций в Москве состоялись выборы в Московскую городскую думу. Большевики и социал-демократы (интернационалисты) выступали единым списком (№ 5). В числе кандидатов в гласные думы от партии большевиков значились И. И. Скворцов-Степанов, М. С. Ольминский, В. Н. Подбельский, Г. А. Усиевич, П. К. Штернберг, П. Г. Смидович, И. Ф. Арманд и другие.

Одним из организаторов избирательной кампании большевиков был Иван Иванович Скворцов-Степанов. Он постоянно подчеркивал при обсуждении в МК РСДРП(б), что главное — не в избрании местного самоуправления, а в том, что борьба идет по самым острым общеполитическим вопросам.

Достаточно обратить внимание на тот факт, что все буржуазные партии и соглашатели объединились против нас в общий фронт, говорил он в день выборов 25 июня.

— Вы посмотрите, что пишут «Русские ведомости», только что купил номер на углу: «Сегодня главный вопрос — справиться с той болезнью, которая разрушает Россию и угрожает всем завоеваниям революции, болезнь эта — большевизм».

«Русские ведомости» в этой гнусной клевете были не одиноки — почти все московские буржуазные газеты твердили одно-единственное: враг свободы и революции — большевики. И когда избиратели двинулись голосовать, дождем сыпались листовки с «предупреждениями» (их сбрасывали с крыш домов, ими были облеплены транспорт, заборы, многие здания): «Граждане! Не голосуйте за № 5. Это — большевики!!!» Специально снаряженные отряды черносотенцев, дворники, которым заранее было «уплачено», срывали избирательные плакаты большевиков или замазывали их краской. «В день выборов, пройдя от Каланчевской площади до Совета,— рассказывал Иван Иванович,— не нашел ни одного уцелевшего плаката № 5. От них остались только клочья». Плакаты уцелели в рабочих районах, отмечал Скворцов-Степанов в статье «К московским городским выборам», опубликованной в журнале «Спартак». Именно здесь большевики имели наибольший успех. Всего за них было подано 75 409 голосов (11,6 процента). Но даже численно небольшая группа из 23 большевистских гласных Московской думы (председателем большевистской фракции стал Скворцов-Степанов) превратилась в серьезную политическую силу благодаря своей сплоченности и дисциплине.

Фракция большевиков в Московской думе не смущалась своей малочисленностью, став с первых же дней в центре ожесточенной борьбы. Ее популярность в массах стремительно возрастала, свидетельством чего были огромные толпы, которые собирались перед «большими думскими днями». Многие стремились прежде всего услышать речи Скворцова-Степанова, последить за дебатами.

Под гиканье и вопли кадетов и соглашателей гласные от большевиков вносили одно за другим подлинно революционные практические предложения: немедленная конфискация всех бывших владений дворцового ведомства и использование их в интересах бедноты, переход под городской контроль всех церковных и монастырских владений и капиталов, протест против введения смертной казни для солдат на фронте, улучшение прав рабочих. Хотя пригласительные билеты

распространялись для публики согласно численности фракций (то есть пропорционально), трибуны заполняли люди явно в «нарушение этого правила» — число сочувствующих большевикам нередко составляло подавляющую часть гостей. «Думское большинство и особенно кадеты,— по словам Скворцова-Степанова,— ненавидели нас за то, что они уже тогда ясно видели, что мы не просто говорим, но когда власть перейдет к нам, то станем действовать так, как говорим. Тем сильнее к нам приковывалось внимание масс».

Чтобы укрепить руководство профессиональными союзами Москвы, Московское областное бюро РСДРП(б) решило направить туда опытных, испытанных большевиков — Я. Э. Рудзутака, Е. М. Ярославского, Р. С. Землячку, И. И. Скворцова-Степанова и других. Решение было весьма своевременным — с переходом реакции в наступление в начале июля 1917 года работа в профсоюзах превращалась в один из решающих участков борьбы за массы.

Исключительно важное значение в сплочении партийных рядов и определении курса на социалистическую революцию имел VI съезд РСДРП(б).

Вести об итогах съезда быстро пришли в Москву. Скворцов-Степанов, как и все большевики-ленинцы, развернул энергичную работу по разъяснению документов съезда. Както, выступая на одном рабочем собрании, он с волнением повторил понравившиеся слова своего соратника по борьбе Виктора Павловича Ногина, сказанные им при закрытии VI съезда: «Как бы ни была мрачна обстановка настоящего времени, она искупается величием задач, стоящих перед нами, как партией пролетариата, который должен победить и победит».

Серьезное испытание для Московской организации большевиков было связано с созывом Временным правительством так называемого Государственного совещания, за ширмой которого готовилось установление в стране военной диктатуры во главе с генералом Корниловым. Считая Москву более спокойным местом, ее и избрали для проведения такого совещания.

МК РСДРП(б) призвал пролетариат Москвы бойкотировать открытие Государственного совещания и встретить день 12 августа забастовками. 7 августа было созвано расширенное заседание Московского бюро профсоюзов совместно с представителями руководства 28 отраслевых профессиональных союзов города. Заседание рассмотрело вопросы о текущем моменте, об отношении к Временному правительству и Государственному (Московскому) совещанию. После вы-

ступлений П. Г. Смидовича и И. И. Скворцова-Степанова участники заседания приняли решение развернуть широкую агитацию за бойкот Государственного совещания. Эти же вопросы обсудило экстренное заседание Московского бюро профсоюзов (совместно с представителями 41 профсоюза) 9 августа. Основной доклад на заседании о создавшемся политическом положении сделал Иван Иванович. Он же внес предложение-резолюцию, призывавшую трудящихся Москвы провести 12 августа однодневную стачку протеста против планов реакции.

Вопрос о предстоящем совещании не мог пройти мимо Московской городской думы. Его обсуждали 10 и 11 августа. От имени фракции большевиков Скворцов-Степанов предложил принять резолюцию, в которой убедительно разоблачались контрреволюционные цели корниловцев.

— Московская городская дума,— четко раздавалось в притихшем зале,— считает необходимым войти в Московское совещание, с тем чтобы организовать в нем все революционные элементы вокруг требований последовательной революционной демократии и, огласив декларацию... (Иван Иванович сделал паузу), демонстративно удалиться.

На скамьях кадетов и соглашателей — оцепенение. Затем вносится резолюция от меньшевиков и эсеров — одобрить участие представителей думы и совещания. «Машина голосования» снова сработала.

Однако партия не собиралась сдаваться. Агитация большевиков во всех районах города, листовки протеста против зловещих замыслов военщины в альянсе с соглашателями, стихийные митинги — все это сыграло свою роль, не прошло бесследно. Утром 12 августа газета «Социал-демократ» публикует воззвание МК РСДРП(б): «Сегодня парад контрреволюции... На поход реакции мы должны ответить походом революционного пролетариата... Пусть не работает ни один завод, пусть станет трамвай, пусть погаснет электричество, пусть окруженное тьмой будет заседать собрание мракобесов контрреволюции». (Проект воззвания был написан Скворцовым-Степановым поздно вечером, накануне сборища реакции.)

Забастовка прошла удачно. Члены Государственного совещания, которые должны были обедать по удешевленным ценам в ресторане «Метрополь», так и остались без обеда. Остановился транспорт, закрылись многие магазины, прекратило работу большинство заводов и фабрик (всего не вышло на работу свыше 400 тысяч рабочих Москвы и ее окрестностей). Большевики, хотя и не были допущены на сове-

щание, повсюду сумели распространить свою декларацию протеста. Анализируя результаты забастовки, В. И. Ленин отмечал: «Стачка в Москве 12 августа доказала, что *активный* пролетариат за большевиками...»[1].

Контрреволюция убедилась, что ее надежды на «тихую» Москву не сбылись.

На первом же заседании Московской городской думы после открытия Государственного совещания Скворцов-Степанов в числе первых попросил слова и гневно обличил сообщников готовившегося контрреволюционного заговора во главе с генералом Корниловым. Буржуазная газета «Русское слово» об этом выступлении Ивана Ивановича писала следующее: «И. И. Скворцов произносит горячую речь:

— За сообщниками Корнилова,— восклицает он,— ходить недалеко, здесь надо искать их справа! Вот они! — И при этих словах оратор делает жест в сторону Астрова П. И., главы кадетской партии.

Здесь,— говорит оратор,— призывают поддержать Временное правительство, но мы вправе спросить: кого же это мы будем поддерживать? Быть может, то самое Временное правительство, часть которого находится в заговоре с генералом Корниловым или, во всяком случае, сочувствует ему?.. Надо арестовать и предать революционному суду не только генерала Корнилова, но и всех тех, кто стоит за спиной его». От имени фракции большевиков Скворцов вносит проект резолюции. Шестой пункт этого проекта предусматривал немедленное принятие следующих мер:

«Ближайшими шагами революционной власти должны быть декрет о демократической республике, возобновление энергичной борьбы за скорейшее окончание войны на основе платформы, выдвинутой Советами Р. С. и К. Д. [2], немедленная передача всей земли в заведование местных революционно-демократических органов».

Однако эсеро-меньшевистское большинство думы и на этот раз отклонило большевистский проект.

Большевистская фракция (Московской думы) и ее председатель стали организаторами активной революционной деятельности всех гласных от РСДРП(б) в городских думах Московской губернии. На августовском собрании представителей большевистских фракций дум от Подольска, Богородска, Коломны, Орехова-Зуева и других городов с докладом о политическом положении в стране выступил Скворцов-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 77—78.
[2] Надо читать: Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Степанов. Он призвал думские фракции партии не ограничиваться лишь узким кругом чисто мирных местных дел, а увязывать их с общеполитическими вопросами. При этом главнейшая задача — борьба с опасностью контрреволюционного переворота.

Через несколько дней от имени гласных-большевиков он внес на заседание думы проект резолюции о необходимости создания революционного правительства, составленного исключительно из представителей рабочего класса и трудового крестьянства. Это был уже открытый жест непризнания и отрицания прогнившего Временного правительства и вызвал в думе настоящий переполох. Воспользовавшись очередным заседанием думы 9 сентября, Скворцов-Степанов демонстрирует непоколебимую волю РСДРП(б) сорвать все планы реакции: он решительно выступает против участия в так называемом Демократическом совещании, созыв которого намечался буржуазией в альянсе с меньшевиками и эсерами в Петрограде. И вновь Иван Иванович призывает к созданию органов подлинно народной революционной власти.

В конце лета — начале осени 1917 года Скворцова-Степанова можно было часто видеть на митингах, собраниях рабочих, в заводских цехах и мастерских. Один из таких митингов на Большой Дмитровке в театральном помещении (ныне Театр оперетты на Пушкинской улице) надолго запомнился самому Ивану Ивановичу.

«Все тогда говорили,— вспоминал он,— что картина Б. Дмитровки перед этим митингом, созванным большевиками, напоминала «шаляпинские дни». И билеты на митинг достать было крайне трудно. Театр ломился от слушателей. Громадные толпы остались на улице, образуя еще митинги». А на следующий день (3 сентября) состоялся новый митинг в аудитории Политехнического музея, где собрались солдаты Московского гарнизона. И снова все билеты раскуплены заранее. Кроме Ивана Ивановича на митинге выступили с речами П. Г. Смидович, Г. А. Усиевич, Е. М. Ярославский. Кто-то из присутствующих, взволнованный услышанным, внес предложение помочь «улучшить издательское дело в РСДРП(б)» путем сбора денежных средств на нужды партийной типографии. Предложение было единодушно принято, в фонд МК РСДРП(б) поступило существенное пополнение.

В сентябре соотношение сил в Москве резко изменяется в пользу большевиков. Полностью большевистским стал Московский Совет рабочих депутатов. Его председателем был избран большевик-ленинец В. П. Ногин. Разгром корнилов-

ского мятежа, в подавлении которого большевистская партия сыграла решающую роль, сильно повысил ее авторитет в массах. Это убедительно сказалось и на выборах в районные думы Москвы, которые состоялись 24 сентября.

Список большевистских кандидатов в VII районную (Рогожскую) думу возглавлял Иван Иванович Скворцов-Степанов. Из 17 районных дум в 11 большевики получили абсолютное большинство. Лишь в одной Тверской думе перевес оказался на стороне реакционного блока.

Всего было избрано 350 гласных — членов РСДРП(б), среди них — И. И. Скворцов-Степанов, Е. М. Ярославский, Р. С. Землячка, М. Ф. Владимирский, М. С. Ольминский, В. Н. Подбельский, И. В. Русаков [1]. За большевиков голосовали не только рабочие и городская беднота, но и основная масса солдат Московского гарнизона.

Иван Иванович так оценивал успех большевиков Москвы на выборах в районные думы: «Это был суд над тем, что делали мы в Совете, в партийных и профессиональных организациях, в армии, в городской думе — повсюду. Прошло всего три месяца с того дня, как за нас высказалась всего девятая часть голосовавших. Теперь за нас было подано более половины всех голосов. Меньшевики разбиты, а эсеры провели маленькие кучки гласных... Соглашатели фактически превратились в подголосков белой гвардии».

После того как Московский Совет стал большевистским, Скворцов-Степанов по решению МК РСДРП(б) 2 октября вновь возглавил «Известия Московского Совета».

Снова став во главе газеты «Известия», Иван Иванович не ослабил своего участия и в работе печатного органа большевиков — газеты «Социал-демократ». Темы статей затрагивали самые различные злободневные вопросы: внешнеполитическая жизнь, положение на фронте, общество и церковь, политическое положение, проблемы революции и рабочего движения. По сути, не оставлен был без внимания ни один жгучий вопрос, который стоял в повестке дня жизни России в канун исторической пролетарской победы.

...Получив известие о начале Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, городской голова В. В. Руднев созвал экстренное заседание думы и заявил о необходимости «решительного противодействия мятежу петроградских большевиков». Слово взял руководитель фракции РСДРП(б) Скворцов-Степанов.

[1] Русаков И. В. (1877—1921) — участник трех революций в Москве. Член КПСС с 1905 года. После Февральской революции — член Сокольнического райкома партии и исполкома районного Совета.

— Когда происходило Московское государственное совещание,— начал он, повернувшись к Рудневу,— профессиональные союзы решили откликнуться на это демонстрацией. Тогда городской голова оспаривал право рабочих на демонстрацию и назвал это анархическим выступлением меньшинства. Прошло полтора месяца, и анархическое меньшинство оказалось большинством. Выборы в районные думы это ясно доказали. От чьего имени говорит городской голова? — Иван Иванович сделал паузу и оглядел притихший зал.— От имени тех, кого выбирали 25 июня, но не от имени теперешнего большинства. Теперь вы меньшинство!

Эти слова оратора вызвали бурную овацию на скамьях слева.

— Дума не представляет сейчас населения. Во имя будущего страны мы говорим смело и решительно. Власть захватывает не ничтожное меньшинство, а представители большинства страны...

Загудели, затопали ногами депутаты правых партий.

— Принимайте свою резолюцию,— продолжал Скворцов-Степанов, нисколько не смущаясь гвалтом, поднятым кадетами, эсерами и меньшевиками.— Мы не будем участвовать в ее голосовании, но помните ответственность, которую берете на себя. То, что могло произойти без пролития крови, может сейчас стоить громадных жертв, если вы будете вызывать войска во имя меньшинства. Мы говорим, что курс правительства привел к катастрофе страну и фронт, потому что меньшинство, оказавшееся у власти, все более уступает врагам революции. Теперь оно умирает. Временное правительство действовало как враг народа, разрушая государственное хозяйство...

Между нами и вами,— Иван Иванович делает жест направо,— непроходимая пропасть.

В заключение речи Скворцов-Степанов воскликнул:

— Революция поднялась на высшую ступень! Теперь рабочий класс и крестьянство получат долгожданную свободу, права, в интересах народа в стране произойдут коренные, глубочайшие преобразования!

Протокольная запись выступления Ивана Ивановича, опубликованная в «Известиях Московского Совета», все же, как свидетельствовали очевидцы, не передавала всех ее оттенков и трудноуловимых нюансов (полной стенограммы не сохранилось). Эта речь Скворцова-Степанова в день победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде была, по мнению большевика В. Н. Подбельского, одним из лучших публичных выступлений трибуна-ленинца.

Но силы контрреволюции не сидели сложа руки. Вслед за созданием «Комитета общественной безопасности» развернулось вооружение сил реакции, с фронта были вызваны «верные части».

Когда вечером 27 октября члены Московского ВРК, МК РСДРП(б) и большевистские депутаты Московского Совета собрались на совещание для экстренного обсуждения создавшегося положения, в комнате резко зазвенел телефон:

— Звонит полковник Рябцев от имени «Комитета общественного спасения» и штаба округа. Требую прекратить вооружение Красной гвардии и «расхищение» большевиками оружия из Арсенала. Далее, сдать Кремль. Немедленно сдаться всем присутствующим... распустить Военно-революционный комитет. У меня все. Каков ответ?

Заметив растерянность В. П. Ногина, секретарь ВРК А. А. Додонова поспешила пригласить на заседание И. И. Скворцова-Степанова и М. Н. Покровского, которые отлучились в редакцию «Известий» и обсуждали проект очередного номера газеты.

Выслушав взволнованную Додонову, Иван Иванович заметил:

— Анна Андреевна, но мы не члены Военно-революционного комитета.

— Это ничего. Вас там ждут,— настаивала Додонова.

Вспоминая эти исторические минуты, член Московского военно-революционного комитета А. Я. Аросев писал:

«В комнате было накурено, тепловато, и, несмотря на то, что было в ней десятка два с половиной людей, в этот миг в ней было так тихо, что было слышно, как капля по капле с крыши в трубу капали последние дождинки пронесшейся днем тучи. Можно было четко сосчитать капли: одна, другая, третья...

В этот миг гробовое молчание было жутким.

Дождевая капель отсчитывала секунды.

— Товарищи,— вдруг в какую-то из секунд громко не сказал, а отрезал, не отрезал, а отрубил И. И. Скворцов,— товарищи, толковать тут нечего. Тут, по-моему, надо сказать одно: всякий, кто боится смерти, да покинет сей дом...

После этих слов Ивана Ивановича сразу все почувствовали себя уверенными в дальнейших действиях. А тогда надо было сражаться, чтобы победить или умереть. Другого выхода не было».

«Когда в Москве раздались первые выстрелы,— свидетельствовал Н. Л. Мещеряков,— когда в Московский Совет пришли первые известия о выступлении юнкеров, Иван Ивано-

вич, не растерявшись ни на минуту, немедленно принял на себя полностью всю инициативу. Его рукой был написан ряд обращений и воззваний со стороны Московского Совета по поводу этого выступления. Эти обращения и воззвания писались в течение всей ночи».

В создавшемся чрезвычайно сложном положении из-за выступления контрреволюции два дня, 29 и 30 октября, «Известия» не выходили. Печатное слово партии в столь тревожное время было крайне необходимым. Понимая это в полной мере, И. И. Скворцов-Степанов и М. Н. Покровский готовили очередной номер под охраной революционных солдат — сначала в Замоскворечье, в небольшой студенческой столовой Коммерческого института (ныне Московский институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова), а затем в маленькой комнатке типографии Сытина.

В дни социалистической революции в Москве Иван Иванович Скворцов-Степанов, по словам В. Д. Бонч-Бруевича, «под огнем боролся против режима буржуазии, руками юнкеров расстреливавшей рабочих, формулируя непререкаемые требования пролетариата, бодря всех к прямому действию и отводя все руки, тянувшиеся к политическому компромиссу».

Хотя формально Скворцов-Степанов не входил в состав Московского ВРК, его роль в деятельности этого боевого органа революции была весьма значительной. В этом можно убедиться по протоколам заседаний Военно-революционного комитета.

2 ноября. Рассматривается вопрос о воззвании к населению. Поскольку проект, написанный Ольминским, составляет всего несколько строк, решено «разыскать И. И. Степанова»...

Материалы за **4 ноября.** Постановлением Московского ВРК организуется Декретная комиссия в составе И. И. Скворцова-Степанова, М. Н. Покровского и М. Ф. Владимирского.

Протоколы заседания ВРК **6 ноября.** Один из вопросов — о новых выборах городской думы. Решено «поручить тт. Покровскому и Скворцову выработать проект воззвания о причине роспуска городской думы и назначении выборов на 26 ноября с. г.». По вопросу «О буржуазной печати» ВРК постановил «поручить тт. Покровскому и Скворцову выработать проект декрета о печати».

После краткого обсуждения Иван Иванович и Михаил Николаевич подготовили «Декрет Московского ВРК о печати». Он был утвержден в тот же день, 6 ноября, без каких бы то ни было изменений.

...II Всероссийский съезд Советов 26 октября (8 ноября) избрал Скворцова-Степанова членом ВЦИК и по предложению В. И. Ленина утвердил его народным комиссаром финансов первого Советского правительства. 27 октября о назначении узнал сам Иван Иванович.

А за несколько часов до этого он случайно встретил на улице вблизи Чистых прудов своего старого друга большевика П. Г. Дауге [1]. Поздравили, обнявшись, друг друга с победой.

— Ну, Иван Иванович,— обратился к нему Дауге,— для меня не подлежит ни малейшему сомнению, что ты, как переводчик «Капитала» Маркса и «Финансового капитала» Гильфердинга, будешь нашим «министром финансов».

— Ни в коем случае,— тотчас же оборвал его Иван Иванович,— если я считаюсь неплохим теоретиком в финансовых вопросах, то это еще ничего не значит, по моему убеждению, я плохой практик финансового дела.

Иван Иванович, видимо, сумел убедить Центральный Комитет и лично Владимира Ильича Ленина в том, что в качестве ответственного редактора «Известий» и «Социал-демократа» он принесет больше пользы революционному делу.

* * *

Из воспоминаний И. И. Скворцова-Степанова [2]

...Мало нас было сначала. Но мы были тесно сплочены,— мы были едины. И чем больше нас травили, тем тесней становилось единство и сплоченность.

Уже к концу лета 1917 года товарищей поражало, с каким настроением проходили на конференциях партии доклады и прения о возрождении пролетарского Интернационала. У совсем не нервных людей от глубокого волнения мурашки пробегали по коже, когда на конференциях пели «Интернационал»: такая глубокая скорбь по бесславно погибшем покойнике, такая мощная пролетарская воля к его воскресению к *новой* жизни вкладывалась участниками конференций в

[1] Дауге П. Г. (1869—1946) — активный участник революции 1905—1907 годов и Октябрьской революции в Москве. Член КПСС с 1903 года. Во время Великой Октябрьской социалистической революции участвовал в формировании и вооружении отрядов Красной гвардии Москвы, в издании большевистской латышской газеты «Социал-демократ».

[2] Из книги: Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве, с. 362—365.

исполнение,— а с чисто музыкальной точки зрения очень неважное.

За нас и для нас работало и правительство Керенского, представлявшее прямое издевательство над нашей революционной эпохой.

Уже к августу наметился поворот. На 12 августа было назначено пресловутое Государственное совещание. В первых числах августа в Белом зале советского (бывшего генерал-губернаторского) дома было созвано совещание представителей всех профессиональных союзов. Оно почти единогласно постановило встретить Государственное совещание забастовкой.

Кадетские и соглашательские газеты лгали, когда уверяли, будто забастовка вовсе не удалась. Мало еще таких *всеобщих* забастовок видала Москва. Она показала, что, в то время как Советом владели эсеры и меньшевики, вся рабочая Москва уже была за большевиками. Она показала, что большинство в Совете было узурпаторским большинством...

Надо прямо сказать: в конце августа, когда начался корниловский бунт, меньшевики и эсеры струсили и растерялись. Для них было ясно, что если кто-нибудь и пользуется влиянием у солдат, так это отнюдь не они, а большевики. Начались короткие дни ухаживаний за большевиками. Соглашатели хлопотали об освобождении большевистских агитаторов, засаженных в тюрьмы соглашательским правительством. Таким образом, они расписывались в том, что, удерживая за собой солдатскую часть Совета, они, демократы на словах, превратились в явных захватчиков.

Мы, «ничтожная кучка мартовско-июльских дней», мы, «близорукие сектанты», мы, «слепые фанатики мировой революции»,— как называли нас — мы явно делались силой...

Мы, ничтожное меньшинство, не боялись сражений, мы с развернутыми знаменами шли в сражения.

Наша фракция в городской думе была крошечной горсточкой: 22 [1] из 200 гласных... С первых же дней она стала в центре ожесточенной борьбы. И вела эту борьбу с такой энергией, что перед большими думскими днями здание думы осаждалось огромными толпами, которые стремились попасть на заседания. Кадетско-эсеровская дума ничего не сделала для увеличения числа мест для публики. Но в дни больших заседаний к думе неизменно вызывались наряды пеших и конных милиционеров...

[1] Неточность: большевики получили 23 места в городской думе. См.: *Грунт А. Я.* Москва. 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976, с. 165.

Билеты на вход публики в заседания распространялись соответственно численности фракций. Следовательно, через большевиков распределялась только девятая часть всех мест для публики, через кадетов и эсеров — три четверти. Тем не менее трибуны страстно, бурно и грозно протестовали против лицемерных эсеровских речей.

Церетели как-то издевался над большевиками, будто в июле они не возвысили своего голоса против смертной казни для солдат. Это неправда. Московская думская фракция большевиков *заставила* эсеров быстро, в спешном порядке, поставить этот вопрос. После этого он был вынесен на митинги; в конце концов тогдашнему большинству Московского Совета пришлось поставить его и в Совете.

Бурными столкновениями ознаменовались и заседания, на которых обсуждались конфликты между городскими служащими и рабочими. Наша фракция решительно стала на сторону рабочих. В октябрьско-ноябрьские дни и в последующие месяцы городские рабочие стояли в передовых рядах, которые сначала сражались с белогвардейцами, а потом сламывали саботаж и забастовку служащих. В сентябре — октябре они убедились, что наша партия станет все делать так, как она говорит.

24 сентября происходили выборы в районные думы Москвы. Это был суд над тем, что делали мы в Совете, в партийных и профессиональных организациях, в армии, в городской думе — повсюду. Прошло всего три месяца с того дня, как за нас высказалась всего девятая часть голосовавших. Теперь за нас было подано *более половины* всех голосов. Меньшевики были совершенно разбиты,— почти совершенно исчезли. Эсеры растаяли до того, что провели маленькие кучки своих гласных. Сильно выросли кадеты. Уже в сентябре, за месяц до боевых столкновений, произошло то отчетливое размежевание, которое с такой удивительной ясностью разделило Москву на две части. Уже в сентябре соглашатели фактически превратились в подголосков белой гвардии.

На последнем заседании городской думы, в те часы, когда в Петрограде уже гремели выстрелы, оратор нашей фракции с полным правом сказал, обращаясь к г. Рудневу: «Вы и ваша партия не имеет права говорить от имени московского населения. Большинство высказалось против вас, не за вами, а за нами стоит оно».

* *
*

Инесса (Елизавета) Федоровна АРМАНД

Арманд (урожденная Стеффен) И. Ф. (партийные псевдонимы — Елена Федоровна, Петрова, литературные псевдонимы — Е. Блонина, Е. (Инесса), Блонина, Ел. Блонина, Ел. (Инесса) Блонина, Елена Блонина, Елена Олонина) (1874—1920 гг.), деятель международного коммунистического и женского движения, участница Октябрьской революции в Москве. Член КПСС с 1904 г. Родилась в семье артиста в Париже. Партийную работу вела в Москве. Участница революции 1905—1907 гг. Неоднократно подвергалась арестам, была сослана на Крайний Север, бежала за границу, жила в эмиграции. В 1909 г. в Париже познакомилась с В. И. Лениным. Работала под его непосредственным руководством, выполняла

многие ответственные поручения В. И. Ленина. Читала лекции в партийной школе в Лонжюмо. В 1915—1916 гг. как представитель РСДРП участвовала в работе Международной женской социалистической конференции, Международной конференции молодежи, а также Циммервальдской и Кинтальской конференций интернационалистов. 3 апреля 1917 г. с В. И. Лениным и группой большевиков возвратилась в Россию. Выступала на конференциях, собраниях и митингах с обоснованием и защитой ленинских Апрельских тезисов. Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б) от Московской партийной организации. Член Исполнительной комиссии Московского комитета РСДРП(б) и член городской думы, вела большую работу среди женщин. По предложению Арманд при Московском областном бюро РСДРП(б) была создана первая специальная комиссия по работе среди женщин. Одна из организаторов и редакторов журнала «Жизнь работницы». После Октябрьской революции — член бюро Московского губкома партии, член президиума губисполкома, председатель губсовнархоза. С 1918 г. возглавляла отдел работниц ЦК РКП(б). Делегат II конгресса Коминтерна (1920 г.). Умерла от холеры в Нальчике. Похоронена на Красной площади у Кремлевской стены.

* * *

Товарищ Инесса [1]

Март — апрель 1917-го... Очередное ленинское письмо из Цюриха в Кларан. Совсем короткое, оно было послано 15 марта 1917 года и начиналось, как обычно, с обсуждения текущих практических дел. Но им Ленин посвятил лишь несколько фраз, а дальше шло ошеломляющее известие: в России революция!..

Далее трехдневный переезд через Германию...

Короткая остановка в Стокгольме.

Потом родина, Россия, Питер...

Вскоре Москва.

...19—21 апреля (2—4 мая) в Москве собралась областная конференция большевиков Центрально-промышленного района. Инесса, выступив в прениях, отстаивала Апрельские тезисы Ленина. Это было ее первое выступление в Москве после возвращения из эмиграции. Инесса Арманд призывала неустанно разоблачать деятельность Временного правительства, «так как оно контрреволюционно по самой своей природе». Протоколист записал также и слова Инессы об отношении к войне: «Я стою за братание в траншеях и настаиваю

[1] Из книги: *Подляшук Павел.* Товарищ Инесса. М., 1984.

на том, чтобы в это братание вложить определенное содержание, а именно: каждый должен обратить свое оружие против собственного правительства».

В эти самые первые недели в Москве Инесса получает — одно за другим — два письма и открытку из Питера. От Ленина. Вопросы Владимира Ильича: «Как довольны Москвой?», «Как вы? Довольны ли Москвой?» и его пожелание: «Желаю всего лучшего и в смысле работы, и в смысле устройства с заработком, и в смысле жизни с детьми». И вывод Владимира Ильича: «С удовольствием большим вижу иногда из московского «Социал-демократа», как Вы берете разную работу в разных районах, но, конечно, из газеты мало видно».

А что касается Питера, Ленин ограничивается краткой ремаркой: «У нас пока «все то же».

...Еще одна петербургская ночь. Вернее, чуть брезжущее утро — четыре часа. В зале звучат мощные аккорды «Интернационала» — только что закончилась 7-я Всероссийская (Апрельская) конференция партии. Первая конференция, которую большевики смогли провести легально в России. Конференция, принявшая ленинский план борьбы за перерастание революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую.

Инесса — делегат 7-й Всероссийской партийной конференции от московских большевиков. Когда после докладов с мест все члены конференции разбились на секции, Арманд вошла в секцию по Интернационалу. На одном из заседаний секция слушала обстоятельный ее доклад о французском рабочем движении. И с особенной теплотой она говорила об интернационалистах Франции.

Вместе с другими делегатами Апрельской конференции Инесса Арманд проголосовала за линию партии, намеченную Лениным.

«Мы столкнулись с ней в переполненном рабочими и солдатами Екатерининском зале Таврического дворца. В этой кипящей толпе, строгая и как будто холодная, она пламенно отстаивала лозунги немедленной социалистической революции. Я попытался несколько охладить ее. Но нет — она оказалась «заряженной» на все сто процентов. С этим зарядом она уехала в Москву, там всеми силами готовила Октябрь и увидела его торжество».

Ценное свидетельство, не правда ли? Напечатано оно в старом сборнике «Памяти Инессы Арманд», а принадлежит Л. Каменеву. Капитулянт в дни Октября, он невольно расписался в собственном оппортунизме («попытался несколько

охладить ее»!). Меня, однако, интересует не постыдная «осторожность» Каменева — привлекает революционная пламенность Инессы.

После Апрельской конференции она возвращается в Москву. И опять без промедления берется за работу.

Первым долгом это выступления на партийных собраниях и митингах. Как тогда было принято говорить, «выступления по текущему моменту». Обоснование Апрельских тезисов Ленина, сплочение московских большевиков.

Вскоре Инесса становится популярным оратором и лектором партии — ее узнали в районах, на заводах и фабриках. И не только в Сокольниках, где она состоит на партийном учете, заявки на ее выступления все чаще приходят в Московский комитет.

В мае МК РСДРП(б) открыл курсы для подготовки агитаторов и пропагандистов. По курсовой программе, напечатанной в газете «Социал-демократ», три лекции посвящаются истории Интернационала. Лектор — Инесса Арманд.

А вот извещение в органе Московского комитета партии — газете «Социал-демократ»:

«В пятницу 26 мая в 7 час. веч., лекция товар. Инессы на тему «Работница и классовая борьба». Плата за вход 10 коп., для членов клуба бесплатно. Сбор поступит в пользу с.-д. рабочего клуба. Запись в члены РСДРП, 8-я Сокольничья, д. № 31».

В среду 31 мая, как сообщает тот же «Социал-демократ», такую же лекцию Инессы устраивает Рогожско-Басманный комитет большевиков...

Незатейливы эти извещения, а способны поведать о многом, доносят до нас неповторимый аромат эпохи, обогащают знанием деталей.

...Приезжала она и в Пушкино.

Николай Петрович Буланов вспоминал, как в апреле 1917 года Инесса Федоровна Арманд предложила ему организовать Совет рабочих депутатов. «Инесса рассказала, как ехала вместе с Лениным из эмиграции, как их не пропускали и как приехали. После ее приезда я связался с Петром Шабановым (он участвовал с Фрунзе в Иваново-Вознесенске). Организовали с ним Совет рабочих депутатов».

То же подтвердила Аграфена Дмитриевна Курбанова: «Вожаками были Н. П. и П. П. Булановы, которые имели связь с Инессой Арманд. От женщин я прошла в фабричный комитет. Там были эсеры, меньшевики. Мы с Булановым — за большевиков. Буланов говорит: «Надо организовать Совет. Велела Арманд Инесса». (Записи этих рассказов старых ра-

бочих подмосковного поселка Пушкино хранятся в фондах Государственного Исторического музея.)

...В июне 1917 года Москва выбирала городскую думу. По списку № 5 — большевистскому — среди других была выдвинута кандидатура Инессы. (В списке она значится шестой.)

Вся официальная кадетско-эсеровская пропаганда обрушила мутные потоки лжи и клеветы, вылила ушаты грязных чернил на головы кандидатов-большевиков.

Подлость, клевета и брань не помогли. По списку большевиков прошли в городскую думу 23 гласных. Среди них рядом с Ольминским, Скворцовым-Степановым, Штернбергом, Подбельским и другими испытанными деятелями партии место на депутатских скамьях заняла Инесса Арманд.

Большевики-депутаты — их лидером был внешне невозмутимый Иван Иванович Скворцов-Степанов — пользовались всяким подходящим (а бывало иной раз — и неподходящим!) поводом, чтобы выступить с думской трибуны. Разоблачали лицемерие кадетско-эсеровских краснобаев, отстаивали большевистскую программу.

В этой обстановке борьбы Инесса чувствовала себя превосходно.

...Летом 1917 года Инесса входит в Исполнительную комиссию Московского комитета партии.

По горячим следам июльских событий в Петрограде, когда реакция перешла в наступление, 5 июля созывается расширенное заседание Московского комитета партии с активом, с представителями районов. Основной доклад сделала товарищ Инесса. Ее позиция вполне определенна: долг пролетариев Москвы — всемерно поддержать революционный Петроград. Позор буржуазии и социал-предателям, затеявшим подлую травлю Ленина!

Выработка революционной тактики была в то бурное время делом совсем не простым. Это видно хотя бы из протокола следующего, на сей раз не расширенного, заседания МК РСДРП(б). 8 июля 1917 года обсуждался вопрос: выходить ли большевикам из Советов?

Сторонник ухода — Петр Гермогенович Смидович. Он доказывает: травля привела к тому, что большевикам стало «абсолютно невозможно» работать в Совете. Надо уйти либо, по крайней мере временно, не посещать заседания. Пусть, дескать, меньшевики и эсеры почувствуют...

Некоторые товарищи предлагают полумеру: из Совета не выходить, но из его комиссий (рабочих органов) уйти, хлопнув дверью... Третьи утверждают, что уход был бы прямым отступлением.

Возникает горячий спор. Ну а каково мнение Инессы? В протоколе оно отражено:

«Тов. Инесса (Арманд) тоже высказывается против выхода из Советов и даже из комиссий для того, чтобы не подорвать наш авторитет».

В тех условиях это означало: не сдавать завоеванных позиций, перед трудностями не пасовать. В конце концов возобладала именно такая точка зрения.

Точка зрения Ленина.

...Заметка называется «Почему буржуазия клевещет на большевиков», и написана она в те же тревожные дни июля 1917 года. Автор объясняет:

«Чем преданнее социалист рабочему делу, тем сильнее клевещет на него буржуазия. У нас в России представителями революционного социализма являются большевики с Лениным во главе. Нигде, может быть, ненависть буржуазии, клевета и травля не достигали таких размеров, как у нас сейчас в России». Русская буржуазия ненавидит большевиков, она не перестает травить их, преследует их самой грязной и низкой клеветой. Особенно ненавистен буржуазии Ленин, продолжает автор, «тов. Ленин уже около 25 лет находится во главе нашей партии и все время являлся самым последовательным и самым самоотверженным борцом за рабочее дело. К тому же он является крупнейшей теоретической и политической силой. Вот за все это и ненавидит его и русская и международная буржуазия».

Дальше говорится, что большевики «сумеют разъяснить массам истинную причину всей этой травли и, невзирая ни на что, будут стойко продолжать свою великую борьбу. Правда и жизнь — за нас, и в итоге победим все-таки мы».

Под заметкой буквы: Ел. Б.— это Елена Блонина — Инесса Арманд! И напечатана заметка во втором номере журнала «Жизнь работницы». Журнал, орган Московского областного бюро РСДРП(б) стал выходить летом 1917 года благодаря стараниям и под редакцией Инессы Арманд и Варвары Яковлевой.

Создание «Жизни работницы» связано с прямым ленинским указанием. Владимир Ильич не раз говорил о том, что для победы революции участие женщин-пролетарок имеет огромное значение. Вскоре после возвращения из эмиграции, в апреле, Ленин беседовал на эту тему с Александрой Коллонтай, предложил ей набросать план работы среди женщин и обсудить его с другими, имеющими опыт большевичками.

Звеном этого плана, несомненно, был и московский журнал. А также Центральная комиссия по организации жен-

щин-работниц, которую создало Московское областное бюро партии. Об этом на бюро в августе семнадцатого докладывала Инесса. Она же, естественно, вошла в состав комиссии.

Но еще раньше она выполнила одно боевое партийное поручение, связанное с работой среди женщин. Это было в апреле 1917 года, когда Инесса только-только перебралась из Петрограда в Москву. Тогда в Москве с большой помпой проводился Всероссийский женский съезд. Созвала его буржуазная «Лига равноправия женщин», а по сути дела, съезд был одной из пропагандистских мер Временного правительства.

Инессе хорошо известен — еще с давних пор — весь букет демагогических ухищрений поборниц равноправия. Они толкуют о надклассовости женских интересов: бесправны, дескать, все — и жена капиталиста, и кухарка... Всем женщинам следует объединиться для борьбы за равные права с мужчинами... И всякое такое прочее...

Словом, вопросы, поставленные на обсуждение «революционного», «демократического» и так далее женского съезда, мало чем отличаются от тех, которые значились в повестке дня Всероссийского женского съезда... Да, да, того самого, который проходил в Петербурге в царские времена. В нем, рискуя свободой, участвовала бежавшая из мезенской ссылки Инесса.

Когда же это было? В девятьсот восьмом году. Как давно и как, в сущности, недавно! Всего девять лет миновало. Но каких лет!

Московские большевики поручают Инессе отправиться на съезд в качестве наблюдателя. Пусть поглядит, послушает, а потом и выскажется со всей прямотой. Нельзя позволить безнаказанно одурачивать трудовых женщин.

Произошло то, что и должно было произойти. После горячей речи Инессы группа работниц — делегаток съезда демонстративно покинула зал заседаний.

Так большевики испортили «равноправкам» всю обедню.

...«Жизнь работницы» создавалась трудно, рождение журнала потребовало от Инессы немалых усилий — и организационных, и редакторских. Но журнал был необходим: надо всколыхнуть массу работниц, а для того следует говорить с ними «на большевистском языке». Лучшее же средство для этого, разумеется, печатный орган...

В первом номере, помеченном 20 июня, всего восемь страниц, шрифт крупный, но материал сверстан весьма экономно: текст начинается сразу же под заглавием журнала, с первой страницы. Такая расчетливость позволила редакции втиснуть обильный материал. (Упомяну статью Е. Блониной

«Капиталисты против народа!». Ей же, по-видимому, принадлежит обращение редакции к читательницам. «По всему миру разносится гул русской революции» — так начинается это обращение и заканчивается призывом: «Несите сообщения об условиях вашего труда на предприятиях, о ваших нуждах, пишите о тех требованиях, которые вы предъявляете к журналу...»).

Второй номер «Жизни работницы» датирован 15 июля. Он вышел с опозданием. Но все же вышел, и даже в увеличенном объеме, несмотря на трудности с типографией, с бумагой, с финансами, а главное, несмотря на травлю большевиков (в разгар июльских дней, когда контрреволюция перешла в наступление).

Номер открывает статья Ел. Блониной «О наступлении». Напечатаны статьи: Н. Крупской — «Быть ли школе орудием порабощения или орудием освобождения народа?», Н. Мещерякова — «Что ждет работницу после войны», «Мысли работницы о дороговизне», хроника, корреспонденции. И приведенная выше заметка «Почему буржуазия клевещет на большевиков».

Работа Надежды Константиновны о школе не завершена. «Окончание следует»,— посулила редакция, но обещания своего сдержать не сумела. Третий номер журнала так и не вышел в свет.

Известно о расхождении между его редакторами.

Варвара Яковлева предложила прекратить выпуск журнала: очень уж много усилий приходится затрачивать. Она считала: можно ограничиться петроградской «Работницей». Будем в ней активно сотрудничать, помогать материалом, распространять ее на московских предприятиях...

Инесса не согласна: нет, «Жизнь работницы» должна существовать вопреки всем сложностям и опасностям момента, они преодолимы! Я готова это доказать, удвоив усилия...

Трудно сказать, кто из них был более прав. Все же точка зрения Яковлевой в конце концов одержала верх: выпуск московского журнала прекратился.

...В трудах и борьбе миновало то грозовое лето. Инесса Арманд — это можно сказать вполне определенно — очень многое сделала для успеха Октябрьского восстания в Москве. Но самой ей участвовать в сражениях почти не пришлось. Осенью расхворался Андрюша, младший сын. У мальчика обострилась болезнь легких, угрожал туберкулез, и Инесса Федоровна вынуждена была, взяв отпуск, увезти его из Москвы. Вернулась же в самый разгар октябрьских боев.

Прямо с вокзала, оставив сына на попечении родных, Инесса отправилась в Московский окружной комитет партии.

В ее автобиографии сказано скупо: «С осени 1917 года работаю в Московском окружном комитете и в Московском губернском Совете». И все. Про участие в Октябрьской революции Инесса не упоминает. По-видимому, считает свою роль совсем незначительной.

Но с этим не мог согласиться Василий Васильевич Минин, член КПСС с 1906 года, большевик, в дни подготовки Октябрьского восстания работавший в Дмитровском уезде. В письме к автору этих строк он вспоминал свой разговор с Инессой: «Ведь не один я из уездных работников получил от тов. Инессы установку в октябрьские дни, а от выполнения их зависела помощь районов борющейся Москве. Вот почему имя тов. Инессы дорого и свято нам, старым работникам большевистского подполья и времен октябрьских боев».

* * *

Капиталисты против народа! [1]
(Журнал «Жизнь работницы» № 1, 20 июня 1917 г.)

В революционные дни работницы боролись вместе с рабочими и солдатами на улицах Петрограда, они вместе с ними кровью своей купили торжество революции. Если работница хочет дальнейших успехов революции, она должна вмешаться и в дальнейшую борьбу.

Власть Николая II свергнута, но хозяйская кабала осталась. Класс все настойчивее идет на класс. Злоба капиталистов в связи с развертывающейся революцией с каждым днем растет. Даже на самые скромные требования рабочих они готовы ответить самыми крайними мерами и выступлением против рабочих. Их интересы все резче расходятся не только с интересами рабочих, но и с интересами и благополучием всего народа.

Россия сейчас переживает тяжелый хозяйственный кризис. У нас нет хлеба, нет мяса, нет обуви, нет самого необходимого. Капиталисты хотят еще усилить эту разруху, объявив, в ответ на требование рабочих повысить заработную

[1] Из книги: *Арманд И. Ф.* Статьи, речи, письма. М., 1975.

плату, локаут. За время войны, несмотря на неслыханную дороговизну, заработная плата почти вовсе не повысилась или повысилась очень мало.

Особенно тяжело приходится работницам. Их заработная плата еще ниже мужской (почти вдвое). Сейчас еще есть местности, где работницы получают 35—40 коп. в день! В Москве они получают самое большее 70—80 руб. в месяц. Между тем вследствие войны забота о детях сплошь да рядом ложится на женщину. Есть заводы и фабрики, где почти сплошь работают солдатки, и скудный заработок, на который трудно прожить и одному человеку, приходится растягивать на целую семью. Таким образом, добиваясь повышения заработной платы, рабочие добиваются только самого необходимого и насущного.

Ну а капиталисты? За время войны, затеянной в их же интересах, капиталисты всех сортов нажили миллионы и миллиарды, набивая свой карман еще вдвое туже, чем в мирное время. Они наживали неслыханные барыши на снабжении армии и флота, они наживались на народном голоде спекуляцией, т. е. тем, что хлеб, уголь и прочие необходимые предметы потребления они скупали и прятали, дожидаясь повышения цен. Потому-то они и кричат о войне и до конца, что каждый день войны приносит им неслыханные барыши! А теперь, награбив миллионы, они не желают поступиться даже самой ничтожной частью своей прибыли. И только из-за того, что рабочие потребовали сносных условий существования, они кричат, что их разоряют, и грозят на эти справедливые требования ответить закрытием своих фабрик и заводов, грозят осудить миллионы человек на безработицу и голод, грозят обречь всю страну, весь народ на невиданные бедствия! Капиталистам важен только их собственный карман, капиталисты идут не только против рабочих, они идут против всего народа!

Как же предотвратить надвигающееся бедствие, которое капиталисты и своей войной, и теперешним локаутом подготовили России? Этого можно добиться только ограничением власти капиталистов на фабриках и заводах путем передачи контроля над всем производством рабочим организациям. Капиталисты давно уже стали излишними в производстве: они живут не своим трудом, а эксплуатацией чужого труда, труда рабочих, труда своего и чужих народов. Даже дело управления и администрации фабрик давно передано ими в руки платных приказчиков. В России уже сейчас на многих фабриках и заводах все дело управления находится в руках рабочих комитетов.

Самое лучшее было бы сейчас же отнять у хозяев фабрики и заводы и передать их в руки всего общества, т. е. ввести социализм, который только и освободит рабочих от хозяйской кабалы. К этому и стремятся передовые рабочие.

Непосредственно, одним ударом, завоевать социализм мы еще не можем, но сделать шаги к социализму, но ограничить власть хозяев над заводами путем рабочего контроля мы можем уже сейчас, и это — единственное средство помешать надвигающейся разрухе.

Если работницы не хотят быть выкинутыми на улицу по милости своих хозяев, если они не хотят безработицы и голода, они должны бороться за рабочий контроль над производством. Но пока у власти находится теперешнее Временное правительство, правительство капиталистов и помещиков, нельзя будет добиться этого контроля. Львов, Терещенко и прочие являются представителями своего класса, класса капиталистов, и они всячески будут защищать хозяйские барыши. Иначе и не может быть. Ничего не изменилось от того, что в нынешнем правительстве заседают несколько социалистов... Нет, контроля над фабриками, заводами и банками рабочих организаций можно будет добиться только при условии перехода всей власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Только представители рабочих и крестьян смогут провести эту меру в жизнь, только они смогут положить конец той ужасной разрухе, которую мы переживаем уже сейчас.

В этой борьбе против капиталистов мы победим только при условии дружного натиска всех пролетарских сил. Работница до сих пор держалась слишком в стороне от политической борьбы. Она вступает в профессиональные союзы, но еще сторонится своей политической партии. Между тем теперь особенно ясно, что не только своего освобождения, но даже улучшения условий существования она не сможет добиться без политической, революционной борьбы, и дальше сторониться этой борьбы она не может, ибо работница, точно так же как и рабочий, добьется своего освобождения только собственными силами.

Ел. Блонина (Инесса Арманд).

* *

*

Александр Яковлевич
АРОСЕВ

Аросев А. Я. (1890—1938 гг.), один
из руководителей борьбы за Советскую власть
в Москве, партийный и государственный деятель,
писатель. Член КПСС с 1907 г.
Родился в буржуазной семье в Казани.
Участник революции 1905—1907 гг. в Казани.
Подвергался арестам и ссылкам.
Жил в эмиграции во Франции, Бельгии.
Учился в Льеже (Бельгия), состоял в Льежской
группе РСДРП. Летом 1911 г. вернулся в Россию,
в октябре арестован, препровожден в г. Тотьму
Вологодской губернии, затем в Вологду.
В 1912 г. отправлен в ссылку в Архангельскую
губернию. В мае 1912 г. бежал
в Нижний Новгород (ныне г. Горький).
Нелегально работал в Петрограде, Сормове,
Москве. В феврале 1913 г. вновь арестован

Александр Яковлевич
АРОСЕВ

и сослан в Пермскую губернию. В 1916 г. призван в армию. В феврале 1917 г. за революционную деятельность отправлен в дисциплинарный батальон. После Февральской революции 1917 г. вошел в состав Военного бюро при МК РСДРП(б). Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). С мая 1917 г.— член Тверского комитета РСДРП(б), выдвинут в Совет солдатских депутатов. В июне 1917 г. на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б) избран членом Всероссийского бюро военных организаций. Был избран делегатом VI съезда РСДРП(б). Однако в ночь на 22 июля (за четыре дня до открытия съезда) арестован за большевистскую агитацию в Твери, содержался на гауптвахте в Москве. Освобожден под давлением рабочих и солдат Твери. Продолжал вести агитацию среди солдат Московского гарнизона. В дни Октябрьского вооруженного восстания в Москве Аросев — кандидат в члены Московского ВРК, начальник его оперативного штаба по руководству военными действиями. Организовал боевые дружины для борьбы с контрреволюцией. Участник гражданской войны 1918—1920 гг. В дальнейшем — на научной и дипломатической работе.

* * *

Незабываемые дни [1]

Октябрьские события 1917 года оставили неизгладимый след в памяти Аросева. Впоследствии он писал: «Тогда, в эти ночи, когда никто не спал... я подумал, что бы в литературе ни писалось, что бы фантазия автора ни создавала — все будет не так сильно, как эта простая суровая действительность. Люди физически дерутся за социализм. Вот он, о чем мы когда-то мечтали и спорили, грядет, вот он отсвечивает в блеске солдатских штыков, вот он в приподнятых ненастьем воротниках рабочих, которые жмутся на улицах Тверской, Арбата, по Лубянке, сжимая маузеры и парабеллумы в руках, наступая все дальше, все глубже на грудь развалившейся зловонной буржуазии...» [2]

В дни вооруженной борьбы в Москве с исключительной силой раскрылся организаторский и военный талант Аросева. Постараемся по документам и свидетельствам очевидцев проследить его действия в то неповторимое время, когда люди физически дрались за социализм.

[1] Автор очерка А. А. Чернобаев.
[2] История СССР, 1967, № 4, с. 116.

Александр Яковлевич
АРОСЕВ

Первые сведения о восстании в Петрограде московские большевики получили около 12 часов дня 25 октября из телефонограммы В. П. Ногина.

А. Я. Аросев был в числе тех, кто начал действовать немедленно. Ему и начальнику штаба московской Красной гвардии А. С. Ведерникову было поручено занять городские узлы связи. В выданном им удостоверении говорилось: «Московский комитет, Областной комитет, Окружной комитет и Военная организация при МК РСДРП поручают тт. Ведерникову и Аросеву предпринять все необходимые шаги по занятию телеграфа, телефона и почтамта революционными войсками в целях охраны».

Аросев и Ведерников тотчас же направились в Покровские казармы, где размещались штаб и два батальона 56-го запасного пехотного полка.

В полку в это время происходило заседание полкового комитета. Председательствовал строгий пожилой офицер с канцелярским выражением лица. Взяв слово вне очереди, вспоминал Аросев, я ознакомил присутствовавших с последними известиями из Питера, указал на необходимость соблюдать порядок, усиленно охранять все государственные учреждения и в первую очередь занять почту и телеграф.

Офицер с канцелярским лицом поинтересовался, от чьего имени мы действуем. Прочитав наше удостоверение, он как бы про себя заметил: «Ага, от большевиков».

Какой-то затертый полковой работой штабс-капитан пробормотал, что надо слушаться начальства и ждать его приказаний.

Наступило молчание. Солдаты недоумевали, не зная, что предпринять, за кем идти.

Но тут поднялся один из членов полкового комитета и решительно заявил:

— Партия большевиков призывает нас на защиту революции. Выступим все, товарищи, как один человек [1].

Через два часа солдаты 11-й и 13-й рот 56-го полка взяли почту и телеграф под охрану. Другие революционные отряды заняли в это время Государственный банк, вокзалы.

Вечером 25 октября в здании Политехнического музея открылся экстренный объединенный пленум Советов рабочих и солдатских депутатов. На нем был сформирован Московский военно-революционный комитет. А. Я. Аросев был избран кандидатом в члены МВРК.

[1] См.: *Аросев А.* Как это произошло (Октябрьские дни в Москве). Воспоминания. Материалы. М., 1923, с. 8.

Деление состава ВРК на членов и кандидатов носило в значительной мере условный характер. Во всяком случае, замечает по этому поводу исследователь октябрьских событий в Москве А. Я. Грунт, «документы зачастую подписывались кандидатами как членами ВРК, а члены ставили свои подписи на документах как секретари». Действительно, сохранилось немало приказов и распоряжений Военно-революционного комитета, подписанных А. Я. Аросевым как членом ВРК [1].

Военно-боевая работа МВРК проходила под контролем и при деятельном участии руководящих московских партийных органов. Надо иметь в виду, писал впоследствии Аросев, «что заседаний Военно-революционного комитета в том смысле, как мы теперь привыкли понимать это слово, тогда не было: просто Комитет заседал непрерывно или в полном составе, или в лице его дежурных членов. При этом на заседаниях Военно-революционного комитета присутствовали не только его члены, но и целый ряд других ответственных товарищей, как, например, тт. Скворцов-Степанов, М. Н. Покровский, Ярославский, Максимов, Игнатов и многие другие. При этом сплошь и рядом они пользовались не только совещательным, но и решающим голосом. Так что фактически, в особенности в первые дни, военно-революционные дела решались не одним Комитетом, а голосами всех тогдашних руководителей Московской организации» [2].

Не теряя времени, Военно-революционный комитет приступил к действиям. В районы было дано указание избрать революционные центры, немедленно вооружаться, определить, какие здания следует занимать. По распоряжению ВРК началась реквизиция автомобилей, необходимых для связи с районами, фабриками и заводами, воинскими частями. Были составлены обращения к рабочим и крестьянам, железнодорожникам и почтово-телеграфным служащим с призывом поддержать восстание в Петрограде. В боевую готовность были приведены войска Московского гарнизона.

В ту же ночь Аросев и Тихомирнов по поручению ВРК объезжали революционные части гарнизона, стягивали их к Московскому Совету. Ими были подняты солдаты 193-го пехотного и телеграфно-прожекторного полков, самокатного батальона и др.

В одном из полков, рассказывал Аросев, я обратился к дежурным:

[1] См.: Московский Военно-революционный комитет, с. 109, 110, 112, 116, 127 и др.
[2] *Аросев А.* Московский Совет в 1917 году. М., 1927, с. 27.

— Будите товарищей солдат — и к Московскому Совету!

— С боевыми патронами? — спросил один из дежурных и, получив утвердительный ответ, побежал будить солдат: — Товарищи, вставайте на защиту Совета!

Так ночью были подняты с нар почти все основные части Московского гарнизона. А утром солдаты шли, шли и шли нескончаемым потоком на Скобелевскую площадь [1].

Важное значение имело создание при МВРК Центрального боевого штаба. Его основой явился штаб московской Красной гвардии, перестроенный в соответствии с новыми задачами. В нем имелось 15 структурных подразделений: бюро разведки, пулеметная часть, отделы снабжения, охрана Моссовета, группы связи, Красного Креста и т. д. От Военно-революционного комитета в Центральный штаб вошли Аросев и Ведерников, возглавившие общее руководство боевыми действиями революционных войск.

С образованием ВРК Скобелевская площадь превратилась в своеобразный военный лагерь. Расположившиеся группами красногвардейцы и солдаты чистили, приводили в порядок оружие. Другие закусывали на скорую руку в ожидании приказаний. На площади горели костры, дымились походные кухни.

В здании Моссовета беспрерывно звонили телефоны, было шумно и людно. Тысячи людей приходили сюда за информацией и указаниями. Тут вырабатывались планы сокрушения белогвардейцев, формировались революционные отряды.

Больше всего Аросев и другие члены ВРК были озабочены нехваткой оружия. Штабу округа удалось изъять значительную часть винтовок и пулеметов из воинских частей и переправить их в юнкерские училища. Выход, однако, был: большие запасы оружия имелись в Арсенале Кремля, охрану которого несли солдаты 56-го запасного пехотного полка.

Военно-революционный комитет назначил члена Партийного центра Е. М. Ярославского комиссаром Кремля и Арсенала, а молодого большевика прапорщика О. М. Берзина — начальником кремлевского гарнизона, усиленного ротой 193-го пехотного полка (солдат этого полка поднял на защиту революции Аросев). Заняв Арсенал, ВРК сообщил в районы, чтобы они присылали машины за оружием.

Но в ночь на 26 октября начал действовать и штаб Московского военного округа. Посланные Рябцевым юнкера заняли Манеж и здание городской думы, захватили телефонную

[1] См.: *Аросев А.* Как это произошло, с. 9—10.

станцию. Грузовики с красногвардейцами прибыли утром в Кремль, получили в Арсенале оружие, однако доставить его в районы не смогли: юнкера окружили к этому времени Кремль, выставили у ворот усиленные караулы и не выпустили машины с оружием.

Позже Аросев напишет: «События развивались так, будто их кто подхлестывал». Повсеместно в районах развернулась активная организаторская и политическая работа. Были созданы районные ВРК, революционные комитеты на предприятиях и в воинских частях. Они действовали как органы новой, революционной власти, осуществляя на деле власть Советов. ВРК назначали комиссаров, брали под охрану предприятия, узлы связи. По решению Партийного центра в Москве было прекращено издание буржуазных газет.

Руднев и Рябцев в эти же дни разразились десятками строжайших приказов, распоряжений, объявлений, требуя не подчиняться Московскому военно-революционному комитету. В боевую готовность приводятся военные училища. Отряды юнкеров стягивались к центру города. В сильно укрепленные огневые точки были превращены здание думы, гостиницы «Метрополь» и «Националь», дома у Манежа. Особые надежды возлагала московская контрреволюция на помощь с фронта.

26 октября Рябцев потребовал от МВРК вывести из Кремля 56-й полк и роту 193-го полка, а также прекратить «расхищение» оружия из Арсенала. В. П. Ногин, вернувшийся к тому времени из Петрограда, и группа его сторонников настояли на вступлении в переговоры с командующим округом в целях установления Советской власти в Москве мирным путем. Аросев и ряд других членов Военно-революционного комитета выступили против переговоров, однако возобладала первая точка зрения. «Теперь можно оговорить,— вспоминал Александр Яковлевич в 1921 году на одной из встреч в МК РКП(б),— чего нам это стоило. Сколько было из-за этого пролито крови. Какие нам из-за этого впоследствии пришлось делать уступки».

По соглашению, достигнутому в итоге проведенных переговоров (по поручению ВРК в них участвовал и Аросев), было решено ликвидировать все действия, предпринятые сторонами. Военно-революционный комитет согласился вывести из Кремля роту 193-го полка и снять революционную охрану с почтамта, телеграфа и междугородной телефонной станции. Рябцев пообещал снять оцепление Кремля юнкерами и рассмотреть в штабе вопрос о вооружении рабочих из запасов Арсенала.

В результате переговоров все активные действия ВРК были прекращены. Рота 193-го полка покинула Кремль. МВРК направил в районы телефонограмму с требованием «занять строго выжидательную позицию». Районные военно-революционные комитеты подчинились этому приказу, хотя он и вызвал недовольство в массах, настаивавших на решительных действиях.

Выиграв время для организации своих сил, штаб МВО и «Комитет общественной безопасности» перешли в наступление. Обещания об отводе юнкеров от Кремля и вооружении красногвардейцев Рябцев не выполнил. После снятия революционной охраны с центральных узлов связи туда вошли юнкера. Стал проясняться замысел всероссийской контрреволюции о превращении Москвы в опорный пункт для борьбы с революционным Петроградом.

Утром 27 октября к Моссовету прорвался броневик белых. Он дал несколько пулеметных очередей по зданию и скрылся.

Нападение броневика заставило усилить внешнюю и внутреннюю охрану Московского Совета. По приказу, подписанному Аросевым, в Замоскворечье отправился посланец МВРК с требованием вооружить и привести на Скобелевскую площадь отряд солдат-двинцев.

В тот же день вечером двинцы во главе с Е. Н. Сапуновым приняли первый бой с юнкерами на Красной площади. По вине контрреволюции в Москве пролилась первая кровь. Рябцев, нарушив условия перемирия, объявил в городе военное положение, усилил юнкерские и офицерские отряды вокруг Кремля, потребовал вывода из него солдат 56-го полка, роспуска МВРК. На выполнение ультиматума давалось 15 минут. В случае неисполнения предъявленных требований в указанный срок, предупреждал Рябцев, против ВРК и Московского Совета будут открыты военные действия.

Руководители московских большевиков единодушно отвергли наглые требования Рябцева. Комиссарам ВРК в районах было приказано привести революционные силы в полную боевую готовность, мобилизовать массы на защиту Советской власти. МВРК и его оперативный штаб стремились собрать в координированную систему разбросанные по районам и предприятиям красногвардейские отряды, вооружить их и подчинить единому командованию. По заданию Аросева проводится разведка, устанавливается связь с рабочими организациями и воинскими частями.

На заседании ВРК был в принципе решен вопрос о центре боевых действий. Аросев, Голенко, Муралов, Усиевич выска-

зались за то, чтобы начать наступление по направлению к Кремлю. Другая часть членов ВРК предложила перенести борьбу в районы. Было решено «начать наступательные действия в центре и партизанскую войну в районах»[1].

Вспоминая поведение членов Военно-революционного комитета в эти трудные часы, секретарь большевистской фракции Московского Совета рабочих депутатов П. С. Виноградская [2] писала: «Передо мной встает образ Александра Яковлевича Аросева... Даже в самые тревожные дни, когда казалось, враг вот-вот захватит Совет, Аросев не терял уверенности в победе. С лица его не сходила улыбка...»[3]

28 октября юнкерам удалось занять весь Китай-город, Солянку, Мясницкую (ныне улица Кирова), Лубянку (площадь Дзержинского). Продвигаясь от Никитских ворот по Тверскому бульвару и по переулкам в сторону Страстной (Пушкинской) площади, они стремились прорваться к Александровскому (Белорусскому) вокзалу и к Трубной площади. Целью контрреволюционных сил было сомкнуть кольцо окружения вокруг центра, разгромить Московский Совет и Военно-революционный комитет.

Серьезным успехом белогвардейцев стал захват 28 октября Кремля, гарнизон которого не имел связи с ВРК. Воспользовавшись этим, Рябцев позвонил Берзину и заявил, что город находится в его руках, а Военно-революционный комитет арестован. Затем Рябцев потребовал немедленной сдачи Кремля, угрожая в противном случае начать его обстрел. О. М. Берзин поддался на эту провокацию и открыл Троицкие ворота. Ворвавшиеся в Кремль юнкера избили и арестовали Берзина, после чего стали выгонять из казарм обезоруженных солдат 56-го полка. Выстроив их перед воротами Арсенала, они расстреляли пленных из пулеметов.

Под угрозой захвата оказалось здание Моссовета, где находился Военно-революционный комитет.

Добившись 28 октября серьезных успехов, белогвардейцы торжествовали. В одном из приказов Рябцева говорилось: «Кремль занят. Главное сопротивление сломлено». В обращении к населению Руднев также сообщал, что «можно считать мятеж в Москве подавленным».

Однако, как показали последующие события, победные реляции контрреволюционеров оказались преждевременны-

[1] См.: *Игнатьев Г. С.* Октябрь 1917 г. в Москве. М., 1964, с. 76.

[2] Виноградская П. С. (1896—1979) — участница Октябрьского вооруженного восстания в Москве. Член КПСС с марта 1917 года. В Октябрьские дни 1917 года — технический секретарь Московского ВРК.

[3] *Виноградская П.* События и памятные встречи. М., 1968, с. 45—46.

ми. Московский пролетариат и солдаты, несмотря на временные неудачи, были готовы довести до конца правое дело свержения власти эксплуататоров. Попытка «Комитета общественной безопасности» и командования МВО подавить народное восстание, зверская расправа с солдатами 56-го полка в Кремле вызвали негодование народных масс... «Москва,— писал в одном из рассказов об Октябрьской революции Аросев,— окончательно раскололась пополам, как старая корчага»[1].

По призыву МК РСДРП(б), ВРК и московских профсоюзов 28 октября в Москве и ее окрестностях началась всеобщая политическая забастовка. Заводы и фабрики прекратили работу, рабочие вышли на улицы. Вместе с солдатами они рыли окопы, строили баррикады, устанавливали проволочные заграждения. Пролетарские районы города были главной опорой ВРК, основной базой формирования его вооруженных сил.

На пристанционных путях Казанской железной дороги рабочие-железнодорожники обнаружили вагоны с винтовками. Они были быстро доставлены в районы для вооружения солдат и красногвардейцев. Всего было взято около 40 тысяч новых трехлинейных винтовок [2]. По приказам, подписанным Аросевым, создавались укрепления, на станции Ховрино было разгружено 22 вагона с артиллерийскими снарядами [3].

Созванное большевиками 28 октября общее собрание полковых, ротных, командных и бригадных солдатских комитетов Москвы предложило всем частям гарнизона всемерно поддерживать Военно-революционный комитет и подчиняться только его распоряжениям. В связи с тем что правоэсеровское руководство солдатского Совета открыто перешло в лагерь контрреволюции, принимается постановление о его роспуске. Для боевого контакта с ВРК собрание избрало временный комитет — «Совет десяти». Комитет призвал солдат выступить на защиту революции. После этих мер правые эсеры оказались «генералами без армии».

Большую помощь москвичам в подавлении вооруженных сил контрреволюции оказали ЦК РСДРП(б) во главе с В. И. Лениным, Петроградский военно-революционный комитет, большевики Подмосковья и других городов страны. Напутствуя один из отрядов кронштадтских моряков, отъезжавших в Москву, В. И. Ленин говорил: «Не забывайте, то-

[1] *Аросев А.* Бианка.— Новый мир, 1933, № 12, с. 118.
[2] См.: Очерки истории Московской организации КПСС. М., 1979, кн. 1, с. 501, 502, 506.
[3] См.: Московский Военно-революционный комитет, с. 110, 127.

варищи, Москва — сердце России! И это сердце должно быть советским, иначе революцию не спасти. Московские товарищи уже приняли героические меры по ликвидации контрреволюции. Вы должны помочь нанести последний удар»[1].

В разгар боев в Москву прибыло свыше 300 солдат-добровольцев 5-го запасного саперного полка из города Старицы. Возглавлял их секретарь центрального бюро профсоюзов Твери, большевик с 1912 года Г. П. Баклаев. Прямо с вокзала, вспоминал он, отряд направился в штаб ВРК. Здесь, среди москвичей, «нашли мы тверяка тов. Аросева. Уже не одну бессонную ночь руководил он операциями против юнкеров, засевших в Кремле и в больших домах. Наш отряд из саперов оказался как раз кстати. Через час под руководством москвичей, хорошо знающих свой город, отряд осаждал дома с белогвардейцами, применяя ручные гранаты»[2].

31 октября Аросев подписал приказ МВРК Подольскому Совету «привести в Москву 1000 человек. Вооружение будет дано». На следующий день приказ об оказании вооруженной помощи Москве Аросев направил Тверскому военно-революционному комитету.

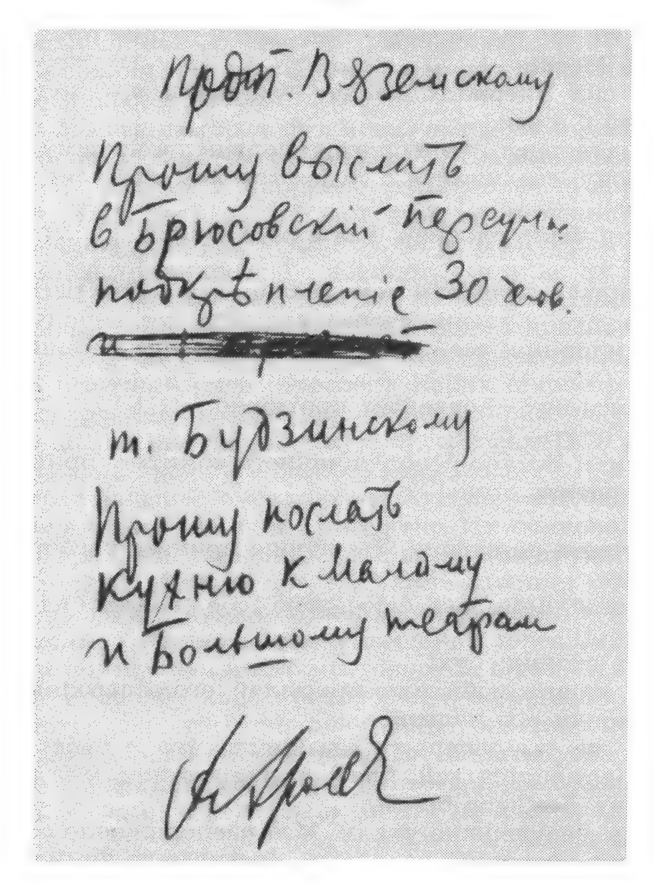
Всего в боях с контрреволюцией на московских улицах участвовало несколько тысяч вооруженных бойцов из различных городов страны.

В то же время надежды командования МВО на помощь с фронта не оправдались: местные большевистские организации и военно-революционные комитеты не допустили отправки белогвардейских войск в Москву. Да и солдаты подавляющего большинства воинских частей не хотели идти против власти Советов.

Утром 29 октября началось наступление революционных войск на позиции белогвардейцев. Из районов к центру города с боями продвигались отряды солдат и красногвардейцев. Инициатива прочно перешла к ВРК.

В этот трудный для контрреволюции момент на помощь ей вновь пришли соглашатели. Эсеровско-меньшевистский исполком профсоюза железнодорожников в ультимативной форме потребовал от ВРК и «Комитета общественной безопасности» перемирия сторон. В сложившейся обстановке это было на руку белогвардейцам, и они с радостью ухватились за данное предложение. Военно-революционный комитет также согласился на перемирие и отдал своим войскам приказ о прекращении активных боевых действий.

[1] Ленин и московские большевики. М., 1969, с. 253.
[2] За власть Советов. Воспоминания участников революционных событий в Тверской губернии, с. 47—48.

Прот. Вяземскому
Прошу выслать
в Брюсовский переул.
подкрепление 30 чел.
[illegible]

т. Будзинскому
Прошу послать
кухню к Малому
и Большому театрам

А. Аросев

Одно из распоряжений штаба
Московского ВРК за подписью А. Я. Аросева.
31 октября 1917 г.

Согласие ВРК на перемирие было очередной данью определенной его части надеждам на возможность «мирного», «без большого кровопролития» решения вопроса о власти. Последовавшие вскоре события, неоднократные нарушения перемирия белогвардейцами быстро рассеяли эти иллюзии.

Приказ Военно-революционного комитета о перемирии был крайне неодобрительно встречен в районах. Боевые действия на ряде участков продолжались. «Помню,— рассказывал Аросев,— как т. Яковлева Варвара Николаевна подошла ко мне и, разводя руками, с искорками гнева в глазах спросила:

— Что же это вы делаете? Ведь ваши пушки продолжают разносить Москву.

— Нет сил удержать солдат,— ответил я,— попробуйте поговорить с ними.

Чтоб подтвердить свои слова, я подошел к нашему полевому телефону, соединился с Лефортовским районом, вызвал Демидова [1].

В трубку было слышно, как ахнул снаряд:

...Бухх!

— Демидыч, прекрати немедленно огонь. Это распоряжение Комитета, будешь строго отвечать за неподчинение.

Но Демидов при всей своей неукротимости не лишен был хитрости.

— Не слы-шу! — отвечает протяжно.

Снаряд опять: бух!

— Именем Военно-революционного комитета приказываю тебе прекратить огонь!

...Бух!

— Ни черта не слышу. Ты лучше пришли распоряжение письменно.

— Хорошо, Демидыч, я посылаю тебе человека на автомобиле.

И опять снаряд: бух!

— Нет, на автомобиле не присылай, его обстреляют. Лучше на лошади и в коляске.

— Как же ты теперь-то слышишь, что я тебе говорю?

— Так вот, присылай, брат, распоряжение, мне некогда.

И трубку Демидов бросил.

Снаряды безудержно ухали. Мое распоряжение о прекращении огня, посланное верховым, достигло до Демидова тогда, когда суточное «перемирие» уже кончилось»[2].

Демидову в момент разговора с Аросевым было действительно некогда: юнкера Алексеевского военного училища продолжали обстреливать позиции Красной гвардии и революционных солдат. И лишь после того, как три батареи красных открыли огонь по училищу, юнкера выкинули белый флаг.

В сложившейся обстановке единственным средством быстрого прекращения кровопролитной борьбы являлся решительный разгром вооруженных сил контрреволюции. И ВРК покончил с колебаниями. Вечером 30 октября он обратился

[1] Демидов В. П.— солдат мастерских тяжелой осадной артиллерии. В дни октябрьских боев в Москве возглавлял революционные отряды Лефортовского района. Впоследствии — один из создателей артиллерийских частей Красной Армии.

[2] *Аросев А.* Как это произошло, с. 13—14.

к революционным войскам и Красной гвардии с приказом, в котором объявил об окончании перемирия и вступлении в полосу активных действий.

Бои в Москве разгорелись с новой силой. По приказу МВРК, подписанному Аросевым, начался артиллерийский обстрел одного из главных опорных пунктов белогвардейцев — Кремля. Под артиллерийским ударом находились также штаб военного округа на Пречистенке (ныне улица Кропоткинская), Александровское военное училище на Арбатской площади, район Никитских ворот, гостиницы «Националь» и «Метрополь». Несколько отрядов солдат и красногвардейцев направил Аросев в район Театральной (ныне площадь Свердлова) и Охотного ряда (проспект Карла Маркса).

Белогвардейцы имели неизмеримо более высокую, чем повстанцы, военно-техническую подготовку. Они готовились к бою по всем правилам боевого искусства. И все же в борьбе чисто гражданской, писал позже Аросев, «мы оказались более совершенны, чем они. И понятно. Их полководцы имели опыт полевой и позиционной войны, а наши дружинники уже с декабрьского Московского восстания изучили «систему чердаков» и изрядно думали о способах городской войны. Я помню, например, наши военные совещания перед Октябрьскими днями и помню, как много мы говорили о том, что нашу вооруженную борьбу надо приспособить к городу»[1].

Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, красногвардейцы и революционные солдаты успешно громили белогвардейцев. «Комитет общественной безопасности» и штаб МВО вынуждены были пойти на капитуляцию.

2 ноября Аросев выступил с докладом на заседании Военно-революционного комитета в связи с обсуждением вопроса о сдаче юнкеров. В изданном в тот день приказе МВРК говорилось: «Все силы буржуазии разбиты наголову и сдаются, приняв наши требования».

Рано утром 3 ноября отряды красногвардейцев и солдат заняли Кремль. Вслед за этим был взят последний оплот контрреволюции — Александровское военное училище. Почти одновременно сдался штаб МВО.

В кровопролитных боях с контрреволюцией московские рабочие и солдаты проявили массовый героизм, высокую революционную сознательность, сплоченность вокруг большевистской партии. Позднее Аросев отметит: «...масса нас толкала, проявила колоссальную твердость характера... у массы был правильный инстинкт».

[1] *Аросев А.* Материалы для истории Октябрьской борьбы.— Творчество, 1919, № 10—11, с. 22.

Александр Яковлевич
АРОСЕВ

Вдохновенные строки октябрьской победе над контрреволюцией посвятил А. Я. Аросев. «...Победа,— писал он в ноябре 1932 года.— Я перечитал почти все, что есть патетического в нашей новой и старой литературе, я хотел найти что-нибудь подобное тому чувству, какое испытали мы в ненастное утро, когда... в шинелях, пахнувших дождем и порохом, садились в раздрызганный старый военный автомобиль, чтобы ехать в штаб, как власть. Я не знаю, найдется ли какой художник, литератор ли, скульптор ли, живописец ли, музыкант ли, артист ли, который изобразил бы это неизгладимое переживание. Раньше я думал, что словом можно все изобразить. Теперь вижу, что слова, как бы они ни были скомбинированы,— жалкая тень действительности.

Однако писать надо, музыку творить надо, рисовать, скульптировать — все это надо, ибо это служит не только, чтобы изобразить старое, но и призвать к новому»[1].

* * *

То, что было в Москве в Октябре[2]

...Лица, которые совершали работу, названную в книгах Октябрьской революцией, которые еще тянутся в моей памяти,— это простые — рябые и нерябые, рыжие и белокурые, черные и темные, бородатые и безбородые — крестьянские лица. Я видел их в поту, обрызганных грязью, видел раненных в боях за землю, видел опаленных огнем, горевших в том доме, которого теперь не существует, на месте которого Меркулов поставил Тимирязева[3], видел сидевших у орудий на крыльце Большого театра и в промежутках между артиллерийской работой куривших махорку, видел в Совете сидевших на корточках по стенам Белого зала и в часы отдыха ковырявших гвоздем жестяную банку с консервами, видел тех, кто в Китай-городе, попав под пулеметный обстрел юнкеров, падал то навзничь, то грудью вниз на асфальтовые тротуары под зеркальными окнами магазинов.

[1] История СССР, 1967, № 4, с. 116.
[2] Отрывки из воспоминаний А. Я. Аросева печатаются по тексту сборника: В одном строю. М., 1967, с. 55—75.
[3] Памятник К. А. Тимирязеву в сквере у Никитских ворот.

Вот какие это были лица в кочегарке, в московской кочегарке того корабля, который называется Октябрьской революцией.

...По численности той массы солдат и рабочих, которая подошла к Моссовету, и по революционному энтузиазму, которым до краев были переполнены сердца солдат и рабочих, пришедших победить или умереть, можно думать, что если бы мы, то есть наша партия, не прокламировали восстания, то оно вспыхнуло бы само, как пламя на сухой соломе.

Поэтому руководить было тяжело: слишком большая масса повисла на нашей ответственности. Так как масса стихийно, а не только по нашим вызовам устремилась к Совету, то скоро ее набралось такое множество, что мы почувствовали опасность быть взятыми живьем со всей этой солдатской массой, обсевшей муравейником все лесенки, приступочки и подоконники Моссовета.

Поэтому приблизительно на третий или четвертый день восстания мы, то есть Военно-революционный комитет, стали было думать о перенесении центра восстания, а следовательно, и центра солдатской массы из узких улочек, собравшихся около ныне Советской площади, в более просторные части Москвы. Однако мы не хотели и не могли предпринять ни одного шага без одобрения самой массы.

Муралов и я, мы направились, протискиваясь сквозь толпы солдат, в Белый зал. Ныне чистый и несколько торжественный, тогда он представлял собой походную казарму. В левом углу его стоял пулемет и смотрел прямо в выход Столешникова переулка. Солдаты стояли в нем вплотную. Галдеж был такой, что я не слышал, что говорил мне Муралов, пробираясь в передний угол зала. Дойдя до стола, Муралов оперся обеими руками о стол, который был весь завален консервными объедками, пустыми банками, деревянными ложками, кусками недоеденного черного хлеба. Муралов стал объяснять солдатам намерения Военно-революционного комитета. Я со своей стороны дополнил Муралова.

Солдаты, выслушав нас тихо и спокойно до конца, вдруг загудели, замахали руками, головами. Во время споров по поводу вновь предполагаемой «дислокации войск» меня схватил за рукав двинец Грачев. Он тяжело дышал и дожевывал кусок мясных консервов. В руке был огрызок хлеба.

— Погоди, товарищ, погоди,— говорил он.— Наши ребята не согласны.

— Чего? С чем не согласны?

— Перемещение там какое-то... На Сухаревку или куда...

— Да с чего вы взяли?

— Одним словом,— продолжал Грачев, не желая мне отвечать,— одним словом, мы из Совета никуда не уйдем. Да и другие части тоже. Что там на Сухаревке? Сухаревка — больше ничего, а здесь Совет. Мы аккурат Совет и защищаем. Ты так и передай.

И Грачев опять потонул в океане солдатских фигур.

Доводы наших противников не блистали богатством аргументации и разнообразием. Зато они блистали тем, чем едва ли блистали наши доводы: стихийной уверенностью в правильности всего того, что совершается нами сейчас, и готовностью, если надо, погибнуть и умереть, то непременно в стенах или у стен Московского Совета.

«В Совет пришли, за Советы боремся, в Совете помрем, если надо» — вот доводы солдат, которые выговаривались ими на разные лады...

Те минуты были таковы, что резолюции не выносились; но уж ежели принято решение народом, то нельзя было идти сначала в какие-то инстанции за одобрением этого решения.

Солдаты требовали от нас тут же сказать наше решение, берет ли Военно-революционный комитет назад свое предложение. Мы не могли возвращаться в Военно-революционный комитет, мы тут же заявили товарищам солдатам, что решения Военно-революционного комитета не могут быть иными, чем решения самой восставшей массы.

Под гром торжествующих аплодисментов мы покинули Белый зал и, опять пробиваясь сквозь солдатские «толщи», направились в комнату Военно-революционного комитета.

Мы доложили о настроениях солдат, кто-то посмеялся над предположениями, которые чуть было не овладели умами Военно-революционного комитета. Кто-то отметил глубоко революционное настроение масс. Все ободрились, всем стало лучше...

...На Лубянской площади стоит какой-то убогий бывший фонтан, должно быть. На фонтане, на тумбочках тротуаров, у стены, у ворот Китай-города сидели солдаты. Мы остановились, спросили.

— Идем вот,— сказали солдаты.— А команды у нас нет. Идем к Совету, да кто-то сказал, что здесь надо ждать, вот и ждем чего-то.

Мы дали им инструкцию идти к Совету и не слушать никаких других предложений.

— Без командиров плохо,— говорил высокий солдат.

Московский Совет, когда мы приехали, представлял собой буквально солдатский муравейник.

А командиров нигде не было.

Вечером следующего дня, когда в воздухе уже совсем пахло порохом, мы — Военно-революционный комитет — почувствовали конкретно, что такое командиры и какое они значение могут иметь в военных действиях.

Но где же их найти? Большевиков-прапорщиков почти не было. Солдат, могущих командовать большими соединениями, тоже немного. Они сами собой выдвигались тут же, на непосредственном действии.

Всего шесть или семь прапорщиков было на нашей стороне, все они, за исключением пишущего эти строки, были либо левые эсеры, либо беспартийные, отдавшиеся целиком в распоряжение Военно-революционного комитета и с честью выполнявшие поручения, данные им.

...На другой день рано утром перед моим столом стоял в золотых погонах, аккуратно одетый, молодой, с пробивающимися черненькими усиками прапорщик и говорил:

— Я прошу вас, дайте мне боевое назначение.

— Вы большевик?

— Да.

— Вы из какого полка?

— Я пришел сюда вместе со всем нашим полком из Подольска. Я единственный офицер, оставшийся с солдатами. Вот я и они в вашем распоряжении.

— Хотите к Никитским воротам? Там наши позиции в двух домах. Там все время юнкера ведут сильный обстрел и сегодня ночью пробовали подойти и атаковать.

— Хорошо, пожалуйста, туда. Я еще возьму из своего полка кое-кого. Вот... товарищ,— прапорщик приоткрыл дверь из штаба и подозвал солдата, который там стоял.— Я буду его посылать сообщать вам о ходе дела.

— А ваша фамилия, товарищ? — спросил я прапорщика.

— Прапорщик Реутов,— ответил он.

Товарищ Самсонов опять отбарабанил на машинке приказ, и прапорщик Реутов, получив его, крепко пожал мне руку и, глядя бодро вперед, ушел хорошей, военной походкой...

Возвратившись после обхода в нашу маленькую комнатку штаба, я застал там солдата, который должен был быть связью между нами, штабом и прапорщиком Реутовым. Солдат был обрызган грязью и, снявши серую папаху, вытирал пот, обильно струившийся со лба.

— Прапорщик Реутов убит,— сказал мне посланец.— Товарищ Реутов командовал, переходил из одного дома в другой, где сидели наши солдаты. Из одного дома мы вылазку де-

лали против кадетов два раза. И все ничего. А вот недавно вошел в дом, где засел наш отряд,— это на третьем этаже. Шальная пуля его и шандарахни. Прямо тут безо всяких свалился. Солдаты плакать готовы, особенно нашего полка.

По лицу рассказывавшего все текло что-то вниз, к подбородку: и грязь, и пот, и, может быть, слезы.

Труп товарища Реутова солдаты бережно вынесли из полосы огня...

...Не без колебаний победили.

Всякая война сопровождается дипломатией.

Кроме того, славяне еще в прежнее время говорили: «Где сила не берет, там полукавить надо». Господа, сидевшие в городской думе, и начали «лукавить». Предложили перемирие на сутки с очевидной целью: во-первых, сообразить, почему превосходные генералы не могли в течение пяти минут раздавить какой-то там Военно-революционный комитет; во-вторых, почему социалистическая «опора» генералов в лице эсеров и меньшевиков оказалась такого сорта, что ни одного солдата не привлекла на свою сторону, даже казаки и те отказались выступать и соблюдали нейтралитет; в-третьих, просто выждать, не придут ли на подмогу хоть какие-нибудь взводы из тех многочисленных дивизий, которые вызваны были по всем направлениям германского фронта. А мы поддались «лукавству». Колебнулись. Подписали перемирие. Отдали приказ прекратить огонь...

На другой день, часов в 12 дня, ко мне вбежал один из двинцев, радостный, ликующий.

— Объявил нашим ребятам, что сегодня перемирие кончилось... На всех наших позициях оживление.

* *
*

Станислав Янович
БУДЗЫНЬСКИЙ

Будзыньский С. Я. (партийный псевдоним — Стах) (1894—1937 гг.), участник борьбы за Советскую власть в Москве, деятель польского рабочего движения. Член Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) с 1912 г. Член РСДРП(б) с 1916 г. Делегат 7-й (Апрельской) конференции РСДРП. С июня 1917 г.— член Исполкома групп СДКПиЛ в России. По решению Московского комитета РСДРП(б) в августе 1917 г. поступил на службу в 55-й пехотный запасной полк (Ходынка); избран членом полкового комитета и членом Моссовета солдатских депутатов. В Октябрьские дни — член ВРК Замоскворецкого района, с 25 октября (7 ноября) — кандидат в члены Московского ВРК, который назначил его командиром 55-го полка.

Станислав Янович
БУДЗЫНЬСКИЙ

В ноябре 1917 г.— председатель солдатской секции Моссовета. В декабре 1917 г.— марте 1918 г.— нарком по делам социального обеспечения в Москве и округе. С весны 1918 г.— на нелегальной работе в Польше и Германии, в ноябре 1918 г.— один из организаторов Варшавского Совета рабочих депутатов. В последующие годы — на партийной работе в СССР.

* * *

Он готовил солдат к восстанию [1]

15 июля 1915 года полиция арестовала весь состав Варшавского комитета партии. Попал в тюрьму и Стах. Затем его переводят в Бутырки. Здесь его держат почти до самой Февральской революции.

Выйдя из тюрьмы, Стах от имени партии большевиков выступает на фабриках и заводах Москвы, проводит большую работу среди польских беженцев.

Его страстные речи раздавались на бесчисленных митингах той бурной поры.

В августе 1917 г. Будзыньский вступает в ряды армии. Ему выдали обмундирование и винтовку.

«Я ни разу не выстрелил из нее,— рассказывал впоследствии Стах,— зато охрип от речей, потому что наш полк митинговал с утра до вечера».

Кроме партийной работы в полку, Будзыньский, как и другие члены «Военки», выступал по нарядам МК и райкомов на предприятиях Москвы. Бывали дни, когда приходилось выступать по 12 раз. Дни, на которые падало два-три выступления, он считал днями отдыха.

«Щупленький, белобрысенький, со светлым пушком на очень бледном, матовом лице, он казался совсем юным, неоперившимся птенцом,— пишет о Будзыньском в своих воспоминаниях «Октябрь в Москве» П. Виноградская.— Неуклюже болталась на нем старая, не по росту шинель. А как любили солдаты слушать его! Он говорил с певучим польским акцентом, пересыпая речь шутками и пословицами. Помню, как он хвалился, что большевистская ячейка в его полку увеличилась с семи человек до пятнадцати. Тогда это очень много значило».

Самоотверженная работа в Военной организации боль-

[1] Из книги: Герои Октября, с. 125—128.

шевиков таких, как братья Крюковы[1], Будзыньский и другие, способствовала тому, что в решающие дни Октября 55-й полк стал надежной опорой Военно-революционного комитета.

Как только в начале октябрьского боя ВРК приказал привести 55-й запасной полк в боевую готовность, Будзыньский тотчас же вывел из казарм и направил в распоряжение ВРК шесть наиболее надежных рот полка, насчитывавших в общей сложности до 1500 солдат. Когда Рябцев, присутствуя 25 октября на пленуме Моссовета, оказался перед фактом сформирования ВРК — органа для руководства восстанием,— он пришел в неистовство, собрался выступить, чтобы лично обратиться к пленуму с призывом «бросить, пока не поздно, опасную игру».

Избранный в состав Военно-революционного комитета, Будзыньский весьма галантно открыл ему дверь, ведущую на трибуну, говоря: «А ну-ка, рискните!»

«Но Рябцев не рискнул,— рассказывает Будзыньский.— Увидев этот переполненный до отказа зал, посмотрев в глаза депутатам, он понял, что угрозы его могут только смешить людей, а то и хуже — взбесить до того, что от него ничего не останется.

Сделав шаг назад, Рябцев говорит:

— Я вас... встречал где-то?

— Так точно, в 55-м пехотном запасном полку,— отвечаю,— на заседании полкового комитета.

— Да, да. Припоминаю. Это вы мне надерзили.

— Нет, я вам только резко всю правду сказал.

— Ну я вас тогда простил,— говорит Рябцев милостиво.— Но теперь пришел конец моему терпению, я заговорю со всеми вами другим языком.

— Да перестаньте вы, наконец, волынить,— прервал я его.— Я вам уже тогда в полку сказал, что мы ваших угроз не боимся и даже очень желаем, чтобы вы наконец начали стрелять — наши бы тогда тоже быстрее раскачались. И вам крышка давно уж была бы»[2].

Будзыньский являлся одним из самых деятельных, смелых и решительных членов Московского ВРК. Он отвергал

[1] Крюков С. О. (1888—1920) — участник Октябрьского вооруженного восстания в Москве. Член КПСС с 1907 года. Председатель полкового комитета 55-го пехотного запасного полка; Крюков Ф. О. (1885—1950) — участник Февральской и Октябрьской революций в Москве. Член КПСС с 1906 года. Служил в 55-м пехотном запасном полку. По заданию Военного бюро при МК РСДРП(б) вел агитационную работу в частях Московского гарнизона.

[2] См.: *Будзыньский С.* Октябрьские дни в Москве.— В одном строю, с. 103—104.

какую бы то ни было возможность соглашения с врагом до полной его капитуляции.

Большое участие принял Будзыньский в организации боевого штаба в Замоскворецком районе. Отсюда он пробрался затем — через занятые юнкерами кварталы — в Моссовет и лично участвовал в уличных сражениях революционных войск.

* * *

Из воспоминаний С. Будзыньского [1]

...Паяц Керенский объявил призыв на действительную военную службу политических амнистированных. В приказе говорилось, что политические амнистированные своей беззаветной борьбой против царизма заслужили великой чести защищать «свободную» Россию от величайшего врага демократии и революции — милитаризма Гогенцоллернов.

Узнав о мобилизации, я в тот же день явился в МК... Тут же, в Военной организации, я получил явку к товарищам на Ходынском поле и через три дня был рядовым 12-й роты 55-го пехотного запасного полка.

Первые дни я был немножко ошеломлен непривычной обстановкой и настроениями, резко противоположными настроениям, которые к этому времени становились господствующими на московских фабриках. Масса в полку была весьма разношерстная по классовому составу, но преобладала публика определенно антибольшевистски настроенная. Нас избивали при малейшей попытке заговорить. Верховодили эсеры. В их руках был и полковой и ротные комитеты. Они очень ловко сплавляли маршевыми ротами на фронт большевиствующие, пораженчески настроенные элементы, твердо удерживая верный себе кадр старых солдат плюс значительное количество патриотически настроенных московских лавочников, которые окопались на Ходынке и спасались от фронта своей ретивостью в борьбе с большевиками и преданностью эсерам из полкового комитета. Эти-то типы громче всех орали на митингах и в полку: «Война до победного конца», терроризировали новичков угрозой:

[1] См.: *Будзыньский С.* Октябрьские дни в Москве.— В одном строю, с. 82—124 (с сокращениями).

— Молчи, а то в два счета с первой маршевой на фронт пойдешь.

Условия работы были весьма тяжелые, к тому же нас, большевиков-партийцев, в полку сначала было всего двое — Смирнов [1] и я. Через некоторое время в полку объявился еще один партиец, старый большевик Антонов, которого откомандировали к нам в полк из провинции.

Кроме нас, партийцев-большевиков, на интернационалистской позиции стоял и сотрудничал с нами в то время левый эсер Мулявко (за свой громадный рост прозванный нами Крошкой), который к Октябрю полностью перешел к большевикам.

...В полках было много стихийных, так сказать, большевиков, которые притягивали к себе менее сознательную массу и создавали почву для работы партии, но организационная связь с ними почти отсутствовала или очень часто рвалась.

Более прочные связи, более тесное общение с солдатской массой и более многочисленные ячейки мы имели в технических частях, где процент пролетариев был выше. В Ходынском лагере, где преобладали линейные пехотные части, дело было похуже. Мы могли рассчитывать почти исключительно на фронтовиков-солдат, побывавших в окопах, смотревших смерти в глаза, переварившихся в котле кровавой бойни и потому революционно настроенных.

...Решили вести работу с соблюдением величайшей осторожности и конспирации. Кроме того, решили установить более тесную связь с районной (Краснопресненской) организацией и сделать все возможное, чтобы связаться с артиллерийскими казармами. Так как самым прочным основанием эсеровского влияния были кадровики и московские шкурные элементы, мы решили начать работу под «оборонческим» лозунгом: «Смена уставших бойцов на фронте засидевшимися в московских полках тыловиками». Этот лозунг бил по эсерам, которые под лозунгом: «Смена уставшим бойцам на фронте» — мыслили высылку маршевыми ротами вновь мобилизованных или сочувствовавших большевикам, но ни в коем случае не своих кадров. Вновь мобилизованным, которые ожидали, что после трехмесячной учебы они должны будут уйти на фронт, этот лозунг весьма нравился, ибо они ненавидели ловкачей, которые ухитрялись отбояриться от

[1] Смирнов В. М. (1883—1969) — активный участник борьбы за Советскую власть в Москве и Подмосковье. Член КПСС с 1903 года. В 1917 году служил в 55-м пехотном запасном полку. В Октябрьские дни 1917 года — член солдатской «десятки» Московского ВРК.

каждой очередной маршевой роты. С фронта неслось такое же требование.

В таких условиях наши выступления на митингах, в разговорах при умывальнике либо во время перерыва на занятиях имели колоссальный успех и производили угнетающее впечатление на тыловиков-кадровцев. В ответ на разглагольствования какого-нибудь эсеровского петушка о войне до победного конца мы ему обычно заявляли:

— Ты, браток, лучше расскажи нам, как это ты ухитряешься воевать до победного конца, находясь свыше полугода на Ходынке? Не пора ли тебе сменить уставших в окопах братьев? Мы вот месяца через три-четыре двинемся на фронт, а ты небось все обучать да караулить добро московских тузов будешь.

Этот подход к делу дал большие результаты. Масса, которая легко поддавалась на эсеровско-меньшевистскую демагогию, сочувственно слушала наши разговоры на тему об «окопавшихся в тылу» и сама охотно вела разговоры в этом же духе. Когда же сторонники войны до победного конца в ответ на наши речи пытались отыграться руготней по адресу большевиков, тогда со всех сторон неслось:

— Ишь, шкурник, как разоряется. На пушку нас взять хочет. Ты небось сам большевик, а большевиков ругаешь для отвода глаз.

Тут мы вступались осторожно за большевиков:

— Да какой он большевик: он за войну до победного конца, но нашими руками, а большевики — за немедленный мир и братание. Может быть, они и не совсем правы, но они не шкурники и не «окапываются» в тылу, а везде дерутся за мир — и в тылу и на фронте, несмотря на угрозу смертной казни.

Всегда в таких случаях находился какой-нибудь обработанный эсерами и бульварной буржуазной печатью солдат, который уверенно заявлял:

— Большевики — шпионы. В пломбированном вагоне приехали. Брататься с немцами советуют.

— Насчет вагона ничего не знаем, может быть, буржуи все это зря выдумали, чтобы опорочить большевиков. Ведь не одни большевики в этом вагоне приехали, говорят, и эсеры там были, и меньшевики тоже. Что же касается братания, то, раскинув мозгами, видишь, что это дело не так уж плохо. Ведь у немцев солдат такой же мужичок, как и у нас. Домой — к семье и земле — ему хочется, как и нам. Покуда господа мир строят, то все о войне до победного конца говорят. Если за это дело возьмется сам черный народ, мир скоро

будет. Нет, мне кажется, что зря ты, братишка, братание и большевиков хулишь.

Очень часто какой-нибудь член ротного или полкового комитета, а то офицеры из студентов, прислушиваясь к нашим разговорам, в упор нам ставили вопрос:

— А ты не большевик ли? Говоришь, как большевик.

В таких случаях мы отвечали дипломатично:

— Мы за мир без аннексий и контрибуций. Мы против Милюкова, против буржуев и помещиков-кровопийцев, мы за землю крестьянам, которые на ней тысячи лет проливают свой пот, мы за скорейший созыв Учредительного собрания, которое покончит с войной, отнимет землю у помещиков, а фабрики у капиталистов и передаст все это трудовому народу.

— Так это же говорят большевики,— горячился сторонник бескровной мартовской революции.

— А я почем знаю! Если так, как я, говорят и большевики, то они правильно говорят. За что же их шпионами обзывают?

Обычно из толпы слышался ответ, на который наши товарищи наводили всем ходом беседы:

— Известно, за то, что большевики против господ.

В таких разговорах мы приобретали друзей, расширяли наше влияние на широкие круги солдат.

Так прошло недели две со дня первого собрания нового состава Военной организации Ходынского лагеря. За это время мы все были на хорошем счету у начальства: были исполнительны, сметливы, дисциплинированны, ногу «держали» правильно,— один был недостаток у нас, по мнению начальства, это — «любили поболтать». Но придираться к нам ни начальство, ни эсеровский комитет не могли. Чтобы противодействовать нашей «болтовне», эсеры из полкового комитета решили усилить свою политпросветительную работу. Все чаще начали появляться из города гастролеры с лекциями на такие «животрепещущие темы», как «Христос — первый социалист», «Первобытный человек» и т. п. Но и эта карта была бита. Эсеровские расчеты не оправдались. Мы эти лекции использовали, ставя докладчикам ехидные и вполне злободневные вопросы.

На следующем партийном совещании Военной организации Ходынского лагеря мы информировали друг друга о ходе работы в полках и решили продолжать работу в том же духе, потребовав у МК побольше литературы для распространения в полках. Одновременно мы разработали вопрос о взаимной связи и связи с МК, которая значительно ухудши-

лась вследствие принятого командованием и эсеровским солдатским Советом запрещения прогулок солдат на территории чужих полков, якобы под видом борьбы со шпионажем; на деле эта мера была направлена против нашей работы и работы наших фабричных ячеек среди гарнизона. Кампания клеветы против большевиков была усилена эсерами и меньшевиками и также всей буржуазной печатью до невероятных размеров; о большевиках распространялись нелепейшие выдумки и сплетни. Под прикрытием этой кампании велись аресты неугодных солдат, имели место факты дикой расправы господ офицеров с солдатами. Митинги дозволялись лишь с разрешения полковых комитетов (сплошь эсеровских), причем выступать могли только лица, приглашенные полковыми комитетами. О перевыборах полкового комитета не могло быть и речи, ибо Совет СД [1] не разрешал перевыборов ни в ротные, ни в полковые комитеты.

С каждым днем положение становилось все напряженнее, обстоятельства требовали все большей осмотрительности и выдержки, чтобы сохранить связь с солдатской массой.

Дня через три после нашего собрания был созван полковой митинг, на котором какой-то профессор, как его рекомендовал председатель полкового комитета, должен был читать лекцию на тему о эволюции и революции.

Собрание было созвано в батальонной столовой. Под громадным навесом и вне его собралось 1200 человек. Трибуной служил стол. Мы, присяжные «вопрошатели», сели в первом ряду у стола, с которого говорил докладчик. Доклад был скучен и сводился к тому, что революция является незакономерным, вредным и разрушительным явлением и что в природе все развивается путем эволюции. Ученый профессор и нас призывал забросить путь революции и выйти на путь эволюции, чтобы продолжать дело единственно справедливой, бескровной мартовской революции.

Солдаты слушали молча, угрюмо насупившись, после окончания доклада аплодировали добросовестно, но без воодушевления, так сказать, по долгу службы, чтоб не обидеть человека. Их лица оживились, глаза повеселели, когда медленно поднялся «первый вопрошающий» товарищ Смирнов с ворохом вопросов. За Смирновым поднялся я, с просьбой предоставить мне слово. Эта просьба смутила эсеровский президиум, ибо нарушала установившийся порядок. Спрашивают, о чем я хочу говорить.

— Видите ли, товарищи,— отвечал я,— мне бы хотелось высказать свое сомнение о том, можно ли противопоставлять

[1] Солдатских депутатов.

революцию эволюции, и получить от профессора детальное объяснение. В форме вопроса вряд ли мне удастся это сделать.

Снова совещание, и председатель кивает мне головой в знак согласия. Тем временем Смирнов вдумчиво вбивает клинья своих вопросов в доклад, который трещит по всем швам. Вслед за Смирновым ставлю вопросы я. Наш пример заражает и левого эсера Мулявко. Собрание все больше оживляется. Докладчик, «сев в калошу» по ряду вопросов, заявляет, что на остальные вопросы он ответит в заключительном слове.

Эсер-председатель предоставляет слово мне. В это время Смирнов удерживает меня за шинель и наставительно шепчет:

— Слышь, парень, подкачай, но не зарывайся.

Начало речи успокоило председателя, который, сделав внимательное лицо, начал усердно рисовать завитушки и пропускать мимо ушей все, что я дальше говорил.

А дальше пошло все, что я слышал на подпольных пропагандистских кружках.

— Докладчик нам рисовал прелести эволюционного развития, а забыл сказать, какую роль в процессе мирного эволюционного развития играет империалистическая война, и не сказал, как это эволюционным путем выйти из войны. Если быть последовательным и попытаться выйти путем мирной эволюции из войны, так можно «эволюционировать» до тех пор, пока ни одной живой души на свете не останется.

И тут же делаю вывод, что выход из войны есть, но не тот, который нам желал внушить докладчик. Чтобы выйти из империалистической бойни, нужно уничтожить власть того класса, который заинтересован в войне, взять власть в свои руки, отнять землю у помещиков — в пользу мужиков, фабрики у Рябушинских — в пользу пролетариата; предложить всем народам мир. Этого можно достичь только путем революции, и кровавой революции, ибо буржуи добровольно не пойдут на это.

Братва разгорячилась, срываются аплодисменты; Смирнов смотрит на меня ободряюще, как бы говоря: «Ну пошла музыка, крой их вовсю!»

Такое одобрение я читаю в глазах десятков людей и всей этой толпы, услыхавшей слова, которые оформляли ее чаяния, надежды и желания. За все время никто из нас не упомянул, что это требования большевиков. Но толпа слушателей начинает осознавать, что это большевистская речь и что

началась серьезная борьба. Офицеры начинают забегать в президиум, председатель вертится на месте, наконец прерывает оратора:

— Ваше время истекло!

Я действительно говорил долговато, почти час. Но с мест несутся крики:

— Дать ему говорить, пусть и наш брат выскажется.

Едва я кончил свою речь, на трибуну вскакивает вне очереди эсер, поручик, член полкового комитета, и начинает заливаться соловьем, что он весьма рад предыдущему оратору, он верит в его искренность и честность, но он боится, что оратор не знает, над какой пропастью он стоит,— ведь то же самое говорят большевики. А ведь революция во время войны — это поражение революции и торжество внешнего врага. Сначала нужно победить германских милитаристов, а тогда только мы сможем, опираясь на европейскую демократию, устроиться в нашем отечестве по-новому. Кто этого не понимает, тот становится слепым орудием германских шпионов — большевиков...

Я не выдержал, вскочил на скамейку и спрашиваю офицеришку:

— Я — шпион?

— Нет,— говорит опешивший эсер.

— А Ленин — шпион?

— Да,— звучит ответ.

Тут я, не помня себя, схватил его за лацканы шинели и с криком:

— Врешь, мерзавец! — сбросил его со стола.

Немедленно несколько увесистых кулаков посыпались на незадачливого оратора со стороны солдат. Я же орал во все легкие:

— Товарищи, я — большевик, наша партия хочет добиться мира, чтобы народ не проливал своей крови за интересы толстопузых, за их барыши; наша партия хочет взять землю у помещиков и отдать трудовому крестьянству, фабрики — рабочим, а власть чтобы была в руках наших Советов. Вот за это нас слуги буржуазии и помещиков обзывают шпионами.

В то время, когда я выкрикивал эти слова, офицеры, стоявшие кучей в стороне, отстегивая кобуры, начали двигаться к столу, президиум же довольно бесцеремонно начал стягивать меня со стола. Солдаты все встали, но как-то безучастно смотрели на эту сцену, даже те, которые минуту тому назад дубасили сброшенного офицера. Тогда Смирнов вскочил на скамейку и обратился к солдатам с призывом не допустить

насилия над своим же братом. На этот призыв немедленно откликнулась группа недавно прибывших за пополнениями фронтовиков, а за ними и вся масса. Офицеры, видя настроение массы, испарились. Мы окончили митинг проведением нашей резолюции.

На другой день весь Ходынский лагерь уже знал о происшествии в 55-м пехотном полку. Этот полк становился все более и более большевистской крепостью.

...Кроме партийной работы в полку мы должны были (по нарядам МК и районов) выступать на фабриках и заводах...

Обычной темой выступления был так называемый «текущий момент». Доклад по «текущему моменту» строился по следующей схеме: краткая характеристика международного и внутреннего положения, критика действий Временного правительства, разоблачение действий соглашателей и, наконец, злободневные вопросы местной фабричной жизни как иллюстрация к предыдущим обобщениям. Весь доклад строился таким образом, чтобы слушатели самостоятельно делали вывод, что выходом из войны и все растущей разрухи может быть только переход власти к трудящимся.

Постепенно все легче становилось завоевывать фабрики, которые еще недавно считались меньшевистскими крепостями. Помню, что раз меня МК послал на подмогу Рогожскому району для выступления на какой-то небольшой фабрике в районе Таганки. Рабочая масса — на фабрике работали преимущественно женщины — слепо доверяла эсерам. Большевикам не давали говорить. МК, посылая меня на эту фабрику, рассчитывал, что солдатская шинель и звание члена Совета СД поможет мне хотя бы произнести речь.

Расчет оказался верным.

Председатель собрания предоставил слово для доклада эсеру — члену ССД [1]. Когда подошла моя очередь, председатель подчеркнул, что слово предоставляется представителю партии большевиков. Не успел я вскочить на стол, с которого говорили ораторы, как раздалось несколько истерических выкриков:

— Долой большевиков, не желаем слушать. Вон!

Поднялся галдеж, кто-то кричал, чтобы публика расходилась и не слушала большевика. Действительно, несколько человек отделились от толпы рабочих и работниц и направились к воротам. Я уже изо всех сил крикнул:

— Товарищи! Как на фронт нас нужно посылать, так вы нас «солдатиками» называете, «дорогими защитниками» ве-

[1] Совет солдатских депутатов.

личаете, а когда мы к вам поговорить об общих делах приходим, тогда вы нам спину показываете, кричите «долой». Вот так свобода слова «солдатикам и дорогим защитникам»! Валить на большевиков все, что в голову друзьям Милюкова и Корнилова взбредет, можно, а дать слово большевику для защиты и выслушать его так нельзя.

Толпа начала стихать. Начали раздаваться голоса немногих, сочувствующих большевикам:

— Верно говорит, дайте солдатику высказаться.

Шинель действовала. Через несколько минут я мог делать свой доклад беспрепятственно. А через полчаса перебивающих меня эсеров и запоздавшего третьего докладчика — меньшевика рабочие резко осаживали: «Замолчи, не мешай слушать!»

...Левение рабочих масс происходило с такой быстротой, что, казалось, партия не поспеет за массами. На митингах, заводских и полковых собраниях уже раздавались голоса по нашему адресу:

— Когда же вы от слов перейдете к делу? Мы все за власть Советов, так давайте свергать Временное правительство. Поздно будет, когда Рябушинские заводы прикроют, чтобы усмирить нас костлявой рукой голода.

Эти разговоры мы передавали в МК, обращая его внимание на желание рабочих поскорее разрешить тот революционный кризис, который неуклонно надвигался.

...В Московский Совет пробирались делегации разных войсковых частей, посылаемых для усмирения Москвы. Эти делегации приходили в ВРК, чтобы у первоисточника почерпнуть сведения о событиях, происходивших в Москве... Особое значение имела делегация от кубанских казаков, направленных Ставкой в помощь Рябцеву. Эшелоны их были в 12 часах езды от Москвы. Однако недоверие к Ставке было так велико даже среди казаков, что они послали двух делегатов: вольноопределяющегося и хорунжего. Я находился в анфиладе проходных комнат, что под Белым залом [1], где был занят составлением новых отрядов. Меня разыскал Усиевич и потребовал, чтобы я бросил все и пошел говорить с делегатами от казаков.

— ...Иди говорить, ты — солдат, тебе легче будет.

Я немедленно пошел за Усиевичем, который подвел меня к делегатам, представил как члена ревкома и быстро скрылся. В первый момент я сдрейфил. До сих пор мне приходилось иметь дело с делегатами-солдатами. Часто это были партий-

[1] В здании Моссовета.

ные эсеры или меньшевики, но все-таки найти к ним подход было мне нетрудно. В данном же случае дело стояло хуже. Оба делегата имели университетские значки. Один из них — хорунжий. Я смутился: как же говорить и на что напирать?

Почти механически начал выпытывать их: кто они, сколько их, что знают о московских событиях?

Во время их ответов начинаю соображать: положение скверное — оба делегата чуть розовее кадетов с возмущением говорят, что мы начали восстание против всех партий, против всей демократии, накануне созыва Учредительного собрания...

Начинаю им мягко указывать, что у них совершенно превратные сведения о положении дел в Москве. Начинаю устанавливать факты. Даю им примеры, как в Москве капиталисты скручивали рабочих «костлявой рукой голода». Указываю, что первыми начали стрелять юнкера по двинцам, мирно направлявшимся в Совет. Рассказываю о расстреле из пулеметов солдат 56-го пехотного запасного полка в Кремле Рябцевым и спрашиваю их: неужели для счастья России нужно, чтобы лилась кровь русского солдата не только на фронте, но и в Москве? Спрашиваю их, не должна ли сдача Риги генералами, подготовка сдачи Петрограда их, как русских патриотов, убедить в правоте нашей борьбы.

Вижу, что разговор веду не понапрасну. Хорунжий прерывает меня заявлением, что большинство генералов — изменники, генералам они не верят, но он, как кубанский казак, воспитанный в любви и свободе (Кубань всегда была либеральная, отмечает он), не может понять, как это мы идем против воли всей демократии.

В тот момент через комнату проходил левый эсер, член штаба ВРК товарищ Саблин. Меня осенила блестящая мысль.

— Да, позвольте,— вскрикнул я, хватая за рукав Саблина,— вы заблуждаетесь: мы и ставим вопрос о создании власти, опирающейся на коалицию советских партий. Вот Саблин — эсер, член штаба ВРК. Разве это не лучшее доказательство, что мы стремимся не к диктатуре одной партии, а к созданию правительства советской коалиции, исключающей только Гучковых, Терещенко и Рябушинских? Что же касается Учредительного собрания, то мы не верим, что Временное правительство его созовет. Войну оно желает вести до победного конца, а созыв Учредительного собрания оно откладывает до конца войны. Мы боремся за немедленный созыв Учредительного собрания.

Саблин, поняв, о чем идет разговор, набросился на делегатов, призывая их во имя демократии стать на сторону ВРК против Рябцева — орудия помещиков и капиталистов.

Делегаты потребовали, чтобы им дали время для того, чтобы обдумать вопрос... Возвратившись к представителям кубанцев, я узнал от них, что они решили советовать своему комитету придерживаться нейтралитета и в Москву не вступать...

...Людей у нас было достаточно, но вся беда была в том, что у нас почти не было командного состава. С грехом пополам нам хватило офицеров, чтобы организовать работу штаба и командование на двух важнейших участках наступления: вдоль Никитского бульвара на Алексеевское училище и вдоль Б. Дмитровки и Тверской на Охотный ряд (дом Шестова). А ведь фронт был разорван на отдельные участки переулками и переулочками. Ревкому приходилось поддерживать своей артиллерией наступление Городского района на «Метрополь», а офицеров, знакомых с артиллерией, было всего-навсего один — И. Н. Смирнов.

...Из этих последних дней помню только один эпизод: я направлялся в штаб ревкома, когда ко мне подбежала старая большевичка Ольга Афанасьевна [1].

— Ты за перемирие?

— Что за чепуха! Еще сутки — и от юнкеров останется мокрое место. Перемирие может разложить наших солдат.

— Да ты меня не агитируй, беги скорей голосовать против! — кричит она мне, энергично вталкивая в комнатушку, где чаще всего заседал ревком.

Лишь только я вскочил в комнату, Усиевич кричит Ломову, который председательствовал:

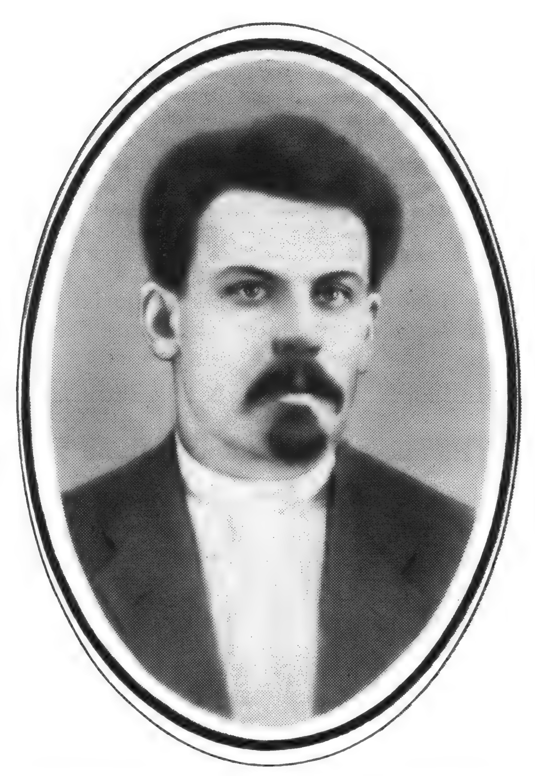
— Еще один против!

Оказывается, это была новая попытка викжелевцев наладить перемирие. В два дня после этого Рябцев подписал капитуляцию. Но об этой капитуляции я узнал только из рассказов товарищей. Ибо на следующий день после семи дней, проведенных без сна, я свалился с ног и очнулся после 20 часов беспрерывного сна на койке лазарета, организованного в здании Совета...

* *
*

[1] О. А. Варенцова.

Алексей Степанович ВЕДЕРНИКОВ

Ведерников А. С. (партийный псевдоним — Сибиряк) (1880—1919 гг.), один из организаторов борьбы за Советскую власть в Москве. Член КПСС с 1897 г. Родился в семье мелкого чиновника в Омске. С конца 90-х гг., работая на рудниках Сибири, в железнодорожных мастерских Томска, включился в революционное движение. В дни революции 1905—1907 гг. в Томске вместе с С. Костриковым (С. М. Киров) создал боевую дружину, участвовал в митингах и демонстрациях, был организатором политических стачек. Во время декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве сражался на баррикадах Пресни. В 1906—1907 гг.— член МК РСДРП(б) и его Военно-технического бюро.

Алексей Степанович
ВЕДЕРНИКОВ

Делегат V (Лондонского) съезда партии. В 1908 г. арестован царской охранкой, осужден на шесть лет каторги в Ярославской тюрьме с последующей ссылкой на вечное поселение в Енисейскую губернию.
Освобожден Февральской революцией 1917 г. В апреле 1917 г. вошел в состав МК РСДРП(б), его Военного бюро и Исполкома Московского Совета. Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). Один из организаторов и руководителей Красной гвардии в Москве. В дни Октябрьского вооруженного восстания — член оперативного штаба Московского ВРК по руководству восстанием. 25 октября (7 ноября) 1917 г. по распоряжению Боевого партийного центра отряды под командованием Ведерникова захватили важнейшие объекты города — телеграф, телефон и почту. После победы Октябрьской революции Ведерников был правительственным комиссаром на Выксунских и Кулебакских заводах Нижегородской губернии. В 1918 г. участвовал в подавлении белогвардейского мятежа в Муроме.

* * *

Начальник Красной гвардии [1]

«Сегодня мне исполнилось 35 лет. Тридцать пять лет! Сколько за эти годы пережито!

Невольно хочется оглянуться назад и пересмотреть, что мною сделано и пережито. Не скажу, что моя жизнь была бесцветная. Много красивых и сильных переживаний. Одна Москва в 1905 году чего стоит! Надо сказать, что и тяжелых переживаний было немало, это так надо. Если бы сейчас я мог увидеть свою жизнь в кинематографе, я, пожалуй, остался бы ею доволен. Если бы меня спросили бы, хочу ли я пережить снова эти 35 лет и так же, я бы сказал — да!»

Так писал Алексей Ведерников друзьям в Москву из далекой сибирской ссылки за два года до Февральской революции, еще не ведая сроков, но весь в ожидании ее, в предчувствии великих перемен.

Но вот из центра страны до Енисея докатились известия о февральских событиях 1917 года. И Алексей Степанович тотчас пустился в дорогу.

Вскоре в Москву поступила восторженная телеграмма от Алексея Степановича: «Слезами радости поздравляю революцией. Минусинске власть руках народа. Передайте привет рабочим «Дукса»[2]».

[1] Автор очерка В. А. Кондратьев.
[2] Велосипедный завод в Москве.

В конце марта он уже в Москве, активно участвует в выборах Советов рабочих депутатов. Его избирают в первый состав Исполнительного комитета Московского Совета. 4 апреля вместе с Ф. Э. Дзержинским, М. С. Ольминским и другими членами МК Алексей Степанович посылает приветствие Владимиру Ильичу Ленину, только что вернувшемуся в Петроград из долголетней эмиграции.

Несколько дней уходит на объезд партийных организаций в губернии. В Орехово-Зуеве, Богородске и других городах и поселках он разворачивает революционную инициативу масс, призывает не успокаиваться на достигнутом, заостряет внимание на необходимости организовать крепкую, боеспособную Красную гвардию.

— Мы должны создавать свои вооруженные боевые дружины,— немного волнуясь, говорил Ведерников.— Вспомните 1905 год. Тогда уже у нас были свои вооруженные группы, оружия нам никто не давал, мы его добывали сами. Нам нужна Красная гвардия. Нам нужно оружие.

Смахнув непослушные волосы с широкого лба, он продолжал:

— Я только что из Богородска. Там рабочие охотно дают деньги на оружие.

Московские большевики единодушно одобрили ленинский курс на социалистическую революцию.

Состоявшаяся в те дни Московская окружная конференция РСДРП(б) послала Алексея Степановича делегатом на Всероссийскую конференцию РСДРП(б), созываемую в Петрограде в апреле для обсуждения задач партии в революции.

Делегаты конференции бурными овациями встретили появление на трибуне В. И. Ленина. Доклад по первому и основному пункту повестки дня — «текущему моменту» — он сделал четко и кратко. Как ново, просто и вместе с тем остро и точно ставились в нем актуальные вопросы партийной работы.

Поздней ночью 29 апреля Ленин выступил с заключительным словом. Кончая речь, он провозгласил:

«Пролетариат найдет в наших резолюциях руководящий материал к движению ко второму этапу нашей революции»[1].

Выдвинутый Лениным и одобренный всей партией курс на социалистическую революцию стал путеводной звездой для Алексея Степановича.

Вернувшись в Москву, он всюду пропагандирует решения партии. 17 мая он в промышленном городке Глухове высту-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 453.

пает перед рабочими с докладом об Апрельских тезисах. Более 2 тысяч собравшихся единодушно присоединились к решениям большевистской партии и «горячо благодарили в лице товарища Ведерникова всех последователей товарища Ленина, истинных защитников интересов рабочего класса», как записали рабочие в протоколе своего собрания. По заданию Моссовета Алексей Степанович, как член Исполкома Совета, разбирает конфликты и рабочие жалобы на предпринимателей. Под его председательством состоялось совещание представителей от рабочих и фабрикантов Орехово-Зуева. Рабочие требовали повышения заработной платы и прекращения локаутов, а фабриканты твердили свое: «Нет сырья, нет денег, производство надо закрыть».

Дружно, напористо, поддерживая друг друга, выступали рабочие. Убедительно и умно говорил Сибиряк. В результате принятых мер фабриканты пошли на уступки, работа предприятий продолжалась.

Своевременное вмешательство Сибиряка в дела московской красильной фабрики Фермана позволило разоблачить злостные махинации администрации, пытавшейся закрыть фабрику, взять на учет обнаруженное сырье и поставить во главе фабрики рабочий комитет.

В весенние дни и особенно летом 1917 года на фабриках и заводах Москвы и Подмосковья стал вводиться рабочий контроль. Расширился круг задач и обязанностей Алексея Степановича. По путевке МК партии он объездил все крупные близлежащие промышленные районы и предприятия, в том числе Сормово, Брянские заводы, Кольчугино, всюду мобилизуя рабочих, сплачивая их вокруг большевиков.

Но где бы ни был Алексей Степанович, он неизменно ставил вопрос о вооружении рабочих, об организации отрядов Красной гвардии.

Красная гвардия создавалась для охраны промышленных предприятий, для отпора выступлению контрреволюции и для достижения желанной победы в грядущих классовых боях. Формирование красногвардейских отрядов приняло повсеместный и массовый характер во время корниловского мятежа. Тогда в Москве под руководством большевиков под ружье встали тысячи рабочих, и никто — ни Временное правительство, ни меньшевики и эсеры из Советов не смогли воспрепятствовать этому движению рабочих.

Разгром корниловского мятежа наглядно показал, какую мощную боевую силу представлял вооруженный народ.

В те дни Алексей Степанович особенно часто появлялся на фабриках и заводах. При его непосредственном участии

Рабочие-красногвардейцы за изготовлением оружия перед вооруженным восстанием в Москве. 1917 г.

создавались отряды Красной гвардии на Прохоровской мануфактуре и заводе Тильменса в Пресненском районе, на заводе «Каучук» — в Хамовническом районе, на заводах Военно-артиллерийского ведомства и «Дуксе» — в Бутырском районе. На заводе «Дукс», ставшем опорным пунктом бутырских большевиков, хорошо помнили Сибиряка. Здесь, как и в 1905—1906 годах, рабочие снова изготовляли оружие, только на этот раз открыто и не скрывая своих намерений.

— Да здравствуют большевики, да здравствует Ленин! — встречали они выступления Алексея Степановича. И скандировали:

— Долой «временных»! Долой «временных»!..

Рост Красной гвардии и развитие событий требовали совершенствования организационных форм вооруженных сил про-

летариата. В середине сентября по инициативе Сибиряка московские большевики разработали Устав Красной гвардии и провели широкое обсуждение его на фабриках и заводах. В этом Уставе говорилось о целях и задачах Красной гвардии, о порядке приема в ее ряды, о построении и подчиненности отрядов, о выборах централизованного командования и т. п. В начале сентября Устав был принят на объединенном заседании Исполкома Московского Совета рабочих и солдатских депутатов и стал практическим руководством для красногвардейцев.

При Московском Совете создается Центральный штаб Красной гвардии. Во главе его — Алексей Степанович Ведерников. В состав президиума штаба избраны П. К. Штернберг, П. Г. Добрынин, Я. Я. Пече.

— Скоро пойдем на штурм старого мира,— часто говаривал в те дни Ведерников, признанный организатор московских красногвардейцев.

Действительно, когда в Москве и Петрограде большевики получили подавляющее число мест в Советах, стало ясно — медлить нельзя, условия для захвата власти созрели. Именно тогда В. И. Ленин в своем известном письме «Большевики должны взять власть» писал: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки». И далее: «Взяв власть *сразу* и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно*»[1].

Первым начал Петроград. О вооруженном восстании в Питере московские большевики узнали в полдень 25 октября из телефонограммы членов Московского Совета — участников II Всероссийского съезда Советов.

Быстрыми шагами, не обращая внимания на дождь, Алексей Степанович спешил на Скобелевскую площадь, в гостиницу «Дрезден», где должно было состояться заседание МК. И вот все в сборе. Один за другим выступают члены МК и созданного для руководства восстанием Партийного центра. Страстно звучат слова Сибиряка — члена «семерки» Военно-революционного комитета...

Заседание решает — начать восстание с захвата почты, телеграфа, телефонной станции, Кремля и вокзалов. Ответственные поручения даны Г. А. Усиевичу, М. Ф. Владимирскому, В. Н. Подбельскому, Е. М. Ярославскому, А. С. Ведерникову и другим руководящим товарищам.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 239, 241.

Радостными возгласами встречают восставшие весть о захвате рабочими Кремля. Воодушевленные успехом, красногвардейцы и солдаты захватывают один опорный пункт города за другим.

Контрреволюция идет на хитрость. В ожидании помощи войсками с фронта она добивается перемирия с Военно-революционным комитетом и сама же нарушает его. Снова тревожный клич по районам:

«По приказанию ВРК все вооруженные красногвардейцы должны быть в полной боевой готовности. Невооруженные должны немедленно следовать к Совету в распоряжение ВРК.

Член ВРК — Ведерников.
За секретаря — Н. Кушнир».

Ожесточенные схватки разгораются на подступах к Александровскому военному училищу, где засели юнкера и офицеры. Среди атакующих вездесущая фигура Сибиряка.

— Товарищ Ведерников, вас вызывают в штаб ВРК.

А в штабе очередная бессонная ночь. Тысячи дел наваливаются разом, и все их надо немедленно решать. Первая забота — о новых силах восставших. И Алексей Степанович на первых попавшихся под руку бумажках пишет приказ: «Серпуховскому Совету. ВРК приказывает вам во имя спасения революции немедленно прислать нам отряд рабочих и пулеметные патроны». Тут же пишутся аналогичные приказы в Ржев и Подольск. По просьбе санитаров подписана записка в городскую управу: «Выдайте для Красного Креста 10 одеял, 10 смен белья, 10 простынь, 5 халатов и лекарств по списку. Комиссар ВРК — Ведерников»...

Затем просмотр донесений разведчиков, новые приказы по войскам. Их отправляют с самокатчиками, санитарами, передают по телефону.

Восставшие явно одерживают победу, но враг еще не сдается. 1 ноября начинается решительный штурм телефонной станции, которую обманным путем захватили юнкера. Ведерников — во главе штурма.

Наступление красногвардейцев захлебнулось — к юнкерам пробился броневик, и это на время спасло положение белых. Но напор восставших уже нельзя ничем остановить. Кольцо рабочих отрядов все теснее сжимается вокруг станции. Из окон станции показались белые флаги.

Первым ворвался на станцию Ведерников.

— Да здравствует революция! — раздался его звонкий голос под сводами телефонной станции.

Наступил радостный день победы. На улицах толпился народ. Все читали приказы ВРК, вывешенные на видных местах.

— ...Уличные бои,— произносил по слогам для окружающих какой-то гражданин,— продолжались около семи суток. 2 ноября юнкера и офицеры подписали договор о сдаче, совершается их разоружение. Вся власть в Москве перешла в руки ВРК...

— Военно-революционного комитета,— повторяет кто-то в толпе.— Наконец-то власть настоящая пришла!..

— Подписано,— все так же громко продолжал гражданин,— член ВРК — А. Ведерников!

За прошедшие семь дней Алексей Степанович осунулся, еще больше похудел, но рано было складывать оружие и отдыхать. Снова день и ночь трудился Сибиряк, переехав вместе со штабом на Арбатскую площадь, в здание бывшего Александровского военного училища. По призыву большевистской партии красногвардейцы помогали проводить в жизнь первые декреты Советской власти, налаживать хозяйство города. И снова забелели объявления, подписанные начальником московской Красной гвардии А. Ведерниковым.

«С пятницы, 3 ноября, все магазины, лавки, трактиры, молочные и чайные должны быть отперты в часы, назначенные для торговли. За выполнением приказа должны строго следить районные комиссары».

«Дворники, милиционеры и Красная гвардия, в случае обращения жилищных комитетов к их помощи, обязаны оказывать им надлежащее содействие»...

В середине ноября А. С. Ведерников выступил с отчетом о деятельности Московского ВРК, в котором основное внимание уделил роли Красной гвардии в подготовке и победе октябрьских боев в Москве.

* * *

Из отчета А. С. Ведерникова о деятельности Московского ВРК[1]*:*

«Мы знаем, что благодаря Красной гвардии мы завоевали, почти безоружные, то, что теперь имеем, то есть нашу власть.

[1] Центральный государственный архив Советской Армии (далее: ЦГАСА), ф. 31773, д. 5, л. 4—8. Стенограмма, машинописная, правленая.

Октябрьские дни решили ту борьбу, которую мы вели еще во время царствования Николая II...

Нас застали с голыми руками. Мы знали, что нас окружают вооруженные силы, а у нас нет ничего. Видя положение, что нам придется все равно погибать, мы собрали последние силы и ринулись в бой. Нам бросили перчатку, и мы ее подняли.

К нам приходили тысячи людей, но у нас не было ничего, кроме артиллерии. Она нас и спасла.

На вокзалах мы нашли подвезенное оружие. И мы под градом пуль перевозили его и вооружали рабочих и солдат.

Мы видели, что все, кто пошел за нами, сражались с большим воодушевлением, несмотря на то что выступали против дисциплинированной 20-тысячной армии, вооруженной бомбами и пулеметами. Красная гвардия показала чудеса храбрости, хотя многие в первый раз брали в руки винтовку. В результате... мы их разбили наголову.

До последних дней мы не пускали в ход артиллерию. Не хотелось разрушать частных домов, музеи и памятники древности. Может быть, в этом была наша ошибка, что мы не пустили ее раньше.

Так нам досталась Советская власть».

* *
*

Михаил Федорович ВЛАДИМИРСКИЙ

Владимирский М. Ф. (1874—1951 гг.), участник Октябрьской революции в Москве.
Член КПСС с 1895 г.
Родился в семье священника в Арзамасе.
В начале 90-х гг. входил в молодежные марксистские кружки Нижнего Новгорода.
Учился на медицинском факультете Томского и Московского университетов.
Один из руководителей социал-демократического движения в Москве. Подвергался арестам и ссылке.
Эмигрировал в Германию, где учился в Гейдельбергском, а затем Берлинском университетах. Был членом берлинской группы искровцев. В 1902 г. вернулся в Россию.
Получил диплом Казанского университета и в 1903—1905 гг. работал земским врачом.
Был членом Нижегородского комитета РСДРП.

Михаил Федорович
ВЛАДИМИРСКИЙ

С сентября 1905 г. в Москве кооптирован в Московский комитет РСДРП. В октябре 1905 г. вошел в Московский стачечный комитет, Центральное бюро Московских профсоюзов, избран депутатом Московского Совета рабочих депутатов. Участник Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве. В 1906 г. арестован, затем эмигрировал. Работал в парижской группе большевиков; в 1911 г. избран в Комитет заграничных организаций (КЗО) РСДРП.
После Февральской революции 1917 г. Владимирский вернулся в Москву. С июля 1917 г.— член бюро МК РСДРП(б). В сентябре руководил подготовкой выборов в районные думы Москвы.
25 октября (7 ноября) 1917 г. избран в состав Боевого партийного центра, который руководил вооруженным восстанием и установлением Советской власти в Москве, член Московского Военно-революционного комитета. После победы Октябрьской революции — член Президиума Московского Совета. В дальнейшем — на партийной и государственной работе. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

* * *

Член Боевого партийного центра [1]

Пять часов утра. Улицы Парижа пустынны. Просыпаться начинают только рабочие кварталы. Но уже катит тележку с флягами молока человек лет сорока. Нет, это не молочник. Разносит молоко по квартирам политэмигрант с дипломом врача, профессиональный революционер, один из создателей Московской организации большевиков — Михаил Федорович Владимирский.

...На протяжении ряда лет Михаил Федорович был одним из руководителей социал-демократической организации в Нижнем Новгороде.

Многим нижегородцам запомнилась маевка 1905 года. Широченный волжский разлив. Множество рабочих на лодках около моста, у Дарьинского проезда. Еще больше народа на берегу. Пламенную речь произнес Я. М. Свердлов. Потом говорил старик с большой окладистой бородой, в пелерине с медными застежками. Один лишь Яков Михайлович знал, что под старика загримирован Владимирский.

В сентябре 1905 года Владимирский перебрался в Москву. После подавления вооруженной борьбы рабочих Москвы в 1906 году был арестован. Тогда он вынужден был покинуть родину, эмигрировать во Францию и жить здесь случайными заработками...

[1] Из книги: Герои Октября, с. 65—66.

На родину Владимирский вернулся в июле 1917 года и сразу занял видное место в Московской партийной организации.

Важную роль играл Михаил Федорович в муниципальной работе московских большевиков. В сентябре 1917 года он руководил подготовкой выборов в районные думы — выборов, увенчавшихся серьезнейшими успехами большевистской партии.

В Октябрьские дни Владимирский — член Боевого партийного центра, один из непримиримых противников соглашательской линии по вопросу о вооруженном восстании.

* * *

Решающие моменты Октября в Москве [1]

Октябрь в Москве выделяется на общем фоне Октябрьской революции затяжным характером борьбы, сложностью боевой обстановки и своеобразием самой организации восстания. И поэтому Октябрьские дни в Москве представляют особый интерес.

Восемь суток длилась упорная — с переменным успехом — вооруженная борьба. Московская организация нашей партии еще с первых дней Февральской революции готовилась к ней. Своей настойчивой работой в рабочих и солдатских массах Москвы организация большевиков сделалась фактическим руководителем этих масс.

Уже в июне во всех почти воинских частях Московского гарнизона существовали партийные ячейки. Большевистские лозунги находили сочувствие в солдатских массах. С августа начинает заметно возрастать влияние большевиков в Московском Совете рабочих депутатов. На выборах в районные думы, проходивших в сентябре, 51 процент всех поданных голосов получают большевики. В начале октября в районах власть фактически уже находится в руках большевиков. Уже в конце сентября Московская организация обсуждает вопрос о захвате власти, а в начале октября полученное Московским

[1] Эти воспоминания М. Ф. Владимирского были подготовлены для газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» и опубликованы в ней 5 ноября 1927 года; в настоящем издании печатаются по книге: Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве, с. 403—408.

комитетом письмо Ленина поставило вопрос о захвате власти как практическую задачу дня.

«Медлить — преступление,— писал Ильич.— Ждать съезда Советов — ребячья игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции.

Если нельзя взять власти без восстания, надо *идти на восстание тотчас*»[1].

Начинается подготовка. Выделяется боевой центр партии, организуются Военно-революционный комитет при Московском Совете и боевые центры в районах, и уже утром 26 октября начинаются первые наступательные действия со стороны революционных сил. По приказу Московского комитета партии отряд солдат 56-го полка занимает почту и телеграф. Другим центральным пунктом в плане наступления является Кремль с его Арсеналом: необходимо было удержать этот центр в своих руках, развивая от него дальнейшее наступление.

Контрреволюция организует свои силы и пытается вырвать инициативу из рук большевиков. 27 октября командующий Московским военным округом полковник Рябцев объявляет город на военном положении и предъявляет Военно-революционному комитету ультиматум: 1) немедленно ликвидировать все действия Военно-революционного комитета и упразднить его, 2) немедленно вывести из Кремля 56-й полк и 3) немедленно возвратить вывезенное из Арсенала оружие. Срок ответа на ультиматум — 15 минут. В случае неполучения ответа к сроку по Совету будет открыт артиллерийский огонь.

Военно-революционный комитет отверг без обсуждения этот ультиматум и в ответ на него вместе с Центральным советом профсоюзов объявил всеобщую забастовку и призвал рабочих всех фабрик и заводов к открытой борьбе за власть Советов.

На этот призыв откликнулась вся рабочая Москва, весь Московский гарнизон. 28 октября утром забастовали все фабрики и заводы. Рабочие массами потянулись в центр и в свои районы.

Здания Советов превратились в штабы. Рылись окопы, устраивались проволочные заграждения. По улицам патрулировали рабочие и красногвардейцы, охраняя свои районы как от нападения белогвардейцев, так и от бандитов и всякого жулья, которые, воспользовавшись смутой, пытались грабить магазины и частные дома.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 340—341.

Белогвардейцам удается путем провокации отбить Кремль. Это вносит некоторое замешательство в революционные ряды. На сцене появляются меньшевики в качестве представителей Викжеля, требуя от обеих борющихся сторон «немедленно остановить гражданскую войну и сплотиться для образования революционного социалистического правительства». Викжелевцы утверждают, что они будут беспрепятственно пропускать по железным дорогам войска противника той стороны, которая отвергнет их предложение.

Хотя обе стороны и вступили 29-го числа в переговоры, хотя ими и были даны приказы о прекращении боевых действий, фактического примирения не наступало.

Переговоры не привели ни к чему. Белогвардейцы предъявили настолько наглые требования, что Военно-революционный комитет не стал их даже обсуждать. По приказу Московского комитета большевиков Военно-революционный комитет прекращает всякие переговоры с белыми. После этого наступает резкий перелом в борьбе. Военно-революционный комитет, объявляя об окончании перемирия, призывает «все верные революции части и Красную гвардию стоять твердо за правое дело» и заявляет, что «с этого момента мы вступаем в полосу активных действий».

В районах к этому времени уже наладилась боевая организация, и рабочие рвались в бой, высказывая недовольство медлительностью Военно-революционного комитета.

Вот несколько картинок.

Городской район. Ревком помещается вместе с районным партийным комитетом в трактире Романова на Сухаревской площади. Помещение трактира превращено в военный лагерь. В коридорах, на лестницах и во всех комнатах серые шинели и суровые, черные фигуры рабочих. Беспрерывно щелкают винтовки, говор, возбуждение, сверкающие энтузиазмом лица... Пришли рабочие с фабрик, приехали даже из уезда. Приехали ночью с факелами и винтовками.

— Услышали, что у вас жарко, и пришли помочь. Ведь вопрос-то жизни и смерти всех рабочих решается. С нами и работницы. Большинство беспартийные. Давайте скорее назначение.

Замоскворечье. В райкоме по нескольку раз в день приходилось устраивать широкие собрания с докладом о положении дел, чтобы удовлетворить собравшихся рабочих. На всех заводах и фабриках были организованы вооруженные отряды для охраны заводов. Некоторые фабрики и заводы представляли собой крупную военную силу и сыграли большую

Они готовы к борьбе:
Московские трамвайщики в Октябрьские дни

роль. Так, например, завод Михельсона [1] дал отряд в 200 красногвардейцев и 150 человек для санитарного отряда. Этот же завод дал 100 винтовок, которые он прятал у себя еще с Февральской революции. Винтовки в эти первые дни боя, когда у революционных войск совершенно не было оружия, сыграли громадную роль. Рабочие телефонного завода и электрической станции заняли Чугунный мост и охраняли его от юнкеров. Они также регулировали освещение, выключая свет в местах расположения белогвардейцев. Завод «Поставщик» [2] дал отряд в 50 человек. Рабочие трамвая пере-

[1] Электромеханический завод имени Владимира Ильича.
[2] Московский кожевенный завод.

возили вооружение, раненых, рыли окопы. Даниловская мануфактура [1] охраняла район от нападения казаков, которые двигались по шоссе из Каширы. Рабочие шли также и в одиночку и требовали оружия; шли старики и женщины.

Или вот Рогожский и Симоновский районы. 28-го утром, когда загудели фабричные гудки, одна фабрика за другой бросили работу, и рабочие потянулись в районные Советы. Первым пришел отряд трамвайного парка, за ним бежали, перегоняя друг друга, гужоновцы, рабочие завода Подобедова, фабрик: «Марс», «Караван», Дангауэр и др. Работницы фабрик Остроумова, Келлера, Сумина целыми группами шли в район, записывались в отряды красных сестер.

В этом сжатом очерке нет никакой возможности хотя бы кратко описать волнующие картины самоотверженной работы и борьбы рабочих районов. И вся эта работа и боевая служба протекали в неимоверно трудной обстановке, когда из-за каждого угла, из каждого окна буржуазного дома, с каждого чердака сыпались предательские выстрелы.

Но ничто не могло уже остановить железного натиска восставших рабочих. Развернутым фронтом, о который разбились попытки белогвардейцев развить было свой успех после взятия Кремля, районы перешли в контрнаступление, в ожесточенных боях тесня шаг за шагом противника. С помощью районов Военно-революционный комитет, окружив белогвардейцев тесным кольцом, снова оттесняет их к центру, а затем быстрым и решительным ударом выбивает их из последних опорных пунктов.

Последние тяжелые бои шли в районе Тверского бульвара и у Никитских ворот. Революционные войска заняли дом в конце Тверского бульвара. Юнкера засели в соседних домах и стреляли оттуда из пулеметов; с Арбатской площади они стреляли из орудия. Положение солдат было поистине ужасно: измученные, усталые от бессонных ночей, без достаточной пищи, они отсиживались за каменными стенами, устроив в окнах бойницы. Через их головы пролетали снаряды как вражеской, так и своей артиллерии, старавшейся выбить юнкеров. Один из неприятельских снарядов поджег их дом. Они переходят в другой дом. Рядом горят здания. Огненная стихия, не сдерживаемая пожарными командами, которые не могли тушить пожар после обстрела, яростно бушевала, разрушая все на своем пути. Звонко лопались зеркальные стекла в окнах, таяла и лилась, как масло, цинковая крыша, разноцветными огнями вспыхивали горевшие электрические

[1] Хлопчатобумажная фабрика имени М. В. Фрунзе.

провода, рушились расплавившиеся водопроводные трубы, выпуская воду фонтанами.

В таком аду, отвоевывая пядь за пядью, продвигали свои силы в Кремль и Александровское училище. Наступая от думы и «Метрополя» на Кремль, революционные отряды заняли старое здание университета. Юнкера, офицеры и контрреволюционное студенчество засели в новом здании и в Манеже и оттуда отстреливались. На Моховой, у Никольских ворот и около Троицких ворот юнкера укрепились за окопами. С Пречистенки белые выбиты к Волхонке и отступают к Кремлю. Белые окружены, исход восстания ясен.

1 ноября, в ночь, решено было начать обстрел Кремля из орудий. Артиллерии на Воробьевых горах был дан приказ перенести огонь на Кремль. Обстрел велся также с Пресни и Лефортова. Легкие орудия били с Красной площади по Никольским воротам. В Боровицкие ворота солдаты бросали бомбы и стреляли из винтовок и пулеметов. Все усилия были направлены на Кремль. Юнкера вначале пытались отстреливаться, но обстрел заставил их смолкнуть. 2 ноября юнкера вместе с Рябцевым ушли из Кремля. На другой день рано утром в Кремль вошли красные войска.

«Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. «Комитет общественной безопасности» распускается. Все силы буржуазии разбиты наголову и сдаются, приняв наши требования. Вся власть в руках Военно-революционного комитета. Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве. Все на охрану завоеваний новой, рабочей, солдатской и крестьянской революции! Враг сдался. Военно-революционный комитет приказывает прекратить всякие военные действия (оружейный, пулеметный и орудийный огонь). С прекращением военных действий войска Советов остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией особой комиссии.

Борьба в Москве окончена.

Военно-революционный комитет приказывает всем московским рабочим и солдатам в полной боевой готовности твердо стоять на славном посту».

Таким приказом Военно-революционного комитета завершается первая победная страница истории московского пролетариата.

* *

*

Петр Григорьевич ДОБРЫНИН

Добрынин П. Г. (1894—1917 гг.), участник борьбы за Советскую власть в Москве.
Член КПСС с 1916 г. Родился в семье рабочего в Москве. Работал токарем на заводе Шписса — Прена, в Дорогомилово, на телеграфно-телефонном заводе в Замоскворечье. Посещал нелегальные собрания большевиков Замоскворечья, занимался в политическом кружке.
После Февральской революции 1917 г.— агитатор Замоскворецкого районного комитета РСДРП(б), один из организаторов Красной гвардии в районе. С мая 1917 г.— член Замоскворецкого районного и Московского центрального штабов Красной гвардии. При участии Добрынина в Замоскворечье было налажено производство ручных гранат и бомб. Для приобретения винтовок и револьверов осенью 1917 г. Добрынин ездил в Тулу.

Петр Григорьевич
ДОБРЫНИН

В дни Октябрьского вооруженного восстания в Москве — член Замоскворецкого Военно-революционного комитета. Руководил ожесточенными боями против юнкеров в районе Пречистенки (ныне ул. Кропоткина) и Остоженки за овладение зданием штаба Московского военного округа (МВО). В одном из боев был ранен, но остался в строю. 31 октября (13 ноября) 1917 г. смертельно ранен. Умер 1 (14) ноября.

* * *

Жизнь — подвиг [1]

Из воспоминаний Н. И. Солуяновой [2]

«Я видела Петра Добрынина сразу же после получения известия о Февральской революции... Он ворвался в столовку как вихрь, со всей своей горящей энергией. Он всегда был какой-то летящий, стремительный...»

На телефонном заводе протяжно, и Петру показалось, что даже как-то по-особому торжественно звучал гудок. Окруженные рабочими, на дворе стояли члены большевистской ячейки.

Петр с помощью работниц, наскоро сшивших кумачовую ткань, прибил к палкам большие красные полотнища. С этими флагами колонна рабочих телефонного завода вышла на улицу.

— Царь свергнут! Ура!! — кричат в толпе.

На Страстной площади кто-то залез на памятник А. С. Пушкину и укрепил красный флаг.

Снизу, задрав головы, задорно кричали:

— Александр Сергеевич, идемте с нами!

У здания городской думы (ныне Музей В. И. Ленина) идет многочасовой митинг. Он не кончается потому, что одна за другой подходят и подходят из разных районов Москвы колонны демонстрантов и все новые и новые ораторы.

Выступает большевик Ногин, держа перед собой рупор.

— Товарищи! — гулко раздается по площади.— В этот радостный день свершились вековые чаяния народа! Самодержавию пришел конец!..

[1] Из книги: *Петропавловская Л. И.* Петр Добрынин. Жизнь и подвиг. М., 1974.

[2] Солуянова Н. И.— член КПСС с 1916 года. В 1917 году — студентка Коммерческого института, участница октябрьских боев в Москве. Ее воспоминания опубликованы в сборнике: Октябрь в Замоскворечье. М., 1957, с. 67.

Долго и раскатисто толпа кричит:

— Ур-р-а-а-а!

Демонстрации продолжались и на другой день. На этот раз, проходя мимо полицейского участка на Пятницкой улице, рабочие телефонного завода решили разоружить полицию. Во главе с Петром Семеновым и Петром Добрыниным рабочие ворвались в помещение полицейского участка и блокировали окна и двери.

— Клади оружие! — крикнул Семенов.

Перепуганные полицейские под дулами направленных на них пистолетов дрожащими руками отстегивали от ремней кобуры револьверов, снимали шашки. Все это тут же надевали на себя рабочие.

— Идите сюда! — крикнул товарищам Добрынин из задней комнаты.— У них тут вроде склад!

Действительно, здесь лежал небольшой запас оружия: несколько револьверов, патроны, шашки.

— Возьмем все это с собой! — приказал Семенов.— Еще пригодится!..

Из воспоминаний В. М. Зубкова [1]

«После Февральской революции на заводе чуть ли не каждый день были собрания, митинги. Жаркие схватки на этих митингах были с эсерами и меньшевиками.

Петр Добрынин очень умело выступал, и ему часто поручали выступления.

Обычно он спокойно выслушивал ораторов от меньшевиков и эсеров, а потом брал слово сам и давал им сокрушительный отпор».

Пьянящая душу радость свободы царила в стране.

В обеденный перерыв Прохор Григорьев [2] разыскал Петра:

— Слушай, что расскажу. Я Цуканова встретил с завода Михельсона. Он там вместе с Баклановым и еще двумя парнями начали создавать Союз молодежи. И у них уже состоялось первое собрание. А что, если у нас тоже ячейку союза организовать? Ты как думаешь?

— Думаю, что это будет здорово!

Партийная организация завода поддержала инициативу молодых рабочих. Поручила Добрынину, Григорьеву и Зубкову заняться этим делом, тем более что они уже вели рабо-

[1] Зубков В. М.— член КПСС с 1917 года. В 1917 году — рабочий телефонного завода, участник октябрьских боев и гражданской войны. Воспоминания записаны автором.

[2] Григорьев П. М.— член КПСС с 1917 года. Рабочий телефонного завода, активист Союза рабочей молодежи «III Интернационал», красногвардеец.

ту среди молодежи, знали, кто из молодых рабочих сочувствует большевикам. Так на телефонном заводе под руководством большевиков возникла ячейка Союза молодежи.

Потом Петр получил новое партийное задание: участвовать в организации Красной гвардии.

Как-то еще в начале апреля Алексей Степанович Ведерников пригласил Петра сопровождать его. Когда подошли к зданию, Петр спросил:

— Куда это мы пришли?

— Это обсерватория, отсюда ведется наблюдение за звездами. Штернберг здесь директор.

Вошли в большой зал. Петр с интересом огляделся — вокруг стояли астрономические приборы.

Из дальнего угла зала к ним подходил высокий человек с большой темной бородой и живыми, по-молодому блестящими глазами. Поздоровавшись с ним, Ведерников сказал:

— Вот, Павел Карлович, это Петр Добрынин, о котором я вам говорил. Изучил тактику уличного боя в совершенстве. Книгу Вычегодского знает наизусть...

— Ну что ж. Как раз такие люди нам сейчас нужны. Садитесь, пожалуйста,— сказал он, придвигая стулья.

Когда все уселись вокруг стола, Штернберг продолжал:

— Мы, большевики, конечно, надеемся на мирное развитие революции, но кто знает, как поведет себя буржуазия... оружие нам может пригодиться. В МК мне дали задание подготовить все материалы о создании рабочих вооруженных отрядов в Москве. Мне думается, что начинать надо с районов, с отдельных предприятий. Вот я набросал тут свои соображения, почитайте, пожалуйста.

Ведерников и Добрынин углубились в чтение.

— А где же тот план, Павел Карлович, о котором вы пишете? — спросил Петр.

Штернберг встал, отодвинул стеллаж, за которым в стене было углубление, и достал свернутый в трубку большой лист бумаги.

— Вот этот план я составил еще в 1907 году. Здесь указаны все пункты, которые могут стать опорными в Москве в случае вооруженной борьбы.

Одним из первых в Москве развернул дело создания Красной гвардии Замоскворецкий район. Добрынин был среди организаторов отряда Красной гвардии при райкоме партии, он посещал предприятия, инспектировал состояние заводских отрядов, помогал им делом и советом.

В марте — апреле красногвардейцы появились на ряде заводов: Михельсона, «Мотор», «Проводник», телефонном.

Отряд Красной гвардии на телефонном заводе насчитывал до 50 человек, красногвардейцы были вооружены винтовками и браунингами. Организатором и командиром отряда был Добрынин.

Уже 23 мая представитель от Замоскворечья докладывал в Московском комитете партии: «Есть Красная гвардия».

Районные штабы посылали по одному представителю в Центральный штаб Красной гвардии. От Замоскворецкого района в Центральный штаб Красной гвардии входил Добрынин. Всего в составе Центрального штаба насчитывалось до 20 человек. Они выбирали руководящую центральную «пятерку». В первом составе эта «пятерка» выглядела так: П. Штернберг, Я. Пече, М. Зимин, А. Ведерников, П. Добрынин.

Персональный состав центральной руководящей «пятерки» за период с мая до ноября 1917 года менялся, однако Петр Добрынин избирался туда каждый раз.

...В один из теплых июньских вечеров Петр Добрынин пришел на Серпуховку, где шли в это время оживленные споры на импровизированных митингах. Они были особенно обостренными, так как шла подготовка к выборам в городскую думу и предвыборная борьба накалила страсти. Каждая политическая партия выдвигала своих кандидатов списком, а каждый такой список имел свой номер.

Большевистский список шел под № 5. Агитаторы (среди них было немало молодежи) проявляли много изобретательности и не жалели энергии в распространении предвыборных плакатов и лозунгов. Но напечатанных в типографии плакатов не хватало, и их мастерили сами. На это уходило много времени. И Петр придумал выход. Он изготовил металлические трафареты с лозунгами: «Голосуйте за список № 5», «Голосуй за 5! С пятью лучше, чем с тремя!» А внизу плаката была нарисована рука с пятью растопыренными пальцами, возле которой жалко выглядела другая рука — только с тремя пальцами (под № 3 шли меньшевики)...

...4 июля в Москве стало известно, что в Петрограде зверски расстреляна мирная демонстрация рабочих и солдат. Чудовищным было то, что не только Временное правительство, но и подчинившиеся ему Советы, где большинство было за меньшевиков и эсеров, участвовали в этом кровавом расстреле.

По решению Московского комитета большевиков вечером в Москве на Скобелевской площади состоялась демонстрация протеста и солидарности с красным Питером. Руководителям Красной гвардии было дано задание охранять безопас-

ность демонстрантов, охранять знамена. Центральный штаб Красной гвардии поручил Петру Добрынину руководить охраной колонны Замоскворецкого района.

За короткий срок контрреволюция свела на нет все завоеванные народом в Февральской революции политические свободы: свободу слова, свободу печати, свободу собраний.

Возмущению рабочих не было предела. На многих фабриках и заводах Москвы проходили забастовки.

На телефонном заводе освободилось место электромонтера. Его предложили Добрынину, и он тут же с радостью согласился. Но Петр Семенов заметил:

— Нет, так не пойдет... С этой должности тебя моментально мобилизуют, на нее нет брони.

— Так что же делать?

— А вот что. Идем-ка в контору. Надо договориться, чтобы числился ты по-прежнему слесарем, а работал электриком. Понял?

Так и было сделано. Теперь у Петра было больше свободного времени, была маленькая комнатушка, где хранились инструменты, запас ламп, стремянка и т. д. В стене была огромная ниша, у которой были закрывающиеся на замок дверцы. Там внутри были рубильники, от включения которых зависела подача света и тока во все цехи завода. И вот сюда, внутрь этого разборного щита, сбоку, Петр прятал большевистскую литературу. Здесь же, в своей комнатке, Петр хранил металлические трафареты для лозунгов.

Помогал Петру работать с трафаретами Михаил Радин — рабочий-большевик с электростанции. Он шел вместе с Петром, Петр нес трафареты, а Михаил — ведерко с белой или красной краской. Останавливаясь у стены, один прижимал трафарет руками, другой накладывал краску.

Контрреволюция распоясывалась все больше и больше. 12 августа в Москве готовилось так называемое Государственное совещание, которое должно было консолидировать все контрреволюционные силы.

В знак протеста московский пролетариат 12 августа объявляет однодневную всеобщую забастовку. В ней участвовало более 400 тысяч рабочих и служащих. Активное участие в ней принимают и рабочие телефонного завода.

В этой обстановке большевики активизируют работу по собиранию, обучению и обеспечению оружием Красной гвардии.

Петру Добрынину было поручено участие в одном важнейшем и опасном деле.

Из воспоминаний Я. Я. Пече [1]

«В Замоскворецком районе мы с товарищем Штернбергом создали пункт выделки ручных гранат. Завод Михельсона, «Мотор» и телефонный завод служили нам местом изготовления разных частей ручных гранат... Замоскворецкая база в составе Стрелкова, Пана и Фельдмана при общем содействии Шиллерта и Добрынина и при технической консультации Гопиуса работала весьма энергично... Наполовину было приготовлено около 3 тысяч ручных гранат, но совсем готовых было более 600».

Новые бомбы и гранаты испытывали за Даниловской заставой в ямах. Это было нелегким и опасным делом. Мало того, что можно было легко взорваться вместе с опасным грузом при любом неосторожном движении. Каждому грозила опасность с поличным попасть в руки шпиков, а это могло повлечь большие неприятности не только для задержанных, но и для партийной организации, так как дало бы в руки врагов новый повод для клеветнической кампании. Поэтому делать это надо было с превеликими предосторожностями и в глубокой тайне. Чаще всего это происходило ночью...

В Москву пришло известие о том, что генерал Корнилов двинул войска на Петроград. Ясно было, что буржуазия на этот раз готовит уже открытую военную диктатуру. С гневом и возмущением отнеслись к этой авантюре рабочие, правильно разгадав в ней попытку задушить и потопить в крови революцию.

Но чаяниям контрреволюции не пришлось свершиться. Рабочие и солдаты дружно поднялись на защиту революции. В это время усиливается наплыв рабочих в Красную гвардию.

Особенно остро в эти дни волновал рабочих вопрос о том, где достать оружие, чтобы защитить революцию.

Партийная организация и завком посылают Добрынина с мандатом Замоскворецкого райкома партии в Тулу за оружием. Добрынин раздобыл немного винтовок и револьверов и привез на завод. Это вызвало бурю радости у молодых красногвардейцев.

Из воспоминаний И. А. Лакова [2]

«Ясно помню последнюю свою встречу с Петром Добрыниным в 1917 году. Это было в Дорогомилове. Я увидел, как

[1] Один из руководителей Красной гвардии.
[2] Лаков И. А.— близкий друг детства и юности Петра Добрынина.

подъехал грузовик. На нем был Петр. Стоя на грузовике, он произносил речь, в которой агитировал голосовать за большевистский список № 5».

В сентябрьских выборах замоскворецкие большевики получили две трети голосов в Пятницкой и Калужской районных думах. Это была большая победа.

Из воспоминаний А. М. Кожухова [1]

«Петр Добрынин вместе со Стрелковым принимал участие в охране молодежной демонстрации 15 октября... Когда мы шли с митинга, то в переулке буржуазные студенты и обыватели напали на нас и хотели отнять красное знамя и избить нас. Во время этой стычки Петр Добрынин, Стрелков и другие товарищи бросились вперед, возглавили нашу колонну и давали по рядам сигналы: «Не поддаваться провокации!», «Держаться спокойно!»

И мы не растерялись и выполнили приказ. Не применяя оружия, мы оттеснили враждебные элементы и вырвались из этого злобного окружения».

...25 октября (7 ноября) 1917 года Москва жила своей обычной жизнью. И вдруг, как молния, осветившая мрак, радостная весть — из Петрограда в Москву пришла телефонограмма о начале вооруженного восстания.

Московский комитет большевистской партии принимает решение: «Немедленно на местах поставить на ноги весь боевой аппарат».

Накануне был уточнен состав штаба московской Красной гвардии. В него вошли: Я. Пече, П. Штернберг, А. Ведерников, Е. Маленков, О. Берзин, П. Добрынин, Е. Ярославский и другие, всего 24 человека. В президиум штаба вошли А. Ведерников, П. Штернберг, П. Добрынин, Я. Пече, Н. Зимин.

То, что опять, в самый решительный момент накануне вооруженных боев, вновь в состав руководящей «пятерки» Центрального штаба был введен Добрынин, свидетельствует о его авторитете среди организаторов Красной гвардии, который он, несмотря на свою молодость, сумел завоевать.

Вечером 25 октября (7 ноября) в помещении бывшей гостиницы «Дрезден» было людно. Центральный штаб Красной гвардии совместно с Военным бюро при МК большевиков собрал всех представителей войсковых частей и районных

[1] Кожухов А. М.— член КПСС с 1937 года. В 1917 году — рабочий фабрики Цинделя, активист Союза рабочей молодежи «III Интернационал», красногвардеец.

организаторов Красной гвардии. Здесь было несколько сот человек. В центре внимания вопрос об оружии.

После доклада посыпались вопросы:

— А Тула?

— Тула даст еще оружие?

— На это даст ответ кто-нибудь из тех, кто недавно был в Туле. Кто желает сказать? Вот товарищ Добрынин скажет.

— Товарищи! — начал Петр.— В Туле огромное количество оружия. И настроение у рабочих там боевое, большевистское. Даже у женщин. Мне пришлось побывать на патронном заводе, и я слышал, как женщины-работницы, набивая патронами пулеметные ленты, с огромным подъемом пели: «Сами набьем мы патроны, к ружьям привинтим штыки». И так это у них здорово звучало! Я уверен, что если понадобится, то Тула еще даст нам оружие. Только надо торопиться его вывозить. Потом, может быть, будет поздно...

На другой день, 26 октября, в Замоскворечье сформировался районный большевистский военно-революционный комитет. В числе других в него вошел и Петр Добрынин. Начальником Красной гвардии района был назначен Владимир Петрович Файдыш.

Красной гвардии Замоскворечья принадлежало особое место в ходе октябрьских боев. Замоскворечье — большой рабочий район, где расположены крупные машиностроительные и текстильные предприятия, Центральная электростанция и т. д., — стало одним из главных опорных пунктов революции. Замоскворечье превратилось в плацдарм для наступления на центр города.

...Помещение ревкома превратилось в боевой штаб. Сюда беспрерывно приходили рабочие, требующие оружия, которого не хватало все больше и больше.

— Будем разоружать на улицах офицеров, а также буржуазные домовые комитеты,— решили в ревкоме.— Там немало имеется револьверов и винтовок. И есть сведения, что даже пулеметы.

Утро 28 октября принесло нерадостные вести. Накануне вечером пролилась кровь солдат-двинцев, шедших из Замоскворечья на охрану Моссовета. Их обстреляли на Красной площади юнкера. А сегодня белогвардейцы обманным путем проникли в Кремль и учинили там расстрел солдат 56-го полка.

Ревком Замоскворечья решил направить две боевые колонны: одну по Крымскому мосту и Остоженке для захвата штаба Московского военного округа, а другую — через

Каменный мост, Волхонку, Пречистенский (Гоголевский) бульвар для захвата Александровского военного училища.

Первой колонной было поручено командовать Файдышу, помощником его стал Добрынин, во главе второй колонны пошли Кржеминский (Пан) и Томашевский.

Но перейти Каменный мост не удалось, так как били пулеметы с Кремлевской стены. Тогда отряды второй колонны закрепились на Софийской (ныне набережная М. Тореза) и Берсеневской набережных.

Трудной и сложной оказалась и задача первой колонны. Она попала под жесткий обстрел там, где Остоженка делает изгиб. Несколько человек были убиты. Движение пришлось приостановить. Файдыш отправился в центр, оставив командиром Добрынина.

— Надо закрепиться здесь,— предложил Петр.

В ревкоме такое предложение одобрили.

Из воспоминаний И. В. Цивцивадзе

«Я помню, как Добрынин... раскрасневшийся, со своей львиной гривой и сверкающими веселыми глазами, прибежал ко мне в штаб и сказал:

— Товарищ Илья, у нас на фронте все хорошо, мы белогвардейцев сюда не пустим, а может быть, скоро возьмем их штаб. Скажите, что еще нужно сделать?

Я ему предложил начать рытье окопов, привлекая к этому возможно больше рабочих, и устроить для этой цели на заводах, фабриках и площадях митинги. Добрынин немедленно помчался. Эта задача была блестяще выполнена Добрыниным и Паном при участии Мышкина, Борисова и других агитаторов»[1].

Петр с небольшим отрядом отправился разоружать домовые комитеты. Дело в том, что городской голова эсер Руднев еще до боев роздал винтовки, револьверы и патроны так называемым домовым комитетам, которые под командой живших в доме офицеров образовали домовые охраны. Эти «охраны» выполняли в дни вооруженных боев функции разведки в пользу белых. Кроме того, они беспрерывно стреляли по красногвардейцам из окон, форточек, чердаков, с крыш, из подворотен, убивая и раня немало бойцов. И наконец, эти «охраны» служили белым резервом, откуда шло пополнение сил контрреволюции. Да это и неудивительно. Остоженка

[1] *Цивцивадзе И.* Боевые дни.— В кн.: На баррикадах за власть Советов. М., 1934, с. 59.

была в основном населена буржуазией, купечеством и офицерством. Вот у этих-то домовых комитетов Петр с красногвардейцами отбирал оружие.

Заведение Бахтина было известно в районе как ночная чайная. Сюда приходили греться и закусить главным образом извозчики. Чайная была расположена на углу Остоженки и Ушаковского переулка. Петр верно рассчитал: ее удобно было использовать как штаб и санитарный пункт.

В чайной было тепло и душно. Вкусно пахло щами и свежим хлебом. Навстречу поднялся пожилой человек с большой окладистой бородой.

— Вы хозяин? — спросил Петр.

— Да.

— Придется вам освободить помещение,— решительно приказал Петр.

Из воспоминаний В. П. Файдыша [1]

«Нельзя забыть... той чайнушки, которая помещалась около окопа и где развернул остоженский отряд Красной гвардии свой штаб. Здесь замышлялись боевые операции, сюда стекались донесения, сюда заходил греться и отдохнуть уставший боец, сюда приходили пополнения и смены».

Петр организовал переправку на грузовике с фабрики Цинделя больших тюков с хлопком и шерстью. Под бешеным огнем юнкеров разгрузили машину таким образом: сразу по команде сбросили тюки хлопка на землю. А за каждым тюком был красногвардеец. Из тюков, толкая их впереди себя, сделали баррикаду и под ее прикрытием закончили рытье окопа, углубили его для стрельбы стоя. Окоп перерезал Остоженку и сделал огневой заслон от юнкеров.

Этот же прием Петр Добрынин использовал еще раз для взятия юнкерских окопов на Остоженке. По бокам платформы грузового автомобиля соорудили защиту из тюков хлопка и шерсти. Весь отряд во главе с Добрыниным поместился внутри между кип. Задним ходом грузовик стал приближаться к окопам юнкеров, и, подъехав почти вплотную к ним, в один миг по команде Петра красногвардейцы сбросили тюки на мостовую и сами спрыгнули вместе с ними. Под прикрытием тюков открыли стрельбу по окопам и забросали их гранатами. Юнкера бросили окопы и бежали.

— Ух, это ты здорово придумал с хлопком! — похвалил Петра Апаков, рабочий трамвайного парка, встретив его в од-

[1] *Файдыш Вл.* Октябрь 1917 года в Замоскворечье. М., 1934, с. 49.

ном из переулков.— Я думаю, не попробовать ли такими тюками, ну, конечно, и листами чугуна, обложить трамвай? Получится что-то вроде броневика, и можно будет подвозить боеприпасы...

Юнкерам удалось занять Мясницкую (ныне улица Кирова), Солянку, Китай-город, Лубянку, почтамт и телефонную станцию в Милютинском переулке.

Учитывая создавшееся критическое положение, часть членов Боевого партийного центра перебралась в рабочее Замоскворечье. Сюда же перешли редакции газет «Социал-демократ» и «Известия Московского Совета».

28 октября отряды Красной гвардии заводов Михельсона, Густава Листа, «Поставщик», Варшавского арматурного, Даниловской мануфактуры, электростанции 1886 года, Шаболовского трамвайного парка и других предприятий Замоскворечья вместе с солдатами 55-го запасного пехотного полка отбросили юнкеров от Крымского вала, Малого Каменного и Чугунного мостов, прочно закрепились на подступах к Москворецкому и Большому Каменному мостам. Этими отрядами командовал Петр Добрынин.

29 октября Петр повел свои отряды на штурм Зачатьевского монастыря, где засели юнкера.

С колокольни и с башен монастыря беспрерывно бил шквал пулеметного огня, преграждая доступ к штабу. А перед самым штабом белогвардейцы вырыли окопы, опутали их колючей проволокой. В окопах установили бомбометы и пулеметы.

Добрынин повел в атаку красногвардейские отряды. В их составе были и «десятки» с завода «Поставщик» под командой Ф. Смирнова, и солдаты, и саперы 3-го Ржевского батальона, а также из города Старицы, и красногвардейцы с других московских предприятий. Казалось, приблизиться к зданию было невозможно — настолько ураганным был огонь.

Но вот Добрынин обратился к отряду:

— Вот что, ребята. Слушайте внимательно. Вы слышите, у них в огне есть маленькие паузы. Так вот, в эти паузы надо успеть сделать перебежку и стать вон туда, под самую стену монастыря. Это настолько близко, что пулемет туда сверху не достигает! Понимаете, это называется непоражаемая, или «мертвая», зона. Пули туда не доходят. Но, конечно, все сразу в паузы не успеют добежать. Нас слишком много. Сделаем так: разобьемся на несколько групп.

Так и сделали. Да так ловко, что отделались лишь легкими ранениями, убитых не было вовсе.

Весь отряд собрался у монастырской стены с тыла, а затем ворвался в его центральные ворота. После короткого боя в панике юнкера покинули Зачатьевский монастырь. На его колокольне был установлен красногвардейский пулемет. Окна на колокольне были забаррикадированы тюками с хлопком. Кроме того, установили пулемет в иконописной мастерской.

Захват Зачатьевского монастыря значительно облегчил успех дальнейшего наступления на штаб МВО.

В этот же день, 29 октября, остоженскими и хамовническими красногвардейскими отрядами совместно с полуротой 193-го полка были взяты Интендантские склады.

Всюду поставили свою охрану. Чего здесь только не было! Сотни штук добротного офицерского сукна, генеральские дорогие меховые шапки и целые штабеля сапог разных размеров и достоинств. Петру Добрынину взять бы себе одну пару, только одну пару: ноги его были мокры и застыли. Но ему это и в голову даже не пришло. Взятое добро было уже народным достоянием, и оно было свято для Петра Добрынина и для его товарищей!

На третий день боев Петр, улыбаясь, сказал:

— Я ранен.

Все так же улыбаясь, снял пиджак и показал раненое плечо. Пуля, видимо, не задела кости. К счастью, на этот раз это было легкое ранение.

Сводный отряд красногвардейцев и солдат очистил от юнкеров Крымский мост и лицей, соединился с революционными частями Хамовников.

Петра видели всюду. Он перебегал от окопа к окопу, от двора к двору. Так что у всех бойцов было твердое ощущение, что он с ними все время, что он где-то здесь, около и появится рядом обязательно в самую нужную и решительную минуту.

...От пришедших из ревкома связных Петр с радостью узнал, что привезли артиллерийские орудия. Одно было поставлено на Калужской площади, второе — у Крымской площади и третье — на Даниловке.

Кроме того, из Лефортова на Воробьевку по просьбе Штернберга привезли и установили тяжелое орудие, которое было нацелено прямо на Кремль.

— Ну теперь мы им дадим, ох и грохнем же! Но надо сразу, сразу! Пока они не опомнились,— радовался Петр.

Петр подготовлял общее решительное наступление на штаб МВО. Теперь, после того как был взят Зачатьевский монастырь, наступление могло быть поддержано установленным там пулеметом.

Красногвардейцы были полны наступательного порыва.

И вдруг...

Вечером этого же дня, 29 октября, Петра разыскал в одном из окопов связной из Замоскворецкого ревкома.

— Вам срочный пакет, товарищ Добрынин.

Петр развернул и прочел. Это был приказ Московского ВРК о прекращении боевых действий и объявлении перемирия на сутки для переговоров с «Комитетом общественной безопасности». Передавая на позиции этот приказ, Замоскворецкий ВРК от себя призвал: «...в свою очередь сохранять полную боевую готовность и закрепляться на занимаемых позициях».

— Вот так-так! — озадаченно протянул Петр.— Так с какого часа вступает в действие это перемирие?

— Ровно с двенадцати часов ночи и кончается тоже в двенадцать часов ночи 30 октября.

— Целые сутки! — возмутился Петр.— И это теперь, когда мы уже почти у цели! Да они за эти сутки подтянут резервы...

Но тут же Петр овладел собой. Приказ надо было не только выполнить, но и как-то разъяснить его смысл бойцам, хотя это было и нелегко сделать. Что он мог им сказать? Что меньшевистско-эсеровский Викжель, угрожая железнодорожной забастовкой, потребовал переговоров, а колеблющаяся часть Московского ВРК согласилась на эти переговоры, вместо того чтобы возглавить решительные действия революционных войск?!

— Гнать надо из ВРК тех, которые замиряться с врагом хотят! — возмущались солдаты.— Они, видишь ли, кровопролития хотят избежать. А кровь наших товарищей из 56-го полка, которых в Кремле расстреляли? Она по их же вине пролилась! Потому что тоже все переговаривались и дожидались ультиматума! Бить надо врагов, а не договариваться с ними.

Всю ночь Петр не сомкнул глаз, беседуя то с одной группой солдат и красноармейцев, то с другой.

— Они используют перемирие для засылки лазутчиков, для разведки. И мы тоже не лаптем щи хлебаем, и мы тоже зря время не потеряем,— говорил Петр, успокаивая солдат.

И на другой же день с утра Петр, придя в чайную, попросил обойти дворы и отобрать несколько ребятишек, лет по четырнадцать-пятнадцать, побоевее.

И вскоре пришли человек пять мальчишек. Около Петра сидели уже двое. Это были Павлик Андреев и еще Трейман — эстонец, пятнадцатилетний фрезеровщик с телефонного завода.

— Ребята! — обратился к ним Петр.— Надо разведать, что делается в переулках, во дворах, на позициях юнкеров.

А через несколько часов Петр узнал о том, что тяжело ранен Павлик Андреев. Он полез из окопа за упавшей винтовкой, и его буквально прошила пулеметная очередь. Но он был еще жив, когда его отправляли в больницу.

— И это во время перемирия! — возмущались красногвардейцы.— Оно им нужно для того, чтобы время выиграть, чтобы из-за угла в нас стрелять.

— То, что мы не сделали сегодня из-за перемирия, мы сделаем завтра,— сказал Петр.— Завтра мы с разных концов перейдем в наступление. Наша задача: парализовать и подавить те огневые точки врага, которые не дают нам вплотную подойти к штабу МВО. Я предлагаю так... Вот я тут начертил приблизительную схему...

Так говорил Петр командирам нескольких солдатских и красногвардейских отрядов, которых он собрал на короткое совещание вечером 30 октября. Все склонились над схемой, потом долго обсуждали, договаривались, какой отряд, с какой стороны должен подойти и каковы его задачи в данной операции.

— А теперь, товарищи, по возможности постарайтесь хоть немного передохнуть. Завтра нам всем нужны силы,— в заключение сказал Петр.

Петру принесли срочное донесение. Юнкера сделали попытку по Левшинскому переулку зайти в тыл красногвардейцам у Мансуровского переулка. Добрынин с отрядом красногвардейцев быстро направился туда и возглавил контрдействия. Красногвардейцы быстро вышли из окопа, одна группа заняла дом на углу Пречистенки и Мансуровского, выдавила стекла верхнего этажа и залегла на подоконнике, другая взобралась на крышу дома, стоящего на углу Еропкинского переулка и Пречистенки. Сильным огнем, направленным вдоль Левшинского переулка, отогнали юнкеров.

События в Левшинском переулке отодвинули на несколько часов выполнение основной операции. Была уже середина дня, когда Петр с отрядом красногвардейцев прибыл в условленное место, где его уже поджидали другие отряды для совместного наступления.

План Петра заключался в следующем: объединенные отряды замоскворецких и хамовнических красногвардейцев вместе с солдатами 193-го и 55-го полков сильным внезапным ударом должны были наступать на дом № 15/17 по Остоженке, с тем чтобы выбить юнкеров из этого дома. Наступление этой группы должен был поддерживать своим огнем пулемет, ус-

тановленный на колокольне Зачатьевского монастыря. Одновременно с этим другие отряды Красной гвардии должны были охватывающим движением взять в кольцо здание штаба МВО. И в то время как основные силы штурмовали бы дом № 15/17 по Остоженке, чем отвлекли бы внимание юнкеров, другая часть красногвардейских отрядов должна была как только возможно ближе продвинуться к зданию МВО. Надо было затем взять баррикады юнкеров, сооруженные ими из штабелей дров и железных коек прямо перед зданием. Затем все вместе должны были с разных концов наступать на штаб и штурмом взять его, выбив из него юнкеров. После этого, сломив сопротивление белогвардейцев на Остоженке, можно было бы двигаться отсюда через мосты к центру города на соединение с красногвардейскими отрядами других районов, также пробивающимися к центру, занятому белогвардейцами.

Этот план, продуманный во всех деталях Петром и одобренный Замоскворецким ревкомом и лично Штернбергом, начал днем 31 октября весьма успешно осуществляться.

Красногвардейцы основного отряда, предводительствуемые Петром Добрыниным, пошли в наступление, захватывая дом за домом, подошли к церкви Воскресения, находящейся на углу Остоженки и 1-го Зачатьевского переулка.

Из донесения в Московский ВРК от 31 декабря

«...Наиболее решительные действия развиваются нами по Остоженке... В наших руках весь 1-й Зачатьевский переулок. Угольная церковь и колокольня в наших руках. Но по колокольне ведется из противоположного дома пулеметный обстрел. Закрепиться на колокольне нам не удалось... В настоящее время бомбомет стоит в окопах. Из него произведено несколько выстрелов по штабу округа. По полученным данным, обстрелом из бомбомета причинили штабу значительные повреждения»[1].

— Значит, так... Объясняю задачу,— говорил красногвардейцам и солдатам Петр.— Основная группа опять будет наступать из 1-го Зачатьевского переулка на Остоженку к дому № 15/17. Одновременно совершим обходный маневр со стороны Зачатьевского монастыря. Товарищ Смирнов[2], ты со

[1] Это донесение, сохранившееся в фонде МВРК, написано кем-то (а быть может, и самим Добрыниным) карандашом на клочке бумаги. Текст этого донесения опубликован в сборнике: Октябрьские дни в Москве. М., 1922, с. 256.

[2] Смирнов Ф. Г.— член КПСС с 1918 года. В 1917 году — командир красногвардейского отряда завода «Поставщик».

своим отрядом попробуй выйти со стороны Молочного переулка на 1-й Зачатьевский и постарайся как возможно ближе прижаться к дому № 15/17. Так... Еще один отряд сосредоточим на углу 2-го Зачатьевского переулка.

— А саперы? — спросил кто-то.

— Саперы пусть будут в Зачатьевском монастыре и на площади перед ним и будут оттуда поддерживать нас своим огнем. А сам я со своим отрядом буду где-нибудь в одном из дворов 3-го Зачатьевского переулка, и в нужный момент мы броском продвинемся вперед и соединимся с другими отрядами на углу 1-го и 2-го Зачатьевских переулков. Понятно? Таким образом, наступление будет вестись с нескольких направлений, и это сразу поставит белогвардейцев в затруднительное положение. Предупреждаю: операция эта нелегкая. Будут жертвы...

Наступление возобновилось с новой силой. И вот уже красногвардейские отряды выходят на угол Остоженки. Часть юнкеров выскочила из ворот дома № 15/17, с тем чтобы отбить атаку. Но меткий огонь саперов от Зачатьевского монастыря заставил их в панике бежать.

— Теперь мы пойдем в наступление! — скомандовал Петр.

Он ринулся в наступление первым. Подтянувшись и став на забор, Добрынин собирался спрыгнуть, но в этот момент разрывная пуля попала ему в живот.

Он почувствовал страшной силы удар, но сумел удержаться на заборе, а затем, теряя равновесие, рухнул лицом вперед по другую его сторону.

— За мной не лезть! Стойте там! — крикнул он через несколько секунд. И, услышав взволнованное движение по ту сторону забора, еще раз повторил: — Приказываю... Стойте там!

Он не хотел, чтобы, выручая его, поплатился жизнью еще кто-то из красногвардейцев.

Пробраться на ту сторону, где лежал Петр, оказалось невозможным: юнкера обрушивали шквал огня.

К Петру тем не менее бросился находившийся неподалеку пожилой фельдшер дядя Коля. Но тут же раздался новый выстрел, и фельдшер был убит наповал [1].

Спустя 15—20 минут к Петру подошли белогвардейские медицинские сестры. Они подняли его на носилки и понесли в лазарет Бакунина на Остоженке.

[1] Фамилию этого героя-фельдшера так и не удалось установить.

Из письма директора телефонного завода Трехцинского Московскому уездному воинскому начальнику

«Честь имеем сообщить, что Петр Григорьевич Добрынин... ратник 2-го разряда, призыва 1916 года, работавший на нашем заводе с 20 января 1917 года в качестве слесаря и пользовавшийся отсрочкой... умер 1 ноября 1917 года»[1].

...Ничто уже не могло остановить наступательный революционный порыв рабочих и солдат.

И в ночь со 2 на 3 ноября, сломив сопротивление юнкеров, рабочие и солдаты ворвались в Кремль...

Из воспоминаний О. С. Кравчук[2]

«Радостью и гордостью за то, что не зря была прожита его короткая жизнь, наполнилось бы сердце Петра, если бы видел и слышал он тот рапорт о сдаче штаба МВО, который принимал от белогвардейцев П. Арутюнянц. Отрапортовав и заявив о безоговорочной сдаче, пожилой генерал продолжал стоять молча. Видно было, что ему что-то еще надо. Наконец он решился и спросил Арутюнянца:

— Простите. Разрешите задать вопрос?

— Разрешаю.

— Скажите, пожалуйста, какой генерал командовал вами? Нас восхищала тактика боя.

Ожидая ответа, генерал буквально впился глазами в Арутюнянца. Видно было, что ему крайне важно было узнать, кто же из их среды изменил им и перешел на сторону красных.

Арутюнянц с достоинством ответил:

— Рабочий телефонного завода Петр Добрынин».

* *
*

[1] Центральный государственный архив г. Москвы, ф. 2380, оп. 1, д. 26, л. 8.

[2] Кравчук О. С.— член КПСС с 1917 года, участвовала в боях на Остоженке, организатор санитарного отряда. Воспоминания хранятся в музее при Советском РК КПСС.

Митрофан Сергеевич ЖАРОВ

Жаров М. С. (1881—1941 гг.), участник революционного движения в Москве и Подмосковье. Член КПСС с 1905 г. Рабочий. Родился в Москве. В рабочем движении с 1896 г. В январе 1905 г., работая на суконной фабрике Павловского Посада, организовал политическую забастовку, был арестован, сидел в Бутырской тюрьме. Работал чернорабочим на Глуховской мануфактуре (ныне Глуховский хлопчатобумажный комбинат им. Ленина). С 1908 г.— член Московского окружного комитета РСДРП; партийную работу вел в Богородске (ныне г. Ногинск), Можайске, Орехово-Зуеве. С 1916 г.— в Москве. После Февральской революции 1917 г.— член Пресненского районного комитета РСДРП(б) и большевистской фракции Московского и районного Советов рабочих депутатов.

Митрофан Сергеевич
ЖАРОВ

Вел активную борьбу против соглашательской политики эсеров и меньшевиков, решительно был против объединения с ними. Делегат VI съезда партии. В октябрьские дни 1917 г.— член ВРК Пресненского района, обеспечивал оружием Красную гвардию, доставал оружие из кремлевского Арсенала. Участник гражданской войны. В последующие годы — на партийной работе.

* * *

За оружием в Кремль [1]

Горячая схватка, горячие дни никогда не забываются. Умирают борцы, живут их дела. Многих нет уже с нами.

Я в то время был заведующим клубом Российской социал-демократической партии (большевиков) и членом боевой дружины Красной гвардии Пресненского района. В темном чуланчике в моей квартире хранились пять берданок, привезенных из центра. Нужно сознаться, что не было ни одного патрона к ним.

Однажды вечером нам сообщили, что на сахарном заводе имеется интендантский склад, в котором хранится оружие. Из клуба или, вернее, из райкома, который помещался в Большом Предтеченском переулке, дом № 4, едем на сахарный завод. Вызываем заведующего складом и предлагаем открыть склад. После некоторых переговоров и вызова понятых от завода склад был вскрыт, и начался обыск. При обыске, за исключением одного нагана и нескольких трехлинейных винтовочных патронов, найдено ничего не было. После обыска составлен был акт, и мы около $11^1/_2$ часов вечера вернулись в клуб райкома, где еще шла работа.

Только расположились за чаем, раздался телефонный звонок. Пече [2] предлагает послать в центр, в штаб боевой дружины, трех хорошо вооруженных и надежных товарищей. Пришлось нам отправиться вдвоем с Цвелевым около часу ночи. Придя в штаб, явились к Пече, который велел обождать в одной из комнат, где мы нашли уже много собравшихся товарищей из разных районов и наших двинцев. Нам пришлось прождать до часу дня. Наконец мы получили мандат ехать в Кремль, взять для Пресненского района тысячу винтовок и 300 тысяч патронов. В мое распоряжение был дан грузовой

[1] Воспоминания печатаются с некоторыми сокращениями по книге: За власть Советов. М., 1957, с. 171—176.
[2] Я. Я. Пече.

автомобиль, на который с нами сели двинцы (около 40 человек). Поехали в Кремль, к Троицким воротам, мимо Манежа, в котором в то время стояли казаки и юнкера; впереди нас шел еще один грузовик — из Лефортовского, кажется, района, хорошо не припомню,— позади — тоже один грузовик из района, следовательно, всего три грузовика.

Подъехали к Троицким воротам. Там стояло человек пять юнкеров с винтовками. Ворота были заперты. Я постучал в ворота, открылась форточка, и часовой спросил, что нам нужно. Я попросил доложить о нас коменданту Берзину и предъявил свой мандат. Берзин немедленно явился и приказал отворить ворота, и мы въехали в Кремль. Но когда мы стояли у ворот, то за нами ехал еще один грузовик, который юнкера остановили против Манежа... Ехавшие на нем предъявили им свой мандат, в котором говорилось об отпуске тысячи винтовок и 300 тысяч патронов к ним. Юнкера поняли, в чем дело и зачем туда прошли три грузовика, и тут же оцепили весь Кремль кольцом. Таким образом, нам после погрузки выехать из Кремля было нельзя.

В это время шли переговоры с эсерами, которые заседали в городской думе и требовали отмены вооружения рабочих и ввода для охраны Кремля и Арсенала юнкеров.

Тогда охрана Кремля и Арсенала состояла из 56-го полка и одной роты 193-го полка. 56-й полк был в большинстве своем наш, большевистский, за исключением 2-й и 3-й рот, которые шли за меньшевиками; еще там была броневая команда, состоявшая из трех броневых машин; команда эта была чисто эсеровская.

На другой день команда броневиков предложила нам вывезти наши нагруженные грузовики. По телефону я сообщил об этом Ярославскому. Ярославский ответил: «Товарищ Жаров, имейте терпение, или мы оружие можем отдать в руки наших врагов». Тут я, конечно, опомнился, с кем я имею дело, и больше не стал мечтать о вывозе оружия под прикрытием эсеровских броневиков.

Вечером, когда приехали Ярославский, Ногин, Аросев и полковник Рябцев со своей сворой, мы постарались пустить среди солдат агитацию против Рябцева и компании, который оттягивал время, не хотел снять блокаду с Кремля и не желал вооружения рабочих. Тогда солдатская масса под влиянием нашей агитации закричала: «Какого с ним черта рассуждать! Ежели он не хочет снять блокаду, рви его на части! Бей его!» И с бешеным ревом: «Бей его, рви его!» — стали напирать на него, и, может быть, не обошлось бы без жертв, ежели не окружили бы Рябцева Ногин, Аросев, Ярославский

и не начали уговаривать товарищей солдат. Тогда Рябцев, видя свое безвыходное положение, согласился снять блокаду под тем условием, чтобы мы вывели из Кремля роту 193-го полка, оставили на охране лишь 56-й полк. Мы с этим согласились, и делегация уехала около 10 часов вечера.

Утром на третий день осады, около 6 часов, рота 193-го полка, вооруженная новенькими винтовками и нагруженная патронами, совместно с нашими двинцами оставила стены Кремля. Действительно, я видел, что блокада в ночь была снята, но тайно осталась, и утром, по выходе этой революционной роты, Кремль опять был охвачен юнкерским кольцом. На третий день делегация в Кремль уже не приезжала.

Около 5 часов вечера нам был предъявлен ультиматум о сдаче Кремля. Мы устроили общее собрание из оставшихся с нами, на которое была приглашена команда броневиков. Последняя нам заявила: «Дело ваше, как хотите! Мы со своей стороны участия принимать в этом никакого не хотим и против своих братьев не пойдем, мы будем нейтральны». После обсуждения всех вопросов решили Кремль юнкерам не сдавать. Тут же мы рассыпались по стенам, нагруженные патронами и винтовками; против каждых ворот поставили по два, а где и по четыре пулемета.

Около 6 часов вечера начался обстрел из бомбомета. Первая бомба перелетела через Кремль, вторая бомба разорвалась за памятником Александру II, и третья разорвалась, чуть пролетев казарму, но настолько высоко, что совершенно безвредно.

Больше у них снарядов, наверное, не было. После этого началась провокация по телефону, что якобы Совет Народных Комиссаров в Петрограде бежал. Тогда за телефоном учредили надзор из делегатов от района.

Около 11 часов вечера я отправился на Никольскую стену. На стенах у нас тоже кое-где были поставлены пулеметы, и около Никольских ворот слева стоял пулемет. Берзин пошел обходить кругом стены, я остался у Никольских ворот на стене.

Около часу ночи меньшевики 2-й и 3-й рот 56-го полка устроили собрание, на котором протестовали против того, что мы стреляли по юнкерам. К меньшевикам присоединилась команда броневиков и потребовала от Берзина сдачи Кремля, так как все равно юнкера возьмут Кремль силой: «Они оттуда, а мы вас отсюда из броневиков». Положение наше стало критическим: против броневиков нам бороться нечем. Около 5 часов утра Берзин открыл ворота, и один из броневиков вышел в Троицкие ворота к юнкерам; под защитой броне-

вика юнкера вошли в Кремль. Началось разоружение 56-го полка.

Мне жалко было расстаться со своим наганом, к которому я так привык. Я спрятал в отверстие печи наган и патроны. Выхожу на лестницу, слышу бранные слова одного из юнкеров. Тут же раздался выстрел: пуля прожужжала вверх, и я бросился по лестнице бегом. Нужно заметить, что я до этого жил нелегально, у меня была отпущена борода. Сбегаю вниз, и на меня бросается юнкер, стоявший у двери со словами: «Ты зачем сюда попал, старый черт?» Я действительно тогда был похож на старика: русская шуба, широкополая шляпа и борода — вполне старик. К этому нужно прибавить, что несколько суток провел без сна. Взмахнув ружьем, юнкер ударил меня прикладом в спину. Отворяю дверь, выхожу на крыльцо. Здесь стоит офицер, в правой руке держит английскую гранатную бомбу. Взглянув на меня, хватает за горло: «Ага, вот красногвардеец! Ну, старый черт, тебе, собаке, и смерть!» Замахнулся на меня этой бомбой. Но сзади меня был унтер-офицер 7-й роты 56-го полка, рыженький старикашка, который сказал ему: «Какой это, батюшка, красногвардеец? Он вчерашний день вышел только из лазарета». Тогда офицер взглянул на меня и дал толчок в шею со словами: «Ну, иди, старый черт!»

На площади обезоруженные уже выстраиваются в шеренги. Я не знаю, куда мне деваться. Становиться в строй? Я в шубе и шляпе. Старичок не покидает меня: «Иди, становись с нами и сойдешь за солдата нашей роты».

Я стал во фронт в шеренгу. Мы выстроились против казарм, лицом к красному зданию, другая партия выстроилась около Троицких ворот, против Арсенала. Напротив дверей казарм остановился тот броневик, который выходил в Троицкие ворота за юнкерами. Вот всех собрали, выстроили; было около $6^1/_2$ часов утра. Раздалась команда: «У кого что есть в кармане, все вынуть и держать в руках». Я вынул портсигар, кошелек с деньгами, в котором хранился мой мандат. Увидев его, я тут же засунул его в рот и съел. Затем раздалась команда: «Руки вверх! Смирно!» И начался обыск. Каждого обыскали, пересмотрели, что имеется, и после обыска отошли от нас к самой стене красного здания.

Вдруг послышалась трескотня пулемета. Потом раздался голос одного из наших товарищей: «Ложись!» Все, как один человек, растянулись на холодных камнях. Я стоял шестым или седьмым с правого фланга, лицом к красному зданию, от меня невдалеке прошла ближе к казарме струя свинцового дождя, подымая пыль от камней. Трескотня пулемета замол-

кла. Из лежавших некоторые вскочили и бросились бежать — кто в казарму, кто за орудия, а кто за пирамиды ядер. Но некоторые из наших не побежали, а поползли. Я тоже пополз, но не прополз и двух шагов, как опять затрещали пулеметы, струя пуль пролетела от меня не более как на аршин. Лишь только она миновала меня и пошла дальше, я вскочил и спрятался за орудиями.

Вернулся на седьмые сутки. Дома и в районе меня считали расстрелянным. Но зато было и больше радости. Был жив, и мы победили.

* *
*

Розалия Самойловна ЗЕМЛЯЧКА

Землячка (Самойлова) Р. С.
(урожденная Залкинд) (партийные псевдонимы — Демон, Осипов) (1876—1947 гг.),
участница Октябрьской революции в Москве, советский государственный и партийный деятель.
Член КПСС с 1896 г. Родилась в Киеве.
В революционном движении с 1893 г. Работала в Киевской социал-демократической организации.
В 1897 г. арестована. После освобождения — агент газеты «Искра» в Одессе и Екатеринославе, пламенный пропагандист ленинских идей.
Делегат II съезда РСДРП (1903 г.).
В 1903 г. кооптирована в ЦК партии. Участвовала в Женевском совещании 22 большевиков, созванном В. И. Лениным (август 1904 г.).
Вошла в состав Бюро комитетов большинства, созданного для подготовки III съезда РСДРП.

Розалия Самойловна
ЗЕМЛЯЧКА

В 1904—1905 гг.— член Петербургского комитета РСДРП. Делегат III съезда РСДРП. В дни революции 1905—1907 гг., с октября по декабрь 1905 г.,— секретарь Московского комитета (МК) РСДРП, отвечала за явки и техническую часть. Один из руководителей Декабрьского вооруженного восстания в Рогожском районе. С конца декабря 1905 г. входила в Военную организацию МК РСДРП. В 1906 г. арестована, совершила побег. Будучи на нелегальном положении, работала секретарем Петербургского комитета большевиков. В 1915—1916 гг.— член Московского областного бюро ЦК РСДРП. После Февральской революции 1917 г.— секретарь первого легального МК РСДРП(б). Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б). В дни Октябрьского вооруженного восстания в Москве — член Военно-революционного комитета Рогожского района Москвы. Участница гражданской войны. В дальнейшем — на партийной и государственной работе. Похоронена на Красной площади у Кремлевской стены.

* * *

Непреклонная [1]

Всю Москву, как и всю Россию, затоплял настоящий поток живого, вольного слова. Митинги, собрания, снова митинги... Устраивались они почти ежедневно на фабриках и заводах, в казармах, наконец, просто на улицах... В эти дни секретаря МК Землячку часто видели и слышали московские рабочие, работницы, солдаты, молодежь. Обычная одежда — кожаная куртка и черная юбка. На худощавом лице поблескивают большие стекла пенсне. Речь — спокойная, убедительная.

...Семнадцатилетней девушкой Розалия Самойловна вступила на путь революционной борьбы. Ей едва исполнилось 20 лет, когда она, член нелегального Киевского комитета РСДРП, была арестована и просидела в тюрьме около трех лет.

И вот свершилась Февральская революция. Розалия Самойловна становится первым легальным секретарем МК партии.

С чего начинать легальную жизнь? Не надо было над этим много ломать голову секретарю МК. Сама жизнь подсказывала, что делать. Прежде всего надо было воссоздать разгромленные царизмом партийные органы: Московский и районные комитеты РСДРП(б). За короткий срок в Москве начали работу 10 райкомов партии: Басманный, Бутырский, Городской, Железнодорожный, Замоскворецкий, Лефортовский,

[1] Из книги: Герои Октября, с. 27—29.

Пресненский, Рогожский, Сокольнический, Хамовнический. Было организовано несколько подрайкомов.

Большое внимание уделяли партийные организации росту своих рядов. Впервые после долгих лет подполья были введены партийные билеты. Их, как известно, не было во времена подполья.

Теперь, в изменившихся условиях, МК стал выдавать партийные билеты — точнее, удостоверения — как старым членам партии, так и вступающим в ее ряды. Выдавала билеты Р. С. Землячка.

В ряды большевиков принимались только наиболее стойкие и классово сознательные представители пролетариата. Они хорошо понимали, какая трудная борьба предстоит еще впереди, чтобы добиться победы революции.

Секретарь МК Землячка показывала пример неутомимой работы в массах. В октябрьские дни Розалия Самойловна руководила борьбой рабочих Рогожского района. На фронтах гражданской войны она находилась как политработник. За боевые заслуги награждена орденом Красного Знамени.

Когда Р. С. Землячке исполнилось 60 лет, «Правда» писала: «Таких людей, как т. Землячка, или любят, или ненавидят. Любят все те, кто беззаветно, преданно борется за коммунизм, ненавидят враги рабочего класса, ренегаты, перебежчики, вся та муть, которая хорошо знает и испытала на себе глубочайшую принципиальность т. Землячки, ее безраздельную преданность партии».

* * *

Как мы отвоевали Рогожско-Симоновский Совет [1]

В начале июля 1917 года я направилась в Рогожско-Симоновский район, где в то время было засилье меньшевиков и эсеров. Я получила мандат с правом решающего голоса от райкома РСДРП(б) в порядке обычного делегирования от партийной организации и явилась с ним в районный Совет прямо на заседание.

В то время Рогожский район только что отделился от Басманного. Меньшевики к этому придрались и категорически отказались дать мне даже совещательный голос. Идя в Совет, я знала, что в Совете имеется максимум три большевика

[1] Воспоминания печатаются с некоторыми сокращениями по книге: За власть Советов, с. 97—99.

из общего количества около 200 членов Совета. Тогда я решила узнать, на что мы можем рассчитывать.

В Совете, не прося слова у председателя (да простится мне эта недисциплинированность), я произнесла трехминутную речь с призывом следовать за мною всем, кто разделяет программу и тактику РСДРП(б), и ушла из зала заседания. Вслед за мною вышло 26 человек.

Мы довольно долго топтались на улице, не зная, куда направиться для совещания, но кто-то надоумил пойти в школу на Пустой улице [1], дом № 23, где позже разместился райком. Здесь мы заложили начало первой фракции большевиков Рогожско-Симоновского Совета, выбрав на этом собрании временное бюро. Меньшевикам ничего другого не оставалось делать, как дать мне представительство в Совете.

С этих пор начинается упорная, ожесточенная борьба. Каждое мое выступление сопровождалось шумом, криком, обструкцией. К таким «ласковым» выкрикам по моему адресу, как «немецкий шпион», «провокатор», мы привыкли так, что даже не обращали на это внимания. С первого же заседания стали кроме меня выступать и другие товарищи (Пискарев, Радзивиллов). Мы заранее готовили наших «ораторей» — лишают слова меня, выступает Пискарев, за ним еще кто-нибудь и т. д.

Особенно запомнилось мне историческое заседание, на котором возбуждался вопрос о наступлении. Чувствовался уже перелом в настроении делегатов в нашу сторону, и, несмотря на то что при страшном шуме и криках «Шпионы!», «Провокаторы!» и пр. меня лишали слова, в аудитории ощущалось уже, что, хотя и несмело, боясь своих лидеров, масса все же идет за нами.

Незадолго до этого было интересное собрание, показавшее массе безжизненность, неподвижность меньшевиков. Кто-то сообщил, что возбужденная толпа бросилась громить Таганскую тюрьму. Меньшевик Грановский — председательствующий — предлагает продолжать собрание. Обсуждали какой-то пустяк. Я призвала немедленно отправиться всем туда. Грановский предложил обсудить этот вопрос, но всей массой депутаты бросились со своих мест и двинулись за мною. Придя к тюрьме, мы поняли, что наше присутствие здесь было необходимо. В 10 минут мы рассеяли толпу в несколько тысяч человек. Хотели растерзать убийцу, какого-то попа. Была несомненная провокация, для того чтобы выпустить уголовных и начать погром большевиков и евреев.

[1] Теперь Марксистская улица.

Наши выступления в Совете, чрезвычайно организованные, и большая работа по предприятиям дали нам возможность овладеть Советом в очень короткое время, и последующие выборы нами уже были подготовлены. Список прошел целиком наш. За нами шла уже вся масса рабочих и солдат. Наши лозунги были выражением мыслей и чувств лучшей части пролетариата. Мы выражали целиком их волю. И мы не могли не победить. То был момент, предшествовавший Великой Октябрьской революции.

* *
*

Мария Михайловна
КОСТЕЛОВСКАЯ

Костеловская М. М. (1878—1964 гг.), участница борьбы за Советскую власть в Москве. Член КПСС с 1903 г. Родилась в семье мелкого чиновника в Уфе. Училась на историко-филологическом факультете Высших женских курсов в Москве, затем на Высших женских курсах в Петербурге. Подвергалась арестам и ссылке. В 1905 г. в Ялте избрана членом городского комитета РСДРП. Участница революции 1905—1907 гг. в Крыму. В 1906 г.— партийный пропагандист Василеостровского райкома РСДРП в Петербурге. В 1906—1910 гг. находилась в Финляндии, где выполняла партийные поручения по организации нелегального перехода границы для товарищей, эмигрировавших за границу.

Мария Михайловна
КОСТЕЛОВСКАЯ

С 1916 г.— в Москве, кооптирована в Московское областное бюро РСДРП, партийный пропагандист Пресненского района.
В дни Февральской революции 1917 г. по поручению Московского областного бюро РСДРП Костеловская руководила операцией по захвату типографии Сытина (ныне 1-я Образцовая типография им. А. А. Жданова). В марте — апреле 1917 г.— секретарь Пресненского райкома РСДРП(б). Участвовала во встрече В. И. Ленина, вернувшегося из эмиграции, на Финляндском вокзале в Петрограде 3(16) апреля 1917 г. Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), на которой выступила с докладом в поддержку ленинского курса на социалистическую революцию. В период от Февраля к Октябрю вела борьбу с меньшевиками и эсерами, выступала в районных клубах перед рабочими и солдатами, участвовала в создании партийных, профсоюзных и молодежных организаций в Пресненском районе Москвы. С октября 1917 г.— один из редакторов большевистской газеты «Деревенская правда». В дни Октябрьского вооруженного восстания — заместитель начальника штаба Красной гвардии Моссовета. После победы Октябрьской революции работала в отделе рабочего контроля Московского профсоюза текстильщиков. Участвовала в гражданской войне 1918—1920 гг. В дальнейшем — на партийной и государственной работе. С 1946 г.— персональный пенсионер.

* * *

Секретарь Пресненского райкома [1]

Пресня в апрельские дни 1917 г. жила хмуро и настороженно. На предприятиях шла горячая борьба с меньшевиками и эсерами. Особенно напряженно было на металлическом заводе Грачева, на мебельной фабрике Мюра, в типографии Машистова. Окопавшиеся здесь меньшевики устраивали обструкции большевикам. Пресненскому райкому (организовался он в марте 1917 г.) работать было очень трудно.

Мария Костеловская, секретарь первого легального Пресненского райкома партии, только что вернулась из Петрограда: она встречала Ленина на Финляндском вокзале, слушала доклады Ильича в особняке Кшесинской и в Таврическом дворце. Вся она переполнена впечатлениями от твердых и ясных ответов Ильича на все важнейшие вопросы революции и спешит поделиться с активом.

...Идет пресненский большевистский актив. Собравшиеся внимательно слушают сообщение Костеловской о поездке в Петроград, о работе конференции, о встречах с Лениным.

[1] Из книги: Герои Октября, с. 41—43.

Большевики не жалели сил, чтобы завоевать массы!.. Не жалела своих сил для этого и Костеловская. Ее жизнь в Москве в 1917 году была заполнена до краев: борьба с меньшевиками и эсерами, разъяснительная работа среди солдат ходынского гарнизона, работа по созданию профсоюзной и комсомольской организаций в районе. Мария почти не бывает дома, не видит дочерей. С мужем встречается в райкоме или на собраниях. Зато тысячи людей на рабочих, профсоюзных, молодежных, солдатских митингах слушают прекрасно аргументированные выступления секретаря райкома.

Гладко причесанная, в скромной белой блузке и темной юбке, Мария Костеловская выглядит гораздо моложе своих лет. А ведь за ее плечами уже немалый опыт тяжелой работы в подполье и долгие годы борьбы!..

Много можно было бы рассказать о Костеловской в дни революции 1905 года: как писала листовки, помогала печатать их в захваченной типографии, как с помощью вездесущих мальчишек распространяла их среди матросов и на вокзалах среди солдат, прибывающих в Севастополь на усмирение восставших.

Много можно было бы рассказать про подпольную деятельность Марии Михайловны, про тюрьмы и ссылки.

1917 год застает Костеловскую в Москве. Поздним февральским вечером в Московском областном бюро ЦК партии она получила задание. Разговор был короткий. Михаил Степанович Ольминский сказал только:

— Нужна, очень нужна типография. Бюро поручает вам,— и крепко пожал руку.

Ночью захватили маленькую типографию, но пришлось уйти: вмешались полицейские. А в следующую ночь, на 28 февраля, захватив с собой 25 солдат, Костеловская занимает типографию Сытина.

Большую, можно сказать, первостепенную роль сыграла Мария Михайловна в создании в Москве большевистской газеты для солдат и крестьян под названием «Деревенская правда», органа Московской военной организации РСДРП(б). Это была живая, интересная и доступная для масс газета, имевшая успех не только среди солдат, но и среди рабочих. Одним из редакторов газеты была Костеловская.

«Деревенская правда» провела большую работу в предоктябрьские дни и сыграла крупную роль в подготовке Октября. Для самой Костеловской дни Октябрьского восстания слились словно в один длинный день. Она не замечала, как ночь сменяла день и снова наступало утро. Домой Мария Михайловна почти не заглядывала.

Штаб Красной гвардии расположился около здания Моссовета. У Костеловской — постоянный пропуск и в помещение ВРК. Она делает массу практических дел, порой и незаметных, но очень нужных в те дни восстания: ухаживает за ранеными, пополняет запасы оружия, снабжает им двинцев и другие красные части. Москве нужна была поддержка: Мария с большим трудом связывается с подмосковными центрами, и вооруженные отряды из Мытищ, Люберец, Подольска и других городов спешат к Москве. До последней минуты, до победы оставалась она на своем посту в штабе Красной гвардии.

* * *

У истоков Великого Октября [1]

В первые же дни после Февральской революции, когда самодержавие рухнуло, как будто сгнившее на корню, создалась обстановка широчайшей легальности. Все пришло в движение. Рабочие массы немедленно же использовали свой опыт первой русской революции 1905 года и приступили к созданию Советов [2]. Слово «Советы» было у всех на устах. И в то же время недостаточная сознательность и организованность масс в этот первый период русской революции привели к тому, что власть в Советах оказалась в руках эсеров и меньшевиков. Эти партии мелкой буржуазии в первый период революции получили большинство в Советах. Наша большевистская партия оказалась в меньшинстве. И даже там, где нам в первые дни удалось занять командные высоты (например, первый председатель Пресненского районного Совета был большевик), нас вскоре оттеснили.

Массы заблуждались и добровольно уступали власть в руки своих классовых врагов. Так было. И перед большевистской партией во весь рост обрисовалась огромная задача — помочь массам найти себя, осознать себя, понять исторические задачи своего класса, сорганизоваться под руководством своего авангарда — партии большевиков — для великих

[1] Воспоминания М. М. Костеловской печатаются по книге: Московские большевики в огне революционных боев. М., 1976, с. 290—296.

[2] 28 февраля Московское бюро ЦК РСДРП(б) и 1 марта МК РСДРП(б) обратились к рабочим с воззваниями, в которых призывали выбирать в Совет рабочих депутатов.

классовых битв, для Великого Октября: свержения буржуазии и создания нового государства — пролетарской диктатуры. Только тогда мы, разумеется, еще не знали, какой именно месяц из двенадцати нам придется в дальнейшем писать с большой буквы, ибо о сроках, о том, когда в точности придет день пролетарской диктатуры, никто в мире не знал.

Первое, что надо было делать на этом пути,— это собирание и сплочение большевистских рядов и укрепление большевистской партийной организации...

У нас на Пресне создание первого легального большевистского райкома относится к началу марта 1917 года.

На фабриках и заводах к этому времени были лишь одиночки-большевики, да кое-где небольшие группы. Так, на Прохоровке были Меркулов, Горшков, Емельянов и другие, на заводе Тильманса были Шеногин, Ивановский, Анисимов и ряд других польских и русских товарищей. На других фабриках и заводах — на Сахарном, у Грачева, в типографии Машистова, на мебельной фабрике Мюра, на фабрике «Свет», на «Санитарной технике» и др.— были лишь одиночки-большевики.

Кроме того, в первую Пресненскую организацию вошли пропагандисты Григорий Коган, Попов-Дубовской, Горальд, Крумин, М. Костеловская, Александров (Лейтман) и другие.

В то горячее неустоявшееся время, в обстановке непривычной легальности сразу же при самом складывании организации оказалось много трудных вопросов, которые необходимо было тут же быстро разрешить. Так, в первые же дни встал вопрос о том, как строить наши организации — вместе с меньшевиками или самостоятельно? На этом вопросе пресненцы задержались ненадолго. Защитников объединенной организации оказалось очень немного; на нашей пропагандистской группе, помнится, объединение защищал лишь один Александров. После нескольких горячих схваток вопрос был решен: строим свою, чисто большевистскую организацию.

В первые же дни всплыли тысячи мелочей, ведь у нас ничего не было. Так, стоило немало хлопот добыть помещение для большевистского райкома. Собирались то у меня в комнате, то у других товарищей. Наконец кто-то отыскал домик на Малой Пресне, в Предтеченском переулке, № 4, откуда только что выехали полицейские. Домик был невероятно загажен, но выбирать не приходилось. Большевики — Гермина, Крумина и Нина Коган — вооружились ведрами и тряпками, целый день чистили, мыли, скребли, и на другой день у нас уже была своя резиденция.

Выборы первого Пресненского райкома происходили в середине марта. В него вошли Анисимов (казначей), Александр Горшков, Емельянов, Гр. Коган, М. Костеловская (ответственный секретарь), Крумин, Меркулов, Попов-Дубовской, Шеногин.

Работа закипела. Работали на Пресне очень дружно. В тот период необычайного подъема, общего возбуждения и почти полного отсутствия организованности в массах работы был непочатый край. В первые же дни на Прохоровке [1] была создана профсоюзная организация. При райкоме собралась группа молодежи — зародыш комсомола,— в которую вошли Анатолий Попов, Быстров, Дугачев, Наташа Костеловская, Литвейко, Рыбакова и другие. Скоро при райкоме начал работать марксистский кружок, в который вошло человек 12—15 наиболее активных рабочих, так сказать, весь цвет Пресненской организации. Кружком руководил Попов-Дубовской.

Основной, все поглощавшей работой была борьба за рабочие массы в районе. И здесь в центре внимания, естественно, стала Прохоровка с ее многотысячной рабочей массой. Мы поставили себе задачу отвоевать Прохоровку у эсеров во что бы то ни стало. И закипела борьба. Эсеры возили туда видных своих ораторов и даже свою «бабушку русской революции» Брешковскую [2]. Мы наседали изо всех сил. Вряд ли когда-либо крышки столов видали такую бурю страстей, такие жаркие перестрелки, чем это выпало на долю столов прохоровской кухни. Здесь в то время не было сцены. Перед митингом сдвигали вплотную столы — получались подмостки; на эти столы ставили еще стол — трибуну для оратора. Чтобы попасть на эту трибуну, приходилось проделывать сложную гимнастику. Но было место еще выше: это печка, на которую взбирались мальчуганы. Эти были целиком за нас. Они награждали наших ораторов неистовыми хлопками и скорлупой подсолнухов, которую щедро сыпали со своей вышки на наши головы. Борьба носила ожесточенный характер. Эсеры не брезгали ничем, подхватывая и пуская в ход всяческую ложь и клевету, вплоть до «немецких шпионов». Поначалу наших ораторов эсеровские молодцы нередко стаскивали за ноги, не давали говорить. Но жизнь работала на нас. Прохоровка подавалась туго, но основательно. Наша ячейка росла и постепенно, но прочно завоевывала к себе доверие.

[1] Хлопчатобумажный комбинат «Трехгорная мануфактура» имени Ф. Э. Дзержинского.

[2] Брешко-Брешковская Е. К. (1844—1934) — одна из организаторов и лидеров партии эсеров.

С меньшевиками у нас шла борьба на других предприятиях: на маленьком заводе Грачева, на мебельной фабрике Мюра и особенно в типографии Машистова, где меньшевики свили себе гнездо среди пожилых наборщиков и печатников. В этой типографии нам на собраниях вначале трудно было добиться слова, а добившись, трудно было его использовать: старики устраивали обструкцию. Здесь первое время был только один большевик, но вскоре его подкрепила целая группа молодых рабочих, вступивших в нашу партию.

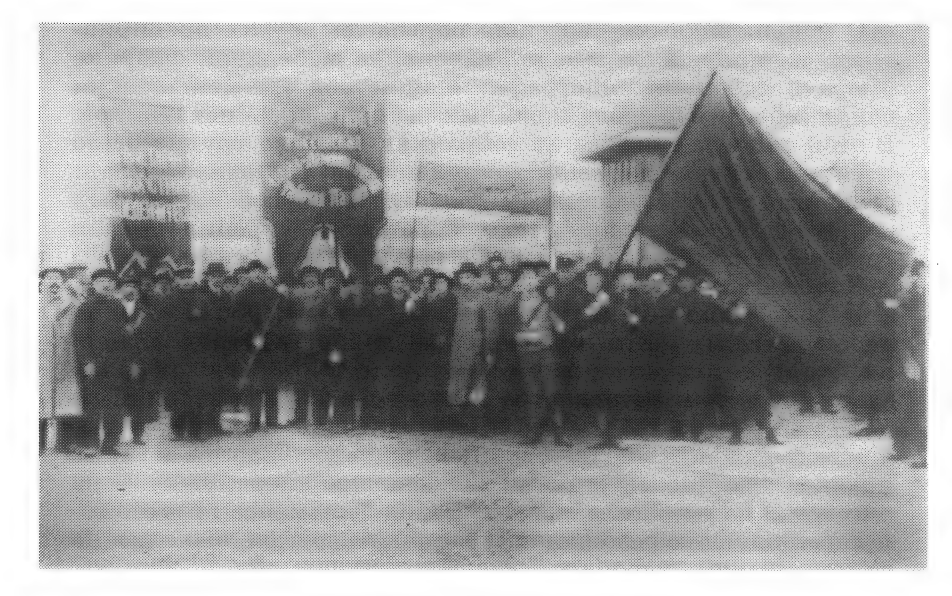
Хорошо в те времена обстояли дела на заводе Тильманса. Там было в общем немного рабочих — человек 700, но еще до революции там была крепкая большевистская подпольная ячейка, которая потом быстро разрослась и пользовалась на заводе большим авторитетом. Ни эсеры, ни меньшевики не могли на заводе Тильманса и носу показать. Эта ячейка выдвинула ряд активных товарищей. На заводе работало много поляков. Обычно мы ставили там доклады вперемежку — на русском и на польском языках. Завод Тильманса дружно голосовал за наши резолюции и в полном составе выходил на демонстрации.

В общем, сравнительно в короткое время мы закрепились на всех предприятиях района, везде имели ячейки и могли расширять и углублять работу по вовлечению масс.

На особом положении стояла работа с солдатами. Ведь в районе была Ходынка. Работа в гарнизоне на Ходынке стала одной из первостепенных наших задач. Наши лозунги против войны, за отобрание земли у помещиков имели здесь огромный успех. Любимым оратором у солдат был обладавший действительно крупным ораторским талантом Гриша Коган (умерший от чахотки в 1921 году).

Наряду с напряженнейшей агитацией и пропагандой значительное место в тогдашней работе занимали демонстрации. Они были не только смотром сил, но и крупным организующим массовым боевым действием, ибо редко по тем временам большевистские демонстрации обходились без «инцидентов». Особенно памятна в этом отношении наша июльская демонстрация к Моссовету. Обыватель, почуяв большевистскую грозу, взбесился и обнаглел. Котелки, модные шляпки свистели, выли, улюлюкали на нашу демонстрацию со всех тротуаров Советской, тогда еще Скобелевской площади. Эсеровские и меньшевистские члены Моссовета бросились отнимать знамена с большевистскими лозунгами у наших демонстрантов. Дело доходило до рукопашной.

Но были и веселые демонстрации, например первомайская. Она была довольно многолюдной. Пресненская колонна уди-

Первомайская демонстрация в Москве
1917 г.

вила всех своим искусным исполнением «Интернационала». Наш райком, готовясь к демонстрации, сорганизовал хор и на славу разучил «Интернационал». В то время по тому, с какими песнями маршируют колонны, можно было судить о настроении масс: «Интернационал» являлся знаком большевизма, меньшевики предпочитали «Марсельезу», а эсеры — «Дубинушку».

Чтобы ближе подтянуть массы к райкому, мы организовали два клуба: один при самом райкоме, а другой — «Студенец» — на берегу Москвы-реки в бывшем имении какого-то великого князя. Этот последний клуб обслуживал не только рабочих, но главным образом солдат. Здесь происходили военные совещания и устраивались почти ежедневно доклады. Клуб этот имел большой успех и собирал очень много народу. Доклады часто проходили в саду, под открытым небом.

В первые дни революции был целый ряд нерешенных в общепартийном порядке спорных вопросов: об отношении к войне, к Временному правительству, о перспективах русской революции и др.

По всем этим вопросам в нашей Пресненской организации, как уже сказано выше, было полное единодушие. Но мы не

всегда встречали поддержку. В то время у нас был слух, будто Питер по всем этим вопросам занимает более крепкую позицию, чем Москва. Райком предложил мне поехать туда и посмотреть на месте.

В Питер я приехала 1 апреля. Там, как и у нас, в массах было бодрое настроение. Толкаясь в ПК [1] (особняк Кшесинской) и в Таврическом дворце, где в то время происходили заседания Всероссийского совещания Советов, приходилось видеть много народу. Всюду носился авантюрист Керенский. 1 апреля [2] приехал из-за границы Плеханов. Меньшевики устроили ему торжественную встречу. Рассказывали, что весь Исполком Совета выезжал встречать его на вокзал. Такова была общая обстановка. Я уже собиралась уезжать обратно ни с чем, как вдруг стало известно, что вечером приезжает Ленин. Эта весть быстро разнеслась по Питеру, и встречать Ильича двинулись на Финляндский вокзал многие тысячи рабочих, матросов и солдат.

Этот день был поворотным пунктом для судеб русской революции. Как изумительный механик, Ильич в апрельские дни повернул, как на оси, весь сложный механизм революции и дал ему то содержание и устремление, которых инстинктивно жаждали массы.

В нашей работе на Пресне Апрельские тезисы были праздником. Мы все воспрянули духом и принялись за работу с удвоенной энергией.

Через несколько дней после моего возвращения из Питера мы справляли открытие первого районного клуба, который назвали «Коммунист». Собрался наш весь пресненский большевистский актив. Стоял мой доклад о приезде Ильича, обсуждали Апрельские тезисы. На открытии среди других присутствовали Усиевич, только что приехавший из Питера, и Сольц, тогда редактор «Социал-демократа». Усиевич подробно обосновывал тезисы. Сольц полностью солидаризировался с тезисами.

Апрельские тезисы еще крепче спаяли всю Пресненскую организацию. Теперь была ясность пути и твердая уверенность в его правильности.

* *
*

[1] Петроградский комитет большевиков.
[2] Автор указывает эту дату ошибочно. Г. В. Плеханов приехал в Петроград 31 марта 1917 года.

Люсик Артемьевна
ЛИСИНОВА

Лисинова Л. А. (настоящая фамилия Лисинян)
(1897—1917),
организатор союзов рабочей молодежи,
активная участница Октябрьской революции
в Москве. Член КПСС с 1916 г.
В 1916—1917 гг.— студентка Московского
коммерческого института, партийный пропагандист
на заводе Михельсона, фабрике Брокар и Даниловской
мануфактуре. После Февральской революции —
секретарь Замоскворецкого Совета, один из
организаторов Союза рабочей молодежи
«III Интернационал». В дни
октябрьских боев в Москве — разведчица ВРК.
Погибла на улице Остоженке
при выполнении поручения Замоскворецкого ВРК.
Похоронена на Красной площади
у Кремлевской стены.

Люсик Артемьевна
ЛИСИНОВА

С мечтой о будущем [1]

9 мая 1917 года Люсе исполнилось 20 лет. Но в этот день ей было грустно. Всегда в этот день домашние, кто как мог, проявляли к ней внимание. Вечером за столом, где стоял традиционный огромный, испеченный тетей Лизой пирог, было весело и шумно. А здесь в Москве никто не знал о дне ее рождения (она никому не сказала), и день прошел обыкновенно, как всегда, никто ее не поздравил.

Из письма к Анаид [2]

«Пишу тебе как раз тогда, когда мне немного грустно... Ты не подумай, что у меня что-нибудь серьезное. Просто плохое настроение... Нервы у меня распустились, должно быть, так как физически немного устала, устала жить в комнате или втроем или вчетвером... Зато у меня то огромное удовлетворение, успокаивающее меня средство — работа. Я работаю очень много в смысле пропаганды... Я вижу, что у рабочего... складывается большевистское мировоззрение, т. е. ...я вижу, что это идет стихийно, снизу, что большевизм, и только он, применим на практике... Это сознание помогает мне заниматься много, много, регулировать свою жизнь (без этого работа не удается), отказывать себе от веселого общения с моими товарищами и заниматься, заниматься. Как я рада, что работа моя применялась еще в подполье, что я имею сейчас навык, что я могу сейчас работать... Пойду сейчас составлю и закуплю две библиотеки на два завода, потом приду домой и подзаймусь с соц.-дем. женщинами.

Анаид, сколько сил, талантов таится в рабочей среде. И как они просто фонтаном брызжут этими силами... Они имеют (рабочие) преимущество класса, которому принадлежит будущее, который только что развивается, у которого пробуждается сила. Сегодня ветер, град, снег и день моего рождения. Вспомнила я, но это не беда, что плохая погода... Сейчас нужно выйти в такую стужу... Град так и зажаривает в окна и выбивает о стекла какую-то грустную, дикую, но жизненную песню, и серое небо — жалкое и одинокое. Но будет скоро солнце, распускаются почки, и последнее сомнение зимы как метлой будет сметено самой жизнью».

...Люсе сказали в райкоме:

— Звонили из МК партии. Там организовался Союз молодежи. Завтра, 11 июня, состоится учредительное собрание

[1] Из книги: *Петропавловская Л.* Люсик Лисинова. М., 1968.
[2] Сестра Люсик, жила в Тифлисе (ныне Тбилиси). Письмо от 9/V 1917 г.

этого союза. Они просили прийти на собрание всех молодых партийцев, тех, кто занимается у нас Союзом молодежи. Надо пойти тебе, Шуре Алексеевой, Алеше Столярову, Бакланову и Цуканову.

На собрании 11 июня присутствовало около 200 человек. Было принято название Союза — «Союз молодежи при МК РСДРП». Организаторы Союза считали, что в него должны входить только молодые по возрасту члены партии большевиков или молодежь, разделяющая программу и тактику РСДРП(б). Союз должен был существовать при Московском комитете партии большевиков на правах отдельного района. На собрании был избран Временный комитет Союза, куда вошли по два человека от каждого района.

...Люся думала уехать в Тифлис к родителям в середине июня. Но выяснилось, что обязательно до отъезда ей надо присутствовать на первом общерайонном собрании Союза молодежи, которое предполагалось созвать в двадцатых числах. И не только присутствовать, но и помочь в организации этого собрания.

Несколько раз собирали при райкоме актив рабочей молодежи с фабрик и заводов. Обсуждали основные положения программы и устава Союза, долго бились над названием. Было предложено несколько вариантов. Их шумно обсуждали и отвергали. Потом кто-то предложил:

— А давайте назовем так: Союз рабочей молодежи «III Интернационал».

Мысль всем понравилась. Действительно, это название сразу позволяло отмежеваться от мелкобуржуазных элементов, занимавших оборонческую позицию. Ведь отношение к III Интернационалу, который В. И. Ленин предлагал создать взамен потерпевшего крах II Интернационала, определяло политическое лицо и отдельных людей и целых партий.

Затем были проведены собрания молодежи на предприятиях района. На некоторых из них выступала Люся.

Из воспоминаний старых рабочих завода Михельсона:

«Передовые молодые рабочие завода Михельсона А. Бакланов, В. Цуканов, А. Андреев вместе с направленными райкомом Люсей Лисиновой, Леной Троицкой и Алешей Столяровым оформили организационный комитет для создания районной организации Союза. Они понесли идею Союза в среду молодых рабочих и работниц Замоскворечья. В. Цуканов помог организовать ячейку Союза на станкостроительном заводе Бромлея (ныне «Красный пролетарий»), С. Ригосик — на кондитерской фабрике «Эйнем» (ныне «Красный Октябрь»). На первом собрании молодежи парфюмерной фаб-

рики Брокара [1], состоявшемся на Воробьевых горах, выступали А. Бакланов и Люся Лисинова»[2].

Наступило 24 июня. В этот день должно было состояться общерайонное собрание Замоскворецкого союза рабочей молодежи. Помещение кинотеатра «Великан» на Серпуховской площади заполнено юношами и девушками — рабочими и учащимися.

Молодежь заслушала доклад представителя райкома партии, в котором освещалось положение молодежи, ее участие в революционной борьбе. Было принято название новой организации — Союз рабочей молодежи «III Интернационал» Замоскворечья. Долго спорили об уставе. Высказано было три точки зрения. Одни (их было немного) предложили вообще никакого устава не принимать. Но эта точка зрения была сразу отвергнута большинством собрания. Другие считали, что в Союз надо принимать только одних рабочих, а учащихся и интеллигенцию — нет. После долгих споров и это предложение было отвергнуто, как негодное. Собрание согласилось с выступлением михельсоновцев, которые предложили такую согласованную с райкомом партии резолюцию:

«Союз рабочей молодежи должен быть доступен для всей трудящейся молодежи, которая активно принимает участие в работе Союза, которая безоговорочно подчиняется большинству, выполняет все решения Союза и борется за их проведение в жизнь».

Затем выступила Л. Лисинова. Она рассказала об Апрельской конференции, подробно остановилась на докладе В. И. Ленина, а затем говорила о задачах Союза молодежи. Яркое, страстное выступление Люси надолго запомнилось тем, кто его слышал.

Из воспоминаний Анаид

«В начале лета Люся приезжает домой окончательно сформировавшимся большевиком, вместе со своим товарищем Алешей Столяровым.

Сейчас же после первых поцелуев, еще не напившись чаю, Люся вступает в политический спор с Оником [3] (он тогда был интернационалистом). Вопросы ставит резко, прямо, в упор. Мама с горечью смотрит на Люсю, на ее несколько упрощенный — «нигилистический» — вид и поведение: ходит босиком, не досиживает за обеденным столом и другие бытовые

[1] Ныне фабрика «Новая Заря».
[2] См.: Имени Владимира Ильича. М., 1962, с. 84.
[3] Муж старшей сестры Люсик Анаид, офицер.

мелочи. Алеша ходит по-молодому насмешливый, демонстративно не считающий нужным встревать в разговоры... Люся и Алеша в то время были только товарищами по работе... Я все же надеялась, что страсти несколько улягутся и мы с Люсей найдем общий язык».

Но недолго пришлось Люсе погостить у родных. Остались неосуществленными почти все задуманные планы дальних прогулок. До Тифлиса дошли вести о предательстве меньшевиков и эсеров и расстреле в Петрограде июльской демонстрации.

Могли ли Люся с Алешей в эти тяжелые для партии дни продолжать спокойно отдыхать? Они решают немедленно возвратиться в Москву.

...В вагоне состоялся между ними тот разговор, которого они оба так давно ждали. Они говорили о том, что должны стать друзьями самыми близкими и самыми искренними.

— Но не только друзьями, больше чем друзьями, да? — спросил Алеша.

— Да...— ответила ему Люся.

...Если бы Люсе сказали, когда она уезжала домой в конце июня, что пройдет всего лишь несколько дней и все так изменится в политической жизни страны, она не поверила бы. Никогда не поверила бы, что за такой короткий срок можно свести на нет все завоеванное народом в Февральской революции...

В конце июля в помещении Замоскворецкого райкома партии большевиков заседал партийный актив. Выступил Н. Семовских — активный большевик Замоскворечья и член МК большевиков. Он сообщил, что рабочие целого ряда заводов вынесли на своих собраниях резкие резолюции протеста против введения на фронте смертной казни, против гнусной клеветы и травли большевиков. Затем он подробно изложил и прокомментировал основные положения новой ленинской статьи «Политическое положение».

Теперь уже нечего надеяться на мирное развитие революции, сказал он, потому что двоевластие кончилось, контрреволюция организовалась, укрепилась и фактически взяла власть в государстве в свои руки. Теперь нам надо готовиться к вооруженному восстанию. Давайте подумаем, как мы будем работать. Московский комитет рекомендует временно воздержаться от устройства уличных митингов и демонстраций.

— Почему? — раздался голос с места.

— А потому, чтобы не создавать повода контрреволюционным элементам учинить какую-нибудь новую провокацию:

расстрел или избиение рабочих... Московский комитет предлагает новую тактику: весь центр агитационной работы перенести непосредственно на фабрики и заводы.

Далеко за полночь затянулось это собрание. В числе других решений было принято и такое: постараться там, где это возможно, устроить агитаторов-большевиков на штатные должности секретарей фабричных и заводских комитетов. Таким образом, они все время будут в самой гуще заводской жизни и им удобнее будет осуществлять там свое влияние.

Из письма к Анаид [1]

«Думаю поступить секретарем в заводской комитет к рабочим. Это та же партийная работа, на которую будет уходить столько же времени, но только платная...»

...В райкоме и на собраниях актива обсуждали решения VI съезда партии.

Жадно слушала вся замоскворецкая партийная молодежь рассказ о съезде, о том, что он вынес решение готовиться к вооруженному восстанию. Оказывается, съезд специально рассматривал и вопрос о союзах молодежи, потому что они стали возникать не только в Петрограде и Москве, но и в других городах страны.

Резолюцию VI съезда «О союзах молодежи» юные москвичи перечитали много раз, вдумываясь в каждое слово: «Партия пролетариата, в свою очередь, отдает себе отчет в том огромном значении, какое рабочая молодежь имеет для рабочего движения в целом.

Съезд считает поэтому необходимым, чтобы партийные организации на местах обратили самое серьезное внимание на дело организации молодежи»[2].

Съезд указал, что надо создавать беспартийные союзы молодежи, организационно не подчиненные партии, «а только духовно связанные» с ней и работающие «под ее идейным руководством». Надо стремиться к тому, чтобы организации эти с самого своего возникновения приняли социалистический характер. Далее съезд принял решение о создании курсов инструкторов по организации и руководству союзами социалистической молодежи.

Из письма к Голе [3]

«Сейчас занимаюсь двумя вопросами, по которым должна прочесть цикл докладов для с[оциал]-д[емократов] при нашем клубе: «Женский вопрос» и «Империализм». По первому я уже много читала, так что надо просмотреть книги и со-

[1] Август 1917 года, точной даты нет.
[2] Протоколы VI съезда РСДРП(б). М., 1958, с. 267.
[3] Сестра Люсик. Письмо от 17/VIII 1917 г.

брать новый статистический материал, а по второму надо здорово подзаняться... Настроение стало хорошим из-за интересных занятий».

Готовясь к докладам, Люся вечера просиживала в Румянцевской библиотеке [1], а все дни напролет проводила на заводе Михельсона или на Даниловской мануфактуре. Она была в курсе всех начинаний, к ней постоянно обращались за советом из ячейки Союза молодежи, она часто присутствовала на собраниях партийной ячейки.

Из письма к Анаид [2]

«По вечерам много читаю, занимаюсь, составляю доклады. На моем попечении два больших завода (по шести тысяч человек), там большинство женщин, и я два раза в неделю читаю там доклады. Моя цель состоит в том, чтобы дать им основу, канву, по которой они сами потом смогут вышивать узор; фундамент, чтобы они могли бы понять потом программу партии...»

В начале августа в Союзе молодежи «III Интернационал» возникла идея создать свой молодежный журнал и назвать его «Интернационал молодежи». Но где взять деньги? Решили обратиться к испытанному средству: организовать среди рабочих кружечный сбор.

Вечером в столовке Цуканов, Бакланов, Делюсин вместе с Люсей, Катей Кармановой и Леной Троицкой составили текст воззвания:

«Высоко держа красное знамя революции, рабочий класс идет вперед к заветной цели, отвоевывая у буржуазии позицию за позицией... Он бы заранее обрек себя на неудачу, если бы забыл о тех, кому суждено замещать выбывших из строя,— о детях своих, о рабочей молодежи...

Буржуазия посредством своих наемников стремится систематически развращать нашу молодежь — нужно помешать этому... Дать рабочей молодежи материал для чтения по всем отраслям знания, способствовать нашему Союзу выполнять трудную задачу, которую он перед собой ставит. Собирание рабочей молодежи, сплочение ее, быть своим органом для юных рабочих и работниц — вот какие перед собой ставит задачи издаваемый нашим Союзом журнал «Интернационал молодежи»... Наша пролетарская гордость не позволяет нам обращаться за милостыней к обывателям и тем более к сытому буржуа. К вам, лишь к вам обращаемся мы, товарищи рабочие,— исполните свой долг перед рабочей молодежью...

[1] Ныне Государственная библиотека имени В. И. Ленина.
[2] Письмо от 24/X 1917 г.

Когда у вас на заводах появятся наши товарищи с кружками, способствуйте сбору в пользу нашего журнала и Союза... Помните, что освобождение рабочего класса есть дело самих рабочих».

В Москве создалась напряженная обстановка. Контрреволюция, собирая силы, решила созвать в Москве 12 августа Государственное совещание. Оно должно было одобрить политику империализма и контрреволюции.

Дружной 400-тысячной забастовкой протеста ответил московский пролетариат на контрреволюционное Государственное совещание.

Из письма к Анаид [1]

«12-го числа профсоюзы, мы и интернационалисты устроили забастовку... Теперь настроение не только у рабочих масс, но у всех здоровых социалистических элементов боевое, приподнятое, деловое и энергичное».

Через две недели после Государственного совещания в Москву пришло известие о том, что генерал Корнилов двинул войска на Петроград. Ясно было, что буржуазия на этот раз готовит уже открытую военную диктатуру.

Рабочие с гневом и возмущением отнеслись к этой авантюре, правильно разгадав в ней попытку задушить и потопить в крови революцию.

Из письма к Анаид [2]

«...В Москве готовится нечто ужасное, подобное июньским дням в Париже и концу Парижской коммуны со стороны контрреволюции... Может, это будет сегодня, завтра — не знаю. Партийные комитеты уже в подполье».

Однако чаяниям контрреволюции не пришлось свершиться. Рабочие и солдаты дружно поднялись на защиту революции.

В те дни широко развернулось формирование Красной гвардии. Но где брать оружие? Это волновало всех. Заводы и фабрики посылали в Моссовет своих делегатов с наказом: требовать вооружения рабочих.

На заводе Михельсона была выделена делегация из шести рабочих.

— Надо с ними послать и товарища Лисинову,— сказал секретарь партийной ячейки завода токарь Н. Стрелков.— Уж она их там убедит.

Н. Стрелков сам начинал свою политическую деятельность в 1916 году в кружке, которым руководила Люся, и он крепко

[1] Середина августа 1917 года, точной даты нет.
[2] Письмо от конца августа 1917 года, точной даты нет.

верил в силу ее умения убеждать. Завком выдал Люсе мандат [1].

Но меньшевистско-эсеровское большинство Исполкома Моссовета отказало рабочим в оружии.

Тогда рабочие стали вооружаться своими средствами: выменивали у солдат, ковали на заводах холодное оружие, начиняли порохом бомбы. На заводе Михельсона тайно изготовили 150 оболочек для бомб. П. Делюсин потихоньку выносил из гильзовой мастерской маленькие мешочки с порохом. Рабочие Даниловского подрайона, входившего в состав Замоскворечья, изготовляли пироксилин.

Партийная ячейка завода Михельсона вместе с группой рабочих тайно разобрала часть двойной стены гранатного корпуса и извлекла оттуда оружие, хранившееся там еще с марта. Револьверы и винтовки были розданы красногвардейцам. В парткоме завода и Люсе выдали небольшой револьвер.

Газета «Социал-демократ» ежедневно бросала призывы:

«Рабочие, вооружайтесь! Образуйте дружины!.. Солдаты к оружию!»

Из письма к родным [2]

«Сейчас революционные войска сражаются с корниловскими под Питером. Московские революционные войска посланы на подмогу, а я сижу и думаю и не могу заснуть. Рабочие у нас в боевом порядке, готовые сражаться как на городских баррикадах, так и на полевых битвах. Подпольное оружие вышло наружу, дежурства и т. д. Мимо моего окна (я живу на окраине) проходит одна рота за другой с пением «Смело, товарищи, в ногу» и «Вихри»... Поются они теперь действительно мощно, революционно и грозно. Пусть мамочка не волнуется за меня. Я буду очень осторожна, даю слово».

Корниловский мятеж провалился. Потерявшие последний авторитет у масс меньшевики и эсеры теперь изгонялись из Советов. Рабочие избирали туда большевиков. Уже с 5 сентября Московский Совет переходит на большевистские позиции.

Общегородская конференция Московской большевистской парторганизации, состоявшаяся 10 октября 1917 года, записала в своей резолюции: «Конференция поручает МК принять меры к... приведению революционных сил в боевую готовность»[3].

Начинается усиленная подготовка к вооруженному восстанию. Полным ходом идет она и в Замоскворечье.

[1] Мандат хранится в музее завода имени Владимира Ильича (бывший Михельсона).

[2] Письмо от 29/VIII 1917 г.

[3] Партархив МК и МГК КПСС, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 46, л. 262.

Владимир Файдыш, организатор Красной гвардии в районе, договорился с большевиками-солдатами о проведении военных занятий.

— Надо бы нам и своих санитарок иметь,— сказал как-то в райкоме В. Файдыш.— Желающих из работниц много. Но кто их будет обучать? Надо, чтобы и сама большевичкой была и медицину знала. Где искать такую?

— И не надо искать,— вступил в разговор К. Островитянов.— Это наша Люся Лисинова. Она же окончила курсы сестер милосердия...

Теперь Люся почти ежедневно занималась с работницами; много среди них было и девушек из Замоскворецкого Союза рабочей молодежи «III Интернационал». Она обучала их первичной обработке ран, показывала, как надо перевязывать раненых, как класть их на носилки, как останавливать кровь...

В сентябре МК РСДРП(б) созвал собрание партийной молодежи, на котором было принято решение, чтобы все товарищи вели работу по своим районам, помогая союзам молодежи [1].

После собрания состоялся долгий разговор между организаторами Союза молодежи при МК РСДРП(б) и активом молодежи из Замоскворечья. Речь шла о том, что уже во всех районах Москвы — и на Пресне, и в Хамовниках, и в Благуше-Лефортовском, и в Сокольническом и других районах — возникли союзы рабочей молодежи, которые, вслед за Замоскворечьем, приняли название «III Интернационал». Все это были массовые молодежные организации, руководство которыми было в руках большевиков. Но одновременно в Москве существовал и Союз молодежи при МК РСДРП(б), куда принимались молодые члены партии. Наличие двух параллельных союзов было нецелесообразно.

— Союз молодежи при МК РСДРП(б) сыграл положительную роль, явился хорошей школой актива молодежных организаторов,— сказала Люся,— все это так. Но теперь надо немедленно влить Союз молодежи при МК РСДРП(б) в массовые рабочие организации. И надо срочно решать вопрос о слиянии всех районных союзов молодежи в единую общемосковскую организацию. С этим больше тянуть нельзя...

И вот наконец 8 октября 1917 года в помещении бывшего царского павильона Николаевской железной дороги состоялась 1-я общегородская конференция Союза молодежи. На ней присутствовали не только представители от всех районов

[1] См.: Октябрь в Замоскворечье, с. 233.

города, но и от уездов Московской губернии — всего около 200 делегатов.

Общегородская конференция постановила объединить все районные организации Союза рабочей молодежи «III Интернационал» и Союз молодежи при МК РСДРП(б) в один массовый общемосковский Союз, который принял название Союз рабочей молодежи «III Интернационал». Затем избраны были комитет Союза и редколлегия его печатного органа — журнала «Интернационал молодежи».

Только что созданный общемосковский Союз рабочей молодежи «III Интернационал» призвал всех юношей и девушек выйти 15 октября на улицы Москвы с протестом против продолжавшейся империалистической бойни.

В Замоскворецком, как и в других районах Москвы, началась активная подготовка к демонстрации. На фабриках и заводах проходили митинги и собрания молодежи, проводились беседы о значении этой демонстрации. На красных полотнищах писались плакаты и лозунги: «Долой войну!», «Мир всему миру!», «Вся власть Советам!»

За два дня до молодежной демонстрации Люся заболела. К вечеру температура поднялась до 39 градусов.

...15 октября, после демонстрации молодежи, в комнату к Люсе ввалилось сразу несколько человек. Веселые, возбужденные, они наперебой рассказывали о демонстрации.

— Все получилось удачно,— ликовала Лена Троицкая.— И погода не подвела: вон какое солнышко горячее, прямо как летом. И народу собралось много. Прошли через Красную площадь, а потом на Скобелевской площади, около Моссовета и гостиницы «Дрезден», митинг был.

— А тебе подарок,— сказала одна из девушек и протянула Люсе первый номер журнала «Интернационал молодежи», выход которого был приурочен ко дню юношеской демонстрации.

— Но самое важное,— продолжала рассказывать Лена Троицкая,— демонстрация прошла под лозунгом «Вся власть Советам!». Это ведь первая демонстрация в Москве, после того как мы завоевали большинство в Советах. Лозунг этот вновь громко зазвучал.

— Скоро еще не так зазвучит!..

Из письма к Аник [1]

«Сегодня второй день, как я окончательно встала с постели. Хожу гоголем, все улыбаюсь и радуюсь положительно

[1] Письмо, начатое 13 и оконченное 24 октября 1917 года. Аник — младшая сестра Люсик.

всем явлениям жизни... Вот нашим ребятам спасибо, все они за мной ухаживали. Все они заняты, и я все-таки очень редко бывала одна. Два дня тому назад сходила к доктору, очень я боялась, что, может, что с легкими, и с трепетом сердечным спросила доктора об этом. Какова же моя радость, когда он мне сказал, что они в полнейшем порядке и что я совершенно не должна волноваться. Уф, радостно было. Вышла я от него, а кругом сияющая осень, золотые листья, иней и прекрасное солнце, такое ласкающее и веселое и вместе грустное и прощающееся с землей. И мне казалось, что и солнце, и все люди знают, что я сегодня встала с постели, что мне весело и что у меня с легкими все хорошо.

Ну... теперь я здорова, понимаете, окончательно. И завтра пойду на службу... Ура! Может, завтра в Питере Советы возьмут власть в свои руки... Да, конечно, потом, а может, теперь будет страшная кровавая баня... Но еще не было случая, чтобы буржуазия без боя сдала бы хоть одну свою позицию, не то что власть; так что надо с этим примириться, как с неизбежным спутником всех пролетарских революций, но зато, понимаешь, только таким образом, т. е. только нашей революцией, можно вызвать международную победоносную революцию... Ура, Аник, хорошо мне. Великое какое-то торжество так и подкатывается к самому горлу комком каким-то. Знаешь, бывает и грустно, тяжело, а все-таки хорошо. Таковы уж все мы. Понимаешь кто, наша группа, тесная группа социал-демократов».

Райкомы партии и партячейки многих заводов и фабрик Москвы развернули большую работу среди молодежи, призывая ее принять участие в решительной схватке с буржуазией.

Из воспоминаний А. Бакланова

«За несколько дней до Октябрьской революции товарищ Лисинова пришла к нам на завод [1] и сказала нам, что «готовится вооруженное восстание и мы должны быть наготове», а мне поручила известить все заводы о предстоящем через два дня заседании райкома совместно с представителями от заводов и сообщить повестку дня, но чтобы не проговориться. Поручение мною было выполнено со всей аккуратностью, и на заседании собралось много молодежи».

После информации райкома, в которой разъяснялось значение восстания и задачи в связи с этим молодежи, было со-

[1] Михельсона.

общено, что непосредственно к баррикадным боям будут допущены только те товарищи мужского пола, кому исполнилось 18 лет, а остальные смогут работать при штабе или в санитарных отрядах.

Но сообщение это было встречено гулом недовольства.

Сын кузнечного мастера 15-летний Павлик Андреев, работавший на заводе учеником, высказал обиду подростков:

— Это что ж такое получается? Выходит, что нам не доверяют. А зачем же нас обучали стрелять?

После обсуждения собрание приняло решение разрешить сражаться на баррикадах и тем, кому еще нет 18, если они прошли военное обучение и записаны в Красную гвардию.

24 октября в помещении трактира Романова собрали экстренное заседание общемосковского Союза рабочей молодежи «III Интернационал».

Восторженно принимается резолюция, предложенная делегатами Пресни. Она заканчивается призывом: «На улицу! К оружию! На баррикады!»

Радостная весть о победе пролетарской социалистической революции в Петрограде была передана в Москву по телефону 25 октября. Вслед за первой вестью пришла вторая: на II Всероссийском съезде Советов образовано Советское правительство — Совет Народных Комиссаров, Председателем которого избран В. И. Ленин.

Всем было ясно, что, потерпев поражение в Петрограде, контрреволюция надеется укрепиться в Москве и пойдет на все, чтобы не допустить победы рабочих.

На всех предприятиях района проходят митинги. Люся 26-го и 27-го провела митинги на трех предприятиях: на Даниловской мануфактуре, на заводе Михельсона и на фабрике Жако [1].

...Идет митинг на фабрике Жако. Во дворе тесной толпой стоят рабочие. На возвышение подымается Люся. Тонкая, хрупкая, она похожа на девочку. Но вот она начала говорить, и все замолкли. Ее пламенную речь с призывом к восстанию слушали затаив дыхание и старые и молодые рабочие.

...Ревком Замоскворечья в дни боев опирался на широкий большевистский актив. Боевыми операциями руководил профессор астрономии, участник революции 1905 года большевик П. К. Штернберг. Ему помогал В. П. Файдыш.

— Нам нужно несколько толковых секретарей ревкома,— сказал В. Файдыш.— Я думаю, ими будут К. Островитянов, А. Гуревич и Л. Лисинова.

[1] Ныне завод внутришлифовальных станков.

Прямо после очередного митинга, еще разгоряченная и взволнованная выступлением, Люся пришла в Замоскворецкий ревком и начала работать здесь буквально круглые сутки.

Люся принимала и записывала донесения разведки, а также донесения связных с мест сражения, активно участвовала в формировании летучих санитарных отрядов и распределяла их по пунктам. А организуя санитарные пункты, она там же, на месте, помогала оказывать первую помощь и перевязывать раненых.

Надо было соорудить баррикады на Якиманке. Люся предложила привезти тюки с шерстью и хлопком и использовать их как удобные укрытия. Предложение одобрили. Но ехать было опасно. Только что донесли в штаб, что на Малой Серпуховской происходит стычка между красногвардейцами и отрядом белой гвардии, куда входили буржуазные сынки во главе с казачьим офицером. А за тюками надо было ехать как раз на Малую Серпуховскую. Дали грузовик и четверых солдат. Люся вызвалась руководить ими. Здесь же был Алеша. Он сказал:

— Я все же лучше тебя стреляю из револьвера, поеду я.

— Нет,— решительно возразила Люся.

И бесстрашно отправилась в путь.

Юнкерам удалось захватить телефонную станцию. Сообщение районов с Центральным ВРК было прервано. Вместо телефонной связи надо было наладить живую. Посылали связистов...

— Мы подойдем? — спросила Люся.

— Кто это «мы»?

— Студентки. Вот только оденемся понаряднее.

Так и сделали. Люся Лисинова, Катя Карманова, Нюра Колпакова, Наташа Солуянова, Женя Зелевинская иногда вдвоем, а иногда и в одиночку ходили к Каменному, Москворецкому, Устьинскому и Новоспасскому мостам, все высматривали и доносили в штаб о передвижении в лагере белых.

Несколько раз Люся с заданием пробиралась к Моссовету, где помещался Центральный ВРК. Надо было пройти ряд улиц и переулков, занятых юнкерами.

В один из дней они пошли в Моссовет вместе с Наташей Солуяновой. Люся надела новое пальто, изящную шляпку.

Показался юнкерский патруль.

— Улыбайся и иди как ни в чем не бывало,— шепчет Люся.

Их останавливают.

— Проход закрыт.

— Ах боже мой, боже мой! — восклицает Наташа.— Моя матушка будет в отчаянии, она сойдет с ума...

— Право,— говорит Люся юнкеру,— если вы нас не пропустите, нам придется идти обратно через улицы, занятые красными. Надеюсь, вы не хотите, чтобы мы попали в их лапы? Мы еле-еле выбрались оттуда. Вот наши студенческие билеты.

Девушки вынимают их из сумочек и, кокетливо улыбаясь, протягивают юнкеру. Он тоже улыбается, прикладывает два пальца к козырьку своей фуражки и пропускает их...

— Сегодня уже 1 ноября,— сказал кто-то.— Шестой день боев...

В ревкоме В. П. Файдыш и П. К. Штернберг говорили о том, что надо усилить связь с Остоженскими позициями. Там положение меняется каждый час, и надо чаще направлять туда связных.

— Можно, пойду я? — спросила Люся.

Наполнив перевязочными материалами санитарную сумку, она направилась на выполнение задания. Ей удалось пройти через юнкерские патрули: они принимали ее за белогвардейскую санитарку. Там же, где выходила заминка, она спокойно вынимала студенческий билет Коммерческого института. А для особенно бдительных юнкерских пикетов у Люси наготове было удостоверение, что она ходит по делам Рукавишниковского приюта.

Люсе удалось уже дважды побывать на Остоженке и, передав распоряжение штаба на боевые позиции, вернуться обратно в Замоскворецкий ревком с донесением. Она была в радостном настроении.

— Наверное, мы сегодня победим!..

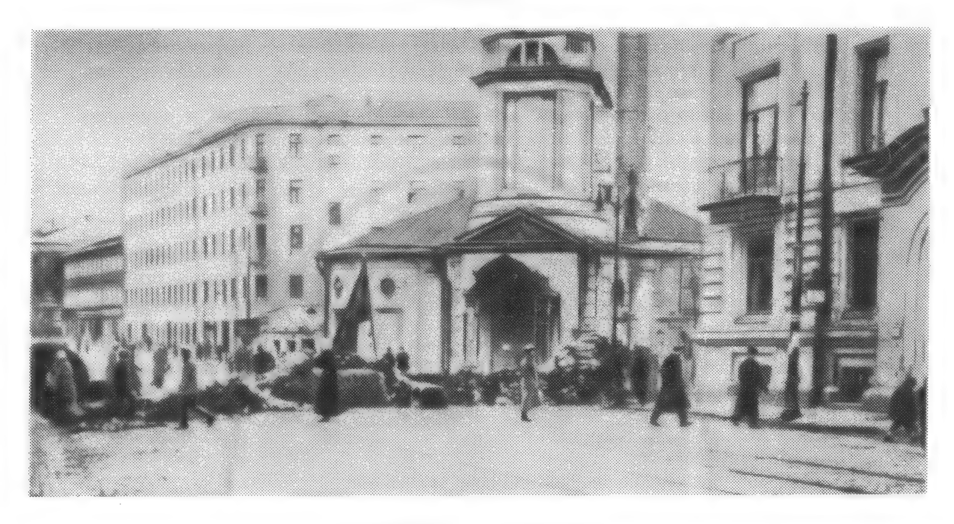
Красная гвардия в районе Остоженки все активнее переходила в наступление. Начала действовать артиллерия — два тяжелых осадных 155-миллиметровых орудия. И хотя юнкера отчаянно сопротивлялись, ничто уже не могло остановить наступательный революционный порыв рабочих и солдат. Но надо было все время укреплять Остоженские позиции новыми бойцами. Их посылали туда небольшими отрядами — в 5—10 человек, так легче было пробраться.

Начальником одного из таких отрядов был большевик Макс. Люся упросила его взять с собой, если штаб отпустит.

— Да тебя уже там юнкера приметили,— попробовал остановить ее Файдыш.

— Нет, нет, я надену другую шляпу, прикрою лицо вуалью, и меня не узнают. Разрешите мне, я пойду с ними.— Лицо ее все светилось радостным возбуждением.

Люсик Артемьевна
ЛИСИНОВА

Баррикады на Остоженке.
Москва. Октябрь 1917 г.

Выпросив разрешение штаба, Люся на полчаса забежала домой. Как давно она не была здесь! Последняя ночь, которую она провела в своей комнате, была, кажется, 26 или 27 октября...

Открыла шкаф. Вот она, шляпка с вуалеткой. Да, хорошо бы переодеться во что-нибудь менее маркое. Достала серую блузку...

1 ноября 1917 года на Остоженке белогвардейская пуля оборвала жизнь пламенной революционерки Люси Лисиновой...

А тем временем в Москве все теснее и теснее сжималось кольцо красногвардейских войск вокруг центра, занятого юнкерами. И наконец 2 ноября последние оплоты контрреволюции пали. Был взят штаб Московского военного округа, Александровское училище. В ночь со 2-го на 3 ноября, сломив сопротивление юнкеров, рабочие и солдаты ворвались в Кремль. Это была победа, которой так ждала и до которой не дожила Люся.

...В Музее Революции хранится серая блузка, длинные рукава ее украшены буфами. На левой стороне маленькая дырочка — след от белогвардейской пули.

* *
*

Георгий Ипполитович ЛОМОВ (ОППОКОВ)

Ломов А. (настоящие фамилия и имя — Оппоков Георгий Ипполитович) (1888—1938 гг.), участник борьбы за Советскую власть в Москве, советский государственный и партийный деятель. Член КПСС с 1903 г.
Родился в дворянской семье в Саратове. Ученик и единомышленник В. И. Ленина. Организовал боевую дружину в Волжском судоходном районе. В период революции 1905—1907 гг. вел партийную работу в Петербурге, Иваново-Вознесенске, Москве. Неоднократно подвергался репрессиям со стороны царского правительства.
В 1908—1909 гг.— член Московского окружного комитета, затем — секретарь Петербургского комитета партии. Некоторое время примыкал к отзовистам. В 1913 г. по возвращении из ссылки (Архангельская губерния) вел

Георгий Ипполитович
ЛОМОВ

партийную работу в Москве, Саратове, где издавал большевистскую газету «Наша газета», о которой с похвалой отзывался В. И. Ленин. В 1916 г. Ломов вновь арестован. После Февральской революции 1917 г. вернулся в Москву. Был избран членом Московского областного бюро и МК РСДРП(б), заместителем председателя Московского Совета рабочих депутатов. Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), вместе с Лениным работал в комиссии, избранной конференцией. На VI съезде партии избран кандидатом в члены ЦК РСДРП(б). Ломов был участником исторического заседания ЦК партии 10(23) октября, принявшего ленинскую резолюцию о вооруженном восстании. 24—25 октября (6—7 ноября) 1917 г. Ломов находился в Смольном, участвовал в руководстве восстанием. После окончания работы II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов по заданию Ленина выехал в Москву. Там вошел в состав Московского Военно-революционного комитета, был товарищем председателя Московского Совета рабочих депутатов. Ломов боролся за установление Советской власти в Москве и Московской области. II съезд Советов по предложению Ленина избрал Ломова в СНК на пост наркома юстиции. С 1918 г. Ломов на ответственной хозяйственной работе.

* * *

В дни бури и натиска [1]

Стучат колеса паровоза... Мы бешено несемся в Москву. Несмотря на то что последние две ночи как-то не пришлось спать, заснуть невозможно... Что-то там, в Москве? Почему там затягивается восстание? Неужели Москва и провинция не поддержат победивший Петроград? Как работает наше Областное бюро и Московский комитет?..

Для меня ясно, что положение в Москве гораздо сложнее, чем в Питере. В Петрограде Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов — это были две части одного целого, это был один лагерь революции. В Москве не так. Насколько крепок и решителен Совет рабочих депутатов, настолько далека головка Совета солдатских депутатов от нас. Исполком Совета солдатских депутатов — это меньшевики Шубины, эсеры Шмерлинги, готовые на предательский удар из-за угла, которые пойдут против нас на все...

Как-то там наши товарищи справляются с подготовкой восстания?

Вот и Москва. С вокзала мчусь в Совет. В состав Московского Военно-революционного комитета, который только что

[1] Воспоминания Г. И. Ломова (Оппокова) печатаются с сокращениями по тексту журнала «Пролетарская революция» (1927, № 10, с. 166—182).

сформировался, входили, насколько я помню, Усиевич, Муралов, я, Смирнов, Аросев и ряд других товарищей. Положение гораздо труднее, чем в Петрограде. Как я и ожидал, меньшевики и эсеры—объединенцы путаются в ногах, по рукам и ногам связывая растущее движение рабочих, крестьян и красногвардейцев. Исполком солдатских депутатов не наш. Это та контрреволюционная организация, которая всячески разлагает солдатские массы и формирует юнкеров и офицеров против нас. Москва — это два лагеря: Московский Совет и городская дума во главе с Рудневым. У белых сидят Шубины, Шмерлинги, Исполком Совета солдатских депутатов. У нас из вооруженных солдатских отрядов — смелые, славные двинцы. У нас нет артиллерии, нет пулеметов, нет броневиков.

Железнодорожные служащие нерешительны. Правда, по всем железным дорогам организованы ревкомы, но сила их пока еще не выяснена.

Еду на Курскую железную дорогу на большое собрание. Меня встречают товарищи из ревкома. Бурное собрание: мы ведем свою линию. Викжель «викжелит» вовсю. Но главное, что нужно для победы,— молодые, полные энтузиазма рабочие, крепкие ревкомы — налицо. «Наши» готовы на все. Таково положение на каждой железной дороге.

На заседании центрального ревкома объединенцы начинают свою безнадежную канитель. И откуда они выкопали столько партий, о которых я ничего не слыхал! Если появлялся с каким-нибудь протестом товарищ Кузовков (теперь уже давно большевик), то он обязательно начинал свой протест с заявления, что он представляет восемь или девять социалистических партий. Я их и тогда никак не мог запомнить, а теперь тем более. Тогда их роль была близка к нулю, а теперь я боюсь, что их не перечислить даже и самому товарищу Кузовкову.

Объединенцы и часть большевиков настаивают на всяческой оттяжке вооруженного столкновения. Выдвигаются тысячи всяких проектов примирения, но на нас давят не столько объединенцы, сколько отсутствие организации революционных кадров солдатских масс. Мы не уверены в том, на какие силы мы можем рассчитывать в солдатском лагере, получим ли мы вовремя артиллерию и пулеметы.

Ревком делегировал меня и товарища Ногина (тогда председателя Московского Совета) в штаб контрреволюции, к рудневцам, для переговоров. Мы приезжаем в Московскую думу. Все коридоры и залы наполнены офицерней, юнкерами. Мелькают штатские фигуры прокурора Сталя, многих

видных промышленников и торговцев. Как полагается, адвокаты ораторствуют — тут большой парламент. Глубоко отвратительное впечатление! Резкая противоположность тому, что ты видишь в Московском Совете, наполненном кепками, рабочими блузами да солдатскими гимнастерками.

Господа прокуроры, Руднев и компания пытаются изобразить власть. Жалкие слова, жалкие речи... Мы плюем с Ногиным на все разговоры, демонстративно обрываем на полуслове объяснения, едем обратно в такой свой Московский Совет. По дороге злобные выкрики, револьверные и винтовочные выстрелы юнкеров провожают нас. Это предметные уроки на тот случай, если бы революционные рабочие попали в лапы к этим господам.

Через час после этого разговора с Рудневым телефонный звонок от последнего. Он требует немедленной и безоговорочной сдачи Московского Совета, в противном случае юнкерье обстреляет Совет. Резко обрываем разговор и организуем оборону Совета. Телефон умолкает. Белые выключают Совет из телефонной сети. Война началась!

Созываем наш политический центр и на нем постановляем немедленно призвать рабочих к всеобщей забастовке, к немедленному наступлению от рабочих окраин на помощь Совету. Часть товарищей (Яковлева, Ярославский и другие) — наш партийный центр — отправляем в рабочие районы.

Для начала у нас все как-то не ладится: оружия мало, пулеметов еще меньше, артиллерии все еще нет. А в это время у белых масса пулеметов, есть броневики, крепкие юнкерские части.

Из районов появляются красногвардейцы, но их пока еще только сотни. Член ревкома т. Смирнов, бывший артиллерист, отправляется сам на Ходынку, с тем чтобы подвезти несколько батарей к Совету. Но пока что у нас нет солдатских частей, мало рабочих-красногвардейцев.

Ночь тревожна и тяжела. Совет обстрелян броневиками. Наскоро роем лопатами канавы... с целью предупредить возможность нового обстрела. Суетящийся товарищ Орехов [1] куда-то несется, а за ним десятки пролетариев. Кольцо юнкеров все больше сжимается вокруг Совета. С рабочими Московский Совет может сноситься с большим риском. Начинают раздаваться в ревкоме голоса о том, что следует оставить здание Московского Совета и перейти на рабочие окраины. К этому мнению решительно присоединяется товарищ Ногин,

[1] Орехов А. М. (1887—1951) — активный участник Октябрьской революции в Москве. Член КПСС с 1907 года. В Октябрьские дни 1917 года выполнял ответственные поручения Московского ВРК.

утверждая, что мы здесь обречены на гибель и дольше бессмысленно оставаться. Большинство решительно отвергает эту точку зрения. Ногин и другие товарищи уходят из Совета. Нас остается меньше.

Ночь проходит спокойно. Очевидно, у юнкеров нет сил для открытого нападения на Совет.

Почему юнкера не атаковали нас в тот момент, когда мы были наиболее слабы и безоружны в Московском Совете?

Прежде всего, у них самих не было твердости и энергии. Несмотря на то что формировались они главным образом из интеллигентов, они были безнадежно отсталыми и безграмотными в политике. Достаточно привести такой случай: утром, когда положение стало изменяться резко в нашу пользу, я отправился в один из рабочих районов пешком, пересек Арбат и направился к Крымскому мосту. По дороге я был задержан юнкерами как подозрительный человек. Они потребовали удостоверение. Я вынужден был достать из кармана единственный документ, который у меня был, о том, что я являюсь членом ЦК большевиков. Я был совершенно спокоен. Подал документ с видом человека, чувствующего свою правоту. Юнкер повертел его в руках и возвратил мне, предложив спокойно идти, но только не вверх по Арбату. Это было тем более удивительно, что уже на всех столбах был расклеен состав Совнаркома, в котором я был комиссаром юстиции.

В котле революции, на практике, лучше всего проверяется революционная закалка.

Вот в Совет забрел Станислав Вольский. Когда-то пламенный трибун, которого знали и любили все рабочие Москвы, Иваново-Вознесенска и Московской области. Его слова были всегда как бы набатным призывом к борьбе... А теперь он, как жалкая затерянная тряпка, рыдает вон там, на кресле, а около него стоит Ломтатидзе — вчера колеблющаяся объединенка, а сегодня твердая большевичка — и отчитывает его огненными, негодующими словами, такими настоящими, достойными настоящей революционерки. Станислав Вольский, жалкий и растерянный, навсегда уходит от нас...

Когда ревком переживал особенно тяжелые минуты, вдруг в Совете появились мрачные фигуры левых эсеров — Черепанов, Магеровский и другие. Они пришли и загробным голосом сообщили нам о том, что они решили «умирать» вместе с нами. Это были веселые минуты. Мы так и не могли понять этих романтиков и донкихотов. Мы скоро забыли про них, а они так и просидели все восстание очень скромно в одной из комнат Моссовета, изредка спускаясь узнать, сколько времени остается до момента их «гибели».

Не все левые эсеры были такими. Юрий Саблин был одним из героев штурма градоначальства. Он был дважды ранен. Его любили все. Весь наш секретариат усердно навещал раненого, и о Юрочке шептались по всем углам.

Прекрасно держался Иннокентий Стуков. Он был мрачен, как всегда, громил дряблость и осторожность товарищей, с каким-то остервенением нападая на растерявшегося Ногина. В противоположность мрачной, обличающей фигуре Стукова Гриша Усиевич стремительно куда-то всегда летит, кидая на ходу веселые, бодрящие, такие близкие всем нам слова.

Давно ли мы с ним в мрачные, тяжелые годы реакции представляли Исполнительную комиссию Петербургского комитета, жили нервной жизнью подпольщиков, окруженные провокаторами! Как было трудно тогда сохранить себя живым революционером среди измен, предательств и безнадежной обывательщины, ползущей на тебя со всех сторон. Но с Гришей было просто и весело преодолевать такие неожиданности и сюрпризы, о которых не снилось и во сне. Теперь Гриша — один из главнейших наших военных организаторов. Его знает вся Ходынка... Ему же после победы был поручен доклад от имени ревкома на первом заседании Совета, собравшемся после победы. И он сделал свой доклад блестяще. Подслеповатый, в очках, сутулящийся, он так и сиял перед лицом восторженных делегатов, вчерашних бойцов, сегодня торжествующих победителей.

Скоро наше положение резко меняется: все рабочие, как один, стали нас поддерживать, солдаты всюду примкнули к нам.

Глава нашей разведки, молодой К. Г. Максимов, весел и попрежнему бодр. Несясь к себе наверх, он по дороге издевается над мрачным видом кого-нибудь из товарищей и на ходу подбадривает уставших товарищей. Его молодой «корпус» разведчиков отовсюду приносит добрые вести.

Ходынка грохочет артиллерийскими выстрелами. Геройские рабочие районы ведут наступление со всех сторон на центр. Впереди всех Замоскворечье. Рабочие красногвардейские отряды из области отовсюду спешат на помощь Москве. Как ни «викжелят» железнодорожные викжелевцы, поезда на помощь к нам прибывают. Из Тулы на автомобилях доставлены пулеметы. Еще чувствуется недостаток артиллерии и неумение ею управлять.

Во главе наступающих рабочих отрядов Замоскворечья крупный профессор-астроном Павел Карлович Штернберг, энтузиаст-революционер, начальник Красной гвардии района.

Он посвятил большую часть своей жизни астрономии. Вот он — высокий, с большой седеющей бородой — занят какими-то сложными вычислениями. Казалось, он не может думать ни о чем другом, кроме небесных светил. Но это только казалось. Когда он снимал свое пенсне и на вас глядели его ясные, горячие, такие молодые глаза, когда они загорались негодованием и ненавистью к насильникам и мракобесам, становилось ясно, какое сердце бьется в груди на вид такого (академического) профессора П. К. Штернберга. Его хватало на все. Сейчас он занят своей обсерваторией, а уже через минуту он носится со своей любимой дочуркой. Среди нас он всегда идет влево. Он за линию на восстание, которое надо тщательно подготовлять, и все мы чувствуем, что это не фраза, это продуманная, выношенная мысль.

И он готовился к восстанию и подготовлял его. Оно не застало его врасплох. Он — командующий наступающими отрядами красногвардейцев самого революционного из наших районов — Замоскворечья.

С развевающимися седыми волосами, профессор, которого знает вся интеллигентная Москва, в открытом автомобиле, с красной повязкой командующего Красной гвардией носится по Москве, воодушевляя наступающие отряды пролетариев.

Когда требуется достать снаряды, орудия, пулеметы, надо скорее посылать к Павлу Карловичу. У него найдется, или он найдет. Вокруг него работа кипит. С ним как-то весело и легко работается. На лицах пролетариев гордость — у нас свой профессор, да какой боевой!

Павел Карлович — всюду, где нас жмут, где затруднения. Вон притащили орудия, надо громить ворота Кремля, а никто не умеет с ними обращаться: как назло, нет хороших артиллеристов. Павел Карлович уже у орудий. Он что-то вычисляет, припоминает, и через несколько минут орудия, руководимые рукой профессора-революционера, который никогда из-за небесных светил не забывал великого движения пролетариата, посылают снаряды в ворота Кремля.

Павел Карлович Штернберг и Михаил Николаевич Покровский — два преданнейших бойца-революционера в грохоте Октября, борясь плечом к плечу с рабочими России за социализм, явили в те дни великий символ труда и науки, братски сплетенных в борьбе за строительство нового общества.

Когда раздались первые залпы, когда М. Н. Покровский увидел тысячи восставших рабочих и озверелую офицерню,— он пришел в ревком и волнующе просто и коротко заявил о том, что предоставляет себя целиком в распоряжение

партии и ревкома, он весь с восставшим пролетариатом, и во время боя он хочет быть рядовым бойцом, дерущимся плечом к плечу вместе с восставшими рабочими.

Мы сейчас же двинули товарища Покровского одним из редакторов «Известий ревкома».

За это вначале так ненавидела красных профессоров-революционеров вся буржуазия... За это рабочий класс особенно полюбил их.

Опытных артиллеристов у нас еще мало. Первый выстрел артиллерии, которой мы громили Алексеевское [1] военное училище, дал перелет, по рассказам очевидцев, примерно этак на 12 верст. Если посмотреть на артиллерийскую стрельбу от Страстной площади по направлению к Никитским воротам, то надо было поражаться неумению вести обстрел.

Важнейшим нашим минусом была неорганизованность революционных солдатских масс. Мы только в процессе восстания начали формировать органы руководства солдатской массой. Вместо белогвардейского и контрреволюционного исполкома солдатских депутатов была сорганизована уже в процессе восстания солдатская «девятка». Усиевич все силы своего революционного темперамента и недюжинных организаторских способностей прилагал к тому, чтобы эта «девятка» была полнокровной, пользующейся доверием всех солдат. Это нам более или менее удалось. Однако надо сказать прямо, что ее авторитет не мог сразу вырасти и сложиться в крупнейшую силу. Он рос только постепенно, а вместе с этим вносилось все больше и больше планомерности и организации в движение солдатских низов.

Взято градоначальство. Разгромлено Алексеевское военное училище. Заняты здания всех вокзалов.

На всякий случай нами было решено установить артиллерию на Воробьевых горах и навести орудия на Кремль. Если белые не капитулируют, артиллерия должна быть пущена в ход.

Мне еще раз пришлось встретиться с белыми, на этот раз на Садовой, 10, в губернской управе. Как сейчас, помню левых эсерок-каторжанок Биценко, Пигит и других, которые растерянно сновали от нас к эсерам, уговаривали прекратить кровопролитие. Они не понимали ничего в происходящих событиях, не понимали, из-за чего идет борьба.

Представители белых на этот раз держались совсем поиному. Якулов и другие представители офицерства и юнкеров держались скромно, они уже признавали свое поражение

[1] Неточность: Речь идет об Александровском военном училище.

и старались выговорить условия, на которых можно сложить оружие.

Отовсюду тысячи известий о победе.

Рабочие всей области по условленной телеграмме-шифровке — призыву Областного бюро нашей партии — в один и тот же день восстали. Рабочие, железнодорожники — все были с нами.

Фронтовики, казаки, уланы по приезде в Москву после встреч с нашими агитаторами отказывались действовать против нас. Рабочие районы смелым наступлением со всех сторон сжимали юнкеров тесным кольцом.

Революция побеждала, белые были раздавлены. Судьба победившего Питера решалась на баррикадах и на многострадальных улицах Москвы. Эти бурные дни борьбы и натиска в Москве в значительной мере предопределили исход революции по всей России.

Наступает момент капитуляции. Муралов, Аросев и другие товарищи разоружают юнкеров около Александровского училища. Формируется новая московская власть. Москва в наших руках. Москва рабочая, Москва солдатская переполнена брызжущей энергией и энтузиазмом. Но на пути ее другая Москва — озлобленная, ушедшая в себя, не признающая этих идущих «из грязи» большевиков. Эта Москва срывает, саботирует, борется не на живот, а на смерть. Не победив в открытом бою, она хочет медленно и тихо сдавить кольцом шею победивших рабочих, солдат и крестьян. Я, как сейчас, вижу растерянно негодующие толпы интеллигентов и буржуа, читающих приказ о назначении солдата Муралова командующим Московского округа и недоуменно вопрошающих друг друга: «А этот солдат Муралов грамотный?» Нужна упорная работа по овладению аппаратом власти. Нужна национализация фабрик, заводов, банков. Нужно строить советский аппарат. Нужно выдвигать новых толковых руководителей всех сторон жизни и хозяйства.

Слышатся жалкие причитания меньшевиков, но на них никто не обращает внимания.

Собирается Московский Совет, он с энтузиазмом приветствует ревком, выбирает Исполком Советов. Начинается новая полоса — полоса творчества и строительства.

* *
*

Константин Гордеевич МАКСИМОВ

Максимов К. Г. (1894—1939), участник борьбы
за Советскую власть в Москве.
Член КПСС с 1915 г.
Родился в крестьянской семье
в Курской губернии.
Школу революционной борьбы прошел в Самаре.
За подпольную работу приговорен царским судом
к длительному тюремному заключению.
После Февральской революции —
член МК РСДРП(б) и Моссовета. Делегат
7-й (Апрельской) Всероссийской конференции.
В Октябрьские дни — начальник разведки
Красной гвардии, затем заведующий продотделом
и член Президиума Моссовета.
Участник гражданской войны.
С 1920 г.— на ответственной хозяйственной
и партийной работе.

Константин Гордеевич
МАКСИМОВ

Во главе разведки [1]

...1 марта 1917 года отряды рабочих и революционных солдат Самары арестовали полицейских и жандармов и освободили из тюрем политических заключенных. Так оказался на свободе и Константин Максимов.

...Первое партийное задание в Москве — помочь организации профессионального союза деревообделочников. Опыт, приобретенный в Самаре, помог Максимову. Он пошел в районы. Уже активно действовали Сокольнический, Пресненский, Замоскворецкий, Лефортовский... Встретили его хорошо. Направили по нужным адресам.

Составив список деревообделочных предприятий, Константин Гордеевич стал обходить их. Столяры, плотники, краснодеревщики, с которыми ему приходилось беседовать о союзе, о текущем моменте, были такими же работящими и отзывчивыми, как и в Самаре.

Московский комитет партии требовал от профсоюзных вожаков быстрейшего проведения в жизнь главной задачи дня — организации единых профсоюзов на предприятиях.

— Цеховщина тормозит профсоюзную работу, вредит ей,— говорил Максимов в Московском комитете партии.— Судите сами, на многих заводах еще существуют отдельно, сами по себе, мелкие союзы кочегаров, литейщиков, электриков, даже отопленцев... и тому подобное.

— Все это нам известно и понятно, товарищи,— сказала Р. С. Землячка.— Я знаю, что на заводе «Поставщик» одиннадцать таких союзов. Райкомы дадут вам в помощь опытных товарищей. Надо действовать энергичнее. Есть же решение, принятое 3 марта Московским комитетом, строить профсоюзы по производственному принципу.

Дни и долгие весенние вечера пропадал Максимов в деревообделочных мастерских. Порой забирался на такую окраину, куда и трамваи не ходили. Столяры, плотники, краснодеревщики с трудом шли на ломку привычного уклада. Большинство из них были малограмотны, а чаще просто неграмотны.

Союз деревообделочников выдвинул члена своего президиума К. Г. Максимова депутатом в Московский Совет рабочих депутатов.

Впервые по-настоящему Максимов понял, что Советы депутатов трудящихся — большая революционная сила и

[1] Из книги: *Стишова Л.* Время живет в нас. М., 1981.

власть, 18 марта, на пленуме Московского Совета. Большевики, дружно поддержанные рабочими депутатами, одержали верх над эсеро-меньшевистским большинством при голосовании по вопросу о введении 8-часового рабочего дня на предприятиях города.

В Большом зале Политехнического музея творилось что-то невообразимое. Большевик П. Владимиров, отметив, что Совет отстает от жизни, что вслед за Петроградом рабочие Москвы вводят 8-часовой рабочий день явочным порядком, внес предложение принять решение о введении 8-часового рабочего дня в Москве с 20 марта, не дожидаясь на этот счет никаких санкций со стороны правительства. Какой-то «демократ» меньшевистско-эсеровского толка кричал, что от такого решения «выигрывают только злейшие враги — Вильгельм и его армия».

Председательствующий меньшевик Хинчук охрипшим голосом предлагал признать «недопустимым сепаратное выступление за 8-часовой рабочий день».

Максимов не выдержал. Он встал с места.

— Хорошенькое себе «сепаратное решение», когда за него голосуют сотни московских заводов, тысячи рабочих,— Максимов переждал шум и выкрики «демократов».— Я только что пришел с митинга паровозников мастерской Московско-Казанской железной дороги. Там собралось до полутора тысяч человек. Они единогласно проголосовали за немедленное введение 8-часового рабочего дня. Пора меньшевикам и эсерам понять, что это требование рабочих масс.

Говорил Максимов твердо и уверенно, потому что сам участвовал на многих собраниях и митингах на крупных заводах и в небольших мастерских. Знал настроение фабрично-заводских профсоюзных комитетов Пресни, Рогожско-Симоновского и Городского районов...

Большевистская фракция одержала победу. Пленум принял решение: требовать от Временного правительства декрета о 8-часовом рабочем дне. В этом постановлении пленума Моссовета был очень важный пункт: «Существующий размер заработка при введении 8-часового рабочего дня не может быть изменен».

...3—4 (16—17) апреля состоялась первая Московская общегородская партийная конференция, проведенная в легальных условиях. Большой зал Политехнического музея заполнили около 400 делегатов, из них 258 — с решающим голосом. Они представляли более 6 тысяч членов партии. Кроме делегатов на конференции присутствовало много гостей. На кон-

ференции Максимов познакомился со многими старыми партийными работниками Москвы.

Конференция наметила направление борьбы за дальнейшее углубление и расширение завоеваний революции. Два дня ее работы были отмечены полным единодушием большевиков, их крепкой спайкой и деловитостью.

Конференция избрала Московский комитет. Среди его членов был Константин Гордеевич Максимов.

Вечером после закрытия конференции вместе с другими делегатами он пришел на Театральную площадь. Их ждали рабочие и солдаты. В память ленских событий в апреле 1912 года поплыла над городом спокойно и величаво песня революции и борьбы — «Вы жертвою пали...». С непокрытыми головами стояли большевики — плотно, плечом к плечу.

...Газета московских большевиков «Социал-демократ» пользовалась большой популярностью у рабочих. Редакция газеты помещалась в Капцовском училище. В двух небольших комнатках ютились сама редакция, издательство и экспедиция.

Все, кто приходил в Московский комитет партии, непременно заглядывали в редакцию. Ее возглавлял ветеран партии, талантливый публицист, историк и литературный критик Михаил Степанович Ольминский. Почти каждый вечер, еще не остыв от очередного митинга или собрания, заглядывал в редакцию Максимов.

— Михаил Степанович, рабочие обижаются на то, что газета выходит маленьким тиражом и маленьким форматом...

— Эх, Константин Гордеевич, если бы вы знали, какие трудности мы испытываем с бумагой, как тяжело с полиграфической базой. Даже типографию Левинсона в Трехпрудном переулке, где мы печатаемся, Московский комитет захватил буквально силой. Хозяева до сих пор ищут способ выдворить нас оттуда. Ну да ладно, это дело неновое. Вы лучше расскажите, что сегодня происходит на заводах, может быть, что-нибудь для газеты пригодится.

14 апреля Максимов положил на стол редактору две странички, написанные от руки.

— У меня срочный материал!

— Невозможно, Константин Гордеевич, номер уже сверстан. Вы же знаете, что девятого и одиннадцатого мы не выходили из-за отсутствия бумаги.

— Об этом и идет речь, Михаил Степанович. Я к вам прямо с расширенного заседания союза деревообделочников. Рабочие-ораторы там прямо говорили о том, что буржуи зажимают большевистскую газету. Мне пришлось выступить

и рассказать, в какой обстановке работает редакция, что бумагу вам приходится добывать с превеликим трудом. Меня внимательно выслушали и тут же попросили записать резолюцию и «напечатать рабочую точку зрения в рабочей газете». Так что именно завтра деревообделочники надеются прочитать свое решение в газете.

М. С. Ольминский стал читать:

— «Выяснилось, что уважаемая рабочая газета «Социал-демократ» не выходила два дня из-за отсутствия бумаги и может оказаться в таком положении, если рабочие не постараются всеми силами поддержать ее существование».— Тут Ольминский поднял голову и посмотрел на Максимова: — Хорошо сказано — всеми силами.— И продолжал читать: — «По докладу товарища Максимова принята резолюция: требовать через Совет рабочих депутатов реквизировать весь запас бумаги, где таковой окажется, уничтожения контрактов, заключенных между буржуазной прессой и бумажными фирмами, и третье — установить строгий контроль над равномерным распределением бумаги между буржуазной и социалистической печатью»,— закончил читать Ольминский и поднял голову: — Это кто же так жирно подчеркнул последний абзац?

— Члены Президиума. Они решили, что так будет покрепче!— ответил Константин Гордеевич.

На другой день газета вышла с категорической резолюцией деревообделочников...

...Областная Московская конференция закончилась 22 апреля, и в тот же день делегация москвичей выехала в Петроград на 7-ю Всероссийскую конференцию РСДРП(б).

Сутки, проведенные Максимовым в поезде среди делегатов конференции, стали для него настоящим праздником. (Он был самым молодым по летам: только в июне ему предстояло отметить свое 23-летие — и по партийному стажу.) Все они давно знали друг друга и, пользуясь свободным временем, восстанавливали в своей памяти и памяти друзей прошедшие годы. Почти все не избежали тюрьмы и ссылки. Было что рассказать и вспомнить, благо время позволяло.

Конференция открылась 24 апреля. Накануне москвичи побывали на предварительном совещании делегатов в ЦК, размещавшемся в те дни в особняке Кшесинской. Собралось более ста делегатов, представляющих Сибирь, Юг, центральные области, Поволжье, Урал, Западный край, Прибалтийский край, фронт.

Пока не началось совещание, Максимов обошел все здание. Очень ему понравился главный зал. Весь в зелени и зна-

менах. На одном из знамен он прочитал: «Броневики на страже свободы». Его принесли сюда солдаты броневого дивизиона. На другом: «Павшим борцам за свободу 1905—1917 гг.»— от Выборгского районного комитета РСДРП. Делегаты собирались и большими группами, и по двое, по трое. Повсюду говорили о ноте Милюкова, в которой тот заверял «союзников» о «всенародном стремлении довести мировую войну до решительной победы». Всем уже было известно, что Ленин и ЦК РСДРП(б) заклеймили империалистический характер всей политики Временного правительства. Мощная стотысячная демонстрация солдат и рабочих Питера 21 апреля положила начало апрельскому кризису 1917 года, который привел к отставке министра иностранных дел Милюкова, военного министра Гучкова. Образовалось коалиционное Временное правительство.

После совещаний объявили, что конференция откроется в 2 часа дня на Петроградской стороне, в здании Высших женских курсов. Пробираясь по проходу к своей делегации, Максимов неожиданно столкнулся с В. В. Куйбышевым, представлявшим на конференции Самарскую организацию. Они радостно обнялись, условившись встретиться, когда станет посвободнее со временем. Однако конференция работала напряженно, требовала от каждого делегата полной отдачи. За шесть дней им так и не удалось поговорить по душам...

Максимов был потрясен ленинской способностью остро ставить вопросы, его моментальной реакцией на каждое интересное выступление, его идейной вооруженностью, его несокрушимой аргументацией.

Апрельская конференция стала для Максимова настоящей политической школой. Он видел Ленина, слушал и учился его терпеливости к тем, кто ошибался по незнанию или непониманию, и непримиримости к людям, стремящимся под прикрытием революционных лозунгов свернуть партию со взятого ею курса на социалистическую революцию.

Работать, работать и работать... С таким настроением вернулся Максимов в Москву.

Эта первая для него московская весна запомнилась на всю жизнь. Много было потом других весен, но эта была особенной — по насыщенности событиями, по накалу работы, по духу товарищества и чувству локтя, которые он постоянно ощущал. И еще потому, что он стал своим человеком в этом большом городе.

...Одним из острых вопросов текущего момента был вопрос о рабочем контроле над производством. Хозяева фабрик и заводов злостно тормозили выпуск необходимой для насе-

ления продукции, а кое-где пытались вообще закрыть предприятия под видом нехватки сырья. В своих действиях московские большевики руководствовались ленинской резолюцией «Об экономических мерах борьбы с разрухой», опубликованной в «Правде».

На предприятиях города рабочий контроль принял массовый характер. Максимов участвовал в профсоюзных конференциях Басманного и Бутырского районов. «Не допускать свертывания производства, продолжать выпуск изделий,— говорили рабочие,— а там, где заводчики пытаются противодействовать этому,— принимать немедленные революционные меры».

Моссоветчикам (так звали Максимова и его товарищей в МК) пришлось сражаться по этому вопросу на Исполкоме с меньшевистско-эсеровскими крикунами, которые предложили заменить рабочий контроль так называемым государственным контролем. По их мнению, госконтролерами, оказывается, должны стать... сами заводчики или их уполномоченные. Деятели соглашательского блока не ограничивали свою «агитацию» заседаниями Моссовета, они использовали для выступлений профсоюзные фабрично-заводские собрания, митинги в цехах и «доказывали», что «захват» предприятий «дезорганизует» производство...

Пролетарские массы шли за большевиками. Даже деревообделочники, которые в первые месяцы с трудом разбирались в роли и значении профсоюзов, теперь усилиями Максимова и других профсоюзных организаторов объединенные в единый союз, тоже не отставали от передовых предприятий. Константин Гордеевич с радостью докладывал на одном из заседаний МК о том, что в большинстве столярных мастерских установлен строгий рабочий контроль. Многие уже переключились с изготовления снарядных ящиков на мирную продукцию — делают столы, стулья, табуреты, что крайне требуется в доме каждого рабочего человека.

В июне Максимов снова был в Петрограде. Теперь уже как делегат I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Он стал свидетелем того, как 4 июля под сводами актового зала Первого кадетского корпуса, когда лидер меньшевиков Церетели настойчиво разъяснял делегатам, что в России в настоящий момент нет такой партии, которая могла бы взять власть в свои руки и занять место Временного правительства, с кресел, где сидели делегаты-большевики, раздалось:

— Есть такая партия!

Ленин шел к трибуне. Зал шумел, как потревоженный улей. Делегаты вставали с мест, чтобы увидеть человека, сказавшего: «Есть такая партия!»

Неизведанное доныне чувство окрыленности и гордости охватило Константина. Большевистская партия, в которой он состоит, готова принять на свои плечи всю полноту власти на разоренной войной и разрухой исстрадавшейся русской земле.

Максимов присутствовал на всех заседаниях. Внимательно слушал всех без исключения, потому что прекрасно понимал: ему надо набираться опыта. Мало просто знать противника, надо видеть его в лицо, узнать не только, что он говорит, но и что думает...

...Когда близко к полуночи Максимов перебежал Тверскую — из «Дрездена» в Моссовет, чтобы успеть на совещание партийной фракции, ...все уже были в сборе. Он сел на привычное место у окна, разглядывая товарищей, которых давно не видел. О новостях решил разузнать после. А началось совещание несколько необычно. Секретарь большевистской фракции Исполкома Полина Виноградская по поручению товарищей поздравила Максимова с его 23-летием (он совсем забыл о своем дне рождения!) и вручила ему два томика «Войны и мира» Толстого (он и в Москве прослыл книголюбом), осьмушку чая и полфунта воблы. Именинник так смутился неожиданному товарищескому вниманию, растерялся, что даже не нашел слов благодарности. Только встал и молча поклонился. Полина Виноградская и другие женщины — работницы секретариата на первых порах опекали его — самого молодого моссоветчика. Кроме того, и Виноградская, и Додонова, и Бричкина были москвичками и считали своим долгом помогать самарцу.

Бричкина, любящая порядок во всех делах, посмотрела на часы и сказала:

— Самое время, 12 часов ночи. Начинается новый день, в который наш Константин Гордеевич стал на год старше.

Все рассмеялись и перешли к делам.

...Столкновения между большевистской фракцией Совета и меньшевистско-эсеровским блоком с каждым днем становились все непримиримее. Каждое заседание превращалось в столкновение полярных точек зрения по всем обсуждаемым вопросам: о передаче власти Советам, о рабочем контроле над производством, о правилах перевыборов депутатов в Московский и районные Советы. Максимов считал своим долгом выступать на каждом из таких заседаний. Его спокойный голос не могли заглушить никакие выкрики с места.

Он спокойно пережидал «крикуна» и продолжал говорить именно с того места, на котором его прервали.

Слова его были кратки и выразительны. Он всегда говорил то, что хотел сказать, и ничего больше.

Это о таких, как Максимов, говорил на VI съезде партии В. Подбельский: «Работа лежит на плечах молодых работников, главным образом рабочих».

Ленинский лозунг о том, что теперь взять власть в свои руки рабочий класс сможет только путем вооруженного восстания, был главным на VI съезде. В его решении записано: нацелить партию на вооруженное восстание для завоевания диктатуры пролетариата. Съезд обратился с призывом «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России» готовиться к решительной схватке с буржуазией под знаменем большевистской партии.

Растущее влияние Ленина и большевиков вызывало озлобление Временного правительства. По всему чувствовалось, что оно накапливает силы для удара по авангарду пролетариата РСДРП(б). Сначала задушить революционный накал народа голодом — лишить рабочих даже скудного куска хлеба, а уж затем военная диктатура установит «законный порядок». Для координации сил Временное правительство созвало в Москве, по их мнению, более спокойной, чем Петроград, московское совещание представителей всех имущих классов населения. Открытие «собора» планировалось на 12 августа.

Центральный Комитет партии большевиков предложил Московскому комитету провести однодневную стачку протеста против заговора буржуазии. Решение ЦК РСДРП(б) о «московском совещании» было доведено до каждого коммуниста, до самой широкой массы рабочих...

12 августа свыше 400 тысяч рабочих Москвы не вышло на работу. Жизнь в городе, который российская контрреволюция решила превратить в свой опорный пункт, чтобы отсюда начать наступление на революцию, замерла.

Утром, когда Максимов вышел из здания Моссовета, он не узнал Москвы. В городе стояла тишина. Трамваи не ходили. Не слышно было привычного кучерского окрика: «Поди, поди!»

Когда Максимов пришел с Театральной площади в Московский комитет, там уже собрались почти все его члены. Царила радостная и взволнованная обстановка.

— Вы, товарищи, как на празднике побывали,— сказал В. М. Лихачев.— Даже наш Максимов и тот улыбается.

Да и что было говорить?! Революционная Москва показала свое единство и сплоченность.

...Историческое утро 25 октября 1917 года застало Максимова в здании Московского Совета. Большевистская фракция Исполкома собралась в крошечной комнате на третьем, получердачном этаже, чтобы обсудить вопрос о вооруженном восстании в Москве, о предложенном МК плане организации власти. От имени бюро фракции заседание открывает П. Г. Смидович. Затем один за другим берут слово депутаты. И вот очередь дошла до Максимова. Он краток:

— Грозный час вооруженного восстания уже наступил. Контрреволюция первая начала гражданскую войну, разгромив Совет в Калуге. Необходимо дать достойный ответ. Наш Московский Совет под угрозой. Ждать нельзя. Теперь промедление опасно. Необходимо выступить, и немедленно...

...Обстановка в Москве с каждым часом становилась напряженнее. Максимов, как и другие члены Исполкома рабочего Совета, связывался по телефону с районными Советами, диктовал:

— «Борьба за власть в Петрограде началась.

Правительство сопротивляется. Город в руках революционного Центра.

Московским Советом принимаются соответствующие меры.

Немедленно на местах поставить на ноги весь боевой аппарат. Без директив из Центра никаких действий не предпринимать. Восстановить дежурство круглые сутки членов Исполнительного комитета.

Созвать пленарное собрание Советов по возможности быстро, в крайности завтра, 26 октября...»

...Военно-революционный комитет разместился в Моссовете в большой угловой комнате на втором этаже, с окнами на Тверскую улицу и Чернышевский переулок. Рядом предоставили комнату оперативному штабу во главе с А. Я. Аросевым, затем следовали комнаты связи с районами, информации, помещения для раздачи оружия, караульной команды, хозяйственно-продовольственной части. Бюро разведки, руководимой Максимовым, выделили комнату № 33. До сна ли было ему, когда на подбор помощников, на организацию работы бюро отвели только сутки...

Начальник разведки Константин Максимов, его помощники в штабе и в районных ВРК в первые же сутки своей работы могли доложить:

«Противник готов к прямым военным действиям. Им выпущены десятки распоряжений и приказов, запрещающих

подчиняться ВРК. Отряды юнкеров открыто передвигаются в центре — получается, что юнкерские и казачьи подразделения окружают Кремль.

В Кремле, как известно, находится Арсенал под охраной красного 56-го полка. Городская дума, «Метрополь», Манеж и дома вокруг него превращены в пулеметные юнкерские точки. Противник укрепляется в районе Никитских ворот. Оттуда — прямой и короткий путь на Кремль. 5-я школа прапорщиков окапывается на Смоленской площади. Алексеевское военное училище в Лефортове и другие военные школы находятся на военном положении. Разведка получила сообщение от надежных людей, работающих в штабе полковника Рябцева: «Полковник совместно с городским головой Рудневым запросили помощи с фронта».

Чем больше у Максимова накапливалось данных разведки, тем яснее становилось штабу ВРК, что противник маневрирует и готовится к решающему броску...

26 октября полковник Рябцев предложил ВРК начать переговоры «о способах ликвидации происшествия».

Девятью голосами против пяти на срочном заседании Боевого партийного центра и большевистской части Военно-революционного комитета было решено: переговоры начать. Максимов был среди тех пяти, которые не верили в мирный исход переговоров, возражали против «передышки для организации сил». Такая передышка, по их мнению, была выгодна не революционным силам, начавшим гражданскую войну, а противнику...

26 октября, в 7 часов вечера, в здании Моссовета состоялось расширенное заседание ВРК и его штаба с представителями районов. Член Центрального штаба А. С. Ведерников информировал собравшихся о положении в городе, потом обсудили общий план действий революционных сил.

Максимов доложил ВРК о первых шагах бюро разведки:

— Сегодня было заседание представителей всех районных Советов рабочих депутатов, где я сделал заявление, что в разведку нужно хотя бы по два от района дельных товарища в полное распоряжение разведки для установления тесного контакта между нами и теми. Кроме того, предложил немедленно готовить рабочих, а особенно солдат, чтобы стянуть все силы на помощь Советам.

Общее решение ВРК: немедленно приступить к работе.

К середине дня 27 октября Максимов уже располагал сообщениями трех разведчиков:

«Юнкера приехали на Арбат на грузовике. Оружие раздавали студентам и штатским. Студенты и штатские отправи-

лись к Кремлю под командой юнкеров. Оцепили Кремль и заняли Троицкий мост. Пропусков никаких. Просят расходиться. Говорят, начинаем действовать!»

«Телефоны по окружности Александровского училища соединены с Алексеевским училищем».

«Всюду патрули студентов. Оружие выдают из Александровского училища. В их распоряжении грузовик и легковые автомобили. Во главе их находятся казаки».

— Нас окружают,— сказал член штаба Военно-революционного комитета Аросев,— подбираются к Московскому Совету и Московскому комитету.

...К раннему утру 28 октября энергичными мерами членов ВРК была укреплена охрана МК партии и Моссовета. Прибывшие солдаты 1-го телеграфно-прожекторного полка привезли с собой несколько ящиков патронов и занялись установкой прожекторов на крыше Совета.

К этому времени вражеское кольцо почти сомкнулось вокруг Скобелевской площади. Ход был один — через Страстную. Держать связь с районами час от часу становилось все затруднительнее. Члены Военно-революционного комитета и Боевого партийного центра Московского комитета разошлись по районам. В Моссовете остались оперативная группа и отдел разведки.

...Есть люди, удивительным свойством которых является умение быть всегда и везде на своем месте. Максимов никогда не служил в армии, потому что в тот год, когда его должны были призвать по возрасту, он был заключен в тюрьму. В дни октябрьских боев, назначенный начальником бюро разведки Центрального штаба МВРК, он выполнял свои обязанности с точностью военного.

Двинцы-разведчики считали Максимова кадровым — так точны и кратки были его приказания. Сам он верил в своих помощников, считал: если надо, они и «в игольное ушко проскочат». Краткими и точными были его устные и письменные доклады штабу ВРК:

«По бульварам от Страстного до Трубной наши патрули... В «Эрмитаже» засада юнкеров. Мясницкая и несколько домов за почтамтом заняты нами. Юнкера роют окопы, штаб их в здании телефонной станции... Здесь проволочные заграждения, была перестрелка между почтамтом и телефонной станцией...»

Сам Максимов постоянно бывал на решающе-острых участках и был в курсе расположения частей противника.

На одном заседании ВРК он резко поставил вопрос о том, что некоторые красногвардейские патрули, занимая казен-

ные здания, там, где засели юнкера, часто наносят ущерб тем ценностям, которые в них находятся. Они считают их «буржуазными», забывая, что все это скоро перейдет к народу. Сохранился даже документ (записка на клочке бумаги), в котором Максимов писал: «Наши товарищи очень скверно обращаются с помещениями, которые занимают. Нужно им сообщить об этом и принять меры к охране помещений».

Все коротенькие и длинные донесения разведчиков Максимов прочитывал, сортировал, делал общую обзорную оперативную сводку и докладывал в штабе. Чаще всего донесения были устными и доклады тоже. Писать не оставалось времени.

...Наступил четвертый день октябрьских вооруженных боев.

Каким же он был, этот день 29 октября? Посмотрим на него глазами начальника бюро разведки Константина Гордеевича Максимова, прочитаем боевые донесения разведчиков только за этот день. Оставим без изменения и стиль, и пунктуацию, ибо писались донесения на клочках бумаги под ружейным и пулеметным огнем, но в них присутствует главное: дух и накал боев.

10 часов утра. Николаевский вокзал. «По сообщению комиссара вокзала, высадилось 100 человек солдат и офицеров и ожидается прибытие еще. Эти 100 человек арестовали наших десять человек и повели с собой, и повезли на Бутырки, а высаживались с Петровско-Разумовского».

11 часов утра. «Тверская улица, Леонтьевский переулок, Мал. Чернышевский пер., туда к Никитской везде их патруль сильный, делает перебежку. Камергерский до Никитской наш, Газетный с Тверской наш патруль, у Никитской их, середина пустая, у них там есть баррикады. В Леонтьевском, № 4, на крыше один пулемет. Это у Никитской».

13 часов 30 минут. «На Никитской ул. против Чернышевского переулка есть немецкая кирка, где находится штаб юнкеров; они стреляют из ружей, строят баррикады. У нас есть пулемет в белом шестиэтажном доме. Солдаты просят туда направить артиллерию».

«По Тверской к Охотному ряду очень мало постов, на многих переулках нет; несмотря на то, что до самого Охотного ряда все очищено от юнкеров. На Большой Дмитровке посты есть удовлетворительные. На Петровке только один пост три человека. У Большого театра, Неглинной ни одного поста. Ввиду того, что две улицы и переулки, рядом лежащие, не заняты, мы не решились втроем идти на Лубянскую площадь, так как считали эту рискованность глупой».

«Наши заняли всю Тверскую до Иверской, и в них стреляют и есть убитые; нужно подкрепление немедленно».

12 часов 5 минут. «Большой Бронной дошли до Малой Бронной, пошли по Малой Бронной, где стоит угол Тверского бульвара, аптека. Там находятся наши, их обстреливают из Никитского бульвара, из переулка, рядом лежащего, и, когда наши делают перебежку в аптеку из Малой Бронной, то всегда много раненых и убитых. Прапорщик просит прислать бомбометы, подкрепление 80 чел., мотоциклеты или телефонную связь. Просят тут же дать ответ, чтобы они знали, дадут ли им, что они просили, или нет. Просим присылать команду со старшим и полную, т. е. сколько выедет от нас, столько и должно пройти».

«В конце Леонтьевского переулка и Никитской у юнкеров стоят три пулемета, которые обстреливают Никитскую площадь. Наши думают занять половину Никитской площади, и для этого им требуется подкрепление человек 20 товарищей; если же не дадут, то занять нет надежды, но все-таки занимать начнут».

«Из Рождественного монастыря идут револьверные выстрелы по патрулям. Сретенский пер., до выхода в Милютинский, дом Милютина, с 3-го этажа, с углового окна, были выстрелы, произведенные юнкерами, и они с пулеметами. Угол Сретенки и Сергиевского пер. нет совсем караула, угол Неглинного и Петровки тоже, в Милютинском пер. у телефонной станции и вокруг очень мало часовых, а необходимо, так как идет непрерывно стрельба и охранять некому. На правой стороне Рождественского бульвара, дом № 17, живет какой-то генерал, который не хочет предъявлять патрулю документов, говоря, я не имею, и уходит. Это явление может повлечь к тому, что его может расстрелять патруль.

Крупного сражения нет, только ружейная перестрелка».

От 12 часов 30 минут: «Дом градоначальства обстреливается нами со Страстной площади. Удобно обстреливать его из пулемета с крыши Музея городского хозяйства Леонтьевский пер., д. 15. От Никитских ворот юнкера стреляют к Страстной площади, которая занята нами».

«В Леонтьевском переулке, дома № 7 и 9, заняты юнкерами и офицерами, они перелезают через ворота и дома, по направлению градоначальства и Совета раб. депутатов. Сигнал опасности у них — два раза свисток. Приказ стрелять всех солдат, идущих по улице уже рядом с нашими разведчиками».

«В доме градоначальника поставлен снова пулемет 10-98».

«В Брюсовском пер., дом № 4, просвистал снарядный осколок, или же какой-либо отшиб по направлению от Ходынки».

«По Тверской прошел в Газетный переулок, но там можно пройти только до церкви, дальше невозможно, дальше попадешь под обстрел. Тогда пришлось вернуться обратно, и тогда по Брюсовскому до дома № 6 и через прошли в дом № 5, который проходит в Газетный пер. Там сделали около ворот наш окоп, из окопа стреляют по дому № 3, от сильной стрельбы поврежден наш окоп, исправить обещались они сами, народу пока хватает».

«У Тверского бульвара, от Страстного бульвара до дома № 17 нет патрулей, исключение только переулок Сытинский, где сидят наши трое в окопах, а в доме № 17 сидят люди подозрительные, в офицерской форме, во втором флигеле, 2-й этаж; а когда шли обратно дома № 14 в окне появилось сильное освещение наружное и быстро потухло; по левой стороне было тоже три разведчика».

«На Тверск. бульв. нашего патруля почти совсем нет; пулемет наш стоит у дома градоначальства. Наши хотели вытеснить юнкеров с бульвара, но все разошлись, как сказал подпоручик. Они просят сто человек и две смены пулеметов. Прошу на это дать свое заключение».

17 часов. «Малый Гнездниковск. пер. от церкви шел Красный Крест, во главе с попом. Все из участников хода кричат: «Граждане, мы присоединяемся к вам», его задержали. Дайте распоряжение, что с ним делать, чтобы не вышло недоразумения».

«Сообщают, что от Страстной площади до Триумфальной и по Садовой до Малой Дмитровки, по Малой Дмитровке до Страстного монастыря нет нашего патруля. На Страстной площади есть патруль. По Чернышевскому до Никитской и на Никитской есть.

На Тверской по левой стороне находится оружейный магазин, там есть много патронов, револьверов разных систем. Просят дать приказ конфисковать его, а иначе все могут понемногу разобрать».

24 часа 30 минут. «По бульварам от Страстного до Трубной наши патрули. На Цветном бульваре в «Эрмитаже» засада юнкеров, по словам патрулей, которые там стоят. От Самотечной до Красных ворот наши патрули никого не пропускают. От Красных ворот до набережной, по словам патрулей, наши патрули расставлены.

Мясницкая и несколько за почтамтом занято нами. Юнкера роют окопы, штаб их в телефонной станции и, говорят,

есть проволочные заграждения; была перестрелка между почтамтом и телефонной станцией. Думают, что телефонную станцию можно взять после обстрела в атаку, но все-таки утвердились, кажется, они хорошо. Предлагают обыскать «Эрмитаж». Может быть, можно будет взять у Городского района «военную силу».

«Послана разведка на Пресню, в Дорогомиловский район и Замоскворецкий, Арбатская площадь, Никитская площ., Кудринская ул. и Смоленский рынок, Никитск. ул., Воздвиженка, Александр. сад и далее».

«Сокольницкий район. Есть винтовки, которые придется распределять между рабочими, есть снаряды 42-миллим. 6-ти дюймов. Три батареи, бригады солдат, орудий нет, людей можно прислать, если будет нужно. В Измайловском зверинце есть 10 шт. орудий; если они нужны, нужно послать в Сокольн. район Сов. Раб. деп., чтобы их осмотреть, насколько они годны; посылать знающего офицера.

Есть две тысячи людей вооруженных, они охраняют склад снарядов, при случае можно взять часть».

В день 30 октября — день временного перемирия, снова предложенного полковником Рябцевым якобы в поисках пути «мирного» разрешения военного конфликта,— разведка Максимова доносила, что контрреволюционные силы крепко держат занятые ими позиции. При этом приложено подробное донесение.

День 31 октября ярко запечатлелся в памяти тех, кто сражался за дело революции на улицах Москвы, тех, кто находился в штабе ВРК на Тверской. В Москве зарокотали тяжелые орудия. Революционные артиллеристы дали залпы по Кремлю. Надо было освобождать центр города от окопавшихся там сил контрреволюции. Начальник боевыми операциями штаба ВРК Аросев отдал приказ:

«Мастерским тяжелой и осадной артиллерии (она располагалась в Лефортове.— *Авт.*): Боевая задача: обстрелять Кремль, для этого выбрать, занять позиции и немедленно приступить к обстрелу».

Максимову было поручено срочно доложить, где и как расположились лефортовцы, готовясь к бою. Ему часто поручались такие оперативные задания, и Штернберг как-то шутливо заметил: если, поднимаясь по лестнице в штаб ВРК, Максимов напевает любимую «Что ты, милый брат, не весел, что ты голову повесил...», можно считать, дела идут отлично. И на этот раз Константин Гордеевич вскоре сообщил, что артиллеристы Мастяжарта расположили два 42-линейных орудия у Введенского дома и трехдюй-

мовую пушку на берегу Яузы. Оттуда и начали свои действия...

Всех волновала судьба Кремля.

...Приказ «обстрелять Кремль» был отдан в полдень. Юнкера, засевшие там, отказались принять условия ВРК и продолжали военные действия. Весь Охотный ряд находился под огнем юнкерских пулеметов, установленных на кремлевской колокольне. По ним ответно ударили орудия от Большого театра. Несмотря на ожесточенный ружейный огонь с кремлевских стен, замоскворецкие красногвардейские отряды постепенно занимали позицию за позицией. К середине дня они заняли здание думы, Исторический музей, вступили на Красную площадь.

...Только рано-рано утром 2 ноября артиллеристы по приказу штаба ВРК прекратили обстрел Кремля. В него вошли красногвардейские отряды.

...В ночь со 2 на 3 ноября Константин Гордеевич Максимов был срочно командирован в Вязьму. В удостоверении за № 526 писалось, что он направляется «для переговоров с прибывшими в Вязьму частями».

В Московский ВРК поступали сообщения из Можайска, Гжатска и Вязьмы о продвижении контрреволюционных войск Керенского на Москву.

— Сколько их там?— спросил Максимов.

— Говорят, прибыло 38 эшелонов.

Приказ Военно-революционного комитета был краток: выехать в Вязьму и остановить эшелоны с солдатами, посланными для подавления вооруженного восстания в Москве. Через два дня, 5 ноября, в 11 часов 30 минут утра на заседании ВРК Максимов уже докладывал о выполнении задания. Главное сделано: солдаты на Москву не пойдут. Максимов зачитал резолюцию общего собрания гвардейской кавалерийской бригады (эскадронов Гродненского гусарского, Варшавского уланского и 3-й конной батареи): «...по детальном обсуждении создавшегося положения в стране и в связи с создавшимся фактом новой, народной, чисто социалистической власти, считаясь с тем, что задача момента власти направлена к восстановлению порядка столицы, собрание пришло к заключению, что отправка частей в Москву не нужна».

Максимов докладывал, что солдатское собрание единогласно, кроме группы реакционно настроенных офицеров, выразило удовлетворение тем, что отныне вся власть передается Советам, и обещало поддержку.

На объединенном заседании Гжатского исполкома, боевого комитета 11-го полка было получено категорическое заяв-

ление гусарского гренадерского полка, что они в Москву не поедут и «по выводе лошадей вернутся обратно в Вязьму и далее, согласно указанию, которое последует». На этом заседании были составлены делегации, которые направились в другие эшелоны с категорическим решением: «На Москву не идти!»

В Можайске Максимов застал местный Совет в сложном положении: такая сила сконцентрировалась у них и так близко от Москвы! Когда же Максимов сам поехал в воинские части, то при первой беседе в трех эшелонах убедился, что солдаты уже знали о ленинских Декретах о земле и о мире и против Советов не пойдут! Пришлось ему столкнуться с представителями «Комитета общественной безопасности». Кроме лжи, солдаты от них ничего не услышали. Особенно фантазировали они о том, что «в Москве жгут и режут».

Максимов докладывал на ВРК:

— Они драли глотку, рассказывая всякие небылицы. Они запугивали солдат, как маленьких детей. Кого они пугали? Солдаты своими глазами видели немало крови в окопах. Мои слова, что в Москве налаживается революционный порядок, им были больше по сердцу. Они жаждали тишины и порядка. И хотя это были сравнительно свежие части, мало еще повидавшие на войне, все равно они были за конец войны. Я им внушал, что Советы — это революция, кто не поддерживает Советы, те контрреволюционеры.

— Не слишком ли примитивно и, простите, категорично?— послышалась реплика.

— Нет,— сказал Максимов,— на пространные выступления не было времени, да и возможности. Мое общее впечатление, что эти части на фронт тоже не пойдут. Но надо, чтобы рабочие представители были в их рядах. Я так и сказал товарищам в Можайском Совете. Необходим еще более резкий раскол между рядовым составом и офицерством.

На другой день после приезда Максимова из Вязьмы оттуда вновь стали поступать тревожные сообщения. Константин Гордеевич с товарищами снова выехал теперь в Гжатск и привез в Москву донесение, что договор, заключенный с солдатами 4 ноября, не нарушен. Позиция солдат тверда и неизменна — они за Советы!..

* *

*

Емельян Михайлович
МАЛЕНКОВ

Маленков Е. М. (1890—1918), участник борьбы
за Советскую власть в Москве.
Член КПСС с 1912 г.
Рабочий. Родился в деревне Солослово
Звенигородского уезда Московской губернии.
Окончил начальное городское училище в Москве.
Работал на металлическом заводе Фалька
в Сокольниках, на чугунолитейном — Вартце
и Мак-Гилля. В революционном движении с 1905 г.
Неоднократно подвергался репрессиям.
В марте 1915 г. за участие в создании
большевистской группы в московском профсоюзе
металлистов «Единение», печатание
и распространение антивоенных листовок
арестован и приговорен к четырем годам
каторжных работ.
Освобожден 1 марта 1917 г.

Емельян Михайлович
МАЛЕНКОВ

После Февральской революции — член райкома РСДРП(б) и Центрального штаба Красной гвардии Москвы, депутат Моссовета. В Октябрьские дни — член Сокольнического ВРК, командовал рабочим отрядом, направленным на помощь трудящимся Пресни.

После победы социалистической революции Е. М. Маленков — председатель Сокольнического райсовета, затем возглавил военный комиссариат района. В 1918 г. сформировал добровольческий красногвардейский отряд, вместе с которым сражался с немецкими оккупантами.

Осенью 1918 г. после неоднократных просьб направлен на Восточный фронт. Погиб в октябре 1918 г.

* * *

Плоть от плоти рабочего класса [1]

На одной из площадей Елабуги, что в Татарской АССР, возле старинного собора, возвышается почерневший от времени обелиск. На нем выбиты слова: «Вечная слава борцам революции, павшим в боях за народное счастье!» А ниже идут фамилии 15 героев. Среди них: «МАЛЕНКОВ. Командир батальона. Убит в бою в 1918 г.».

От собора спускается улица, названная именем Маленкова.

Маленков — москвич. Он был любимцем трудящихся Сокольников. Звали его Емельян Михайлович...

1 марта 1917 года к 5 часам вечера огромная масса демонстрантов собралась около Бутырской тюрьмы, требуя освобождения узников царизма. Через некоторое время прибыл летучий отряд из рабочих, солдат и студентов. Охрана тюрьмы попыталась оказать сопротивление, но оно было быстро сломлено. Ворвавшиеся в «Бутырки» пошли по камерам, освобождая политических заключенных.

Неясный шум, затем громкие голоса заставили Емельяна броситься к двери. Лязг засова, и перед ним выросла фигура незнакомого человека: «Товарищ, вы свободны!»

Еще не веря, он вышел из карцера. Тюремные коридоры заполнили теперь уже бывшие заключенные и их освободители. Крепкие рукопожатия, объятия, поцелуи. Многие не могли сдержать слез радости. Некоторые заключенные так ослабли, что товарищам приходилось их поддерживать.

[1] Автор очерка А. Н. Пономарев.

В тюремной зале собралось около 350 политзаключенных. Многие были в кандалах. Их тут же сбивали.

Вместе с Ф. Э. Дзержинским, Я. Э. Рудзутаком [1], К. В. Островитяновым [2] и другими товарищами Емельян прямо в арестантской одежде забрался в автомобиль. И вот несколько грузовиков, в которых разместились многие из освобожденных, двинулись через живой коридор ликующего народа к Воскресенской площади (ныне площадь Революции), к зданию городской думы. Там уже шло первое заседание Московского Совета рабочих депутатов.

Появление бывших каторжан вызвало овацию. С яркой и взволнованной речью, с призывом продолжать борьбу выступил Дзержинский. Вслед за ним Рудзутак выразил уверенность в полном успехе революции.

Поздно вечером Емельян добрался до квартиры своих родных. И вновь горячие объятия, радостные слезы.

— Я же говорил тебе, мама, что не пропаду!— обнимая мать, твердил взволнованный Емельян.

Весь день 2 марта Емельян находился в самой гуще событий: участвовал в работе комиссии по освобождению арестованных в Бутырской тюрьме; побывал в думе, где велись оживленные прения между сторонниками различных партий о путях создания новой власти; выступал на митингах.

С особым нетерпением ехал он на завод Вартце и Мак-Гилля. Вот и Красносельская улица, такие знакомые заводские ворота! С тревогой думал: помнят ли его? Кто из товарищей остался на заводе? Как встретят?

Оказалось, что его помнили. Он увидел немало знакомых лиц.

— Маленков! Емельян! Омелько!

Его окружили плотным кольцом. Крепкие руки подхватили, подняли вверх и долго не опускали на землю. От волнения у него сел голос.

...Прошло несколько минут, прежде чем он смог начать говорить. Тут же созрело решение вернуться слесарем на завод.

600 большевиков Москвы, вышедших из подполья, объезжали заводы и фабрики, устраивали митинги и собрания, на которых разъясняли Программу партии, призывали рабочих вступать в ее ряды.

[1] Рудзутак Я. Э. (1887—1938) — участник борьбы за установление Советской власти в Москве, советский государственный и партийный деятель. Член КПСС с 1905 года.

[2] Островитянов К. В. (1892—1969) — участник борьбы за Советскую власть в Москве, академик АН СССР, советский экономист. Член КПСС с 1914 года. В Октябрьские дни — секретарь Замоскворецкого ВРК.

К числу коммунистов, на чьи плечи легла основная тяжесть работы по созданию новых и восстановлению старых организаций, принадлежал и Маленков.

Со скрежетом зубовным, но внешне очень любезно отнеслась администрация завода Вартце к просьбе Емельяна о зачислении его слесарем. Немало было высказано при этом сочувственных и льстивых слов в адрес «борца за свободу народа». Чтобы задобрить авторитетного рабочего, ему предложили даже должность мастера. Но Емельян решительно отказался.

Опасения администрации сбылись. Уже через несколько дней сравнительно небольшая (около 20 партийцев), но дружная и боеспособная заводская большевистская ячейка начала энергично действовать. Во всех начинаниях и мероприятиях, проводимых в те дни большевиками Сокольников, металлисты завода Вартце принимали самое активное участие.

Секретарь Сокольнического райкома партии С. А. Бродская [1] писала позднее: «Одним из лучших заводов был завод Вартце и Мак-Гилля, во главе большевиков которого стоял Емельян Маленков. Своей кипучей энергией и железной волей он завоевал доверие и любовь всех рабочих. Завод с первых же дней стал большевистским».

Московский комитет РСДРП(б) призвал рабочих Москвы сплачиваться в профсоюзы, чтобы силе буржуазии противопоставить пролетарскую организованность. 7 марта был восстановлен крупнейший в Москве профсоюз металлистов. Поскольку союзы создавались тогда по профессиям, для координации их деятельности на предприятиях стали создаваться фабзавкомы.

В начале марта фабзавком был создан и на заводе Вартце. Председателем единодушно избрали Емельяна Маленкова. Под его руководством фабзавком уже в марте — апреле осуществлял рабочий контроль над производством и распределением: занимался вопросами расценок и зарплаты, приемом и увольнением рабочих, снабжением их продуктами. Одними из первых в районе ввели 8-часовой рабочий день металлисты Вартце. Фабзавком становился подлинным хозяином на предприятии.

В дни празднования 1 Мая, когда рабочие России впервые легально вышли на демонстрацию, в колонне сокольнического пролетариата находились почти все рабочие завода Вартце. Активное участие приняли они и в сборе средств на

[1] Бродская С. А. (1887—1967) — деятельница российского революционного движения, участница Октябрьского вооруженного восстания в Москве. Член КПСС с 1909 года.

типографию для издания печатного органа московских большевиков — газеты «Социал-демократ».

Одними из первых большевики Сокольников приступили к организации Красной гвардии. Райком возложил эту работу на специальную тройку: Е. Маленкова, А. Журавлева и Г. Максимова. Решено было выделить все партийные взносы (около 300 рублей) на приобретение оружия. Примерно столько же собрали от рабочих во время первомайской демонстрации. Маленкову, Журавлеву и Максимову с помощью товарищей удалось купить у частных лиц несколько револьверов. Позже приобрели восемь винтовок. Можно было приступать к обучению красногвардейцев. И начались практические занятия.

...Заседание завкома завода Вартце длилось недолго. Открыл его Маленков.

— Товарищи! Чтобы защитить интересы революции, двинуть ее дальше, нам нужно иметь свою вооруженную силу. Такой силой может стать только Красная гвардия. Временное правительство пытается натравить солдат на рабочих, лживо утверждая, что создание Красной гвардии — это жест недоверия к армии. Но это клевета. Красная гвардия — не враг, а друг солдату, тому же рабочему и крестьянину, только одетому в солдатскую шинель.— Емельян помолчал.— Предлагаю товарищам записываться в наш заводской красногвардейский отряд.— И он, взяв лист бумаги, поставил свою подпись. Вслед за ним стали записываться коммунисты, а затем и многие беспартийные рабочие.

Вскоре отряд вырос почти до ста человек. Это означало, что почти каждый пятый рабочий завода стал красногвардейцем.

Необходимо было сосредоточить всю работу по созданию отрядов, по обучению красногвардейцев в каком-либо одном месте. Выбор пал на Сокольнические вагонные мастерские. Маленков, Журавлев и Максимов работали в тесном контакте с большевиками мастерских. Учитывая малочисленность партийных сил на других предприятиях, решено было самостоятельные отряды там не создавать, а всем желающим обучаться военному делу влиться в единый Сокольнический красногвардейский отряд. Численность этого отряда уже в июне превысила 300 человек.

Емельян не пропускал ни одного занятия и вскоре сам стал неплохим инструктором.

Особое значение на этом этапе борьбы за массы Московский комитет РСДРП(б) придавал агитационной работе в воинских частях. По рекомендации Военной организации МК

на местах стали создавать специальные группы по работе среди солдат. Одну из таких групп по поручению райкома возглавили Е. М. Маленков и Ф. Д. Медведь. Выступать в роте или батарее в присутствии офицеров, несмотря на растущее недовольство солдатских масс продолжавшейся войной, было намного сложнее, чем в заводской или фабричной аудитории. Большевистским агитаторам приходилось проявлять максимум осторожности и гибкости при выступлениях в запасных частях, состав которых беспрерывно менялся, пополнялся в основном писарями, работниками интендантских служб, а значит, выходцами в основном из зажиточных слоев, разделявшими меньшевистско-эсеровские взгляды.

Чем напряженнее становилась обстановка, тем больше забот ложилось на плечи Маленкова. Помимо того что он являлся членом завкома, принимал активное участие в работе большевистской фракции районного Совета, он был избран в Московский Совет рабочих депутатов, входил в состав Исполкома Моссовета. А 25 июня вместе с такими видными большевиками Москвы, как М. С. Ольминский, И. И. Скворцов-Степанов, И. Ф. Арманд, Г. А. Усиевич, В. Н. Подбельский, П. К. Штернберг, Емельян Маленков был избран гласным городской думы.

Июльские события, как известно, круто изменили политическую обстановку в стране: двоевластие окончилось в пользу контрреволюции. На июльских событиях в Петрограде попытались нажить политический капиталец сокольнические меньшевики. 10 июля на собрании Сокольнического Совета рабочих и солдатских депутатов с докладом по текущему моменту выступил один из большевиков, в качестве его оппонента — представитель эсеров. При обсуждении докладов слово взял меньшевик Великовский. Он предъявил питерским большевикам обвинения в погромах лавок и частных квартир, в насилиях над членами Временного правительства, в провозглашении лозунга «Первая пуля Керенскому!», в связях с германским генеральным штабом и т. п. «Хулиганствующая толпа»— так высказался он об авангарде русской революции.

Присутствовавшие на заседании Маленков, Русаков и другие члены большевистской фракции попытались дать отповедь разошедшемуся лакею буржуазии. Ведь такой клеветы не допустили даже правые газеты! Однако меньшевистско-эсеровское большинство Совета спешно провело решение о прекращении прений.

На другой день большевистской фракцией Совета был составлен протест и направлен в «Социал-демократ». В нем,

в частности, говорилось: «Фракция большевиков, категорически протестуя против клеветнических выпадов г. Великовского, заявляет, что такое выступление от имени партии меньшевиков кладет в глазах сознательного пролетариата позорное пятно политического бесчестия на всю эту партию».

Публикация этого и других документов на страницах газеты, расходившейся по многим районам страны, имела большое значение в разоблачении перед массами истинной сущности соглашательских партий.

В сложившихся условиях большевистская партия изменила тактику. Вновь пригодился Емельяну Маленкову и его товарищам опыт сочетания легальной и нелегальной работы, умение парировать перед многоликой аудиторией выпады противников. А первое время после июльских событий даже на таких крупных предприятиях, как Сокольнический трамвайный парк, выступать было нелегко.

Емельян Михайлович не производил впечатления сильного оратора. Небольшого роста, одетый более чем скромно, своей нестройной, «простецкой» речью он как бы притуплял бдительность противников. Не настораживало их и оживление, которое вызывало у слушателей появление Маленкова на трибуне. Но горькое отрезвление наступало быстро.

«Отрывистая, плохо скроенная речь в обыденном разговоре,— вспоминал И. В. Русаков,— не давала повода подозревать в товарище Маленкове талантливого оратора-самородка. Между тем перед рабочей аудиторией он весь преображался, перед нею он был пламенный агитатор, который огнем своей речи сжигал сердца... Звучавшая в словах его непоколебимая пламенная вера в силы рабочего класса говорила больше и звучала убедительней для слушателей, чем логические доводы, холодные цифровые расчеты его оппонентов — умников-меньшевиков. Последние должны были уступать ему поле словесной битвы».

Всероссийская контрреволюция, не добившись своей окончательной цели в период 3—5 июля, судорожно искала пути и средства для подавления революции. Центром сосредоточения своих сил она избрала Москву. Английский посол в России Бьюкенен в приветствии московскому городскому голове эсеру Рудневу писал 13 июля: «... во время острого кризиса, переживаемого в настоящее время Россией, все взоры обращены на старую столицу».

Откровенно высказал мечты контрреволюционной буржуазии известный капиталист Рябушинский. Выступая на торгово-промышленном съезде, состоявшемся 3—5 августа в Москве, он заявил, что власть должна мыслить буржуазно и

буржуазно действовать, что для выхода из сложившегося положения потребуется «костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных комитетов и Советов». Подобные сборища буржуазии явились практическим шагом к установлению в стране военной диктатуры. Главой ее должен был стать генерал Корнилов.

Эту же цель преследовал и созыв 12 августа в Москве так называемого Государственного совещания. Правые газеты взахлеб писали о том, что совещание будет проходить вдали от «гнилого Петрограда — язвы, заражающей Россию», а пройдет оно под флагом и идеями «московских настроений».

Совещание действительно проходило под аккомпанемент «московских настроений», но настроения эти коренным образом расходились с теми, на которые так надеялись устроители всероссийского сборища: 12 августа в городе стали все предприятия, прекратилось всякое движение — бастовало свыше 400 тысяч трудящихся Москвы и ее окрестностей.

Борьба с корниловщиной как бы подхлестнула работу по созданию вооруженных сил пролетариата. В начале сентября был организован Центральный штаб Красной гвардии. От Сокольников в него был делегирован Емельян Маленков.

Центральный штаб разработал Устав Красной гвардии и предложил ускорить организацию заводских боевых дружин, создав районные штабы Красной гвардии. Решено было также послать делегатов к рабочим Петрограда, Тулы, Сормова и других городов для установления контактов и приобретения оружия.

Трудящиеся Москвы единодушно поддержали призыв «Социал-демократа» о добровольном отчислении однодневного заработка в фонд Красной гвардии. Рабочие отряды появились теперь почти на всех предприятиях и железных дорогах. Занятия их, в том числе и стрельбы, проводились более регулярно, широко и, главное, почти открыто.

Трудно было с боеприпасами. Маленков и старый большевик В. Г. Шумкин решили обратиться за помощью к большевикам Мызораевских огневых складов, расположенных возле Мытищ. И вскоре оттуда стали поступать патроны для обучающихся стрельбе красногвардейцев Сокольнического и Железнодорожного районов.

...23 октября состоялось общее партийное собрание большевиков Сокольнического района. В рядах организации к этому времени было уже свыше 1500 коммунистов. Собрание единодушно высказалось за выступление в ближайшие дни.

24 октября на пленарном заседании московских Советов фракция большевиков огласила проект декрета № 1 и воззвание Советов «Ко всему трудящемуся населению». В нем говорилось, что московские Советы решили вмешаться в экономическую борьбу рабочих с предпринимателями, и разъяснялось, что делается это в интересах рабочих, солдат и крестьян. Воззвание призывало трудящихся быть готовыми ответить на атаку контрреволюции дружной контратакой по всему фронту. Оба документа были приняты.

На 26 октября был назначен пленум Московского Совета с участием представителей фабрично-заводских комитетов. Но о дальнейших решающих событиях Емельян узнал, находясь уже за пределами Москвы.

...Начальник Красной гвардии А. С. Ведерников вызвал к себе членов Центрального штаба, ответственных работников из районов. Одним из первых, в солдатской шинели нараспашку и военной фуражке, появился Маленков. В руках у него свежий номер «Социал-демократа». Но не успели они обменяться и несколькими словами, как принесли срочную телеграмму из Галича. Ведерников прочитал вслух:

«...Спасите ради бога... Полк превратился в банду... Телеграфу заявили строжайше: «Никому не сметь ничего передавать, иначе всех перестреляем!» Сейчас собираются пакгауз разбивать... Просим передать в Петроград... Работать невозможно, под окнами грозятся... билетную кассу разбили... Поезд № 4, воинский, ушел с совершенно пьяными пассажирами... Сидим под страхом смерти... в городе масса убитых...

Телеграфисты Иванов, Мартынцев.

Дежурный по станции Медноногов».

— Емельян Михайлович,— обратился к Маленкову Ведерников,— времени на проверку фактов и выяснение подробностей нет, а товарищам из Галича помочь необходимо как можно быстрее. У вас крепкие связи с железнодорожниками. Берите несколько солдат из «Военки»— с Варенцовой я договорюсь,— кого хотите из района и выезжайте. Если нужна будет дополнительная помощь — телеграфируйте.

Только через трое суток Емельян вернулся в Москву — наступило утро 28 октября. Не заходя домой, направился в райком партии. Там было полно народу. Товарищи встретили его радостными возгласами, перебивая и дополняя друг друга, рассказывали о последних московских событиях — успехах революционных сил и хитростях контрреволюции.

— Ну а в районе-то какое настроение?— поинтересовался Емельян.

— Вот резолюция районного Совета. Читай.

Емельян быстро просмотрел текст документа: «Общее собрание Сокольнического районного Совета рабочих депутатов совместно с представителями фабрично-заводских комитетов, полковых частей... постановило: приветствовать революционную армию и пролетариат Петрограда в борьбе, поднятой ими против врагов революции — Временного правительства и поддерживающих это правительство капиталистов, помещиков и всех их прислужников. Призывает весь пролетариат и беднейшее население Сокольнического района сомкнуть свои ряды вокруг Московского Военно-революционного комитета... быть готовыми отдать все силы, не щадя жизни, за доведение борьбы до конца, до победы над врагами революции. Долой дезертиров революции! Все в строй, все в боевой порядок! Да здравствует власть Советов!»

Вскоре появился И. В. Русаков, только что побывавший в штабе восстания — в здании Моссовета. Ему уже сообщили о прибытии Маленкова. Он крепко пожал ему руку и сразу же:

— Товарищи, есть предложение кооптировать Емельяна Михайловича в состав ревкома и поручить ему сформировать и возглавить отряд для оказания помощи пресненским товарищам. У них сейчас жарко. Белогвардейцы захватили Кудринскую площадь, пытаются там закрепиться. Неясен вопрос и с Александровским вокзалом. Емельян Михайлович, отберите человек сто пятьдесят — двести, вооружите их тем, чем мы располагаем, и готовьтесь к выступлению... Учти — «трехлинеек» у нас очень мало, в основном берданки и револьверы. Сейчас товарищи из Железнодорожного района ищут на складах и в составах на путях оружие. Может, что-нибудь подбросят. В помощь тебе выделяется Пресняков. Ты его знаешь, товарищ он надежный.

Минут через 30—40 Маленков и П. Г. Пресняков подъехали к вагоноремонтным мастерским. Сюда непрерывным потоком прибывали красногвардейцы, представители революционных воинских частей. Здесь же находились пункты питания, формировались санитарные летучки, патрули для охраны района. Часа через три первый отряд сокольнических красногвардейцев был сформирован. В состав его вошло около ста человек — для остальных пока не было оружия.

Из воспоминаний Л. И. Лозовского:

«В те памятные дни я впервые получил в руки винтовку, и эту винтовку вручил мне Е. М. Маленков. Хорошо помню, как, вооружившись в просторном цехе мастерских, мы вышли на улицу. Здесь нас ждали два трамвайных вагона. Маленков построил красногвардейцев и коротко рассказал о за-

даче, поставленной перед отрядом. Трамвай довез нас только до Орликова переулка. Отсюда походной колонной мы двинулись по Садово-Сухаревской улице. Впереди колонны быстро шагал Маленков. Он был единственным среди нас в военной форме. Все остальные выглядели очень живописно. Те, кому удалось раздобыть патронташи и солдатские ремни, одели их поверх пальто и курток. На головах преобладали кепки. Несколько пожилых рабочих шли в черных фетровых шляпах.

Рядом со мной шагал близкий друг Маленкова — рабочий-металлист, член Сокольнического ревкома Пресняков...

Мы мирно беседовали с ним, когда неожиданно раздались винтовочные выстрелы. Пули с визгом рикошетировали от булыжной мостовой. Стрельба велась с чердака высокого здания. Наша колонна стремительно рассыпалась по палисадникам и подворотням. Несколько человек по приказанию Маленкова бросились в парадное, чтобы проникнуть на чердак и снять белогвардейскую засаду. Однако обнаружить стрелявших не удалось: они успели скрыться.

Дальнейший путь до Кудринской площади был пройден без чрезвычайных происшествий.

Перед нашим отрядом была поставлена задача оборонять довольно обширный участок Пресненского района.

Главные силы своего отряда Маленков сосредоточил около Кудринской площади. Затем он сам возглавил оборону. Небольшая часть отряда во главе с Пресняковым заняла позиции неподалеку от Горбатого моста. В нескольких саженях от перекрестка Горбатого переулка и Продольной улицы мы по указанию Маленкова выкопали окоп и построили баррикаду из ящиков и бочек, наполненных землей и булыжниками. В конце Продольной улицы находилась Новинская тюрьма, окруженная высокой каменной стеной.

К вечеру юнкера обнаружили нашу баррикаду и открыли по ней оружейный огонь. Мы отвечали тем же. Перестрелка затянулась до темноты. На подступах к тюрьме зажглись газовые фонари. Пробравшись дворами вперед, мы открыли огонь по фонарям. Улица погрузилась во мрак. Юнкера, боясь окружения, ушли. На рассвете к нам пришел Маленков в сопровождении нескольких красногвардейцев. Они принесли хлеб и консервы»[1].

Сокольнический отряд занял позиции в тот момент, когда белогвардейцы только что были выбиты с Кудринской пло-

[1] Рукописный фонд Института истории партии МГК и МК КПСС, д. Е. М. Маленкова.

щади и яростно пытались вернуть утраченное. Однако как здесь, так и на других участках боев наметился перелом. Силы революции непрерывно росли. На ее стороне была почти вся артиллерия, в полном достатке получавшая снаряды с Мызораевского склада.

И тогда белогвардейцы запросили перемирия.

Сокольнические красногвардейцы, возмущенные переговорами, требовали самых решительных действий. Маленков, в душе целиком соглашаясь с товарищами, успокаивал их, говорил, что с приказами командования следует считаться. Однако на заседании Сокольнического ревкома, куда он прибыл, воспользовавшись временным прекращением боевых действий, Емельян Михайлович резко критиковал ВРК. Ревком Сокольников, как и ревкомы других районов Москвы, потребовал немедленного прекращения переговоров. Боевые действия возобновились с новой силой.

К этому времени проблема вооружения была решена. В ночь на 28-е осмотрщик вагонов М. Маркин обнаружил в одном из тупиков Московско-Казанской железной дороги состав с оружием — около 40 тысяч винтовок. Оружие срочно раздали по районам. Несколько тысяч винтовок получили красногвардейцы и солдаты Сокольнического района.

Первая партия винтовок вызвала горячие споры среди красногвардейцев — все претендовали на них. Решили, однако, вооружить солдат, а затем рабочих, умеющих хорошо стрелять. Представители заводов и фабрик осаждали райком. Но Бродская была неумолима. Она села на ящики с винтовками и заявила, что не сойдет с места до тех пор, пока не получат оружия те, кто умеет с ним обращаться. Лишь после того, как прибыла новая партия винтовок, рабочие успокоились. За семь дней боев Сокольники направили в распоряжение Московского ВРК несколько тысяч вооруженных бойцов.

30—31 октября бои в Москве приобрели наиболее ожесточенный характер. Отряду Маленкова было поручено в эти дни предотвратить возможность прорыва юнкеров к вокзалу и одновременно обеспечивать фланг и тыл пресненских красногвардейцев.

Сначала Емельян отдал приказ сосредоточить свой отряд на Кудринской площади, у Вдовьего дома — мощного каменного здания. Это была очень удобная позиция, миновать которую юнкера, пробиваясь к вокзалу, не могли. Однако после того, как в ход была пущена артиллерия и начался усиленный артиллерийский, пулеметный и ружейный обстрел, оставаться на старой позиции было небезопасно: свои же снаряды пролетали вблизи от дома. К тому же здание представ-

ляло отличную цель для обстрела со стороны белогвардейцев. Руководствуясь этими соображениями, а также стремясь взять под свой контроль более обширный участок территории, Емельян распорядился выдвинуть отряд вперед, к Поварской улице. Были вырыты окопы и траншеи. И оказалось, своевременно. Белогвардейцы, обеспокоенные продвижением революционных войск по направлению к Никитским воротам, которые прикрывали подступы к Александровскому юнкерскому училищу, одному из наиболее важных опорных пунктов контрреволюции, направили туда подкрепления. Несколько раз пытались они прорваться через линию обороны сокольнических красногвардейцев, но безуспешно...

Утром 3 ноября в отряд Маленкова поступил приказ Военно-революционного комитета. Емельян Михайлович торжественно зачитал его перед строем красногвардейцев:

— «Революционные войска победили, юнкера и белая гвардия сдают оружие...»

Год спустя после этих потрясших весь мир событий, в октябре 1918 года, на объединенном заседании Сокольнического райкома партии и районного Совета, посвященном памяти Е. М. Маленкова, замечательный московский большевик Иван Васильевич Русаков говорил о своем друге:

— Плоть от плоти, кровь от крови рабочего класса... он является ярким воплощением всей той революционной энергии, на которую только способен пролетариат... С самого начала он примкнул к знамени большевизма, коему ни на одну секунду не изменял до конца своей жизни... Самая гуща пролетарской массы была его стихией. Вне самого близкого, тесного общения с нею чувствовал он себя как без воздуха. Любил он жизнь завода с его стуком молотов, с его пламенем раскаленного металла, лязгом железа...

Казалось, сила, решимость, непреклонная воля... в нем нашли свое олицетворение. Он — та могучая рука пролетариата, которой предназначено добиться освобождения от гнета, нищеты и рабства.

* *
*

Михаил Степанович НИКОЛАЕВ

Николаев М. С. (1878—1956 гг.),
участник революционного движения.
Член КПСС с 1903 г.
Рабочий-слесарь.
Работал на заводе «Динамо» (с 1903 г.),
где создал большевистскую группу.
Во время Декабрьского вооруженного
восстания 1905 г.—
начальник боевой
дружины фабрики Шмита на Пресне.
В Октябрьские дни 1917 г.
выполнял задания МВРК.
Затем — в ВЧК, на хозяйственной работе.
В 1934 г. М. С. Николаеву
присвоено звание Героя Труда.

Михаил Степанович
НИКОЛАЕВ

...Борьбу мы будем вести до последнего дыхания [1]

...Почти девять лет провел Михаил Степанович в ссылке. И каких лет! Каких трудов! Где только не пришлось ему горбить спину за эти годы, чтобы прокормить семью, последовавшую за ним в Сибирь. Заготавливал дрова в гольцах Тутуры, раскорчевывал землю под пашню в Макарове, работал на строительстве железной дороги, кайлил на приисках Бодайбо, кочегарил на пароходах, плавающих по Лене. Лишь значительно позже удалось обосноваться в самом Иркутске и устроиться слесарем у кустаря. Где мог — с правдивым большевистским словом обращался к товарищам по труду. Но можно ли сделать многое, если ты поднадзорный ссыльный, если тебе постоянно приходится кочевать в поисках заработка?..

Но вот подошел март 1917 года. Наступила бурная сибирская весна. Стремительные ручейки стали буравить смерзшиеся сугробы, подтачивать ангарский лед. Не сегодня завтра вскроется Ангара. В людских сердцах тоже весна — страна тронулась, двинулась новым руслом, новыми берегами. Революция! Освобождают каторжан из Иркутской тюрьмы, из Александровского централа. На самой большой площади города — грандиозная демонстрация. А на перроне Иркутского вокзала готовится к отправлению поезд на Москву. Необыкновенный поезд, поезд свободы. Его предоставил Всероссийский земский союз для вчерашних политических каторжан и ссыльных, возвращающихся в Центральную Россию. Среди пассажиров поезда — Михаил Николаев с женой и двумя детьми — Александром, которому минуло 17 лет, и совсем еще девчушечкой — Кланей, родившейся в ссылке.

Серебряные нити появились в кудрявой шевелюре Михаила Степановича, но энергии, жизнерадостности не убавили эти трудные годы. А теперь, когда над многострадальной Россией занялась заря свободы, он ощущал необыкновенный прилив сил и неукротимое желание включиться в настоящую большую работу — так много предстоит сделать большевикам, так многого ждет от них трудовая Россия. И рядом с ним сын, не только сын — верный товарищ Михаила Николаева во всех его трудах, заботах, надеждах. Он был до конца уверен в своем Александре. И эту уверенность оправдали все последующие десятилетия. Уже в 1918 году Александр станет членом большевистской партии. Партийная молодость

[1] Из книги: *Виноградов С.* Командир боевой дружины. М., 1986.

бросит его на кронштадтский лед; пошлет на ликвидацию антоновщины, в частях особого назначения он пройдет гражданскую войну. А потом будут партийная работа, чекистские дни и ночи, Отечественная война.

А сейчас — поезд свободы.

Такого поезда еще не встречала и не провожала сибирская земля.

На всех значительных станциях его ожидали представители революционных организаций со знаменами, музыкой, речами. В речах звучало: «Недаром принесены жертвы: искры борьбы разгорелись в могучее пламя. Ваши силы, товарищи, нужны стране. Она ждет вас!»

Пассажиры поезда свободы произносили ответные речи. Не раз Михаил Степанович с подножки вагона бросал встречавшим: «Не почивать на лаврах, не отдыхать возвращаемся мы в родные края, а для революционной борьбы. И эту борьбу мы будем вести до последнего дыхания».

В Москву поезд прибыл в первых числах апреля.

Наскоро пристроив семью на Пресне, Николаев направился в МК.

— Давай в Бутырский район,— порекомендовали ему.

Там он устроился на завод «Дукс».

С первых дней после возвращения Михаил Степанович весь отдался активной партийной работе. Главной формой такой работы в тот момент были выступления на бесконечных митингах, повсюду клокотавших в Москве. Умения выступать на таких митингах Николаеву не занимать. И потому выступать ему приходилось очень часто — и у себя на заводе, и в Брестских мастерских, и на «Прохоровке», и на других предприятиях, и на уличных массовках. Острых тем было предостаточно — о войне и мире, об отношении к Временному правительству, о контроле над производством. Выступать было совсем не просто. Опьяненные в те весенние дни победой над ненавистным царизмом, массы в большинстве своем шли за меньшевиками и эсерами. И как вспоминал М. С. Николаев, на митингах «забрасывали иногда нас гнилыми фруктами, тухлыми яйцами, старались стащить с трибун, выносили решения требовать увольнения с предприятий большевиков».

В мае в Москве развернулась широкая кампания по выборам в Московскую городскую думу — первые выборы после Февральской революции. Большевики, как известно, выступали на них со своим списком кандидатов, списком № 5, отвергнув всякие компромиссы с меньшевиками и эсерами. 4 мая 1917 года МК большевиков принял свою муниципаль-

ную платформу. Она содержала не только коммунальные требования. Она давала ответы на коренные вопросы, которые поставила революция. В платформе три главных пункта: никакой поддержки империалистической войне, никакой поддержки правительству капиталистов, замена полиции всенародной милицией.

Коллектив рабочих завода «Дукс» своим кандидатом в городскую думу назвал Михаила Николаева.

Как приходилось действовать большевикам в думе, нам дает представление рассказ Николаева:

«При таком соотношении сил — 23 почти на 200 — понятно, что шансов на принятие думой предложений большевистской фракции было чуть-чуть, верней, не было, и фракция повела линию на постановку к обсуждению думой таких вопросов, которые ярче показывали бы истинное лицо эсеро-меньшевистского большинства думы как обманщиков народа, пославшего в думу их своими представителями. В частности, вносились предложения учета и конфискации всех доходных владений церквей, монастырей и использования их имущества для школ, больниц, об отношении думы к введению Временным правительством смертной казни для солдат... о принятии мер к разрешению жилищного кризиса и т. д.

Ну понятно, возвращаясь с думских заседаний на свои предприятия и куда пошлют тебя... старались довести до сознания доверителей предательскую роль их избранников».

Большевистскую фракцию думы возглавлял И. И. Скворцов-Степанов, среди ее членов были И. Ф. Арманд, П. Г. Смидович. Большевики-гласные (так именовались депутаты думы) устраивали свои собрания не только в думе. И в других местах собиралась фракция, чтобы рассмотреть важнейшие вопросы жизни страны и города. Все это оказалось совсем неплохой школой и для М. С. Николаева, и для других большевиков, которым вскоре предстояло взять в свои собственные руки власть, а следовательно, управление хозяйством, руководство жизнью такого большого города, как Москва.

В августе 1917 года Михаил Степанович переезжает на станцию Подлипки, близ Мытищ. Переселение не было случайным. Здесь — недостроенный завод военных самоходов английского акционерного общества «Бекос». Он занимается авторемонтными работами. Готовясь к вооруженному восстанию, московские большевики расставляли свои надежные кадры по таким пунктам, которым предстояло сыграть существенную роль в борьбе за власть. Считать своей опорой коллектив завода «Бекос» у московских большевиков были основания. Он не раз демонстрировал свою политическую

сознательность и организованность. В ответ на призыв Центрального Комитета РСДРП(б) рабочие завода объявили в день открытия так называемого Государственного совещания забастовку протеста. 11 сентября общее собрание коллектива приняло резолюцию с требованиями установления демократической республики, отмены частной собственности на землю, введения рабочего контроля над производством, вооружения рабочих и организации Красной гвардии, прекращения репрессий, направленных против рабочего класса, осуществления права наций на самоопределение.

На заводе М. С. Николаев стал одним из руководителей комиссии, контролирующей производство, заместителем председателя союза металлистов района, выполнял и другие партийные и общественные обязанности.

Горячие дни наступили для Михаила Степановича в период подготовки вооруженного восстания. Как пригодился здесь ему опыт 1905 года! В преддверии предстоящих решающих схваток на заводе было отремонтировано 30 грузовых автомашин. Они принадлежали военному ведомству, и их нужно было немедленно отправить на фронт. Ведомство слало одно предписание за другим, посылало приемщиков за приемщиками. Но у Николаева и его товарищей на заводе было другое предписание — распоряжение члена ВРК Мытищ большевика Федора Сергеевича Шалина.

Да, это был тот самый Федор Шалин с вагоностроительного, что в 1905 году выступал на массовках, создавал дружину, сражался в декабре на баррикадах Пресни, был ранен. После поражения Декабрьского вооруженного восстания Шалин стал профессиональным революционером. По поручению «окружки» он занимался пропагандистской деятельностью. Работал под чужим именем в Сокольнических вагоноремонтных мастерских, вел работу в местной партийной большевистской ячейке. Как и Николаев, Федор Сергеевич познал заключение в Бутырской тюрьме, побывал в ссылке на Вологодчине. По окончании ссылки был призван в армию, где находился под гласным надзором. В 1917 году, после Февральской революции, Федор Сергеевич вернулся в Мытищи, был избран депутатом Моссовета. Как инструктор Мытищинского Совета, он вел агитацию среди солдат Московского гарнизона, организовывал отряды Красной гвардии.

Когда в Мытищах стало известно о начале вооруженного восстания, Шалин был избран членом Мытищинского ВРК. Вот тогда-то он и отдал распоряжение на завод «Бекос» Николаеву: подготовить машины, подобрать шоферов и ждать особого распоряжения. Все это понадобится Московскому

Военно-революционному комитету. Совсем неподалеку от Подлипок, рядом со станцией Лосиноостровская, находился Мызораевский огневой склад (ныне это территория Бабушкинского района Москвы). Солдаты Мызораевского 8-тысячного гарнизона — на стороне большевиков. Ими руководит свой большевистский ВРК. Они не пропускают в Москву военные грузы, предназначенные для контрреволюции, конфискуют их для революционных целей.

...28 октября (10 ноября) 1917 года отряды Красной гвардии в Москве переходят в решительное наступление на контрреволюцию.

Федор Шалин звонит из Мытищ Николаеву:

— Пора! Даешь машины в Совет!

«Началось»,— понимает Михаил Степанович. По его команде машины одна за другой отправлялись в Мытищи. И завертелась бешеная карусель. Машины — в Мытищи, оттуда — в Мызораевский огневой склад. Там быстренько загружают их, загружают до отказа, артиллерийскими снарядами, гранатами, патронами. Еще ухитряются втиснуться солдаты со своими трехлинейками. И в Москву. В ВРК, в районных штабах оружие передается красногвардейцам. Автомобили возвращаются в мызу Раево за новой партией оружия. Машины все время нуждаются в ремонте — их часто обстреливают на улицах Москвы, тогда — в Подлипки, на завод, для срочного ремонта.

На «Бекосе» организованы для этого специальные бригады ремонтников. Они дежурят день и ночь. На улице то снег, то дождь. И прямо под открытым небом, при свете тусклых фонарей делается все, чтобы грузовики снова двинулись по своему маршруту.

Такая круговерть длилась почти пять суток.

Кончился бензин. Николаев со своими помощниками обыскивает окрестности. В селе Богородском находят склад горючего и конфискуют его.

Так продолжалось до 3(16) ноября, когда красногвардейцы взяли Кремль — последний оплот контрреволюции. В тот же день Московский ВРК обратился ко всем гражданам Москвы с манифестом, возвещавшим о победе Советской власти: «...русскому рабочему классу выпала великая честь первому низвергнуть господство буржуазии. Впервые в истории трудящиеся классы взяли власть в свои руки, своей кровью завоевав свободу. Эту свободу они не выпустят из своих рук. Вооруженный народ стоит на страже революции».

Можно себе представить, что испытывал Михаил Степанович, читая этот манифест. С декабрьских баррикад

1905 года, через тюрьмы, через мучительные испытания многолетней ссылкой пришел он к этому дню, когда Петроград и Москва, а за ними вся Россия становились по-настоящему свободными, и власть — подлинно народной, рабоче-крестьянской властью.

Но, как и всегда на воле, а теперь особенно, времени для размышлений о прошлом не было. Все поглощало настоящее. Хватало дел в районе и на заводе. Еще и полугода не проработал здесь, а все стало близким, родным, нужным; заботы о настоящем и будущем завода стали его заботами. Но однажды (это был январь 1918 года) его вызвала к себе Инесса Федоровна Арманд, в то время председатель Московского губсовнархоза.

Встретились дружески бывшие члены большевистской фракции Московской городской думы. В последний раз они виделись в августе 1917 года, на совещании своей фракции в канун корниловщины. Сколько же воды утекло за эти четыре-пять месяцев!

— Вот что, голубчик мой, Михаил свет Степанович,— сказала Инесса Федоровна.— В Москве у нас городская Советская власть более или менее налаживается, а Московский уезд в этом деле только-только становится на ноги. Формируем сейчас аппарат уездного Совета, и тебе придется там потрудиться.

— Что ты, товарищ Инесса,— взмолился Николаев,— зачем мне этот самый аппарат! У меня на заводе живое дело, забот хватает, машины ремонтируем. Да какие машины! У другой ни колес, ни мотора живого нет. А на ноги ставить надо.

— Я знаю, что у вас там на заводе делается. Но и уездный Совет нам нужен толковый, работящий; в уезде давно пора порядок наводить. А что касается тебя, то это мнение губкома партии. Понял?

И стал Михаил Степанович в Московском уездном Совете комиссаром юстиции и председателем чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

* *
*

Виктор Павлович
НОГИН

Ногин В. П. (партийный псевдоним — Макар и др.) (1878—1924 гг.), участник Октябрьской революции в Москве. Член КПСС с 1898 г.

Родился в семье приказчика в Москве. Работал на Глуховской мануфактуре в Богородске (ныне Ногинск), затем на красильной фабрике Паля (ныне прядильно-ткацкий комбинат им. В. П. Ногина) в Петербурге. В революционном движении с 1896 г., входил в социал-демократическую группу «Рабочее знамя». В том же году арестован и сослан. Из ссылки бежал и эмигрировал в Лондон. Установил переписку с В. И. Лениным, с которым встречался в Мюнхене. В 1901 г. в Россию вернулся агентом ленинской «Искры»: работал в Москве и Петербурге. Входил в Организационный комитет по подготовке

II съезда РСДРП. В 1906 г.— член Московского комитета РСДРП, ответственный партийный организатор Рогожского района, один из руководителей профессионального движения. Делегат V (Лондонского) съезда РСДРП (1907 г.), на котором избран членом ЦК.
За участие в революционном движении Ногин неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В Верхоянске написал книгу «На полюсе холода», получившую высокую оценку М. Горького. В годы реакции проявлял примиренчество по отношению к ликвидаторам, в годы первой мировой войны — к меньшевикам-оборонцам. С 1916 г.— в Москве, вошел в состав Московского областного бюро ЦК РСДРП.
В 1917 г., в период от Февраля к Октябрю, Ногин — член Президиума Исполкома Московского Совета рабочих депутатов, в сентябре — председатель Моссовета, член МК РСДРП(б). Член ВЦИК 1-го созыва. Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б), на которых избирался членом ЦК партии. В дни Октябрьского вооруженного восстания — член Московского Военно-революционного комитета. Делегат II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. В первом составе Советского правительства — народный комиссар по делам торговли и промышленности.
В политической работе Ногин допускал кратковременные ошибки и колебания. Своевременная принципиальная критика со стороны В. И. Ленина, преданность делу революции помогли Ногину быстро исправить ошибки. С 1918 г.— на ответственной государственной и хозяйственной работе. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

* * *

Вне партии ничто не имело для него смысла [1]

Возвратились из ссылки товарищи. Они митинговали на заводах, в полках, на площадях — Емельян Ярославский, Осип Пятницкий, Михаил Владимирский, Павел Штернберг, Алексей Ведерников. У поляков и литовцев, эвакуированных на годы войны в Москву, выступал Феликс Дзержинский...

Волнами пошли в Москве конференции: городская, окружная, областная — большевики искали таких форм деятельности, которые бы лучше отвечали требованиям момента. 1-я городская конференция большевиков открылась утром 3 апреля. Четыреста делегатов от 6 тысяч членов партии впервые за все годы заседали легально. Свобода казалась полной: говорили без всякой оглядки на пристава или околоточного. Охранка была разгромлена, многие полицейские участки сожжены. Кое-кому казалось, что теперь достаточно

[1] Из книги: *Архангельский А.* Ногин. М., 1964.

контролировать каждый шаг Временного правительства, чтобы оно не допускало злоупотреблений, и все пойдет отлично. Другие предлагали «давить» на Временное правительство. И кто-то наивно полагал, что с таким «давлением» и контролем удастся дотянуть до Учредительного собрания. А уж оно-то, несомненно, передаст власть восставшему народу.

— На мой взгляд, все это иллюзии, Емельян Михайлович,— говорил Ногин Ярославскому.— Трудно разбираться без Ильича, скорей бы уж он приехал!

И, словно отвечая этой мысли Виктора Павловича, вышел к трибуне громкоголосый Иван Иванович Скворцов-Степанов и сказал такое, от чего перехватило дух:

— Только что получено радостное сообщение, товарищи! Сегодня вечером прибывает в революционный Петроград Владимир...

Ему не дали закончить фразу. Гулом оваций ответил зал. «Да здравствует Ленин! Ленин! Ле-нин!» — неслось под сводами. Все ждали этого момента, и он наступил.

А через два дня все встало на место, как только Владимир Ильич провозгласил с броневика у Финляндского вокзала великий лозунг эпохи: «Да здравствует социалистическая революция!» — и произнес 4 апреля в Таврическом дворце речь, в которой были изложены его знаменитые Апрельские тезисы.

Виктор Павлович выступал в эти дни на огромном митинге солдат, столпившихся кольцом на песчаном плацу Ходынского поля. Ему хотелось сказать мужикам и рабочим в солдатских шинелях как можно проще, какую правду несут большевики народу в эти первые дни весны.

Он стоял на пустых ящиках из-под патронов, держал в руке скомканную шляпу и пытливо вглядывался в жадные глаза притихшей толпы. И понимал, что все переживают нечеловеческое борение в душе, потому что вчера еще не сомневались, что надо доколачивать «ненавистного германца». А война опостылела, как короста, и нет никакого желания подставлять башку под немецкую пулю. И землица наливается весенними соками, соскучилась за долгие годы по мужицким — умным и сильным — рукам.

Этот же большевик как гвозди вколачивает в голову: войну надо кончать, она на пользу только господам из Временного правительства. Министры-капиталисты всегда будут гнать солдат на фронт, пока у них в руках власть. Зачем нам две власти? Вся сила должна быть у Советов, поскольку создают их на местах рабочие, солдаты и крестьяне — народ, хозяин своей судьбы. Вся власть Советам! Советы и заключат мир

в интересах народа, а не капиталистов. И революцию на полпути оставлять нельзя: через Советы — по всей стране, снизу доверху — добиваться перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Вот почему Ленин и говорит: «Да здравствует социалистическая революция!» Только такая революция конфискует землю у помещиков и передаст ее народу. И только такая революция откроет путь к грядущему социализму.

— Вот чего хочет Ленин. А меньшевики и эсеры из Петроградского Совета осуждают его план. Временное правительство замышляет расправу с Лениным. Не поддавайтесь на провокацию, товарищи, в наших силах предотвратить эту угрозу вождю трудящихся!

...На Всероссийской 7-й (Апрельской) конференции большевики избрали Ногина членом ЦК.

Теперь намного изменился масштаб его деятельности, и он не раз побывал на фронте.

В одних частях встречали цекиста как доброго друга. И после митинга писали домой письма: не ждите Учредительного собрания, конфискуйте землю у помещика немедленно.

В других — смотрели на Ногина как на дальнего родича, от которого пора и отвернуться. Находился очередной горлохват и начинал кричать, что большевики струсили и отступили. Прежде, мол, говорили: надо превращать войну империалистическую в войну гражданскую. А нынче до того докатились, что их устраивает мирный путь развития. И сколь еще ждать, пока укрепятся Советы и закончат войну?

Ногин не терял самообладания. Но когда крикуны пытались заткнуть ему рот, напоминал о своей жизни. И притихшие солдаты вдруг видели 50 царских тюрем, где кормил вшей и голодал этот их оратор в пенсне и порыжевшей шляпе.

— Мне бы скорей вашего хотелось видеть плоды революции. Но нельзя перегибать, когда на карту поставлена судьба социалистической России. Время работает на нас. Помогайте нам добиться полной победы в Советах, и они решат вопрос о мире. А землю не проворонье: мы призываем брать ее у помещика!

Великое расслоение шло в русской армии. И кое-где встречали Ногина в штыки. В казачьей части, неподалеку от Пскова, его стащили с трибуны.

— Катись ты отсюда, дорогой товарищ! Уж какой человек — не тебе чета, сам Плеханов! — и тот говорит, что ваш Ленин плетет бред. И чего ему не плести: германский гене-

ральный штаб мешок червонцев подкинул! Доберемся мы и до вас и поговорим по-солдатски, дай вот только германа прикончить!

...Июнь весьма был насыщен событиями в жизни Ногина. Он руководил самой крупной в стране фракцией большевиков в советских органах: в Московском Совете сторонники Ленина едва не добились перевеса. Он был в Президиуме I Всероссийского съезда Советов. 4 июня, когда Церетели заявил, что нет в России политической партии, которая во имя спасения родины могла бы взять всю полноту государственной власти, с большевистских скамей послышался громкий голос: «Есть такая партия!» Это был голос Ленина.

...Ногин находился в Петрограде, когда надо было решать сложнейший вопрос дня: являться Владимиру Ильичу на суд контрреволюции или надежно укрыться в подполье? Ногин был в тот час возле Ильича, в квартире Сергея Аллилуева на 10-й Рождественской улице:

«Ленин и Крупская там,— вспоминал Серго.— Не успели мы сесть, как вошли Ногин и В. Яковлева. Пошли разговоры о том, надо ли Владимиру Ильичу явиться и дать себя арестовать».

Никогда в жизни не переживал Ногин такой ужасной минуты, он не видел категорически точного решения. На любую жертву готов он был для Ильича. Но всякая жертва сейчас не казалась оправданной. Да и не в ней дело: запятнана партия, о Ленине говорят на всех углах, что этот германский шпион удрал к Вильгельму. «А коли он тут, почему хоронится? Видать, совесть и впрямь нечиста?» — рассуждали даже те солдаты, которые не раз заявляли о своих симпатиях большевикам. Жить с таким обвинением ее вождя партия не может. Как оправдаться перед широкими массами? Они же шарахнутся в сторону, как только утвердятся в мысли, что Ленин не желает снять с себя обвинение. Да и кто может сделать это лучше его?

«Ногин довольно робко высказался за то, что надо явиться и перед гласным судом дать бой. Ильич заметил, что никакого гласного суда не будет, Сталин добавил: «Юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге». Ленин, по всему видно, тоже против, но немного смущает его Ногин.

Как раз в это время заходит Елена Стасова. Она, волнуясь, сообщает, что в Таврическом дворце вновь пущен слух, якобы по документам архива департамента полиции Ильич — провокатор! Эти слова произвели на Ленина невероятно сильное впечатление. Нервная дрожь перекосила его лицо, и он со всей решительностью заявил, что надо ему сесть в тюрьму.

Ильич объявил это нам тоном, не допускающим возражений».

Ленин уже попрощался с Крупской:

— Может, не увидимся уж...— И они обнялись.

Но тогда заколебались товарищи. Страшной до ужаса казалась им мысль, что они видят вождя в последний раз: ведь в угаре чудовищной политической сплетни каждый дурак может пустить в него пулю. Нет, выпускать Ленина из квартиры нельзя!

Долго сидели молча. Затем обсудили всю ситуацию еще раз. И пришли к выводу: Ногин — член Президиума ЦИК от большевиков Москвы, он должен поехать вместе с Серго к другому члену Президиума — Анисимову — и договориться с ним об условиях содержания Ильича в тюрьме.

«Мы должны были добиться от него гарантий, что Ленин не будет растерзан озверевшими юнкерами,— вспоминал Серго.— Надо было добиться, чтобы Ильича посадили в Петропавловку (там гарнизон был наш), или же, если посадят в «Кресты», добиться абсолютной гарантии, что он не будет убит и предстанет перед гласным судом. В случае утвердительного ответа Анисимов под вечер на автомобиле подъезжает к условному подъезду на 8-й Рождественской, где его встречает Ленин, и оттуда везет Ильича в тюрьму, где, конечно, его прикончили бы, если бы этой величайшей, преступной глупости суждено было совершиться.

Мы с Ногиным явились в Таврический и вызвали Анисимова. Рассказали ему о решении Ильича и потребовали абсолютной гарантии. На Петропавловку он не согласился. Что касается гарантии в «Крестах», заявил, что, конечно, будут приняты все меры. Я решительно потребовал от него абсолютных гарантий (чего никто не мог дать!), пригрозив, что в случае чего-либо перебьем их всех. Анисимов был рабочий Донбасса. Мне показалось, что его самого охватывает ужас от колоссальной ответственности этого дела. Еще несколько минут, и я заявил ему: «Мы вам Ильича не дадим». Ногин тоже согласился с этим».

И словно гора упала с плеч, когда в тот же вечер Ногин узнал, что Владимир Ильич благополучно вышел из города.

Теперь надо было всей партии брать на себя защиту Ленина. И это мог сделать только съезд партии.

VI съезд открылся полулегально 26 июля 1917 года в доме № 62 по Сампсониевскому проспекту, на Выборгской стороне.

Открыл съезд Михаил Ольминский. О явке Ленина в суд сделал доклад Серго Орджоникидзе. Он заявил: партия не

может допустить, чтобы из «дела Ленина» контрреволюция сотворила второе дело Бейлиса [1]. И съезд единодушно высказался за неявку Ленина в суд. Он послал приветствие Владимиру Ильичу и избрал его почетным председателем.

Виктор Павлович Ногин — один из старейших членов партии и член Центрального Комитета — получил слово для закрытия съезда.

— Наш съезд является... первым съездом, наметившим шаги к осуществлению социализма,— сказал он.— Как бы ни была мрачна обстановка настоящего времени, она искупается величием задач, стоящих перед нами, как партией пролетариата, который должен победить и победит.

А теперь, товарищи, за работу!

Как и 10 лет назад, он теперь беспрерывно курсировал в поездах «Москва—Петроград». В Москве он выступал на митингах и предлагал резолюции, которые вытекали из решений съезда, и добивался изгнания из Московского Совета меньшевиков и эсеров. Их влияние заметно падало, так как московские рабочие и солдаты резко повернули влево — к большевикам.

В Петрограде Ногин активно работал в ЦК и во Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете.

5 августа ЦК выделил Ногина для руководства партийной работой в Московской области, а затем направил в Демократическое совещание, которое будто бы должно было решить вопрос об организации власти на демократических началах.

Совещание открылось 14 сентября. А на другой день ЦК партии получил для обсуждения два письма Владимира Ильича Ленина: «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание». Партия объявила бойкот Демократическому совещанию и снова выдвинула лозунг «Вся власть Советам — в центре и на местах!». И призвала рабочих, солдат и крестьян бороться за созыв II Всероссийского съезда Советов.

Этот лозунг был весьма оправдан: в Петрограде, в Москве и в ряде других крупных центров большевики добились победы в Советах. 19 сентября Виктор Павлович Ногин стал первым большевистским председателем Московского Совета.

Демократическое совещание не осмелилось идти на сговор с кадетами. Но не поддержало и требований партии Ленина. И выделило из своей среды Совет Российской Республики

[1] Было сфабриковано в 1911 году царским правительством и черносотенцами против еврея М. Бейлиса, обвиненного в убийстве русского мальчика якобы в ритуальных целях; использовалось черносотенцами для наступления на демократические силы.

(предпарламент), который мог быть только совещательным органом при Временном правительстве.

21 сентября в ЦК обсуждался вопрос: как быть с этим эсеро-меньшевистским детищем? Оставаться в нем или выходить из него? Голоса разделились почти поровну. ЦК обратился к большевистской фракции Демократического совещания. За участие в предпарламенте высказалось 77 человек, среди которых был и Ногин, 50 — против.

Владимир Ильич, обеспокоенный таким исходом дела, выступил с резким письмом за бойкот. Он обозвал предпарламент «революционно-демократическим» совещанием «публичных мужчин» и высказался за то, чтобы быстрее разогнать «бонапартистскую банду Керенского с *его* поддельным предпарламентом».

«Невозможны никакие сомнения насчет того, что в «верхах» нашей партии заметны колебания, которые могут стать *гибельными*, ибо борьба развивается, и в известных условиях колебания, в известный момент, способны *погубить* дело. Пока не поздно, надо всеми силами взяться за борьбу, отстоять правильную линию партии революционного пролетариата.

У нас не все ладно в «парламентских» верхах партии; больше внимания к ним, больше надзора рабочих за ними; компетенцию парламентских фракций надо определить строже.

Ошибка нашей партии очевидна. Борющейся партии передового класса не страшны ошибки. Страшно было бы упорствование в ошибке, ложный стыд признания и исправления ее»[1].

Виктор Павлович не сделал выводов из этого строгого предупреждения вождя. Он опасался, что партия может потерять все связи даже с теми элементами, которые способны пойти с ней до определенного рубежа. Ему иногда казалось, что слишком смелые шаги Ленина могут послужить основанием для гражданской войны. Но у него не было коренных расхождений с ЦК, и он, не кривя душой, согласился с мнением товарищей о выходе из предпарламента.

Виктор Павлович видел, что час восстания близок. Но его страшила мысль, что одним большевикам придется формировать новую, революционную власть. Удержат ли они эту власть без поддержки других социалистических партий?

Иногда ему казалось, что одни большевики не смогут ликвидировать хаос, который поставил страну на грань краха.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 262, 263.

Старая Россия и впрямь разваливалась на глазах. В Москве и Петрограде почти не было хлеба, и в длинных очередях к продовольственным лавкам каждый день подбирали истощенных людей. Транспорт парализовался. Безработица добивала голодающих. Стачки и локауты сотрясали обе стороны, угольный Донбасс и Одессу. Солдаты донашивали опорки и бросали оружие. В Сибири, на Кавказе, в Средней Азии, в Екатеринославе распадались Советы под натиском контрреволюции. Буржуазная Рада в Киеве формировала армию против России. Национализм поднял голову в Польше, в Финляндии, в Прибалтике. Кубань объявила себя независимым казачьим государством. Генерал Каледин собрал три армии казаков и грозил выступлением с Дона. Вильгельм II готовил наступление на Петроград.

В такой ситуации Владимир Ильич направил 1 октября письмо членам ЦК и большевикам в обеих столицах.

Жаркие дебаты развернулись в связи с этим письмом в Москве. Алексей Рыков [1], который наиболее определенно развивал взгляды товарищей из правого крыла МК, и «левые» из Московского областного бюро — Бухарин, Сапронов, Осинский — добились решения: Москва не может взять на себя почин выступления. Виктор Павлович Ногин согласился с таким выводом.

...24 октября — на пленуме ЦК в канун победы — никто не отрицал, что власть надо брать в ночь на 25-е, как этого требовал Владимир Ильич. Было внесено предложение: всем членам ЦК быть на месте, и никому не отлучаться из Смольного без разрешения Центрального Комитета. А Ногин одновременно рекомендовал выяснить, на какие действия может пойти ЦИК, когда восстание победит.

— Меня беспокоит, какую позицию займут железнодорожники в этот исторический момент. Они признают власть одного лишь Центрального Исполнительного Комитета, и, если после восстания выступят против нас, мы будем отрезаны от всей России.

Центральный Комитет большевиков фактически заседал всю ночь. Но это было необычное заседание: оно прерывалось, когда надо было послать группу товарищей к морякам, солдатам или красногвардейцам, и возобновлялось вновь, как только поступали серьезные известия о ходе восстания.

...К 10 часам утра 25 октября вся столица находилась под контролем ВРК. Только Зимний дворец, Главный штаб и

[1] Рыков А. И. (Власов) (1881—1938) — в Октябре 1917 года — один из руководителей Московского Совета рабочих депутатов, кандидат в члены МВРК.

Мариинский дворец да еще несколько зданий в центре города оставались в руках правительства. Военно-революционный комитет опубликовал обращение «К гражданам России», написанное Владимиром Ильичем. Оно возвещало о победоносном ходе социалистической революции, о низложении Временного правительства.

Виктор Павлович отправился на почтамт и передал по телефону текст обращения в Московский комитет большевиков.

Ночью на пленуме ЦК было решено, что он уедет в Москву вечером 25 октября. А до этого будет заседать в Президиуме II Всероссийского съезда Советов, который откроется в Смольном в 2 часа дня. Оставалось слишком мало времени, чтобы самому лично убедиться в обстановке, сложившейся в столице. В переполненном трамвае, где страсти кипели, как в огромном котле, где воздавали хвалу Ленину и с той же горячностью проклинали его, он добрался до Невской заставы, повидал старых друзей и выступил перед ними на митинге. Он особенно подчеркнул, что нигде не слышал стрельбы, не видел убитых и раненых.

— Это великое благо, товарищи, что восстание развивалось бескровно и с такой поразительной быстротой. С первым днем рождения нового мира поздравляю вас, дорогие друзья! — закончил он свою речь.

Съезд не открылся ни в 2 часа дня и ни в 9 часов вечера, когда пришлось отправляться на вокзал. Делегаты съехались близко к 11. А далеко за полночь прибыли участники штурма Зимнего дворца. И весь зал восторженно приветствовал сообщение о падении Зимнего и об аресте членов Временного правительства.

Когда же поезд, увозивший Ногина, миновал Бологое, II съезд Советов одобрил написанное Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!».

В ночь на 26 октября Военно-революционный комитет [1] разослал приказ о приведении в боевую готовность революционных сил. В рабочих районах — на Пресне, в Сокольниках, Хамовниках и в Замоскворечье — ревкомы быстро стали хозяевами положения. Но в центре города ясности не было. Солдаты-двинцы, арестованные Временным правительством за выступление против войны и выпущенные в сентябре из Бутырской тюрьмы по настоянию председателя Моссовета Виктора Павловича Ногина, охраняли МК, Московский Совет и Военно-революционный комитет. За спиной Рябцева стоя-

[1] Имеется в виду Московский ВРК.

Серпуховская Организацiя Р. С. Д. Р. П. (Большевиковъ).

Въ Среду 11-го Октября с. г. въ 8½ ч. в. въ помѣщенiи Народнаго Дома (Новая Мыза).

Прочтетъ ЛЕКЦIЮ предсѣд. Моск. Совѣта Рабочихъ Депутат. тов. В. П. НАГИНЪ на тему

О БОЛЬШЕВИКАХЪ.

Цѣна билетамъ: 30 коп., для член. пар. 20 коп., для солдатъ 10 коп.

Серпуховск. Ком. Р. С. Д. Р. П.

Афиша о лекции В. П. Ногина.
Москва. 11 октября 1917 г.

ли юнкера. Два лагеря четко размежевались, но боевых действий не начинали.

Не успел Виктор Павлович обстоятельно рассказать на пленуме Московского Совета о ходе победоносного восстания в Петрограде, как пришлось ему идти 26 октября, вечером, на переговоры с Рябцевым. Обе стороны говорили о том, что недопустимо доводить в Москве дело до кровопролития. Делегация Ногина искренне верила в бескровную победу в Москве. И предлагала Рябцеву сложить оружие, так как в Петрограде уже создана II Всероссийским съездом Советов новая, законная власть.

...Рябцев перехватил инициативу: 28 октября юнкера взяли Кремль и учинили кровавую расправу над солдатами 56-го полка. Бои стали завязываться во всех районах.

— Нужна передышка! — страстно говорил Виктор Павлович на заседании ВРК.— Надо еще раз идти на переговоры. У Рябцева силы на исходе, он должен сдаться. Нужно прекратить кровопролитие и сохранить Кремль. Иначе мы дойдем до того, что каждый честный социалист перестанет подавать нам руку.

Это была глубоко ошибочная позиция — выжидание, переговоры в данный момент ослабляли силы революции. Но делегация Ногина, еще не поняв своей ошибки, снова отправилась на переговоры.

Перемирие, длившееся ровно сутки, окончилось в полночь 30 октября. На другой день прибыли в Москву красногвардейцы и солдаты из Иваново-Вознесенска и Шуи во главе с Фрунзе, рабочие отряды из Владимира, Тулы и Серпухова. Из Питера прорвался по железной дороге отряд балтийских моряков. 1 ноября началось решающее сражение за Москву, а 2-го, в 17 часов, Рябцев сдался.

...Виктору Павловичу не пришлось разделить радость великой победы с московскими товарищами. В ночь на 2 ноября он уехал в Петроград на заседание ЦК. Да и надлежало ему определить позицию и в Совете Народных Комиссаров: с 26 октября ему принадлежал портфель наркома торговли и промышленности. Но он еще не вступал в должность.

До последнего дня он даже себе не признавался, что становится на путь резких расхождений с линией ЦК, с линией Владимира Ильича о власти. Он оставался одним из тех, кому пришлось сыграть руководящую роль в дни восстания и в Петрограде и в Москве, хотя и обливалось у него сердце кровью, что приходится платить за власть такой дорогой ценой жизни красногвардейцев, рабочих, солдат и матросов. С тревогой наблюдал он, как ширится платформа контрреволюции в стране. К открытым врагам Советской власти — генералам и монархистам, офицерам и октябристам, юнкерам и кадетам — явно склонились те, кто мог быть ее опорой в этот ответственный момент: меньшевики всех оттенков, эсеры левого и правого крыла — словом, весь так называемый демократический фронт социалистических партий. Лидер правых эсеров Чернов убежал к генералу Духонину, который объявил себя верховным главнокомандующим и готовил расправу с Советским правительством. Многие меньшевики заключили в объятия мятежного генерала Каледина. А он уже поднимал против красного Питера казачество Кубани, Терека и Астрахани. Викжель — эта вотчина меньшевиков и эсеров — не только саботировал доставку хлеба в крупные города, но и затевал форменный мятеж...

С мыслью, что на соглашение с Викжелем придется идти любой ценой, Ногин и выехал из Москвы.

...Председатель ВЦИК Лев Каменев три дня вел бесплодные переговоры с Викжелем, который созвал конференцию для формирования нового правительства из всех «социалистических» партий.

Разумной мерой уступок дело можно было решить без промедления: твердо согласиться на включение левых эсеров в СНК и предложить свободный портфель наркома по делам железнодорожным наиболее приемлемому представителю Викжеля.

Но Каменев колебался и лавировал. И не пожелал дать отпор тем викжелевцам, которые предлагали исключить из правительства Владимира Ильича Ленина.

На заседании ЦК 1 ноября Владимир Ильич предложил тотчас же прекратить пагубную политику Каменева. Но тот снова возобновил переговоры с Викжелем. И на заседании ЦК 2 ноября стало ясно, что против линии Ленина выступает не один председатель ВЦИК, а целая оппозиционная группа.

Владимир Ильич внес предложение осудить оппозицию внутри ЦК и призвать скептиков и колеблющихся «бросить все свои колебания и поддержать всей душой и беззаветной энергией»[1] деятельность Советского правительства.

В резолюции Ленина содержалось заверение, что ЦК и сейчас готов вернуть в правительство левых эсеров, которые временно отказались войти в него 26 октября. И указывалось, что «земельный закон нашего правительства, целиком списанный с эсеровского наказа, доказал на деле полную и искреннейшую готовность большевиков осуществлять коалицию с огромным большинством населения России»[2].

Каменев и Зиновьев проголосовали против этой резолюции Ленина. К ним присоединились Рыков, Милютин и Ногин. Но большинство было на стороне Ленина.

...Позиции всех партий, групп и организаций обнажились немедленно, как только началось обсуждение декрета Совнаркома о закрытии буржуазных газет.

Выступил Владимир Ильич, и, по свидетельству Джона Рида, каждая его фраза падала, как молот:

— Гражданская война еще не закончена, перед нами все еще стоят враги, следовательно, отменить репрессивные меры по отношению к печати невозможно.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 46.
[2] Там же, с. 45.

Мы, большевики, всегда говорили, что, добившись власти, мы закроем буржуазную печать. Терпеть буржуазные газеты — значит перестать быть социалистом. Когда делаешь революцию, стоять на месте нельзя: приходится либо идти вперед, либо назад. Тот, кто говорит теперь о «свободе печати», пятится назад и задерживает наше стремительное продвижение к социализму.

Мы сбросили иго капитализма, как первая революция сбросила иго царского самодержавия. Если первая революция имела право воспретить монархические газеты, то и мы имеем право закрывать буржуазные газеты. Нельзя отделять вопрос о свободе печати от других вопросов классовой борьбы. Мы обещали закрыть эти газеты и должны закрыть их. Огромное большинство народа идет за нами! [1]

Резолюция Ленина была принята: Виктор Павлович голосовал за нее. Но левые эсеры заявили, что не принимают на себя ответственность за то, что происходит в этом зале Смольного. И ушли из ВЦИК и со всех прочих ответственных постов.

Единственная надежда даже на блок с левыми эсерами была утрачена.

К этому времени Виктор Павлович узнал, что Владимир Ильич подготовил «Ультиматум большинства ЦК РСДРП(б) меньшинству», что он вызывал к себе представителей большинства и добился: девять членов ЦК поставили под документом свои подписи.

Ленин требовал от меньшинства категорического ответа в письменной форме: подчиняется ли оно партийной дисциплине?

На заседании ВЦИК в ночь на 4 ноября от имени Ногина, Рыкова, Милютина, Теодоровича и Шляпникова было оглашено заявление о выходе их из Совета Народных Комиссаров.

«Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни...»

В тот же час Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин вышли из Центрального Комитета.

Скептикам пришлось вскоре признать свое поражение.

Теодорович и Шляпников подчинились партийной дисцип-

[1] См.: *Рид Д.* Десять дней, которые потрясли мир. М., 1959, с. 221.

лине и возвратились в правительство. Каменева сместили с поста председателя ВЦИК, вместо него избрали Якова Михайловича Свердлова. Ногина освободили от руководства Советом в Москве.

И 7 ноября 1917 года в «Правде» появилось яростное обращение «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России», написанное Владимиром Ильичем Лениным: «...мы заявляем, что ни на минуту и ни на волос дезертирский поступок нескольких человек из верхушки нашей партии не поколеблет единства *масс,* идущих за нашей партией, и, следовательно, не поколеблет нашей партии»[1].

...Через три года притупилась острота событий этих ноябрьских дней 1917 года. И Владимир Ильич дал им оценку так спокойно, как это мог сделать только великий вождь, уверенный в правоте своего дела.

«Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее,— писал он,— ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены...» Виднейшие большевики и коммунисты — и среди них Ногин — проявили колебания, испугавшись, что «большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части меньшевиков и «социалистов-революционеров». Конфликт дошел до того, что... товарищи ушли демонстративно со всех ответственных постов и партийной и советской работы, к величайшей радости врагов советской революции. Дело дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со стороны Цека нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель — самое большее, через несколько месяцев — все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты»[2].

Эти слова Владимира Ильича и дают ключ к биографии Виктора Павловича Ногина до самого последнего часа его.

С высоким накалом страстей большевики «судили» своего стариннейшего друга Макара. И это естественно. Но никто не подумал, что в Колонном зале бывшего Дворянского собрания стоит перед ними штрейкбрехер, предатель, враг: вне партии, для которой он отдал все силы, ничто не имело для него смысла.

Многие знали каждый его шаг на протяжении 20 лет. Да и у младшего поколения, которое умело ценить героическую

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 74.
[2] Там же, т. 41, с. 417.

романтику подполья, был он на виду, — безукоризненно чистый душою, добрый к товарищам, всегда открытый подвигу, способный сгореть в пламени борьбы. Способный и ошибаться. Но непременно с сознанием своей правоты.

И через несколько дней Макара назначили областным комиссаром, а с весны 1918 года — заместителем наркома труда.

Кончилось все, что недавно шло под знаком ошибок, сомнений, глубоких страданий, ранивших сердце, и борьбы совести. И выдающийся разрушитель старого мира превратился в энтузиаста-строителя.

*   *
*

Михаил Степанович
ОЛЬМИНСКИЙ

Ольминский М. С. (настоящая фамилия Александров; партийный псевдоним — Галерка) (1863—1933 гг.), участник Октябрьской революции в Москве, историк, публицист. Член КПСС с 1898 г. Родился в семье мелкого чиновника в Воронеже. В 1883 г., будучи студентом юридического факультета Петербургского университета, примкнул к народовольцам. Как член группы народовольцев вел пропаганду среди рабочих Петербурга. Неоднократно подвергался арестам, пять лет провел в одиночной камере, сослан на поселение в Якутскую губернию. В 1904 г. эмигрировал в Швейцарию, где работал под руководством В. И. Ленина в редакциях большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий». Ленин высоко ценил статьи и брошюры Ольминского. В 1905 г. вернулся в Петербург, сотрудничал

в большевистских газетах «Новая жизнь», «Волна», «Казарма» и др. В годы реакции вел революционную работу в Баку. В 1911—1914 гг. сотрудничал в газетах «Звезда» и «Правда», в журнале «Просвещение». С 1916 г.— член Московского областного бюро ЦК РСДРП, редактор профсоюзного журнала «Голос печатного труда». После Февральской революции 1917 г. по заданию Московского комитета РСДРП(б) участвовал в выпуске первого номера большевистской газеты «Социал-демократ». Вскоре Ольминский был отозван в Петроград для работы в редакции «Правды», вошел в состав Русского бюро ЦК РСДРП(б). С марта 1917 г.— член Московского комитета РСДРП(б). В дни Октябрьского вооруженного восстания в Москве бессменно находился в Замоскворецком Военно-революционном комитете, готовил к выпуску «Известия Военно-революционного комитета», «Листок «Социал-демократа». После победы Октябрьской революции — член коллегии Народного комиссариата финансов. В дальнейшем — на партийной работе. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

* * *

Весь жар души — борьбе [1]

В начале 1916 года Владимир Ильич просил Н. К. Крупскую узнать: «Кто входит в Петербургскую литературную группу? Где Галерка? Виделись ли с ним? Почему он не мог войти в «Летопись» представителем от большевиков?..»

Имя М. С. Ольминского как видного деятеля партии, как блестящего большевистского литератора и организатора печати было настолько популярно, что многие члены партии именно ему присылали материалы для опубликования. В конце 1916 года к М. С. Ольминскому после долгих скитаний попала написанная в 1915 году статья В. И. Ленина «Под чужим флагом». Ему же адресовалась из ссылки статья Я. М. Свердлова «Раскол в германской социал-демократии». Михаил Степанович опубликовал эти статьи в сборнике «Прилив», выпущенном по его инициативе в Москве в феврале 1917 года. В него вошли также статьи И. И. Скворцова-Степанова, В. П. Ногина, В. П. Милютина и других большевиков.

Сборник «Прилив» после выхода в свет был конфискован полицией, а М. С. Ольминский привлечен к суду. Но суд не состоялся. Самодержавие рухнуло под напором революционных масс.

[1] Из книги: *Лежава Н., Нелидов О.* М. С. Ольминский. М., 1973.

**Михаил Степанович
ОЛЬМИНСКИЙ**

...Революцию М. С. Ольминский встретил с огромной радостью. Он ждал ее, чувствовал ее приближение. В ее победе был заложен и его многолетний самоотверженный труд. Михаил Степанович хорошо понимал громадное значение печати в эти бурные дни, поэтому он тотчас же поднял вопрос о создании газеты московских большевиков. О том, как начала осуществляться эта идея, рассказала Р. С. Землячка:

«27 февраля, когда Москва выступила на улицы, я побежала к Михаилу Степановичу, к нему первому, в маленький домик в Замоскворечье. Вместе с ним мы прибежали на Покровку, № 7, в помещение, которое нам отвели для первого легального штаба Московской организации. Мы стали раздумывать, с чего начать легальную жизнь. Но раздумье продолжалось недолго. Михаил Степанович разделил наши «функции». Он предложил мне быть секретарем МК (за несколько дней до этого был разгромлен подпольный МК), а себя объявил редактором газеты и тотчас же уселся готовить передовицу.

Это был первый номер «Социал-демократа», прекрасной большевистской газеты. Через два часа, когда комнатки на Покровке уже не могли вместить огромного количества собравшихся районщиков, организация имела своего редактора, крепкую передовицу газеты и листовку, которые били по всем врагам пролетарской революции и оканчивались основным лозунгом того момента: «Долой войну!»

В этот день в Москве в поддержку революционного Петрограда началась всеобщая политическая забастовка рабочих фабрик и заводов. Большевистские ячейки предприятий Рогожско-Симоновского района, Пресни, мастерских Московско-Казанской железной дороги вывели пролетариат на улицы. Начались демонстрации и митинги. Рабочие и присоединившиеся к ним солдаты требовали мира, свободы, хлеба. Всюду появлялись призывы: «Долой самодержавие!», «Долой войну!»

Вечером члены Московского областного бюро ЦК партии собрались на квартире у В. А. Обуха в Мертвом переулке. По воспоминаниям С. Н. Смидович [1], на этом собрании присутствовали И. И. Скворцов-Степанов, М. С. Ольминский, В. А. Обух, В. Н. Яковлева, П. Г. Смидович, А. А. Сольц [2], Р. С. Землячка. Это было первое открытое собрание руково-

[1] Смидович С. Н. (1872—1934) — активная участница Октябрьской революции в Москве. Член КПСС с 1898 года. В Октябрьские дни работала по заданиям Хамовнического ВРК.

[2] Сольц А. А. (1872—1945) — в 1917 году — член МК РСДРП(б). Участник борьбы за Советскую власть в Москве, советский государственный и партийный деятель. Член КПСС с 1898 года.

дителей московских большевиков. Все были невероятно возбуждены, поздравляли друг друга, бурно выражая радость. Собрание обратилось к трудящимся Москвы с воззванием:

«*Товарищи, бросайте работу! Солдаты! Помните, что сейчас решается судьба народа!* Все на улицу! Все под красное знамя революции! Выбирайте в Совет рабочих депутатов! Сплачивайтесь в одну революционную силу! Наша задача — создать Временное революционное правительство для созыва Учредительного собрания»

События требовали стремительных действий. В ту же ночь воззвание было отпечатано в типографии и расклеено в рабочих кварталах города.

Нелегко было наладить выпуск большевистской газеты в первые дни революции. Не было ни денег, ни бумаги, а владельцы типографий отказывались помогать. Н. Л. Мещеряков рассказал, как были преодолены эти трудности: «...Михаил Степанович, а вместе с ним т. Сольц совершенно самочинно, не получая ни от кого разрешения, пришли в нынешнюю типографию «Известий», заняли эту типографию и заявили: мы будем издавать здесь большевистскую газету «Социал-демократ». Через несколько дней этот революционный «самочинный захват» частного предприятия был официально оформлен в Московском Совете, который выдал ордер на занятие типографии.

Первый номер газеты был почти целиком подготовлен М. С. Ольминским и вышел 7 марта 1917 года. В нем было напечатано приветствие Московского областного бюро ЦК и Московского комитета партии В. И. Ленину как «неутомимому борцу и истинному идейному вождю российского пролетариата». Выхода в свет этого номера Михаил Степанович не дождался. По вызову ЦК партии он выехал 5 марта в Петроград для работы в «Правде».

2—4 марта 1917 года Бюро ЦК партии решило возобновить издание «Правды», которая становилась официальным органом ЦК и ПК РСДРП. Была сформирована редакция в составе М. И. Калинина, М. И. Ульяновой, М. С. Ольминского, К. С. Еремеева [1] и других. 8 марта М. С. Ольминский вместе с М. И. Ульяновой и А. И. Ульяновой-Елизаровой был кооптирован в Бюро ЦК.

Первый номер «Правды» вышел 5 марта тиражом в 200 тысяч экземпляров и раздавался бесплатно. На заводах, фабри-

[1] Еремеев К. С. (1874—1931) — один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Член КПСС с 1896 года. В Октябрьские дни 1917 года — член Петроградского ВРК.

ках, среди солдат газету брали нарасхват, успех ее был огромным.

М. С. Ольминский приехал в Петроград 6 марта и в тот же день присутствовал на заседании Петербургского комитета партии, а затем участвовал в подготовке второго номера «Правды», для которого написал статью «Настороже». В ней он оценивал Временное правительство как правительство капиталистов и помещиков, как правительство контрреволюционное («оно стоит не за революцию, а против революции») и империалистическое (оно «хочет захвата чужих стран, порабощения других народов»). В этих, а также во многих других вопросах рабочей и крестьянской политики, заявлял автор, «мы идем и будем «идти врозь», идти против Временного правительства Львовых и Милюковых».

И в последующих выступлениях на эту тему М. С. Ольминский с политической остротой и последовательностью решительно разоблачал политику Временного правительства и его антинародную, контрреволюционную суть. Он целиком поддерживает ленинскую тактику — «полное недоверие, никакой поддержки новому правительству»[1].

По наиболее важному и злободневному вопросу — о скорейшем прекращении грабительской войны — М. С. Ольминский пропагандирует ленинское положение, что «для мира необходимы сношения *с пролетариями всех воюющих стран*»[2]. В пятом номере «Правды» он пишет об интернациональном значении Красного знамени и пролетарского гимна «Интернационал». Солдатам вблизи от неприятельских окопов он рекомендует поднять Красное знамя, запеть «Интернационал». Среди немецких и австрийских солдат, несомненно, найдутся такие, которые воспримут это как выражение братской солидарности. «Этим, конечно, не кончить войны,— пишет Михаил Степанович.— Война должна закончиться организованно. Но германские пролетарии, которых правительство Вильгельма начиняет всякой ложью против русских, почувствуют в русском солдате товарища»...

В «Правде» М. С. Ольминский выступал ежедневно, нередко в одном номере с двумя-тремя статьями. Они были на разные темы, но выражали одну суть, били в одну точку: революция еще не закончена, с пути должно быть убрано все, что мешает ее развитию, и она непременно победит.

...Помимо работы в «Правде» М. С. Ольминский выполнял и другие ответственные поручения Бюро ЦК РСДРП. 8 марта на него было возложено руководство партийным издатель-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 7.
[2] Там же, с. 34.

ством «Прибой». 9 марта Бюро ЦК поручило ему написать текст обращения к международному пролетариату по вопросам войны и революции.

13 марта на заседании Бюро ЦК обсуждалась известная телеграмма питерским большевикам, в которой Владимир Ильич Ленин в самой сжатой форме давал указания по основным вопросам партийной тактики: полное недоверие и никакой поддержки Временному правительству, вооружение пролетариата, немедленные выборы в Петроградскую думу, никакого сближения с другими партиями. Решено было на основе этой телеграммы выработать платформу, раскрывавшую лозунги партии. Составить платформу было поручено М. С. Ольминскому, И. В. Сталину и Г. Ф. Федорову.

В конце марта М. С. Ольминский вернулся в Москву и с головой ушел в работу редакции «Социал-демократа». В газете стали ежедневно появляться короткие, но острые, всегда содержательные, доступные самому неподготовленному читателю статьи Ольминского.

Разоблачение Временного правительства, раскрытие его антинародной сущности, доказательство того, что оно не может дать народу ни мира, ни хлеба, ни свободы,— одна из основных тем публицистики М. С. Ольминского в феврале—октябре 1917 года. Всего за это время им было написано около 130 статей.

Большевики не раз указывали на угрозу порабощения России иностранными империалистами. Временное правительство заискивало и раболепствовало перед империалистическими «союзниками», втайне рассчитывая на их поддержку в подавлении революции.

В. И. Ленин назвал Временное правительство «простым приказчиком миллиардных «фирм»: «Англия и Франция», с точки зрения *данной* войны...»[1] Ольминский умело использовал конкретные факты повседневной жизни для подтверждения этого вывода. В статьях «Друзья Николая Кровавого» и «Чего они хотят?» он обращал внимание читателей на тон, которым иностранная буржуазия разговаривает с русской.

— Мы были бы изумлены,— писала влиятельная английская буржуазная газета в связи с австрийским предложением о заключении мира,— если бы это предложение произвело впечатление на русское правительство.

Переводя эту туманную дипломатическую фразу на простой язык, Михаил Степанович вскрывает подлинный смысл требования империалистического хищника:

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 18.

— Не смей слушать никаких предложений о заключении мира, потому что английская буржуазия не осуществила еще своих завоевательных планов.

Русская же буржуазия не только не хочет поставить на место своих зарубежных собратьев по классу, а почтительно склоняется перед ними. Буржуазная газета «Время» сообщила, что послам союзных держав «доложено» о якобы готовности русских рабочих работать на оборону по 24 часа в сутки. Читателям, не искушенным в дипломатических тонкостях, М. С. Ольминский разъяснял, что в обычных условиях правительства «сносятся» с иностранными послами, а не «докладывают» им. Докладывают по начальству. Привлекая читателей к обсуждению статьи, М. С. Ольминский не ставит всех точек над i, а предлагает им самим подумать, почему Временное правительство готово считать «союзные» державы своим начальством.

М. С. Ольминский уличает Временное правительство в нежелании опубликовать тайные договоры Николая II с его верными друзьями, обвиняет он правительство и в том, что оно не добивается возвращения на родину русских солдат из Франции.

Не решаясь увеличить налог на прибыли капиталистов, Временное правительство объявило о выпуске займа. Его поддержали эсеры, заявив в газете «Земля и воля», будто нет другого более быстрого способа покрыть государственные расходы. В статье «Как обманывают крестьян» М. С. Ольминский высмеял эсеров за их агитацию в пользу займа: «Не странно ли? Дать взаймы — это называется «быстро», а дать безвозвратно, в виде «налога»,— это будто бы ужасно медленно! Так медленно, что третий год войны уже на исходе, а правительства, ни старое, ни новое, никак не могут собраться обложить капиталистов хоть одной копейкой лишнего налога!.. При мобилизации реквизируют самого человека, его свободу и жизнь чуть не в 24 часа! Почему же нужны годы, чтобы реквизировать барыши капиталистов хоть в ничтожной доле?

Капиталисты понимают — почему: потому что они ведут войну для своей наживы, а не для того, чтобы расходоваться на нее. А «крестьянской газете» выгораживать капиталистов и обманывать своих читателей совсем не к лицу»[1].

Большевистская агитация против «займа свободы» доходила до сознания широких масс, помогала им разобраться в его подлинном характере. Буржуазная газета «Голос» жалова-

[1] *Ольминский М.* 1917 год, с. 69—70.

лась: «В одной глухой деревне крестьяне, поддерживая бойкот займа, ссылались на московскую газету «Социал-демократ», где, дескать, не советуют подписываться».

Напряженно работая в газете, Михаил Степанович принимал непосредственное участие в деятельности Московского областного бюро и в МК, часто руководил их заседаниями, выступал в рабочих клубах. Помогал Михаил Степанович и новым органам большевистской печати, возникавшим в связи с нарастанием революционного подъема,— журналам «Спартак», «Интернационал молодежи», позднее — газете «Деревенская правда».

3 апреля в Москве, в Политехническом музее, открылась 1-я общегородская конференция московских большевиков. Председателем конференции был избран М. С. Ольминский, его заместителями — Ф. Э. Дзержинский и П. Г. Смидович. С большим воодушевлением выслушали делегаты сообщение, что в этот день, в 11 часов вечера, в Петроград из эмиграции приезжает В. И. Ленин. От имени конференции тут же была составлена и послана приветственная телеграмма вождю революции [1]. На этой конференции М. С. Ольминский был избран членом МК.

Высокой принципиальностью и требовательностью отличались выступления М. С. Ольминского на партийных конференциях, заседаниях МК и областного бюро.

Когда на заседании МК рассматривалась тактика в муниципальной избирательной кампании, Ольминский выступил против каких-либо соглашений с другими партиями. «Общий наш принцип,— говорил он,— идти самостоятельно, и в данном случае я высказываюсь против блока». МК принял его предложение: на предстоящих выборах «социал-демократы интернационалисты выступают самостоятельно без каких бы то ни было избирательных блоков и соглашений с другими партиями».

Михаил Степанович заботился о более прочной связи газеты с массами и низовыми партийными ячейками. Он говорил на заседании МК, что в редакцию не доставляются «ни резолюции, ни письменные доклады о положении дел в районах». Благодаря помощи Московского комитета партии связь с районами была значительно усилена. Широким потоком пошли в газету письма рабочих и солдат. Партийные организации и фабкомы более энергично взялись за распространение газеты.

[1] Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. М., 1957, т. 1, с. 358.

Надо было отстаивать и само существование газеты. 9 и 11 апреля «Социал-демократ» не вышел из-за отсутствия бумаги. Это был тревожный сигнал: буржуазия могла без полиции и цензуры задушить рабочую газету, лишив ее бумаги. На сей раз этого не произошло — выпуск газеты, хотя и с трудом, удалось восстановить. Но надо было быть начеку. М. С. Ольминский выступает со статьей «Первое предостережение». Он призывает московских рабочих немедленно принять все меры для спасения своей газеты: организовать сбор средств, провести митинги, демонстрации, потребовать конфискации громадных излишков бумаги у газет капиталистов. Рабочие должны выдвинуть лозунг: *«В тот день, когда рабочая газета не может появиться за отсутствием бумаги, не должна появиться на свет ни одна буржуазная газета».*

При его участии было составлено и опубликовано обращение Московского областного бюро, Московского комитета партии и редакции газеты «Социал-демократ» ко всем рабочим и солдатам Москвы с призывом стать на защиту рабочей печати. Объединенными усилиями партии и рабочих газета была спасена.

15 апреля состоялась 2-я Московская общегородская конференция РСДРП(б). М. С. Ольминский председательствовал на ней и был избран делегатом на 7-ю Всероссийскую (Апрельскую) конференцию РСДРП(б). Однако 20 апреля в связи со специальным поручением Ольминскому и Скворцову-Степанову МК вынес следующее решение: «Избранные на Всероссийскую конференцию Ольминский и Скворцов не могут ехать»[1].

Между тем в Петрограде, по-видимому, с большим нетерпением ожидали приезда Михаила Степановича. Вот что рассказала об этом старая правдистка Людмила Ивановна Исупова 13 октября 1963 года в Музее истории Ленинграда на воскресном чтении, посвященном 100-летию со дня рождения М. С. Ольминского:

«...Помню, вскоре после приезда В. И. Ленина в Петроград в апреле 1917 года М. И. Ульянова попросила меня, как сотрудницу «Правды», поехать на вокзал встретить М. С. Ольминского, который должен был приехать из Москвы на 7-ю Всероссийскую конференцию РСДРП(б). С поездом, который я встретила, приехали московские делегаты на конференцию, но Ольминского среди них не было. М. И. Ульянова еще один или два раза посылала меня встречать М. С. Оль-

[1] М. С. Ольминский действительно остался в Москве, а И. И. Скворцов-Степанов через несколько дней выехал в Петроград и участвовал в конференции.

минского и просила прямо с вокзала отвезти его к Владимиру Ильичу. Она объяснила, что Ольминский очень нужен Владимиру Ильичу. Но М. С. Ольминский в Петроград так и не приехал».

После 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции большевиков, завершившей сплочение партии вокруг ленинских тезисов, «Социал-демократ» становится активным пропагандистом ленинского курса на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. На его страницах Ольминский очень убедительно доказывает необходимость перехода «всей полноты власти в руки Совета Рабочих и Солдатских Депутатов или органа, созданного Всероссийским Съездом Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов»[1].

Апрельская конференция решительно высказалась против попытки Временного правительства оттянуть решение аграрного вопроса до Учредительного собрания и советовала крестьянам брать землю немедленно и организованно. Ольминский разъясняет крестьянам, которые под влиянием эсеровской агитации не решались брать помещичью землю, что если они «предварительно, до Учредительного собрания, не займут помещичьих земель, то они и не получат их».

Настойчиво убеждал М. С. Ольминский рабочих явочным порядком переходить на 8-часовой рабочий день, вводить всенародное вооружение.

В этот период большевистский лозунг «Вся власть Советам!» означал курс на мирное развитие революции, на бескровный переход всей власти к Советам. Однако буржуазная печать без зазрения совести извращала позицию большевиков, приписывала им подготовку гражданской войны. С новой силой развернулась травля большевиков, и особенно вождя партии В. И. Ленина. В то время многие рабочие, солдаты и крестьяне еще не были знакомы с биографией Владимира Ильича. В редакцию газеты «Социал-демократ» поступали письма трудящихся с просьбой рассказать о Ленине. В ответ на них 26 мая в газете появился очерк Ольминского «О т. Ленине» — первое в нашей литературе произведение о Владимире Ильиче. Он написан очень сжато и выразительно. Характерно начало: «В нашу редакцию поступила просьба дать биографические сведения о тов. Ленине. Вообще среди нас, большевиков, нет обычая выдвигать отдельных лиц, рассказывая их биографию... Но ввиду той травли, которая ведется сейчас в буржуазной печати против личности

[1] *Ольминский М.* 1917 год, с. 72.

тов. Ленина и ввиду просьб со стороны товарищей-рабочих, мы считаем возможным на этот раз отступить от своего обычая». Далее — краткие биографические данные, перечень основных литературных трудов Ленина. Но сквозь краткость, сжатость и деловитость прорывается то теплое чувство, с которым М. С. Ольминский относился к В. И. Ленину. Сообщив, что брат Ленина был казнен за покушение на царя Александра III, Михаил Степанович добавляет: «Казнь любимого старшего брата Александра не могла пройти бесследно для его младших братьев и сестер. И мне всегда, глядя на Ленина, думалось:

— Вот человек, крещенный для революции кровью любимого брата».

У Владимира Ильича «одна только забота — о партии... Буржуазия не может опровергнуть правильности его мыслей и потому борется против него путем лжи и клеветы...».

После июльских событий власть фактически оказалась у контрреволюционной буржуазии, опиравшейся на военную клику. Начался разгул реакции. Мирное развитие революции стало невозможным. Лозунг «Вся власть Советам!» пришлось временно снять, так как эсеры и меньшевики превратили Советы в придаток контрреволюционного Временного правительства.

Газета «Правда» была закрыта, типография разгромлена. Та же участь ожидала и «Социал-демократа». Керенский приказал закрыть газету и привлечь к суду ответственных редакторов. Предполагая, что 19 июля выходит последний номер «Социал-демократа», Ольминский поместил в нем пламенную статью «Завещание». Напомнив, что и при самодержавии тернист был путь рабочей печати и что рабочие всегда умели воскрешать свою печать дружными массовыми действиями, он вдохновенно восклицал: «...пока жив пролетариат, до тех пор никакая вражеская рука — ни рука Горемыкиных и Романовых, ни рука Данов и Керенских — не в силах будет окончательно подавить волю пролетариата к жизни, к свободе и власти.

Рабочая печать приговорена к смерти.

Да здравствует рабочая печать!»

Возмущение трудящихся закрытием большевистских газет было так велико, что даже меньшевистско-эсеровский Московский Совет вынужден был выступить против распоряжения Керенского. Только благодаря энергичной поддержке трудящихся «Социал-демократ» спасся от разгрома.

После некоторого перерыва начала выходить и «Правда», но под другими названиями. М. С. Ольминский, всегда с

большой теплотой относившийся к этой газете, писал в статье «Помните о «Правде»: «Правда» — с этим именем связано что-то родное, интимное, как воспоминание о лучших днях боевой молодости. На место «Правды», растоптанной полицейским сапогом контрреволюции, возникали и закрывались другие газеты: «Солдат и рабочий»[1], «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий путь».

Может быть, эти газеты велись и ведутся даже лучше, чем «Правда». И все же чувствуется, что чего-то не хватает. Недостает любимого имени, своего собственного имени!

При самодержавии нам часто приходилось жить нелегально, под чужим паспортом, с чужим именем. Как бы хорош ни был чужой паспорт, но все время чувствовалось, что ты гонимый, бесправный, лишенный собственного лица. Так теперь и с газетой. Разгромленная «Правда» живет нелегально! В этом — всечасное воспоминание, что корниловщина не изжита»[2].

Новая политическая обстановка в стране после июльских дней поставила перед партией большевиков неотложную задачу: выработать новую тактику для достижения основной цели — завоевания диктатуры пролетариата. Для этого собрался VI съезд партии.

Московские большевики в числе своих делегатов послали на съезд и М. С. Ольминского.

Съезду предшествовала большая подготовительная работа. 13—14 июля состоялось расширенное совещание Центрального Комитета. 15 июля на заседании МК с представителями районов Москвы Ольминский доложил об этом совещании и о решении ЦК: Ленину «ни в коем случае не являться для ареста... Нет никаких гарантий со стороны Совета и правительства». Участник съезда Ю. К. Милонов рассказывал: «После Февральской революции я встретился с Михаилом Степановичем на VI партийном съезде. Он возглавлял московскую делегацию. Я увидел его еще в Москве на перроне Николаевского вокзала. «Дядю Мишу» трудно было узнать. Столько бодрости и буквально молодости было в его лице и всей его фигуре. Казалось, что напряженное политическое положение, создавшееся после выступления 3—5 июля, именно оно и оказывает на него это омолаживающее, бодрящее действие».

К съезду партия пришла еще более закаленной, идейно и организационно окрепшей. Враги со страхом наблюдали за

[1] Имеется в виду «Рабочий и солдат».
[2] *Ольминский М.* 1917 год, с. 176—177.

ростом ее влияния в массах. Об этом влиянии говорило повсеместное увеличение числа ее организаций и членов партии. В Петроградской организации число членов партии за три месяца после Апрельской конференции выросло с 16 тысяч до 41 тысячи, в Москве — более чем в два раза — с 7 тысяч в апреле до 15 тысяч в июне.

По поручению Оргкомитета съезд открыл М. С. Ольминский. Партия знала его как одного из преданнейших и авторитетнейших учеников В. И. Ленина. Он был избран председателем съезда, а затем членом комиссии по составлению манифеста и воззвания к народу.

В. И. Ленин, которого разыскивали агенты Временного правительства, не мог присутствовать на съезде, но он руководил его работой и был избран его почетным председателем.

Съезд проходил полулегально, несколько раз вынужден был менять место работы; здания, где он заседал, охраняли вооруженные рабочие-красногвардейцы. Ареста участников съезда можно было ожидать ежеминутно, вспоминал М. С. Ольминский. Поэтому было решено: «...произвести выборы путем записок. Записки эти подсчитывались или в частной квартире или в помещении Выборгского райкома партии... Результаты выборов решили, не оглашая на съезде, сообщить каждому избранному члену ЦК отдельно». Во время съезда Михаил Степанович тяжело заболел и некоторое время вынужден был пролежать на квартире В. Д. Бонч-Бруевича. Оправившись от болезни, он вернулся в Москву.

...Начал меняться состав Советов. Избиратели отзывали эсеро-меньшевистских депутатов, продавших за чечевичную похлебку интересы своих избирателей — рабочих, солдат, и заменяли их большевиками. Многие беспартийные депутаты стали поддерживать большевиков. 31 августа Петроградский Совет принял большевистскую резолюцию о переходе власти к Советам. 5 сентября резолюция большевиков была принята Московским Советом, а затем Советами других городов. Партия снова выдвинула лозунг «Вся власть Советам!».

Рабочие с каждым днем все более и более отходили от соглашателей и примыкали к большевикам. Особенно ясно это обнаружилось на московских выборах в районные думы, когда в 11 думах из 17 большевики получили абсолютное большинство мест. В Калужскую районную думу Замоскворечья был избран и Ольминский. Он стал ее председателем и членом Совета районных дум. Успех московских большевиков имел огромное политическое значение. Он свидетельствовал о победе ленинской партии в борьбе за массы. Однако в городской думе все еще преобладали эсеры. Их преступ-

ную деятельность Ольминский разоблачал в «Социал-демократе».

Статьи М. С. Ольминского широко использовались агитаторами-большевиками. Один из них, В. О. Котомка, рассказывал: «Нас больше всего донимали эсеры. На всех собраниях они произносили красивые речи. Ольминский дал возможность бить их совершенно сокрушительно и метко»[1].

Под огнем большевистской критики начался разброд в партиях меньшевиков и эсеров. Большевики убедили народ, что спасение страны — в ликвидации антинародного правительства. Более 250 Советов высказались за лозунг «Вся власть Советам!».

«Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов,— считал В. И. Ленин,— большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки»[2]. Большевистские газеты готовили к этому рабочий класс. 27 сентября в предвидении решающих событий М. С. Ольминский писал в статье «Революция учит»: «Исчезают партии соглашателей, а растут партии непримиримых врагов — пролетариата и буржуазии. Близится бой между этими двумя классами». Статья заканчивалась словами: «Будет буря — мы поспорим и поборемся мы с ней!»

Убежденно и смело защищал Ольминский ленинский тезис о том, что вооруженное восстание вполне назрело.

Кровопролитные сражения этих дней в Москве застали Ольминского в Замоскворечье, отрезанном от других районов и от центра города. Дни и ночи проводил он в штабе Замоскворецкого Военно-революционного комитета, непосредственно участвуя в организации революционных сил района. Рабочие и солдаты обращаются к нему за советом и помощью людьми, оружием, листовками. Михаил Степанович напутствует уходящих на баррикады. Следя за событиями в городе, он связывается с другими районами и выполняет множество всяких дел, которых требовала военная обстановка. Штаб помещался в квартире на Калужской площади. «В штабе,— вспоминал М. С. Ольминский,— тесно, трудно протолкаться. Все время приходят, уходят... Отовсюду просьбы — пришлите 30, 40, 100 человек. А людей нет, оружия еще меньше». Но это было только в первые дни. В субботу 28 октября прекратили работу все фабрики и заводы. Рабочие кварталы оживились. Около штаба — нередеющая толпа рабочих, получающих оружие. «Штаб расширил помещение,— рассказывал

[1] Стенограмма заседания ученого совета Государственного музея революции СССР 4 октября 1958 года.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 239.

Михаил Степанович.— Появились кучи пулеметных лент; винтовок больше, чем нужно. Ящики с патронами грозят провалить пол — так их много». Силы революции растут ежечасно, силы буржуазии начинают иссякать. Направленные к Москве части войск переходят на сторону пролетариата.

В этом кипящем революционном водовороте Ольминский искал возможность возобновить выпуск «Социал-демократа», наладить печатание листовок, прокламаций, бюллетеней о ходе революции.

27 октября на Малой Серпуховской, 28 (ныне Люсиновская улица), в районном партийном комитете встретились члены редакции «Социал-демократа» И. И. Скворцов-Степанов и М. С. Ольминский. Решили использовать типографию Сытина на Пятницкой улице, чтобы печатать «Социал-демократа». «Здесь настроение меньшевистское: ни туда ни сюда! Не хотят печатать большевистской литературы,— вспоминал Михаил Степанович.— Наконец согласились работать, но с оговоркой: не они захватывают типографию, а комитет. Тотчас составили номер, послали в типографию — так наладился выпуск «Социал-демократа» в боевые октябрьские дни».

2 ноября юнкера и белогвардейцы сложили оружие. Пролетарская революция одержала победу и в Москве.

Михаил Степанович ликовал. Его трудно было узнать в эти дни. Его просят выступить на одном митинге, на другом... Он старается всюду поспеть и поспевает, забывая о годах и больном сердце.

Участник октябрьских боев в Москве, председатель завкома и член штаба Красной гвардии завода Листа [1] А. Карандасов рассказывает: «В 11 вечера 2 ноября на собрании Красной гвардии района В. Файдыш под общее ликование объявил: «Кремль сдался». Выступил М. С. Ольминский. Со слезами на глазах он сказал: «За всю историю человечества не было более радостного дня, чем нынешний. Пролетариат, взявший в свои руки власть, открыл новую эру — эру социализма. Много будет впереди еще борьбы, но отныне победа всегда и окончательно будет только за революционным пролетариатом».

* *
*

[1] Завод «Борец».

Вадим Николаевич
ПОДБЕЛЬСКИЙ

Подбельский В. Н. (настоящая фамилия — Паппиевич) (1887—1920 гг.), участник борьбы за Советскую власть в Москве. Член КПСС с 1905 г. Родился в семье ссыльных революционеров-народовольцев в селении Джибульском Якутской губернии. Участвовал в ученических социал-демократических кружках в Тамбове. Революционную работу вел в Тамбове, Саратове, Москве. Неоднократно подвергался арестам, ссылке, жил в эмиграции. С 1915 г. вел нелегальную партийную работу среди рабочих в Москве. С января 1917 г. выполнял задания Московского комитета РСДРП, партийный организатор Городского района. После Февральской революции 1917 г.— депутат Московского Совета и Совета Городского района, член Московского комитета РСДРП(б),

Вадим Николаевич
ПОДБЕЛЬСКИЙ

гласный городской и районной дум по списку большевиков. Участвовал в создании газеты «Социал-демократ». Делегат VI съезда РСДРП(б), где выступил с докладом о положении в Москве. Сыграл большую роль в создании московского городского Союза рабочей молодежи «III Интернационал». В Октябрьские дни 1917 г.— член Боевого партийного центра по руководству вооруженным восстанием в Москве и член Московского Военно-революционного комитета.

С 31 октября (13 ноября) — комиссар почт и телеграфов Москвы, руководил штурмом городской телефонной станции, захваченной юнкерами, затем назначен комиссаром по делам печати и телеграфного агентства Москвы. С мая 1918 г.— народный комиссар почт и телеграфов РСФСР. Член ВЦИК. Участвовал в ликвидации контрреволюционных мятежей в Москве, Тамбове и Ярославле. Участник гражданской войны 1918—1920 гг. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

* * *

Комиссар почт и телеграфов Москвы [1]

Дверь долго не открывали, пришлось бухнуть по ней прикладом. Крепкий засов отошел с металлическим стуком, и в щель просунулась голова старичка швейцара.

— Чего надо? Не велено никого пускать! — остерег он, но, разглядев штыки за спинами пришедших, осекся: — А-а...

Пахнуло застоялым теплом, запахом бумаги и типографской краски. Чистый линолеум уходил в сторону, к матовым стеклам перегородок, за которыми желто оплывали огни ламп, не доверяя свету дождливого утра, и старичок швейцар приглашал: «Сюда, сюда! К господину управляющему».

Невысокий человек в фетровой шляпе, остановившись у стены, словно прислушивался, как в глубине здания тяжко ухают печатные машины. Он приказал:

— Трое к наборным кассам... И бумага, помните о бумаге!

Дело было известное: при захвате типографии самое главное — не вступать в переговоры, пока не остановлена печать, не попали в твои руки запасы бумаги и набор. Иначе проговоришь, и из машин могут исчезнуть важные детали, и кассы со шрифтом оскудеют на несколько букв — а как без них, без полного алфавита?

Управляющий встретил стоя, нервно теребил золотую цепочку часов. Взял протянутый ему мандат и плюхнулся в кресло. Потом снова вскочил.

[1] Из книги: *Жуков Владимир*. Страда и праздники. М., 1981.

— Как просто! Как замечательно! «Настоящим удостоверяется, что типография издательства «Новь» переходит в распоряжение газеты «Социал-демократ»! А кто это подписал? Кто этот Подбельский? Я буду жаловаться.— Он решительно потянулся к телефонной трубке.

— Где его найти?

Человек в шляпе смотрел спокойно.

— Я и есть Подбельский. Член Московского Военно-революционного комитета. Действую от его имени и по поручению.

— Вот как...— управляющий растерялся.— Но тогда объясните, а по какому праву комитет...

— А вы не знаете, что уже шесть дней власть в городе в руках ревкома? Право его определяется необходимостью подавить контрреволюцию.

Управляющий снова опустился в кресло. Взялся за цепочку и щелкнул крышкой часов. Но стрелки, видно, ничего утешительного ему не показали.

— А надолго это — «переходит в распоряжение»? У меня заказы, обязательства!

Потоки дождя расплывались по стеклам окон. За ними виднелась пустынная Моховая, за узким булыжным проездом — здание университета, серое, давно не крашенное; возле ограды мелькнул прохожий и пропал.

Подбельский задержался у выхода:

— О сроках не скажу. Потерпите.

Он и вправду не знал, как все дальше обернется.

Член МК и руководитель его издательского дела, ответственный за выход и распространение «Социал-демократа» с самого первого номера, с марта 1917 года, он массу времени отдавал газете, воевал с Земским союзом, купившим в мае типографию Левенсона, где она печаталась, и объявившим, что за прежние заказы не отвечает, носился по митингам, выступал в защиту рабочей печати, отчитывался на заседаниях МК, говорил, что невозможно составить смету расходов, а подписка на газету растет, ей уже мало 45 тысяч тиража. И это в сентябре было мало! О чем же говорить, когда началось вооруженное восстание? С 25 октября газета стоила многих тысяч винтовок, но и выпускать ее стало труднее: центр города оказался в руках юнкеров, и там, недалеко от Садового кольца, остался Трехпрудный переулок хотя и с несговорчивой, но своей, привычной типографией Левенсона...[1]

[1] Типография № 16 Мосполиграфа.

Его, Подбельского, 26-го кооптировали в «пятерку», Боевой партийный центр по руководству восстанием, а значит, автоматически и в ВРК, и главная обязанность — обеспечить во что бы то ни стало регулярный выход «Известий Московского Совета», «Социал-демократа», призывов, листовок, объявлений. Обязанность! А случалось так, что и не только типографии нет, но и редакции. В Замоскворечье он как бы наново начал делать «Социал-демократа» — собирал материалы для номера, засадил, к счастью объявившегося, сотрудника редакции писать передовую, а сам метался по улицам в поисках набора и печатных машин.

Начал печатать номер на Пятницкой, в огромной типографии Сытина, такой знакомой еще с тех времен, когда сам был штатным сотрудником сытинского же «Русского слова», респектабельной, миллионнотиражной газеты. Правда, она встретила враждебно, родная типография: меньшевики постарались создать это настроение у печатников и наборщиков, а может, и отданное на второй день восстания распоряжение о закрытии всех буржуазных газет. Оставшиеся без заработка люди смотрели хмуро, отказывались работать; он стоял над душой у наборщиков, у метранпажей, сам помогал таскать кипы свежего тиража, и номер все-таки вышел! В нем уже были сообщения о том, как резко менялось положение в городе. А чтобы меньше хлопот, чтобы быстрее выходили призывы к окончательной победе, стали печатать «Листок «Социал-демократа», как бы сокращенный, экстренный выпуск газеты. Там — известие, что в Петрограде создан Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным. И основной номер газеты выходил с первыми декретами Советской власти — о земле, о мире. Как это было важно, когда в Москве еще не кончилась борьба, когда лилась кровь и гибли люди!

На заседании Боевого центра Соловьев, один из прежних редакторов «Социал-демократа», теперь полностью погруженный в дела ВРК, похвалил: что бы и делать нынче без газет! А Гриша Усиевич, тоже член ВРК, старый товарищ, однокашник по Тамбовской гимназии, прибавил: «Мы Подбельского скоро вообще комиссаром по печати всей Москвы сделаем. Вот победим и сделаем». Серьезный Соловьев согласно кивнул, а Гриша не отставал: «Ну как, Вадим, одобряешь?» Эх, сказать бы им, как это непросто — с типографиями. Но он только пожал плечами:

— МК решит, кому чем заниматься...

...В комнате было сильно накурено, за длинным столом сидело несколько человек, и лица их в свете висячей лампочки показались строгими и усталыми. Все они говори-

ли разом, и выходило, им тоже не надо бы мешать, но и спросить все-таки требовалось — недаром же пер в такую даль,— и солдат, поддернув ремень винтовки, погромче сказал:

— Мне бы Военно-революционный комитет... где тут?

На него обернулись; один, в пиджаке и косоворотке, ответил:

— Ну, здесь. А что вам, товарищ?

— Я из пятьдесят шестого запасного. Наш караул на телеграфе. Чиновники там наши телеграммы задерживают, только на Керенского работают, если что и передают... Ну, мы арестовали главарей, а работу телеграфа вообще остановили. К нам бы туда комиссара какого, разобраться.

— Поезжайте, Вадим Николаевич...

Названный, не раздумывая, поднялся со стула. В белой рубашке, и галстук фасонисто держится в вырезе темного аккуратного френча. Солдату это не понравилось. Лучше бы первый, в косоворотке, сам отправился, он вроде шустрый; или вон тот, в конце стола, у него фуражка офицерская, видно, из фронтовых прапорщиков, обстрелянный.

Размышлял солдат, и вдруг:

— Что, опять телеграф отдали?

Спрашивающий широкими плечами загородил лампочку, заглядывая в лицо, пугая своим вопросом, и Цыганов вскочил, приволакивая к ноге приклад, и только теперь по знакомой бородке и усам понял, что перед ним Ведерников, начальник Красной гвардии, с ним вместе занимали почтамт и телеграф. Тогда ладненько получилось: раз — и хозяева положения, но через три дня (еще и харчи не успели прибрать, которые захватили с собой) со стороны Мясницкой ударили солдаты и юнкера, те, что сидели на телефонной станции, и пришлось сматываться, зайцами петлять по дворам, пока Никита Морозов, назначенный этим самым Ведерниковым в начальники караула, не собрал всех, не привел обратно в казармы. Потом снова навалились вместе с красногвардейцами Городского района и уже со стрельбой, с правильной осадой заняли почтамт и телеграф прочно, теперь уж ученые. Но вот Ведерников увидел его здесь и, видно, напугался.

— Почему молчишь? Отдали, говорю?

— Еще чего! — наконец вымолвилось, и улыбка возникла сама собой — от удовольствия, что можно так сказать.— Вот только чиновники не слушаются.

— За комиссаром он пришел,— вставил кто-то от стола, уловив их разговор.— Подбельский к ним идет.

Вниманію служащихъ телеграфа.

Почта и телеграфъ въ Москвѣ находятся въ полномъ распоряженіи Военно-Революціоннаго Комитета. Безопасность и спокойствіе въ районѣ центральнаго почтамта телеграфа обезпечены прочной охраной революціонныхъ войскъ. Необходимо немедленно же начать правильную работу телеграфа.

Въ виду этого прошу всѣхъ служащихъ телеграфа по возможности немедленно же явиться къ исполненію своихъ обычныхъ служебныхъ обязанностей.

Въ цѣляхъ большей безопасности направляться къ телеграфу цѣлесообразнѣе всего со стороны Красныхъ воротъ, гдѣ караулъ революціонныхъ войскъ окажутъ идущимъ къ телеграфу служащимъ необходимое содѣйствіе.

По приходѣ на телеграфъ всѣмъ служащимъ будутъ выданы спеціальные пропуски

Комиссаръ почты и телеграфа въ Москвѣ

В. ПОДБѢЛЬСКІЙ.

Москва, 1-го ноября 1917 г.

Обращение комиссара В. Подбельского
к служащим почт и телеграфа в Москве.
1 октября 1917 г.

— А! — сказал Ведерников, и по лицу его, крупному, решительному, было видно, что ему уже неинтересно, зачем здесь солдат, раз караул удерживает телеграф и почтамт.

...По лужам молча дошагали до ряда машин, и комиссар обошел одну, потом другую и остановился возле санитарной кареты, что-то сказал шоферу. Тот грохнул крышкой мотора и полез в кабину, комиссар тоже полез, а потом высунулся, оглянулся на стоящего в нерешительности солдата и показал, чтобы забирался в кузов.

— Прямо давай, а потом на Сретенку выбирайся. Я там шел давеча. Постреливают, правда, а так ничего, спокойно.

Войдя внутрь здания, Подбельский вспомнил, как Соловьев сказал: «Поезжайте, Вадим Николаевич». Так буднично. Вероятно, потому, что самому Василию Ивановичу вот так же вдруг выпало ехать комиссаром — закрывать буржуазные газеты. Он мандат подписал, Соловьев, бумагу быстро отстукали на машинке, несколько минут прошло. И доехали без приключений. А телеграф — так важно, в Питере с него начали — Ленин предупреждал.

— Вот здесь,— солдат толкнул дверь, а сам нырнул в сторону, неловко отдернув мешавшую ему винтовку.

— Сидят, субчики! — Это послышалось сзади, со злорадством: вот, мол, привели комиссара, сейчас узнаете.

Один — грузный, с бородкой, в мундире почтового ведомства — поднялся, словно приветствуя, а может, готовый наперед, без сказанных слов, возражать, и все за столом смотрели на него, как бы определяя, так ли все делает, как договорились, когда еще не распахнулась высокая дверь.

— Совет Московского почтово-телеграфного узла вас слушает...

— Моя фамилия Подбельский... Только что Военно-революционный комитет назначил меня комиссаром почт и телеграфов Москвы.

— Товарищи из караула докладывают, что на телеграфе задерживают наши телеграммы, работа идет только на Керенского. Но я думаю, ваш совет осведомлен, что Временное правительство пять дней назад низложено. Нам нужно договориться, как нормализовать дальнейшую работу телеграфа.

Тот, грузный, все еще стоял, навалившись животом на край стола, и на лице его уже не было написано желания возражать. Скорее, усталость; мягкие, даже, вероятно, обычно добрые черты лица заострились, холеная бородка разлохматилась; под кем-то скрипнул стул, и он сделал недовольное движение рукой, потом тихо и твердо сказал:

— Я — Миллер, московский почт-директор и председательствующий на данном заседании совета. Прежде чем вступать в какие-либо переговоры, гражданин комиссар, мы должны видеть свободными наших арестованных товарищей.

Усталые глаза вспыхнули и тотчас погасли.

Снова скрипнул стул, но никто уже не выразил недовольства нарушением тишины.

«Видеть свободными наших арестованных товарищей»? Подбельский молчал, чувствуя, что вернулось то состояние, которое он испытал, когда вылез из автомобиля и вошел в подъезд. Теперь понятно, что это не неизвестность тревожила — он никогда ничего не боялся, как-то вдвоем с Усиевичем (или не с ним? Нет, Усиевич был, кто же еще?) четыре часа говорили в переполненном цирке. И теперь он готов говорить, был уверен, что найдутся нужные слова, а кольнуло другое: здесь надо знать что-то особое, здесь что-то свое, на телеграфе. Как хоть они передают свои телеграммы, чтобы они точно попадали по назначению — в Иркутск или Кирсанов? А теперь — арестованные. И ему никто ничего не сказал.

«Субчики» — и все. А если без «субчиков» вообще до Питера не достучишься?

Повернулся к солдатам:

— Сколько арестовано?

— На телеграфе пять.

На телеграфе! А где еще и сколько? Приблизился к столу, теперь было видно, что у Миллера светлые волосы чубчиком зачесаны наверх, щеки дрогнули будто бы в усмешке.

— Освободить арестованных,— сказал,— без разбора дела я не могу ни в коем случае.

— Так приступайте! — руки Миллера взметнулись, похоже, он выпускал птиц на волю.— Караул, я надеюсь, вам подчинен?

В соседней комнате стояло несколько столов, опять шкафы, лампочка, правда, потускнее. Подбельский торопливо расстегнул пальто, кинул на один из столов, сверху — шляпу. Еле успел выбрать стул — так, чтоб смотреть на дверь, а уже ввели, грохоча прикладами. Фамилии спрашивать не стал, хватит, что в форменной тужурке; главное — разобраться, кто здесь за кого.

— Наши товарищи солдаты заявляют, что вы умышленно не пропускали телеграмм только что народившейся Советской власти. Я требую совершенно определенного ответа: так или нет?

— Так... Но, понимаете ли, мы были лишь точными исполнителями воли Центрального комитета нашего профсоюза. Цека только что объявил нейтралитет. Нам все равно...

Путались, выходя, сталкивались с появлявшимися на смену тужурками, тянулись привычно — руки по швам. Задерживали телеграммы или не задерживали? Да, но мы — точные исполнители... Потельсоюз...[1] Когда и сколько? Все, но, понимаете, до вчерашнего дня, только до вчерашнего!..

— У меня к вам вопрос тот же: караул заявляет, что вы оказывали всяческое содействие провокационным телеграммам свергнутой власти. Верно?

— Батюшки! Да что ж тут удивительного? Они ведь временные, да законные. А мы кто? Мы, чиновники, орудие власти. Теперь, когда правительства Керенского не существует... Теперь командуйте, Вадим Николаевич. Теперь вы — временные, до Учредительного собрания, а уж там посмотрим.

— Ладно, не место про Учредительное. Лучше скажите, как связь с Петроградом. Можно ее немедленно наладить?

[1] Потель, почтель — принятое в те годы сокращение слов «почтово-телеграфный».

Подбельский присел на край стула и, как умел, почти не раздумывая — так, во всяком случае, должно было казаться со стороны,— начал быстро писать на листе, попавшемся под руку.

— Вот, гражданин почт-директор. Потрудитесь распространить.

В бумаге говорилось:

«Почта и телеграф в Москве находятся в полном распоряжении Военно-революционного комитета. Безопасность и спокойствие в районе Центрального почтамта и телеграфа обеспечены прочной охраной революционных войск. Необходимо немедленно же начать правильную работу телеграфа.

Ввиду этого прошу всех служащих телеграфа по возможности немедленно же явиться к исполнению своих обычных служебных обязанностей...»

Подбельский поднялся — и к солдатам:

— Теперь на почтамт.

...Утро вставало над городом холодное, в серых тучах, обещавших, похоже, не дождь, как прежде, а снег. Замершая было стрельба разгорелась, выстрелы трещали словно бы новыми охапками хвороста, подброшенными в огонь.

С недостроенного дома сквозь доски лесов красногвардейцам было видно, как черные фигурки перебегают в окопах, перегородивших Милютинский переулок, огибают отвесные стены телефонной станции, а со стороны Большой Лубянки, от церкви Введения, кто-то с близи палит по ним, и они оттягиваются назад, отстреливаясь...

С верхнего этажа станции ударил пулемет, но поздно: колокольня надежно прикрывала, пули цокали на рельсах, и усатый солдат в папахе, с драгунским карабином, закинутым за плечо, дергал за рукав пальто, стараясь привлечь внимание командира отряда:

— Нет, ты скажи, товарищ Усиевич, ловко? Ловко, а?

— Ловко, ловко... Куда его теперь, бомбомет? — Усиевич все еще придерживал очки, вертел головой, удивляясь, как высок дом поблизости, через окоп; и еще выше этого дома — этажа на четыре — готического вида, вроде немецкого замка, здание телефонной станции.— Может, на колокольню? Втащим?..

Кто-то тронул за плечо, он обернулся, удивленно узнал Подбельского и тут же снова вынул часы. Стрелке оставалось пройти еще два деления.

— Ты слышал, Вадим? Они просили десять минут на размышление. Еще одна осталась.

Сзади закричали. Еще голос, еще, и Усиевич понял, о чем это, потому что по-прежнему следил за стрелкой часов,— из-за катушек показался человек в шинели и фуражке, с винтовкой, за ним другой. Целая цепочка переходила переулок позади окопа, скрывалась за косо тянувшейся стеной дома напротив, и вот уже снова появился тот, первый, и было видно, что это поручик — в наплечных ремнях и с шашкой, которую он плотно придерживал рукой. «Товарищи, в цепь, растянуться цепью для приема пленных» — это распоряжался Подбельский, и Усиевич подумал, что правильно, пленных надо разоружить и еще что-то потом с ними делать, куда-то вести; но это потом, а сейчас взгляд его не мог оторваться от цепочки людей, все никак не прерывающейся от выхода из станции, через переулок.

Почтовики вели себя вызывающе, мол, ввалившиеся на почтамт солдаты и красногвардейцы им не указ: сидите, охраняйте невесть что, «юзы» стрекочут помимо вашей воли, и почтовые вагоны выгружают, и письма сортируются тоже помимо; как мы, почтовики, захотим, так и будет... Потом заволновались, от этой фамилии «Подбельский» никуда не деться, караул ею козыряет, как паролем, и сам он — вечный портфель под мышкой! — тут как тут: «Прошу собрать заседание совета. Вопрос тот же: немедленное и безусловное признание новой власти, ее представителя — комиссара».— «Но помилуйте, о чем речь? Учреждения узла удовлетворительно управляются демократическим органом, избранным единодушно самими служащими. Или вы против демократии?» А в ответ снова: «Совет должен признать комиссара. Власть в стране принадлежит Советам, и почтой и телеграфом должны управлять они, а не почтовые служащие».

...Подбельский удивлялся: странно, никогда за всю свою жизнь он не чувствовал себя таким одиноким. Всегда его словам кто-нибудь внимал, а тут — стена, просто стена.

Три дня переговоров с комитетом — и никаких результатов. Разве что понял, что эти господа все-таки не хотят обострять отношений. Но что-то затевают, явно затевают какой-то выгодный им, далеко идущий компромисс. Он пытался разговаривать с каждым по отдельности, убеждал, советовал — и опять стена.

Его уже знали на телеграфе и почтамте, он приезжал туда, когда выдавалась минута, и бродил по коридорам, заходил за выгородки, за стекло с вырезами окошек, за медные надписи: «Прием телеграмм», «Прием почтовых переводов». Немного странно было чувствовать себя по ту сторону, уже не клиентом почты, а вроде бы и своим, чем-то связанным с эти-

ми людьми за столами, что-то пишущими, привычно гоняющими костяшки счетов. На второй, на третий день было заметно, как прибавилось чиновников,— хотелось думать, что это по его, комиссара, призыву. А впрочем, какая разница, важно, что телеграф работает.

«Здравствуйте, гражданин Подбельский!», «Здрасьте» или просто кивок встречного. И никакого желания поговорить. Нет, один подошел, отрекомендовался: техник, фамилия — Грибков. Спросил, не хочет ли комиссар присутствовать на первом собрании служащих.

Операционный зал уже наполнялся людьми. Несли стулья, проплыл мимо стол для президиума — рабочий стол кассира или приемщика, и даже чернильница осталась на нем. Подбельский вглядывался в лица собиравшихся, к добру это или так задумано, сыграют заранее отрепетированный спектакль? Грибков стоял у барьера со стеклянным окошком, встретившись взглядом, улыбнулся, как бы подбадривая.

Подбельский быстро прошел к столу, попросил председательствующего объявить, что на собрании присутствует назначенный ВРК комиссар почтово-телеграфных учреждений Москвы. Сел возле стола, закинул ногу на ногу, оглядел собрание по рядам, до самых дальних, у барьера с окошками, до Грибкова. Вскинул взгляд на председателя и, почти обрывая его на полуслове, встал, твердо бросил в зал:

— Товарищи! Приветствую вас на первом вашем после победы пролетарской революции собрании. История поставила вас, тружеников, перед выбором: влиться в многотысячные колонны строителей новой жизни или обречь себя на положение сторонних наблюдателей происходящего. Ваши руководители из совета Московского узла хотели бы последнего. Они пытаются отравить вас буржуазными баснями о «нейтралитете» или, что хуже, сбить с толку идеями синдикализма. Но, так или иначе, эти руководители добиваются лишь одного: поставить вас в хвост буржуазной контрреволюции. Не ведая, что творят, они от вашего имени отрицают рабоче-крестьянскую Советскую власть, пытаются подменить ее бесплодным неприятием этой власти. Я уверен, что вы дадите отпор всяким попыткам решать подобные вопросы за вас и от вашего имени!..

Кто-то сзади хлопнул в ладоши, показалось, что Грибков; аплодисменты стали громче, но было ясно, что сказанное пришлось по душе лишь десятку собравшихся. Остальные смотрели холодно, а пожалуй, и враждебно.

— Товарищи! Для меня не секрет, что вихрь мировых событий так закрутил многих из вас, так ошеломил своей

неожиданностью, что вы не могли устоять перед натиском буржуазной клеветы на Советскую власть...

Молодой человек в форменной тужурке, чернявый, с оттопыренными ушами, вскочил, задевая взметнувшимися полами тужурки соседей, и, сложив пальцы колечком, умело свистнул. Эхо звонко ударилось в потолок, и вслед ему десятки ног глухо затопали.

Подбельский, покусывая губу, ждал тишины, она приходила медленно. Сказал, глядя в сторону чернявого:

— Хулиганские выходки никогда не помогали делу... Ну так вот, говорю я, среди вас есть немало клюнувших на буржуазную ложь и клевету. Слишком далеко вы, труженики телеграфной связи, стояли от рядов рабочего класса, слишком тщательно царская охранка оберегала вас от здорового революционного воздуха. Но он целебен, этот воздух. Он проникает даже в самые закупоренные помещения...

По рядам снова затопали:

— Общие слова! Мы их наслушались!

— Сами себе хозяева!

— Долой!..

Да, слушать они не желали. И со спокойной решимостью, стараясь только не обнаружить своей досады, Подбельский крикнул:

— Ну что ж, поговорите тут без меня. Но я все-таки буду надеяться, что вы найдете силы и разум понять, кому вы призваны служить и для чего!..

Через день он доложил на заседании ВРК условия «перемирия», до которых ему удалось столковаться с советом Московского почтово-телеграфного узла, говорил, понимая, что условия гнусные, оскорбительные для новой власти, но что можно поделать? И по лицам слушавших видел, что его понимают, тем более что добавил о неокончательности решения — не совет, конечно, так считал, а он, комиссар. Совет устранялся от руководства почтово-телеграфными учреждениями — этим будет заниматься «коллектив», избираемый советом. Комиссар признавался как представитель власти, но свои требования мог предъявлять только этому самому коллективу, а не служащим или должностным лицам. Одним словом, и нашим и вашим...

Доклад его по этому вопросу не обсуждали, сразу постановили, что ВРК разрешает пойти на уступки.

Он объявил совету о том, что условия приняты, в той же комнате на телеграфе, куда заявился в памятный вечер в разгар восстания. И так же за длинным столом сидели люди в почтовых тужурках, только не было солдат из караула.

И мы тут, знаете, времени не теряли, уже и коллектив выбрали. Вот, разрешите представить: председатель...

Невысокого роста человек со светлыми, чуть навыкате глазами — один среди присутствующих в пиджачной тройке, с пестрым галстуком — чуть привстал, поклонился, негромко назвался: «Войцехович».

Когда представление коллектива закончилось и чтобы прервать возникшую вдруг паузу, Подбельский сказал:

— Я надеюсь, работа коллектива будет носить гласный характер и о его решениях будут широко информированы служащие.

Войцехович вскочил, с грохотом оттолкнул стул к стенке, и было странно видеть, сколько страсти вкладывает он в каждое свое слово и каждое движение:

— Я протестую! Гражданин комиссар принял условия и обязан их строго придерживаться: коллектив ему подчиняется только лишь в силу сложившихся условий, и диктовать, командовать...

— Простите,— оборвал Подбельский.— Судя по вашим словам, командовать собираетесь вы. Я, наоборот, говорил о гласности.

— Мы достаточно компетентны в вопросах демократии, потрудитесь нас не учить!

— Тише, тише,— замахал один из членов совета.— Такой торжественный момент, кажется, по всем пунктам договорились — и снова дебаты... Вы, Вадим Николаевич, жаждете гласности, так вот могу познакомить вас с циркулярной телеграммой совета, в которой мы объявляем всем о начале работы коллектива.

Ничего особенного на бланке не было — то же, что он, Подбельский, докладывал на ВРК. Впрочем, нет, после слов о том, что право сношений с комиссаром имеет только «коллектив», было хлестко подчеркнуто, что он «является единственным органом управления всеми делами почтово-телеграфных учреждений Московского узла впредь до организации государственной власти, признанной большинством народа».

Подбельский медленно обвел взглядом сидевших за столом. На него тоже смотрели с любопытством, изучающе, но больше с вызовом.

— Ладно,— сказал.— На сегодня у меня все.

Вышел в аппаратный зал. Спросил, где найти надсмотрщика Грибкова. Чиновник пожал плечами, мотнул головой в сторону. Кто-то сзади крикнул: «Грибков! Позовите Грибкова!»

Техник появился скоро. Они вышли в коридор, к каменным ступеням лестницы. Здесь было холодно, сквозило в большую, настежь отворенную форточку.

— Слушайте,— сказал Подбельский, стараясь смотреть на техника побезмятежней, вроде бы за его дальнейшими словами не появится особого, многозначительного смысла,— а вот совет ваш, он много телеграмм рассылает по стране от своего имени? Мне интересно знать масштабы... или работа больше тут идет, в Москве?

Грибков удивленно поднял белесые брови.

— Да вы ничего не знаете, товарищ Подбельский! Они же себя считают главнее Цека союза, того, который в Петрограде. На собраниях служащих сколько раз говорили, что Цека предал интересы потельслужащих... И потом вы учтите, Москва всегда стояла на пути всего, что передает Питер. Тут кто палку взял, тот и капрал. Совету легко сойти за центральную почтово-телеграфную власть: задерживай, что из Питера говорят, и передавай свое!

— Ну и как, передают?

— Да я не слежу специально... Вот давеча циркуляр «всем, всем» прошел, что вас признали, комиссара, при сильном ограничении.

— Это я читал. А еще?

Грибков помолчал, задумчиво потер пальцем губы.

— А ну пойдемте.

На столе у опасливого чиновника он хозяйственно перерошил стопку журналов, один развернул.

— Вот, до самого Иркутска прошло, по всем линиям. Читайте.

Подбельского поразила аккуратность, с какой были заполнены страницы журнала, и еще почерк, по такому впору учиться чистописанию. И сам характер записей, абсолютно неведомых ему по содержанию. Одно за другим шли указания на перерывы связи и о путях, какими их надлежит обходить, через какие города, и еще про сбои в передаче, требования наладить срочно работу, и он подумал, что плохой комиссар, раз всего этого не понимает.

— Не тут,— лез через плечо Грибков.— Вот, глядите... Длинно, а стоит прочесть. Все исподнее свое наш совет вывернул, мы уж тут смеялись...

Запись и вправду была длинна, в ней по телеграфному часто не хватало предлогов и союзов, но действительно читать стоило.

«Москве после героического сопротивления сдались войска Комитета общественной безопасности...»

— Это когда передано?

— Да вот,— оживленно пояснял Грибков,— сегодня, пятого ноября, утром. Глядите, помечено.

«...Сдались,— снова начал читать Подбельский,— войска «Комитета общественной безопасности», объединившего инициативе думы все крупные демократические организации против захватных стремлений большевиков. Сдались, главным образом, в целях спасения Кремля и центра города, которые большевики недавно громили из тяжелых орудий. Членам КОБ и его войскам гарантированы свобода и неприкосновенность. Власть теперь в руках Революционного комитета, но большевики понимают свое бессилие организовать власть и стремятся коалиции государственными элементами. Последние в большинстве не согласны работать совместно с большевиками, стремятся их изоляции и естественной смерти. Наши учреждения работают самостоятельно и управляются особым коллективом, назначенным нашим советом. Цензуры, кроме обычной военной, нет. Комиссар не вмешивается совершенно. Городе спокойно, только Кремль и все его святыни грабят без конца. Окружной суд, Оружейная палата и некоторые храмы разграблены совершенно. Орудийного огня пострадал сильно Чудов монастырь, Успенский и собор Двенадцати апостолов...»

— Прямо газета,— Подбельский возвратил журнал Грибкову.— Спасибо, мне было интересно.

— Газета! — подхватил Грибков.— Где-нибудь в Балахне прочитают и подумают, что в Москве ни одного целого дома не осталось. А Кремль, так тот с лица земли стерли.

— Для того и написано!

Попрощавшись, Подбельский пошел к выходу. Все-таки получилось мудро — совместить в одном, его, лице две должности комиссаров — почт и телеграфов и по делам печати. Вот ведь наведи порядок в газетах, отсей, запрети передавать ложную информацию, а она тут, на телеграфе, хоть и тоненьким ручейком, да потечет и найдет потребителя.

Вспомнились дебаты на заседании ВРК: давать ли свободу выхода буржуазным газетам? Говорили, что их нужно держать закрытыми, ибо у самих плохо поставлена информация, в своих газетах, или же, как выход, компромисс — установить жесточайшую цензуру. Другая точка зрения с оглядкой на предстоящее Учредительное собрание — полная свобода всех газет. Насчет цензуры настаивал Ольминский, редактор «Социал-демократа». А рассудительный Ломов напомнил, что у партии на этот счет уже есть решение и его следует четко придерживаться: буржуазные газеты необходимо

закрыть, важно только решить вопрос, как быть с рабочими в типографиях этих газет — они ведь вынужденно остаются без заработка. А неутомимый, скорый на решения Усиевич тут же предложил конфисковать все буржуазные типографии и открыть широкую издательскую деятельность по вопросу об Учредительном собрании: пора, потом спохватимся! И тут же рубанул сплеча: «У Сытина громадные запасы бумаги, мы можем их использовать...»

Да, у Сытина много чего громадного, это он, Подбельский, может, лучше других знал — и по работе среди печатников, особенно сытинцев, и по собственному сотрудничеству в «Русском слове». Не бумага главное, а влияние того же «Русского слова» в стране: что ни загнет, поверят. А загибать там умеют, и оперативностью могут помериться хоть с американцами, такой второй корреспондентской сети, как у сытинской газеты, в России ни у кого нет...

«И потому-то ее первой нужно закрыть»,— решил он теперь, испытывая одновременно боль и сожаление. Все-таки она родная, газета, в «Русском слове» многое начиналось, многого хотелось достичь: выступал со статьями по кооперации, по рабочему вопросу, стараясь вот так, легально, по-большевистски влиять на читателей. И там, в редакции,— Дорошевич, всероссийски знаменитый Влас Дорошевич, «король фельетона», у которого хотелось учиться писать — короткими строчками, насыщенными, как абзацы... А на заседании ВРК, когда Гриша Усиевич говорил об огромных запасах бумаги у Сытина, Ольминский возразил: вопрос о реквизиции сытинской типографии уже подымался, но оказалось, очень большие расходы, 70 тысяч рублей в день — сможем ли выдержать? Ему, Ольминскому, и поручили в конце концов составить комиссию, чтобы решать все эти вопросы.

И как итог — декрет ВРК: начиная со среды, 8 ноября, в Москве могут беспрепятственно появляться все органы печати, без различия направлений, при условии оплаты рабочих и служащих за прогульное время. Но и предупреждение: никакие воззвания, призывающие к восстанию против Советов, допускаться не будут; в противном случае — конфискация газеты, предание авторов революционному суду.

«Конфискация, суд,— хмурился Подбельский.— А ядовитая телеграмма, Грибков сказал, до Иркутска прошла. Выходит, пугаем только».

Ему представились ежедневные вороха газет. «Русские ведомости», «Мысль», «Утро России». Какие воззвания? Их и не публикуют. А вот лживой информации хоть отбавляй —

как-де зверствуют большевики, как слабы они, чтобы исполнить свои намерения. И все с претензией на сугубую достоверность: «от нашего корреспондента», «как стало известно из хорошо осведомленных источников». А эсеровские и меньшевистские — «Труд», «Земля и воля», «Вперед»,— те гонят свои программы, заявления, их подхватывает провинция, раздувает, ссылаясь на «информированную» Москву... Нет, карать следует не только за призывы против новой власти, но и за грязные слухи. «Нам нужен другой декрет,— подумал он решительно.— Чтобы никаких лазеек. И я войду с этим предложением в Моссовет».

По улице гулял ветер. Наехав колесами на тротуар, стоял его автомобиль, открытый, без верха из брезента, и шофер зябко съежился на своем месте.

Подбельский вдруг снова вспомнил длинную телеграмму Совета: «Живем на вулкане. Ждем дальнейших событий». Да, газеты газетами, а с этими телеграфистами тоже держи ухо востро!

Шофер, невзирая на холод, спал. Он растолкал его, и тот глядел мутными, мало что понимающими глазами.

— Подождите меня,— сказал,— я пойду на почтамт...

Почтамт Подбельского беспокоил меньше — народ там проще. А вот на телеграфе — смотри в оба. Чиновники с привилегиями, образованием. И комиссар ездил время от времени туда, присаживался с краю на собраниях, слушал. Со злой тревогой сравнивал обстановку на почтамте со здешней; там, можно сказать, был уже достигнут солидный перевес сил, хотя и за счет почтальонов, сторожей, в общем, младшего персонала, а на телеграфе собрания сочувствующих большевикам посещались плохо, сидели одни и те же и то в качестве представителей от дежурных, от рассыльных, а техников, за исключением Грибкова, не было видно вовсе, а от них-то, случись что, многое зависит — включают аппараты и направляют депеши по линиям они, техники.

А тут еще из Петрограда пришла циркулярная телеграмма, скупо сообщившая, что в связи с согласием левых эсеров участвовать в правительстве и предоставлением им там семи мест наркомом почт и телеграфов вместо Авилова назначен Прош Перчевич Прошьян. Собственно, ничего нового, кроме фамилии, телеграмма не принесла, левые эсеры тянули волынку с участием в Совнаркоме еще с октября, со II съезда Советов, надеясь, что им удастся повести за собой крестьян. Но теперь... было ясно, что деревня в большинстве своем верит большевикам, и играть в партийную независимость, видно, стало опасно...

Подбельскому вспомнился Петроград, заседания VI съезда и Авилов — деловой, сдержанный, со вниманием поблескивающий стеклышками очков. Теперь его вроде прочат на работу во флоте. А этот какой — Прошьян? И стоит ли с ним заводиться, испрашивать совета (или разрешения — поди разберись) в своем конфликте с Войцеховичем, с «коллективом представителей»?

Дома, возбужденно расхаживая по комнате, Подбельский говорил жене:

— Тебе трудно представить, что за каверзная организация почта. Повесят эти субчики замки на конторы, выключат телеграф — и замрет страна... Но теперь-то мы им не позволим даже подумать об этом. Накопили силенок!..

Через день он сообщил в Моссовет, что закончил расследование обстоятельств телеграфного саботажа в Октябрьские дни. Документы, собранные в две пухлые папки, будут предъявлены руководителям телеграфного комитета Войцеховичу и Оссовскому, и он, Подбельский, тут же отдаст распоряжение об их аресте.

Что касается «коллектива представителей» Московского узла, то особым приказом он распускается, ибо демократическая часть почтово-телеграфных служащих отозвала из него своих представителей и лишила «коллектив» полномочий. Моссовет, таким образом, может всецело рассчитывать на беспрекословное проведение его линии московской почтой и телеграфом.

* *

*

Николай Николаевич
ПРЯМИКОВ

Прямиков Н. Н. (1888—1918 гг.), участник борьбы за Советскую власть в Москве.
Член КПСС с 1906 г.
Родился в семье повара в Москве.
Участник революции 1905—1907 гг.
Неоднократно подвергался арестам и ссылке.
Активный член заводской партийной ячейки на московском заводе «Колючая проволока».
В 1916 г.— один из организаторов объединенной партийной группы, в которую вошли рабочие завода Гакенталя (ныне «Манометр»), Военно-промышленного завода и других предприятий.
В дни Февральской революции 1917 г. возглавил демонстрацию трудящихся Рогожско-Басманного района Москвы, направляющуюся к городской думе, участвовал в разоружении полиции, освобождении

из Бутырской тюрьмы политзаключенных, в том числе Ф. Э. Дзержинского. С августа 1917 г.— председатель исполкома Рогожского районного Совета и член Рогожского райкома РСДРП(б).
В дни Октябрьского вооруженного восстания — председатель ВРК Рогожско-Басманного района, руководил действиями Красной гвардии, участвовал в боях на улицах Москвы. После победы Октября проводил большую работу по укреплению Советской власти в районе.
В 1918 г.— председатель «тройки» по созданию Красной Армии, председатель районной ЧК. 3 марта 1918 г. смертельно ранен в бою с бандой в Петровском парке. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

* * *

Комиссар районного ВРК [1]

В первый же день вооруженного восстания в Москве стали формироваться районные военно-революционные комитеты. Им надлежало поддержать революционные меры городского ВРК и обеспечить власть Совета в пределах своего района.

В здании Рогожского районного Совета с утра было многолюдно. Николай Николаевич Прямиков — председатель Совета, его заместители по Исполкому Р. С. Землячка и В. Я. Ясенев [2] около 10 часов утра приняли из Моссовета телефонограмму: «Борьба за власть Советов в Петрограде началась. Правительство сопротивляется. Город в руках революционного центра. Московским Советом принимаются соответствующие меры. Немедленно на местах поставить на ноги весь боевой аппарат. Без директив из центра никаких действий не предпринимать. Восстановить дежурство круглые сутки членов Исполнительного комитета» [3]. Предлагалось известить всех депутатов Моссовета от районов об их обязательной явке на пленум, созываемый «сегодня, в 3 часа дня, в Политехническом музее» [4].

С этого момента действия Прямикова расписаны по часам и минутам. Но первое, что он предпринимает,— срочным порядком вызывает начальника районного штаба Красной гвардии 25-летнего Карла Яковлевича Печака. Ему приказано немедленно вызвать с заводов надежные «десятки»

[1] Автор очерка В. А. Кондратьев.
[2] Ясенев В. Я. (1881—1941) — член КПСС с 1905 года. Активный участник Октябрьской революции в Москве.
[3] Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. М., 1957, с. 384.
[4] Там же.

красногвардейцев для охраны районного Совета и Рогожской думы.

Рогожский район был крупнейшим (после Замоскворечья) промышленным центром города, объединявшим свыше 50 тысяч рабочих. Многие из них входили в красногвардейские «десятки». И уже в первый день восстания завод Гужона (ныне «Серп и молот») выделил в распоряжение К. Я. Печака 40 вооруженных бойцов; завод «Динамо» установил круглосуточную охрану предприятия из 50 красногвардейцев. За первые числа октября значительно выросли красногвардейские отряды на заводах «Амо»[1], «Перенуд»[2], «Колючая проволока», где продолжал трудиться Прямиков; большой отряд был сформирован в Золоторожском трамвайном парке...[3]

На объявленное пленарное заседание Моссовета Прямиков отправился вместе с Р. С. Землячкой, Г. А. Пискаревым[4] и В. Я. Ясеневым. В большую аудиторию Политехнического музея пускали строго по депутатским мандатам.

К 3 часам дня партер был полон. В зале стоял шум, депутаты оживленно обменивались новостями, интересовались событиями в Петрограде:

— Телефонная связь с Питером прервана со стороны северной столицы...

— На Мясницкой революционные солдаты 56-го полка установили охрану почты и телеграфа...

Телефонистки объявили саботаж...

Стол президиума и сцена пустовали. Между тем часы показывали уже 5 часов.

— Что-то задерживаются лидеры Совета?

— Говорят, что ожидают важные сообщения из Петрограда. Там в пять часов открывается II съезд Советов...

Наконец в президиуме появился с виду озабоченный Смидович: в эти дни он замещал председателя Моссовета Ногина, уехавшего на съезд Советов. Звякнул колокольчик, призывая к началу заседания. Депутаты притихли. Прямиков, невольно подавшись вперед, внимательно вслушивался в первые слова Смидовича. Петр Гермогенович охарактеризовал текущий момент как переход власти в руки Советов и предложил избрать революционный центр власти в лице Военно-революционного комитета.

[1] Автомобильный завод имени И. А. Лихачева.
[2] Московский механический завод «Красный путь».
[3] Трамвайное депо имени С. М. Кирова.
[4] Пискарев Г. А. (1888—1953) — участник революции 1905—1907 годов, Октябрьского вооруженного восстания в Москве. Член КПСС с 1906 года. Делегат II Всероссийского съезда Советов, член Президиума Моссовета.

Затем слово для информации о событиях в Петрограде и революционных актах Петроградского ВРК было предоставлено члену Президиума Совета солдатских депутатов Н. И. Муралову. А вслед за ним на сцену заторопились эсеро-меньшевистские члены Исполкома Моссовета. Потрясая бумажками якобы последних телеграмм из Петрограда, они пытались убедить собрание, что Керенский еще сохраняет власть, что с фронта на Питер движутся войска, верные Временному правительству. Это была отчаянная попытка сбить делегатов с толку. Лидер московских меньшевиков Исув кричал о самоуправстве большевиков, незаконном захвате революционными отрядами почты и телеграфа, установлении большевистской цензуры. И тотчас на трибуне появился А. С. Ведерников, глуховато, но четко сказал:

— Я действовал от имени Московского комитета РСДРП (большевиков).

— Молодец,— вырвалось у Прямикова.

— Правильно! — слышалось сзади через громкие хлопки.

Остановив овацию жестом, Ведерников немногословно заключил:

— Теперь я думаю, что Совет рабочих и солдатских депутатов утвердит эти действия и признает их правильными!

Революционный настрой собрания ничто уже не могло поколебать. За предложение большевиков о создании Московского Военно-революционного комитета из семи лиц, который начинает «действовать немедленно, ставя себе задачей всемерную поддержку Революционному комитету Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», голосовало 394 депутата, против — 106 и 23 воздержались.

На первое заседание МВРК была приглашена большая группа представителей от районов — комиссары Московского ВРК по всем 12 районам города. Комиссаром Рогожского ВРК был утвержден Прямиков.

Выбор на Николая Николаевича пал не случайно.

В ряды московских рабочих он вступил в 17 лет. В 1905 году — член боевой дружины, смелый боевик на баррикадах Декабрьского вооруженного восстания. Пережил арест и ссылку. В 1914 году — молотобоец на заводе «Колючая проволока», вступил в большевистскую организацию. В 1915 году под его руководством заводская забастовка завершилась победой рабочих. Правда, Николаю пришлось перейти на другой завод — Гакенталя (ныне «Манометр»), где он возглавил большевистский комитет.

В дни свержения царского самодержавия Николай Николаевич вместе с рабочими заводов «Колючая проволока», Гу-

жона и «Амо» разоружал жандармов. С революционными отрядами участвовал в осаде Бутырской тюрьмы и освобождении из нее политических заключенных. В одной из камер Николай встретился с Феликсом Дзержинским. Исхудавший, в арестантской одежде, с блестящими от слез глазами Феликс Эдмундович обнимал восставших рабочих. Николай Прямиков достал для него гражданскую одежду и весь день ездил с ним по Москве, выступал на митингах.

Эта встреча с «железным» Феликсом, о котором среди московских большевиков ходили легенды, произвела огромное впечатление на Николая, возможно, именно она и определила выбор коммуниста Прямикова после победы Октября — на работу в органы ВЧК.

В июльские дни 1917 года, когда Временное правительство перешло в «крестовый поход» против революции и ее авангарда — большевиков, Прямиков продолжал выступать с пламенными разоблачительными речами на фабриках и заводах, в солдатских казармах. Именно в это трудное для партии время Московский комитет РСДРП(б) направил его в Рогожско-Симоновский район для усиления революционной работы. Рабочие «Колючей проволоки» выдвинули его в исполком районного Совета, а в дни мобилизации революционных сил для отпора корниловцам большевика Прямикова избрали председателем исполкома.

В исторические Октябрьские дни 1917 года рабочие Рогожского района стали надежной опорой Советской власти в городе. Уже 26 октября по всему району был установлен революционный порядок. Фабрики и заводы, продолжавшие работу, находились под охраной отрядов Красной гвардии. По указанию А. С. Ведерникова Николай Николаевич едет в Симоновские пороховые склады, где хранились патроны, гранаты и артиллерийские снаряды для всего Московского округа, и организует там местный военно-революционный комитет во главе с большевиками И. Р. Стефашкиным[1] и К. В. Ухановым[2]. Эти меры оказались весьма своевременными: когда на исходе 28 октября отряд белогвардейцев, выполняя приказ полковника Рябцева, прорвался на двух автомобилях на Симоновку и попытался захватить ящик с патронами и снарядами, ревком пороховых складов сумел организовать красногвардейцев на отпор врагу. За эту

[1] Стефашкин И. Р. (1883—1940) — член КПСС с 1905 года. В Октябрьские дни 1917 года — чрезвычайный комиссар Московского ВРК и председатель гарнизонного ревкома, обеспечивал Москву снарядами, присланными с Мызораевского огневого склада.

[2] Уханов К. В. (1891—1938) — советский государственный и партийный деятель, активный участник Октябрьской революции в Москве. Член КПСС с 1907 года.

боевую операцию приказом Рогожского ВРК за подписью Н. Н. Прямикова Ивану Романовичу Стефашкину, рабочему пороховых складов, была объявлена благодарность.

Непрекращающийся поиск документов о роли отдельных участников борьбы за власть Советов в Москве помог выяснить подробности в деятельности Прямикова на посту районного комиссара. Речь идет, в частности, о 85-м пехотном запасном полке, располагавшемся в Астраханских казармах. Революционными действиями его руководил непосредственно Н. Н. Прямиков при поддержке большевиков полкового комитета Л. Х. Марьясина, А. А. Сухотина и других.

От тех опаленных порохом дней сохранились немногие подлинные документы, связанные с именем Прямикова. Когда белогвардейцы пытались блокировать здание Моссовета, где находился МВРК, в Рогожский ревком поступила экстренная депеша, доставленная через вражеское кольцо разведчиком. В ней было всего три слова: «Просим выслать пулеметчиков». На том же документе четко выведен черными чернилами ответ: «Высылается с тремя солдатами. Комиссар Прямиков».

1 ноября комиссар района просит штаб МВРК прислать на заставу броневик, чтобы укрепить подступы к патронным складам, в тот же день посылает в центр разведчика с просьбой «прислать для Рогожского района автомобиль с ответственным опытным шофером»; автомобиль нужен для ускорения отправки патронов в Замоскворечье и Хамовники.

Уже после того, как над Кремлем был поднят красный флаг победы, Николай Николаевич подписал боевой приказ.

«3 ноября 1917 г. № 38

Командиру 85-го пехотного запасного полка.

Военно-революционный комитет при Совете рабочих и солдатских депутатов Рогожского района, согласно полученному от Московского Военно-революционного комитета приказу о прекращении военных действий ввиду победы Революционных войск, приказываю немедленно прекратить все военные действия, не нарушая боевой готовности.

Комиссар — Прямиков»[1].

* *

*

[1] Центральный государственный военно-исторический архив СССР (далее: ЦГВИА), ф. 7817, оп. 1, д. 188, л. 1,0. Подлинник.

Евгений Николаевич
САПУНОВ

Сапунов Е. Н. (1887—1917 гг.), участник Октябрьского вооруженного восстания в Москве. Член КПСС с весны 1917 г.
Родился в семье крестьянина в д. Буланцево Мешовского уезда Калужской губернии (ныне Бабынинский район Калужской области).
В революционном движении — с 1905 г. Распространял листовки, выступал на митингах, разъяснял крестьянам позицию большевиков по аграрному вопросу. В 1908 г. арестован, находился под надзором полиции. В годы первой мировой войны служил в армии на Северном фронте, вел пропаганду среди солдат.
После Февральской революции 1917 г. избран членом ротного, затем полкового солдатских комитетов, вел агитацию среди солдат.
В июне 1917 г. арестован властями Временного

правительства и заключен в военную тюрьму Двинска (ныне Даугавпилс), где был избран в партийный комитет. Вместе с двинцами (арестованными солдатами Северного фронта) отправлен в московскую Бутырскую тюрьму, откуда по требованию московского пролетариата и солдат Московского гарнизона двинцы были освобождены. Сапунов участвовал в подготовке Октябрьского вооруженного восстания в Москве, вел агитацию на фабриках и заводах, вовлекал рабочих в Красную гвардию, обучал их военному делу. 27 октября (9 ноября) 1917 г. по приказу Московского Военно-революционного комитета отряд двинцев под командованием Сапунова был направлен из Замоскворечья на Тверскую улицу (ныне улица Горького) для охраны Московского Совета. На Красной площади двинцам преградил путь отряд из офицеров и юнкеров. Произошел бой, в котором Сапунов был смертельно ранен. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

* * *

Первый бой [1]

Общий революционный подъем, охвативший к началу 1917 года и тыл и фронт, привел к крушению русского царизма. Весть о Февральской революции застала Евгения Сапунова в глуши белорусских лесов и болот.

Командование армии старалось скрыть от солдат правду о происшедших событиях, но обманывать долго было невозможно. Наконец полк был вызван на построение, и к солдатам с напыщенной речью обратился командир полка.

— Долгожданный день наступил,— зычно выкрикивал он.— Царь отказался от престола...

— Не отказался, а его свергли,— громко сказал Евгений.

Строй зашумел. Полковник побагровел, вдоль рядов забегали офицеры. «Прекратить разговоры! Смирно!..»

Когда порядок был восстановлен, прозвучала команда:

— Рядовой Сапунов, три шага вперед.

Он вышел. Спокойно, твердо, уверенно.

— Арестовать! — выпалил полковник.

Строй снова зашумел. Раздались голоса:

— Не дадим Сапунова!

— За что?

— Сыты по горло!

Солдаты обступили Евгения. Их вид был решительным, некоторые взялись за оружие. Офицеры, стушевавшись, поспешили скрыться.

[1] Автор очерка В. А. Кондратьев.

Вскоре после этого случая солдаты избрали полковой комитет. Первым был назван Евгений Сапунов.

После образования в частях солдатских комитетов революционное движение в армии приняло более организованный характер.Солдаты открыто высказывались против войны, выражая недоверие действиям Временного правительства. Из рядов 5-й армии, в которую входил и 303-й Сенненский полк Сапунова, только за май 1917 года ушло в тыл, по подсчетам военной цензуры, двенадцать с половиной тысяч «пораженческих» писем, таких, например, как это, написанное одним из солдат Сенненского полка:

«Горячий привет вам, товарищи и братья наши, послушайте вы наших доблестнейших воинов, что наши войска не хотят войны вести никак, а хотят давайте скорей мир. Вы знаете, что наши враги внутри России хотят войну вести до победного конца. Воны усе живы, как и вам известно то. Как наш брат что-нибудь сделал или сделает, то сейчас смертной казни и каторжной работы...

Вы знаете, что наши товарищи желали сделать свободу 1905 года, ну воны не дали нам развернуться, повешали и побили и в каторжную работу наших товарищей и братию, возмущались. А теперь не дайте им развернуться нами, что воны усе это хотят войну вести...

У нас, брат, никто не желает войны вести...»[1]

Временное правительство, продолжая политику царского самодержавия, всячески стремилось сохранить «боевой дух» в войсках, продолжать войну «до победного конца». Все, кто мешал осуществлению такой политики, безжалостно сметались с пути.

На фронте вслед за неудавшимся наступлением в апреле 1917 года начались репрессии, вновь была введена смертная казнь. Это еще больше дискредитировало правительство буржуазии и вошедших в него министров-социалистов.

В середине июня 1917 года солдаты 303-го полка по призыву своего комитета собрались на митинг. Вопрос стоял один: «Об отношении к Временному правительству». Митинг проходил бурно и продолжался долго. Оратор сменял оратора, говорили горячо, страстно, до хрипоты. Несколько раз пришлось выступить и Евгению Сапунову. Его слушали внимательно, шумно аплодировали. В заключение он зачитал резолюцию, составленную большевиками. Приняли ее почти единогласно — при одном против и трех воздержавшихся.

[1] Солдатские письма 1917 года. М., 1927, с. 58.

В резолюции отмечалось: «Современная война со стороны обеих групп воюющих держав есть дикая затея империалистов, ведущаяся капиталистами из-за дележа выгод от господства над миром, из-за рынка финансового капитала и из-за подчинения слабых народностей сильным.

Вступление представителей Петроградского Совета во Временное правительство ни больше ни меньше как ошибка Совета, оно не изменяет и не может изменить характер современной империалистической войны, так как вожди Совета, независимо от своих добрых желаний, будут втягиваться (что уже заметно) во все более и более активное участие в войне, фактически осуществляя интересы русского и англо-французского империализма, прикрывая своим именем грабительские планы и секретные договоры союза империалистических правительств.

Предостерегая товарищей рабочих и солдат всех частей фронта и тыла, заявляем, что надо строго отличать отказ от аннексий и контрибуций на словах и отказ от аннексий и контрибуций на деле, т. е. немедленное опубликование и отмену всех тайных грабительских договоров».

И далее: «Мы в настоящее время видим, что наше Временное правительство, состоящее из 10 капиталистов и 6 социалистов, не может идти той дорогой, которую указывает ему воля народа...

Временное правительство не способно ни освободить нас от необходимости проливать кровь и подвергаться мучению в интересах капиталистов, банкиров, вообще всех жаждущих захвата, ни использовать все возможные средства спасения России от хозяйственного развала и угрожающей контрреволюции.

Нашим лозунгом является призыв революционного пролетариата: вся власть Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов!..»

Офицеры неистовствовали по поводу принятой резолюции. Они огласили свое заявление о протесте, но их никто не слушал.

Резолюция солдат, старательно переписанная от руки, была послана с надежным человеком в армейскую большевистскую газету «Окопная правда», где и была через несколько дней напечатана.

В № 25 от 28 июня 1917 года редакция газеты опубликовала обращение к солдатам 303-го полка.

«Считаем своим долгом от души поблагодарить вас всех, дорогие товарищи, поддерживающих в столь тяжелые и ответственные минуты борьбы перелом русской революции в

желательную сторону не только для нашего российского пролетариата, но и для всемирного...

Приветствуем всех товарищей Сенненского полка во главе с его ротными, командными и полковыми комитетами и выражаем всем вам горячее пожелание и в будущем твердо стоять на выбранном вами пути дальнейшей революционной борьбы за идеал всех обездоленных и эксплуатируемых, против угнетателей и эксплуататоров. На пути вашем будет много шипов — препятствий не только со стороны буржуазии в лице ее Временного правительства, но и в виде лжереволюционных организаций, где до сих пор еще полное засилье кадетствующих офицеров, от которых и вам не миновать будет почувствовать попытки к насилию, но конечная победа будет всецело зависеть от вас, от вашей стойкости и энергии.

Приветствуем и поздравляем с первыми стойкими и революционными решениями».

Генералы и офицеры-монархисты спешили всех большевистски настроенных солдат объявить «немецкими шпионами» или «дезертирами-бандитами» и изъять из солдатской среды. Получившего такую характеристику солдата, как правило, арестовывали и отправляли в тюрьму. Для этого в 5-й армии была отведена обширная тюрьма города Двинска. В июне и особенно июле аресты усилились. Арестовывали по малейшему поводу, по спровоцированным доносам, в одиночку и даже группами.

Однажды — это было в середине июля 1917 года — офицерский отряд, подкрепленный броневиком, окружил солдат 303-го Сенненского полка. Тут же было арестовано более 20 человек. Среди них были Евгений Сапунов, его товарищ Макар Гаврилович Самосветов, солдат-большевик Александр Тимофеев и другие. Под усиленным конвоем их доставили в Двинскую военную тюрьму. Там они узнали, что в камерах уже томится более тысячи солдат-революционеров, в том числе много председателей и членов полковых и ротных комитетов.

Среди арестованных своей активностью и решительностью выделялся солдат 479-го пехотного Кадниковского полка П. Ф. Федотов, большевик, в прошлом рабочий-обувщик. Двинцы избрали его председателем тюремного комитета, созданного для политического руководства заключенными. Членом комитета стал и Евгений Сапунов. Через него от двинских рабочих в тюрьму стала поступать большевистская литература, даже номера «Правды».

Откуда-то Петр Федотов и Евгений Сапунов достали куски красного материала, и вот над головами солдат заалело два

знамени с лозунгами «Мир — хижинам, война — дворцам!» и «Да здравствует III Интернационал!». С этими знаменами почти ежедневно происходили митинги, заканчивавшиеся дружным пением «Интернационала».

Тюремная администрация не могла справиться с революционными солдатами и следила только за тем, чтобы те не разбежались из тюрьмы. В конце августа в тюрьму явились представители военного министра Керенского и объявили, что «имеется предписание эвакуировать всех арестованных в глубь России». При этом известии раздались возгласы «ура!». Но тут же нашлись возражения: «Не поедем. Там нас перестреляют как собак». Члены тюремного комитета разъясняют: «Добраться бы до Москвы, а там освободимся и рабочим поможем».

После бурных прений принимается единое решение: «Ехать и постараться быстрее добраться до Москвы».

Наутро у тюрьмы выстроились два полка с пулеметами и броневиком. Под их конвоем 869 двинцев проследовали на вокзал и сели в вагоны. Комитет разместился в одном вагоне и установил связь со всеми арестованными.

День и ночь прошли спокойно. На следующий день на первой же станции получили газеты. На страницах пестрят заголовки: «Приказ генерала Корнилова», «Войска Корнилова двигаются на Петроград и на Москву», «Новая телеграмма Корнилова»...

Евгению и другим членам комитета было ясно — это очередной контрреволюционный заговор. Что делать? Не собираются ли отвезти двинцев в Могилев — Ставку главнокомандующего — да и устроить там расправу? Уж больно подозрительны махинации офицеров конвоя.

Вновь собрался комитет. Решили послать срочную телеграмму в Витебский Совет рабочих депутатов, чтобы в Витебске не чинили препятствий и по прибытии поезда с двинцами сразу же отправили его в Москву.

Когда к вечеру поезд подошел к Витебскому вокзалу, его уже ждали вооруженные рабочие и солдаты. Уполномоченный по станции старый большевик-железнодорожник выдал направление на Москву...

Взволнованные, радостные, исполненные чувства благодарности к витебским рабочим и солдатам, подъезжали двинцы к Москве. Шел дождь. Черная мгла обступила город, только тусклые фонари горели на железнодорожных стрелках. На вокзале было тихо, настороженно. Предчувствие чего-то нехорошего легло на сердце Евгения. Не успел он спрыгнуть на платформу, как его остановил резкий окрик:

— Стой, ни с места!

Тут же засуетились конвоиры, на смену им становились новые солдаты, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками. Вперед выступил офицер. Он предъявил приказ, в котором предписывалось «прибывших дезертиров препроводить в Бутырскую тюрьму».

Вспоминает П. Ф. Федотов:

— Окруженные конвоем, мы потребовали кого-нибудь из большевиков. Приходит человек, назвавшийся членом тюремной комиссии совета, показывает мандат и уговаривает нас временно, до разбора дела, отправиться в тюрьму. Солдаты пошумели, а потом решили: все равно завтра выпустят, а пока, на ночь, сядем.

Все 869 человек с песней «Смело, товарищи, в ногу» входим в ворота знаменитой «Бутырки». Во дворе один из тюремщиков кинулся в наши ряды и вырвал одно знамя, два других знамени нам удалось спрятать. Рассадили нас в камеры по 25—30 человек, а в некоторые и по 75 человек, поставили «параши». Спать пришлось вповалку на нарах.

Содержали нас в тюрьме на строгом режиме, камеры на запоре. Газет никаких не пропускали. Только с передачей удалось получить заделанные в хлеб два экземпляра «Социал-демократа». Прогулка — всего лишь полчаса. Никаких обвинений никому не предъявляют...[1]

На третьи сутки большевикам-двинцам удалось переслать короткую информацию в Военную организацию при МК РСДРП(б). Тогда же были посланы письма в Московские Советы рабочих и солдатских депутатов. 6 сентября 1917 года в «Социал-демократе» появилось сообщение о поступивших письмах двинцев. Оно сопровождалось требованием добиться скорейшего освобождения революционных солдат, «арестованных за протест против смертной казни, за высказывание большевистских взглядов».

Через два дня состоялось заседание Военной организации МК партии, на котором «докладывалось, что в Бутырской тюрьме уже несколько дней голодают солдаты-большевики, так как им не предъявлено никакого обвинения». Было решено во всех частях Московского гарнизона «поднять широкую агитацию и посылать делегации в Совет с требованием немедленного освобождения товарищей»[2].

На борьбу за освобождение двинцев и других политических заключенных поднялась вся трудовая Москва. По при-

[1] Двинцы. Сборник воспоминаний участников октябрьских боев 1917 г. в Москве и документы. М., 1957, с. 21—22.

[2] Социал-демократ, 1917, 16 сентября.

зыву районных большевистских комитетов на фабриках и заводах избирались делегации, которые шли в Моссовет и вручали его представителям свои резолюции-требования. Вот требования рабочих Золоторожского трамвайного парка — наиболее типичные для тех дней:

«Принимая во внимание, 1) что заточение в тюрьме большевиков есть акт насилия Временного правительства, исполняющего волю буржуазии над левым течением социал-демократии, стоящим всегда на точке зрения последовательной защиты интересов рабочего класса, 2) что голодовка в тюрьме товарищей большевиков есть акт вынужденного протеста против заточения в тюрьме без предъявления какого-либо обвинения, 3) что такое заточение без предъявления обвинения есть прямое и наглое издевательство над рабочим классом и его авангардом — революционной социал-демократией и показывает, что политическая свобода в России есть пустой звук, комитет Золоторожского парка, считая это заточение одним из актов борьбы буржуазии и ее лакеев против рабочего класса, протестует против заточения товарищей большевиков и категорическим образом требует их немедленного освобождения».

А в это время тюремная администрация предпринимала попытки сорвать голодовку и разобщить силы двинцев. Но двинцы проявили большое мужество, единодушие и крепкую выдержку и не поддались ни на какую провокацию тюремной администрации.

Движение за освобождение двинцев превратилось в один из этапов борьбы за победу социалистической революции в Москве, за окончательную изоляцию меньшевиков и эсеров, терявших влияние в массах и усиленно пытавшихся продлить свое господство в Совете. Избранная Советом комиссия всячески тянула с обследованием «Бутырок», уговаривая двинцев прекратить голодовку и не производить «нежелательные эксцессы».

Но двинцы были тверды. Более того, своей сплоченностью и стойкостью они добились права собираться на митинги в одной из самых больших камер.

12 сентября в тюрьму явилась комиссия, снова начались увещевания, туманные обещания и т. п. Но двинцы твердо стояли на своем. В самый разгар дебатов слово взял Евгений Сапунов.

— Товарищи солдаты, нам нечего больше переливать из пустого в порожнее. За нас — рабочие, за нас — вся Москва. Не поддавайтесь на провокации.

У него кружилась голова, пересохло в горле.

— Я предлагаю продолжать голодовку и каждому подписаться под этим документом.

Евгений медленно зачитал только что написанные строки:

— «Мы терпели. Мы верили. Ждали не дождались. Все обман. Обманывали нас те, которые с буржуазией блокируют. Жмут руки, плачут, целуются, кричат, что они любят, хотят блага только для народа. А между тем людей, которые хотят не на словах, а на деле, сажают в тюрьму, говоря: вот вам «земля и воля». Среди нас в нижеозначенном списке нет никого за убийство, воровство и шпионство. Все мы сидим за то, что честно и открыто высказывали свое мнение и убеждение».

Эти слова потонули в криках: «Верно!», «Точно!», «Правильно написано!» Он продолжал:

— «Мы требуем немедленного освобождения. Если в течение двух дней не последует освобождение, то мы решили умереть, но виновными себя не признаем, так как сам наш арест есть не что иное, как контрреволюционный удар по демократии, а посему для нас свобода или смерть».

Евгений положил листок на табуретку, с трудом наклонился и расписался. За ним уже выстроилась очередь. Члены комиссии растерянно переглядывались, а солдаты подходили и ставили свои подписи — всего расписалось 305 человек.

А через четыре дня первая партия двинцев вышла на свободу, вскоре покинули тюрьму и остальные солдаты. Период освобождения совпал с новыми победами большевиков в Московском Совете, отказавшем в доверии эсеро-меньшевистскому крылу.

В связи с тем что многие из двинцев были истощены, обессилены от ран и долгого пребывания в тюрьме, их разместили в двух городских госпиталях — Савеловском и Озерковском. Евгений Сапунов попал в Озерковский.

Уже на второй день свободы Евгений и его товарищи встретились с работниками Военной организации при МК партии — Е. М. Ярославским, О. А. Варенцовой и другими большевиками, руководившими движением за освобождение двинцев.

Крепко пожимая руку Евгению, Емельян Ярославский говорил:

— Молодцы двинцы. Московские большевики надеются на вас.

И сразу же предложил:

— МК партии просит выделить из двинцев боевых агитаторов и направить их в казармы и в районы на предприятия. Как вы считаете, товарищ Сапунов?

В тот же день в госпиталь была привезена литература. По предложению большевиков было создано несколько агитаторских групп для выступлений среди городского населения.

Евгений побывал в артиллерийских частях на Ходынке, у солдат 55-го стрелкового полка, на заводах «Дукс», «Динамо» и Михельсона, и всюду его просили рассказать о двинцах. По просьбе Рогожского райкома партии он выступал на митинге в районе. Затем вместе с другими солдатами-большевиками организовал обучение рабочих военному делу, участвовал в работе командного комитета, куда он был избран 23 сентября.

Евгению Сапунову как опытному большевику, имевшему влияние среди солдат, было доверено готовить солдат из Озерковского госпиталя к вооруженному восстанию за власть Советов. Для начала большевики постарались вооружить почти всех, была налажена революционная дисциплина, избраны свои командиры. На предложение командующего Московским военным округом прислать офицеров двинцы постановили: «...обойтись собственным самоуправлением и не утруждать командного состава и офицеров».

Двинцы, готовые в любой момент встать на защиту власти Советов, являлись опорной силой московских большевиков. И когда началось вооруженное восстание в Москве, один из отрядов солдат-двинцев встал на охрану Моссовета и ВРК — штаба восстания, а все двинцы сыграли исключительно важную роль в тяжелой и многодневной борьбе за победу социалистической революции.

«Началось!», «Когда выступать?» — эти слова были у всех на устах. Утром 26 октября Евгений Сапунов отправился в Замоскворецкий райком партии.

— Сто пятьдесят вооруженных двинцев под моим командованием могут выступить в любую минуту,— отрапортовал он.

Задание пришло скоро. К вечеру по приказу ВРК, переданному по телефону, отряд двинцев из Озерковского госпиталя был приведен в боевую готовность, а вечером 27 октября выступил через Замоскворечье в центр города, к Моссовету, чтобы защитить его от сил контрреволюции.

А перед этим, понимая ответственность и опасность задания, Евгений Николаевич уединился на несколько минут и скорым почерком написал прощальное письмо отцу в Калужскую губернию.

«Дорогой родитель Николай Васильевич! Переживаю самый, быть может, опасный момент в жизни. Скажу правду, но прошу, если возможно, не передавать всего пока семейст-

ву. В июле месяце 20-го числа я был арестован на позиции под Двинском. Всего было арестовано около 7000 человек за то, что вынесли резолюцию протеста по поводу наступления и против правительства Керенского. Страдали в Двинской тюрьме, судили многих в каторгу, к смертной казни. Потом перед корниловским мятежом нас эвакуировали в Москву, и мы попали в Московскую центральную тюрьму. Из тюрьмы мы засыпали заводы и фабрики своими воззваниями и объявили голодовку. После пяти дней [1] по требованию солдат и рабочих освобождены и размещены по госпиталям и лазаретам. В госпиталях (двух) мы организовали свою команду, выбрали свой комитет, в составе которого нахожусь и я. В продолжение месяца вели усиленную агитацию на фабриках и заводах, в полках и на площадях против Временного правительства, изменившего революции.

Сейчас принимаем самое активное участие в перевороте. Пока победа за нами, и если это будет так, то приеду скоро домой в отпуск, но если же проиграем, то тогда ждать пощады нам не придется, а потому решение — победа или смерть.

В Москве пока кровопролития нет, но все наготове, и дешево свободу мы не отдадим. В Петрограде победа за нами.

Да, дорогой мой, все может быть, что не придется больше увидеться, но что делать. Если погибну, то будут помнить дети, что отец их весь век свой боролся за поруганные права человека и погиб, добывая свободу, землю и волю. Не проклинайте меня, ведь делать иначе я не мог и не могу. Верно, я таким родился, живя и действуя на благо народа всего. Я могу погибнуть, но иначе уже не может быть, погиб бы во время наступления, которое задержали мы, спасли десятки тысяч молодых жизней нашей трудовой семьи. Но пока не горюйте, наверно, все обойдется благополучно. Враги народа вряд ли посмеют вступить в открытую вражду. Передайте привет всем. Любящий Вас Евгений»[2].

Едва поставил подпись, как его позвали к солдатам — те уже стояли в походном порядке. Он сунул письмо в нагрудный карман и дал команду выступать.

Шли четырьмя взводами под общим командованием Сапунова. Вперед была выслана разведка. Все казалось спокойным. Подошли к Балчугу, вступили на Москворецкий мост. Миновав его, солдаты стали подыматься к храму Василия Блаженного.

[1] Имеется в виду пять дней голодовки.
[2] Письмо обнаружено в партархиве Калужского обкома КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 137, л. 65.

Вспоминает двинец М. Д. Зеленов: «Неожиданно из темноты выступило несколько фигур в шинелях с погонами.

— Кто такие? Куда идете? — спросил офицер.

— Команда двинцев. Вызвана на охрану Московского Совета,— ответил командир двинцев Сапунов.

— Проходите!

Отряд двинулся дальше, четко отбивая шаг по брусчатке.

У Лобного места, находившегося тогда почти в центре площади, их снова остановили юнкера, но тоже не стали задерживать.

У Исторического музея к двинцам подошел полковник. Выслушав ответ Сапунова, кто они такие и куда идут, полковник приказал сдать оружие. Услышав категорический отказ, полковник выхватил револьвер и выстрелил в Сапунова.

— Рота, вперед! Пли! — только и успел сказать смертельно раненный командир двинцев.

Юнкера не ожидали такого отпора. Однако они быстро оправились и, рассыпавшись цепью, открыли огонь по двинцам. Застрекотал пулемет. Пули, ударяясь о клинкер мостовой, поднимали снопы искр.

Отстреливаясь, действуя прикладами и штыками, двинцы пробивались вперед.

Все чаще и чаще стали падать двинцы. Вот упал с простреленной ногой Семен Цуцин. Рухнул на мостовую, обливаясь кровью, Усольцев. Раскинув руки, будто на прощание хотел обнять землю, упал большевик Александр Воронов. Рядом упали Александр Тимофеев и Иван Назаров. У самых Иверских ворот догнала вражеская пуля Антона Запорожца»[1].

Цепи двинцев редели, силы были неравны. Но группе солдат все же удалось прорваться к Моссовету...

* *
*

[1] См.: Герои Октября, с. 191.

Петр Гермогенович СМИДОВИЧ

Смидович П. Г. (партийные псевдонимы — Матрена, Василий Иванович, Зыбин, Червинский) (1874—1935 гг.), участник Октябрьской революции в Москве, советский государственный и партийный деятель. Член КПСС с 1898 г.
Родился в дворянской семье в г. Рогачеве Могилевской губернии (ныне Гомельская область). Учился в Московском университете. В 1894 г. за участие в студенческих кружках исключен из университета и выслан в Тулу. В 1895 г. эмигрировал.
Окончил электротехническую школу в Париже, работал на заводах в Бельгии, вступил в Бельгийскую рабочую партию.
В 1898 г. нелегально вернулся в Россию. Работал на заводах Екатеринослава (ныне

Днепропетровск), Петербурга. Был членом Петербургского комитета РСДРП. В 1900 г. арестован и выслан как иностранный подданный за границу. Жил в Лондоне, где впервые встретился с В. И. Лениным. В 1903 г. как агент «Искры» с транспортом марксистской литературы возвратился в Россию. Входил в состав Бакинского, Тульского и Северного комитетов РСДРП. В дни революции 1905—1907 гг. участвовал в Декабрьском вооруженном восстании в Москве. В 1906—1908 гг.— член Московского и Московского окружного комитетов РСДРП. В 1908 г.— новый арест и ссылка. С 1911 г.— снова в Москве, где установил связь с Московским комитетом РСДРП, участвовал в подготовке и создании большевистской газеты «Наш путь».

После Февральской революции 1917 г.— член Московского комитета РСДРП и Президиума Исполкома Моссовета. Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б). В дни Октябрьского вооруженного восстания был членом Московского Военно-революционного комитета, входил в редакцию газеты «Социал-демократ». Участвовал в работе II Всероссийского съезда Советов, был членом ВЦИК. С апреля 1918 г.— председатель Моссовета, член коллегии и заведующий энергоотделом ВСНХ. В дальнейшем — на ответственной государственной работе. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

* * *

Неповторимый [1]

...У Смидовича был вид респектабельного, преуспевающего инженера. Ровно в половине девятого утра к его квартире в Седьмом Рогожском переулке, где он жил с семьей, подъезжал ярко-красный автомобиль и увозил его на электростанцию у Каменного моста, где он работал несколько последних лет.

Как опытный конспиратор, он в кругу сослуживцев электростанции «Общества 1886 года» избегал разговоров о политике, стараясь оставаться для них человеком, целиком поглощенным только техническими проблемами. О том, что Смидович — член Московского областного бюро ЦК РСДРП(б), знали лишь несколько большевиков, оставшихся на станции после того, как многочисленные аресты обескровили организацию.

...Митинг был в разгаре. На верстаке стоял знакомый кабельщик Радин, один из немногих уцелевших на станции большевиков, и читал прокламацию. Каждая фраза сопровождалась гулом одобрительных голосов. Смидович подошел

[1] Из книги: *Метельский Георгий*. Неповторимый. М., 1976.

поближе к импровизированной трибуне, рабочие вежливо и несколько недоуменно расступились. Когда освободилось место на верстаке, Петр Гермогенович переглянулся с Радиным и неожиданно для всех взобрался наверх.

— Товарищи! — крикнул он, хотя кричать не было особой необходимости: в цехе вдруг стало необычайно тихо. Только через секунду толпа удивленно и радостно ахнула, никто не предполагал, что к ним может так обратиться этот важный начальник.— Товарищи! — повторил Смидович.— Товарищ Радин только что прочитал вам прокламацию Московского бюро ЦК Российской социал-демократической рабочей партии большевиков, к которой я имею честь принадлежать. Я призываю вас делом поддержать выступление петроградского пролетариата против царизма. Как большевик и как один из инженеров электростанции, я предлагаю вам немедленно бросить работу и выйти на улицы Москвы, чтобы показать свою силу и свою преданность революции. Воззвание Московского бюро ЦК призывает нас немедленно начать выборы в Совет рабочих депутатов — орган власти пролетариата. Нет времени медлить.

— Прошу называть фамилии кандидатов,— обратился к митингу Радин,— и пусть это будут самые достойные из вас!

— Кашутина!.. Инженера Смидовича! — раздались требовательные голоса.

...Свое выступление на пленуме Московского Совета 2 марта Петр Гермогенович начал словами, вызвавшими недоуменный шумок среди меньшевиков и эсеров и аплодисменты еще немногочисленного отряда большевиков:

— Революцию нельзя считать оконченной! До тех пор, пока требования пролетарита не будут удовлетворены, мы не должны считать завершенным дело рабочего класса... Временное правительство считает, что все сделано. В обнародованном приказе войскам Московского гарнизона оно призывает все население Москвы возвратиться на свои места и заняться мирной работой. Мы с этим не согласны. Мы призываем товарищей рабочих тесней сплотиться вокруг общего дела, стойко и твердо добиваться осуществления своих требований.

И он тут же перечислил:

— Немедленный созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Всеобщая амнистия. Свобода стачек и собраний. Немедленное издание новых законов, определяющих права человека и гражданина...

...Далеко не все шло гладко, так, как хотелось бы. В марте на одном из пленумов Совета рабочих депутатов встал вопрос о введении 8-часового рабочего дня, и Смидовичу поручили вести переговоры об этом с председателем биржевого комитета Третьяковым, представлявшим интересы всех объединенных организаций московских промышленников. Петр Гермогенович потратил на это почти неделю. Третьяков то соглашался на введение 8-часового рабочего дня, то говорил о невозможности это сделать ввиду того, что идет война и сокращение рабочих часов отразится на поставках вооружения для фронта. В конце концов Смидович настоял на своем. Третьяков пообещал представить в Московский Совет соответствующий документ, однако ж обманул и, не рискнув явиться на заседание сам, прислал в конверте постановление «Московского торгово-промышленного комплекса»: «Вопрос о 8-часовом рабочем дне не может быть рассматриваем как вопрос взаимного соглашения между предпринимателями и рабочими, так как он имеет значение общегосударственное и должен быть решен волею всего народа в правильно образованных законодательных учреждениях».

Меньшевик Никитин, еще не успевший променять почетное звание председателя Исполкома Моссовета на шашку полицмейстера, с притворным сожалением посмотрел на Смидовича.

— Выходит, что вы зря потратили целую неделю, товарищ Смидович,— сказал он.

— А вот и не зря,— ответил Смидович.— Теперь у нас есть возможность решить вопрос явочным порядком.— Он как будто поддразнивал Никитина.— Первый пункт нашего постановления мы запишем в такой редакции: «Признать необходимость введения 8-часового рабочего дня во всей стране».

...Казалось, все сначала шло хорошо, он до мелочей продумал свое выступление, радовался, что его услышит Ленин, был уверен, что своим выступлением принесет пользу, что его поймут, одобрят, и вдруг такой позор: все, о чем он говорил с трибуны, что вынашивал столько дней, оказалось ненужным, больше того — вредным. А ведь он так хотел помочь другим разобраться в обстановке, когда говорил, что, поскольку «увеличивается влияние пролетарских организаций, растет профессиональное движение, влияние и роль Совета рабочих депутатов ослабнет, власть к нему не перейдет, но могут выработаться совершенно другие органы».

Как же дружно набросились на него тогда его же товарищи по партии! Десять делегатов Москвы подали в президиум

конференции письменное заявление с протестом, и у Смидовича после этого долго болело сердце. Потом, как всегда экспансивно, выступала Розалия Самойловна Землячка.

— О нет, настроение московского пролетариата совсем не такое, каким его обрисовал Смидович.— Она резко выкинула руку в его сторону: — Вопреки Смидовичу лозунг, выдвинутый товарищем Лениным о передаче власти Советам, получил полную поддержку на партийных собраниях в Москве.

Землячка говорила еще долго, но Смидович почти не слышал ее. Да, в этом он грубо ошибся. Он не разглядел в Советах то, что увидел в них Ленин,— новую политическую форму государственной власти пролетариата, не понял поначалу, сколь важен и необходим одобренный конференцией ленинский лозунг «Вся власть Советам!».

Потом был спешный отъезд из Петрограда в Москву, где предстояло продолжать начатое дело, выполнять то, что решили на конференции большевики,— завоевывать власть в стране. Домой Петр Гермогенович ехал вместе с очень молодым и веселым человеком, тоже делегатом конференции, Григорием Александровичем Усиевичем, которого по молодости многие звали просто Гришей. У него было очень подвижное юношеское лицо с чудесными, светящимися доброй улыбкой глазами за толстыми стеклами очков.

И снова разговор возвращался к основной животрепещущей теме: что же делать дальше — в Москве, в Петрограде, в России.

— Так хочется верить, что до кровопролития дело не дойдет, что все закончится мирно,— промолвил Смидович.

— Да, очень хочется. Но кто знает, как обернутся события.

— Надо сделать все возможное, чтобы взять власть без крови,— уже более твердо повторил Петр Гермогенович.— Достаточно ее пролилось и льется на фронте.

— Боюсь, что тут ваша позиция в чем-то сближается с позицией меньшевиков,— осторожно, чтобы не обидеть Смидовича, заметил Усиевич.

— Что касается меня, то мне очень хочется верить, что меньшевики и социалисты-революционеры в этом важнейшем вопросе — вопросе о захвате власти — пойдут вместе с нами.

— Как говорится, Петр Гермогенович, вашими бы устами да мед пить. Но...— Усиевич недоверчиво улыбнулся и пожал худыми плечами,— но я, простите, не верю в это.

Усиевич, казалось, без причины рассмеялся.

— Недавно я увидел в «Барабане» довольно любопытную карикатуру как раз на тему, по которой мы ведем разговор. Нарисовано этакое чудище, названное «Каннибалом». И подпись: «Следует быть осторожным в пище: вчера я съел на обед большевика и поужинал меньшевиком. И в результате такая буря в желудке...» Уж на что вредоносный журнальчик, а смотрите, сколь остро подметил самую суть наших с ними отношений — абсолютный антагонизм.

Петр Гермогенович вздохнул.

— А я, выходит, не подметил...

Под стук колес он задумался и перебрал в памяти события того дня, когда председательствовал на Московской конференции большевиков. Все началось с выступления делегата Пресненского района Жарова. Смидовичу понравился и сам этот человек с руками и хваткой рабочего, и его страстная, убежденная речь, направленная против объединения с меньшевиками. Но когда этот симпатичный оратор перешел границы дозволенного, когда он резко бросил: «Меньшевики — это не социал-демократическая, не рабочая партия... это волки в овечьей шкуре!» — Смидович счел необходимым оборвать оратора и лишить его слова — «за оскорбление товарищей меньшевиков».

Тогда, после случая с Жаровым, он действительно считал себя правым, а теперь задумался. Пожалуй, этот молодой человек видит дальше, чем он, Смидович. И совсем нечего пытаться примирить то, что стало непримиримым...

...Первые дни апреля прошли в бурной подготовке к первомайской манифестации. Долго думали, когда ее провести — как обычно, по российскому календарю, или впервые по новому стилю, но зато вместе со всем европейским пролетариатом. Вопрос обсуждался на заседании исполкома Московского Совета.

— Конечно, 18 апреля,— сказал Петр Гермогенович.— Да так, чтобы этот день действительно стал «красным днем». Чтобы везде красный цвет, везде движение... Напомню, что писали во вчерашнем номере «Известий».— Смидович вынул из кармана газету.— «Если будем праздновать Первое мая по нашему календарю, не поймут наши европейские братья, почему в этот день не развевается у нас красных знамен, почему не раздаются звуки пролетарских песен... Не поймут наши европейские братья и тишины 18 апреля и скажут: значит, российский рабочий и после второй революции не может широко развернуть своего Красного знамени. Но когда мощные шаги пролетарских батальонов России отзовутся эхом на Западе, когда наши братья увидят колыхание

тысячи тысяч красных знамен,— не забьется ли заодно с нами пролетарское сердце в Англии и Германии, во Франции и в Австро-Венгрии?»

Да, это были и его мысли, его мечты о том, чтобы вслед за революционной Россией пошли другие страны.

Первомайскую демонстрацию впервые проводили легально.

Седой как лунь, несмотря на свои 43 года, с высоко поднятой головой, Смидович шел в первой шеренге праздничной колонны рядом с Глебом Максимилиановичем Кржижановским и Радиным, который нес знамя электростанции.

— Песню нашего товарища Глеба! А ну-ка! — крикнул, оборачиваясь к колонне, Смидович и сам затянул несильным, но приятным тенором:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут...

Глеб Максимилианович смутился.

— Ну какой из меня песенник,— пробормотал он, но его слов никто не расслышал. Над колонной неслась сочиненная Кржижановским «Варшавянка».

Погода не баловала в тот день. Хмурилось небо, лишь на минуту выглядывало солнце, и снова начинал сеять холодный, косой дождь. Сыпалась крупа, такая крупная, что напоминала град. Было зябко. Но от колонн, объединивших полмиллиона рабочих, служащих, солдат, от полутора тысяч знамен и множества плакатов веяло теплом. Гремела медь духовых оркестров, не смолкали песни...

Никогда еще Москва не видела такого красочного, ликующего народного шествия.

В этот праздничный день решили не устраивать никаких совещаний, и после окончания торжественного шествия Смидович смог наконец явиться домой не среди ночи, как обычно, а пораньше. Дети уже спали, а Софья Николаевна хлопотала по хозяйству.

— Хватит заниматься пустяками,— сказал Петр Гермогенович нарочито строгим тоном.— Где твое новое пальто?

— Разве мы к кому-то приглашены? — Софья Николаевна удивилась.

— Нет. Но сегодня праздник, и сидеть в такой вечер дома — это же невозможно!.. Пойдем на Страстную.

— На Страстную? Почему именно на Страстную? — Софья Николаевна вопросительно посмотрела на мужа.— Уж не придумал ли ты там что-нибудь?

Они медленно шли по украшенным флагами улицам, не-

смотря на поздний час все еще заполненным народом. В толпе прохаживались молодые люди с кружками для пожертвования. Вопрос об этом решался в Московском Совете, и Петр Гермогенович с энтузиазмом поддержал предложение собрать в праздничные дни некую толику денег в фонд революции. На заводе изготовили несколько тысяч кружек-копилок и вручили добровольцам. Два дня на дно этих кружек падали рабочие трудовые медяки и стремительно обесценивавшиеся царские рубли. В награду выдавался «красный цветок» — бантик, который тут же прикрепляли к груди того, кто жертвовал деньги.

Петр Гермогенович тоже ходил с кружкой. Бедняки, рабочий люд жертвовали охотно, кто сколько мог, богачи...

Несмотря на поздний час, на Страстной площади царило веселое оживление. После 28 февраля здесь каждый день устраивались митинги, порой столь многолюдные и бурные, что из управы пришло распоряжение отвинтить от тумб чугунные цепи, опоясывавшие площадку перед памятником Пушкину: толпа напирала на них с такой силой, что возникла угроза, что чугун не выдержит нагрузки. Но в этот вечер на площади собралась совсем необычная толпа. Вместо привычных речей время от времени слышался голос:

— Кто больше? — Удар молотка по металлу — и тот же голос с украинским акцентом: — Продано!

— Что за аукцион, Петр? — спросила заинтересованная Софья Николаевна.

— Продают «Известия».

— Ничего не понимаю.— Она еще больше удивилась.

— А между тем все очень просто. Как тебе известно, сегодня ни одна буржуазная газета не вышла и в продажу поступили только наши «Известия». Почти весь тираж разошелся очень быстро, и тогда возникла мысль придержать несколько сот номеров и вечером продать их с молотка.

— Это им в отместку за то, что жгли наши газеты,— сказала Софья Николаевна, вспомнив огромные костры, которые зимой черносотенцы устроили, сжигая большевистские газеты.— И за сколько же продавали «Известия»?

— Сейчас спросим.

«Продавал» газеты член большевистской фракции Моссовета. Завидя Смидовича, он улыбнулся и похлопал рукой по лежавшей на скамейке сумке.

— Вот, Гермогенович, наторговал целую кайстру грошей.

— Сколько же? — спросил Петр Гермогенович.

— Еще не считал, но богато. Один номер аж за тысячу рублей пошел. Другие — по сотне...

— Ай да молодцы! — воскликнула Софья Николаевна.— А теперь признавайся,— она посмотрела на мужа,— твоя затея?

Петр Гермогенович виновато развел руками.

— Увы, не моя... Я лишь поддержал предложение товарищей, как пополнить партийную кассу.

...Жизнь с каждым днем дорожала. Картофель, овощи, сахар распределялись через домовые комитеты. Правда, иногда можно было кое-что достать через Моссовет, но Петр Гермогенович категорически отказался от каких бы то ни было поблажек и сказал, что не станет отделяться от рабочей массы, которая голодает.

Хлеб он получал в ближайшем от Моссовета магазине, ходил за ним сам и приносил домой весь свой дневной паек — сначала фунт, а потом полфунта.

Не стало хватать самых «ходовых» товаров. Смидович носил старенький, изрядно потертый пиджак, и Софья Николаевна однажды сказала, что это неудобно и надо где-то достать новый. Петр Гермогенович, никогда не придававший большого внимания одежде, посмотрел в зеркало и убедился, что Соня, как всегда, права. На следующий день после этого разговора он зашел в магазин на Петровке, выбрал какой-то плохонький — других не было — костюм и достал паспорт. На нем приказчик поставил штемпель, чтобы его владелец не смог до конца 1917 года купить еще один костюм.

В этой обнове, сидевшей мешковато на его не очень складной фигуре, он и пошел рано утром на работу. Ярко-красного автомобиля, который когда-то, очень давно, с шиком отвозил его на электростанцию, уже не было. Впрочем, Смидович нисколько не жалел, предпочитая ходить пешком.

День, как обычно, предстоял трудный, жаркий, заполненный делами до поздней ночи. Объединенное заседание исполкомов Совета рабочих и Совета солдатских депутатов. Митинг у солдат запасного полка. Надо было не забыть зайти в Центральный штаб Красной гвардии: Алексей Степанович Ведерников просил зачем-то принести план Москвы.

На крупных тумбах мальчишки с ведерками и кистями на длинных ручках расклеивали афиши представлений. Шли какие-то вульгарные пьесы вроде «Тайны дома Романовых», в варьете «Летучая мышь» объявлена «увлекательная программа с раздеваниями...». Выступление поэта Константина Бальмонта и тут же на афише перечень новых стихов, которые он прочтет: на первом месте — «Этим летом я Россию разлюбил».

Петр Гермогенович шел бульварами, и тень от лип, тихий

шелест их листвы, вымытой ночным дождем, помогали думать. А думать было о чем. Недавно вышли из правительства кадеты, зло высмеянные незнакомым до этого Смидовичу поэтом Маяковским. Петр Гермогенович улыбнулся, вспомнив понравившиеся строчки про красную кадетскую шапочку: «Кроме этой шапочки, доставшейся кадету, ни черта в нем красного не было и нету».

Петр Гермогенович решил сначала зайти в Центральный штаб Красной гвардии, организованный еще в апреле. Штаб помещался в гостинице «Дрезден» и занимал две небольшие комнаты.

Смидович вошел в ту, откуда доносились голоса Ведерникова и Штернберга. Известный астроном профессор Павел Карлович Штернберг, высокий, с большой седеющей бородой, рассматривал потрепанный, порванный на сгибах план Москвы, исчерченный какими-то непонятными значками. Со Штернбергом Петр Гермогенович познакомился еще в 1906 году — встречался с ним в обсерватории.

— Здравствуйте, Петр Гермогенович! — приветствовал его Ведерников.— Принесли?

— Принес... Приветствую вас, товарищи! — Смидович пожал руки обоим.— Но, собственно, зачем вам мой план, если у вас, я вижу, есть куда более подробный?

— Пригодится... А ежели найдется еще, прошу покорно пожертвовать штабу.

Комната, где стоял его рабочий стол, выглядела удивительно пестро из-за того, что ее стены были почти сплошь обклеены плакатами, воззваниями, картами, некоторые даже со штампами Главного топографического управления. Тут же висела вырезанная из журнала карикатура на Николая II с подписью: «Важнейшие этапы царствования этого гениального монарха: Ходынка, Порт-Артур, Цусима, 9 января и прочее. По собственному признанию, «любит цветочки», хотя вместо цветочков любил срывать головы своих «верноподданных». Молчалив не без основания. Теперь ведет замкнутый образ жизни».

Он глянул на потертый план Москвы, лежащий на столе у Ведерникова.

— Документ почти исторический.— Павел Карлович улыбнулся, перехватив взгляд Смидовича.— Карта, разработанная для вооруженного восстания почти десять лет назад. Все годы пролежала в тайнике, в обсерватории. Думаю, что опять сослужит службу.

Петр Гермогенович вопросительно посмотрел на Штернберга.

— Когда начнутся уличные бои, этому плану, Петр Гермогенович, цены не будет. Как видите, тут все стратегические пункты помечены, где телефонные линии, трамвайные пути, где казармы, где окопы рыть...

— Вот оно что! — Петр Гермогенович не стал больше задавать вопросов, полагая, что, может быть, ему не все положено знать, но Ведерников сам посвятил его в план вооруженного восстания, уже вынашиваемый штабом.

— Да, да, Петр Гермогенович, все это по поводу возможной гражданской войны. Чтобы не застала нас врасплох,— сказал Ведерников.

— Русско-русская война,— тихо промолвил Смидович,— это же чудовищно!

— Конечно, чудовищно! Но ежели она все-таки разразится, надо ее встретить во всеоружии. Ведь против нас будут не сопляки, а опытные офицеры, кадеты, казаки пойдут. И план Москвы понадобится каждому командиру Красной гвардии.

— В таком случае надо будет один план оставить для себя...

...Виктор Павлович Ногин был в Петрограде, и Смидович оставался за председателя Президиума Совета. На сегодняшнее утро было назначено совещание представителей всех фракций. Большевики пришли рано и собрались в своей комнате под чердаком. Все находились под впечатлением назревающих событий. Все понимали, что ждать больше нечего, восстание неизбежно и пора брать власть в свои руки.

Однако собраться вовремя не удалось. В 11 часов 45 минут дежуривший по Моссовету Ведерников принял телефонограмму, переданную из Петрограда Ногиным.

Свершилось то, чего с таким нетерпением ждали!

...Экстренный пленум обоих Советов был назначен в Большой аудитории Политехнического музея. Петр Гермогенович, усталый, возбужденный, шагал по комнате, где собиралась большевистская фракция, и на ходу бормотал свою вступительную речь. От усталости щемило и билось с перебоями сердце, и он на всякий случай принял порошок камфары.

Несколько минут посидел, закрыв глаза. Сердце действительно скоро успокоилось, и он пошел в зал. Казалось, все было, как всегда. Смидовичу не раз приходилось за это время вести разные собрания, пленумы, заседания — не было им числа,— но сейчас он волновался, как никогда раньше, даже боялся, что вдруг ни с того ни с сего возьмет да и забудет, о чем надо говорить.

Но все обошлось благополучно. По гулкой лестнице он поднялся наверх, к трибуне, и внимательно оглядел зал, стараясь по виду определить, сколько здесь друзей и сколько недругов. Друзей, по его мнению, было значительно больше. Преобладали черные рабочие куртки и солдатские гимнастерки — на поднимающихся амфитеатром скамьях, на балконах, даже на ступеньках лестницы, в проходах...

В наступившей сразу тишине отчетливо прозвучал его негромкий голос.

— Товарищи, в ходе великих революционных событий, которые мы переживали за эти восемь месяцев, мы подошли к наиболее революционному и, может быть, трагическому моменту... Наш Совет неоднократно уже формулировал своим большинством, что власть... должна быть осуществлена в виде перехода в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Процесс этого перехода власти совершается... Мы сейчас в процессе создания этой новой, революционной власти... Не было еще такого революционного по содержанию момента в ходе нашей революции, как настоящий... Пусть каждый из вас задумается над этим. Пусть каждый из нас осознает, что в настоящий момент ответственность каждого из вас перед русским народом, перед русской историей возрастает в громадной степени, и пусть в сознании этой ответственности приступим мы к этой работе, к работе, необходимой для России...

Надо было не только видеть Петра Гермогеновича в эти минуты, его возбужденное лицо, его голубые добрые глаза за стеклами очков, надо было еще слышать его голос, задушевный и торжественный одновременно.

— Сегодня,— продолжал он,— мы будем говорить об образовании нового центра власти в Москве, революционного центра власти... В конце заседания мы должны будем прийти к тому, чтобы принять е-ди-но-гласно,— для большей выразительности он по складам произнес это слово,— план организации этой власти... Мы должны все силы направить на то, чтобы всем вместе участвовать в строительстве того органа, который будет гарантировать порядок и спокойствие в Москве, течение всей жизни здесь...

После перерыва председательствовал Ефим Никитович Игнатов.

— Товарищи, предлагаю огласить резолюцию, предложенную фракцией большевиков,— услышал Смидович голос Игнатова.

— Одну минуту,— с места поднялся Усиевич.— Надо подсчитать число присутствующих. Кое-кто ушел, а нам важно

знать, сколько человек присутствует на собрании в момент решения исторического вопроса.

— Фракция социалистов-революционеров заявляет, что ей совершенно неинтересно, сколько здесь присутствует человек. Она заявляет далее, что не примет участия в голосовании резолюции, которая сейчас будет предложена.

— Фракция меньшевиков примет участие в голосовании, но будет голосовать против.

— Оглашаю резолюцию, предложенную фракцией большевиков.— Игнатов взял со стола лист бумаги.— «Московские Советы рабочих и солдатских депутатов выбирают на сегодняшнем пленарном заседании революционный комитет из семи лиц... Избранный революционный комитет начинает действовать немедленно, ставя себе задачей оказывать всемерную поддержку революционному комитету Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов...» Тех, кто согласен с оглашенной резолюцией, прошу голосовать.

Петр Гермогенович окинул взглядом зал и увидел лес взметнувшихся кверху рук. Кто-то громко считал голоса: 394 — за, 106 — против, 23 человека воздержались.

В состав революционного комитета вошли намеченные МК Ломов, Муралов, Смирнов, Усиевич. Эсеры в ревком войти отказались и демонстративно покинули зал. Меньшевики предложили Николаева и Тейтельбаума.

...Неподалеку от Каменного моста Петр Гермогенович увидел запыхавшегося Радина и остановил автомобиль.

— Михаил Степанович, ты куда? — окликнул Смидович.

— На станцию. Организовывать охрану.

— Садись, подвезу... Про Военно-революционный комитет знаешь?

— Знаю... Только что был в Замоскворецком комитете. Все рассказали.

— Сколько большевиков сейчас в смене?

— Человек пять, наверно...

— Собери их.

Эти пять пришли в конторку ремонтного цеха.

— Буду краток,— сказал Петр Гермогенович.— Вчера образован Военно-революционный комитет. С часу на час могут начаться стычки с белой гвардией и юнкерами. От вас требуется собрать всех большевиков электростанции и раздобыть оружие. Никого постороннего на станцию не пропускать. Выставить посты у щита, у баков с горючим, у проходной. У щита должен стоять абсолютно надежный человек: возможно, придется отключить некоторые районы... Все понятно?

Петр Гермогенович вернулся в Моссовет почти одновременно с Ярославским, которого прошлой ночью назначили комиссаром Кремля. Он был без шапки, его густые волосы намокли, с пышных усов стекали капли дождя.

— В Кремль прошли нормально,— сказал он, устало опускаясь на стул,— я и Берзин. Разбудили начальника артиллерийского склада генерала Кайгородова, распорядились отпустить тысячу семьсот винтовок по наряду ВРК. Началась волокита, но винтовки двинцы все-таки получили и погрузили на автомобили... Стали выезжать, а ворота заперты на замок. За воротами — казаки и юнкера. Нескольких юнкеров двинцы сразу уложили, но и те не остались в долгу. Завязалась перестрелка. В общем, юнкера у кремлевских стен и оружия у нас нет...

— Как положение в Кремле? — спросил Усиевич.

— Там пятьдесят шестой полк.

— Стоит попробовать договориться с Рябцевым, пусть он уведет юнкеров,— сказал Ногин.

Наступило долгое и тягостное молчание.

— Ну что ж, попытаемся,— не очень уверенно согласился Усиевич.

— Может быть, все же удастся избежать крови,— добавил Смидович.

— «Наивозможно меньшее пролитие крови»,— уточнил Усиевич. Он записал эту фразу, чтобы вечером на расширенном заседании ВРК внести ее в план по организации революционных сил.

Смидович много думал об этом. Ему казалось, что у партии еще нет достаточных сил, чтобы самостоятельно, без сотрудничества с меньшевиками и эсерами, решить вопрос о захвате власти. Он не был военным, но видел, что у Красной гвардии почти нет оружия. Наконец, его просто пугала гражданская война, та огромная ответственность, которая неизбежно падет на большевиков, коль будет развязана открытая вооруженная схватка. Об этом говорил и Ногин. Возвратившись из Петрограда, он рассказал о последних событиях в столице, подчеркивая, что власть там взята мирным путем, что такой путь возможен и в Москве. Петр Гермогенович, Муралов, Смирнов соглашались, вызывая в ответ решительные возражения других членов ВРК. Усиевич напомнил слова Владимира Ильича: «Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление». С каждым днем, с каждым часом надежд на захват власти мирным путем становилось все меньше, и Смидович болезненно переживал это.

...Положение оставалось очень тревожным. Пал Кремль. В 8 часов утра через Троицкие ворота, открытые Берзиным, который поверил слову Рябцева, в Кремль вошли юнкера. Они выгнали из казарм безоружных солдат и зверски расстреляли их из пулеметов.

Среди ночи из штаба принесли написанное на клочке бумаги свежее донесение разведки: «Хамовнический Совет осаждают юнкера: атаки отбиты», и у Смидовича снова екнуло и тревожно забилось сердце.

Вошел часовой и сказал, что какой-то человек с электростанции срочно хочет его видеть.

«Неужели Радин?» — подумал Петр Гермогенович.

— Пусть войдет,— сказал он часовому.

Но пришел старый, болезненный монтер из кабельного отдела — Брамер. Петр Гермогенович хорошо знал его.

— Я к вам, господин Смидович... Вы сейчас такой большой начальник! — сказал Брамер.— Я с одним маленьким предложением. Такая стрельба всюду, что я едва добрался до вас. Так вот я бы хотел помочь немного. Я берусь выключить свет в тех кварталах, где засели юнкера.

— Дорогой мой! — Смидович встал и порывисто пожал Брамеру руку.— Да это же просто чудесно! Если удастся ваша затея, вы окажете революции большую услугу.

— Прежде всего я имею оказать услугу вам, потому что вы ко мне хорошо относились... Дайте мне в помощники двух солдат, потому что мне не из чего стрелять, да я и не умею.

Через час кварталы, откуда наступали белые, погрузились в кромешную тьму...

Следующий день выдался солнечным и не по-весеннему теплым. Было воскресенье, и одновременно с треском пулеметов и ружейной стрельбой раздавался колокольный звон «сорока сороков» московских церквей.

Смидович решил попробовать добраться или до Хамовников, или до квартиры, все равно, куда удастся.

— Да, да, конечно, Петр Гермогенович,— сказал Усиевич.— Только будьте осторожны.

На улице пахло гарью, порохом, бензином. Со стороны Охотного ряда доносилась сухая пулеметная дробь. Небо заволакивал дым недалекого пожара.

Смидович постоял у дверей Моссовета, надеясь, что, может быть, ему повезет и он поймает автомобиль, который его доставит до цели. Автомобиль он увидел очень скоро, открытый, с поднятым верхом. Более того, автомобиль резко затормозил возле генерал-губернаторского дома. Смидович узнал Павла Карловича Штернберга. Его длинные густые

волосы были всклокочены, взбиты встречным ветром. На рукаве кожаной куртки бросалась в глаза повязка командующего Красной гвардией Замоскворецкого района.

— Петр Гермогенович, вы куда? — крикнул Штернберг.

Смидовичу почему-то показалось неудобным сказать правду, и он неопределенно махнул рукой.

— Тогда садитесь, подвезу! — В голосе убеленного сединой профессора слышались мальчишеские нотки.

Они поехали, не обращая внимания на свистевшие рядом пули.

Пулеметчик заметил автомобиль и дал по нему очередь. Смидович почувствовал резкий толчок в плечо. Тонкая струйка крови потекла по телу.

— Петр Гермогенович, вы ранены? — испуганно спросил Штернберг.

— Кажется, да... но вы не беспокойтесь, я совсем не чувствую боли.— Смидович виновато улыбнулся.

Он с трудом добрался до комнаты ВРК. Все были в сборе.

Усиевич читал какой-то документ. Он отвел глаза от бумаги и заметил Смидовича.— Петр Гермогенович, что с вами?— его близорукие глаза округлились.— Идите в лазарет. Надо же срочно сделать перевязку... Здесь только что был доктор...

— Ничего... Пустяки... Случилось что-то важное? — спросил он.

— Викжель прислал ультиматум и требует немедленного перемирия.

— Что же это — уловка Руднева или первый шаг к миру?

— Ультиматум направлен в два адреса — нам и им.

— А кому это выгодно?

— Им! — ответил Ведерников.— Им, потому что сейчас инициатива в наших руках, а контре нужна передышка.

— Смотря по тому, на каких условиях будет заключено перемирие,— сказал Смидович.— В передышке мы тоже нуждаемся.

— Да идите же в лазарет,— повторил Усиевич.

— Хорошо, Григорий Александрович, сейчас пойду... Если будете голосовать без меня, то я за перемирие.

Заботливый Усиевич на вечернем заседании ВРК несколько раз спрашивал Смидовича, не будет ли ему трудно, если его введут в комиссию по перемирию. Петр Гермогенович отвечал, что он совершенно здоров, раненая рука хорошо перевязана и он готов выполнить поручение ревкома.

В соседней комнате стучала машинистка. Она размножала приказ ВРК:

«...Согласившись на ведение переговоров, Военно-революционный комитет объявляет перемирие до 12 часов ночи 30 октября с. г., в течение этого времени будут вестись переговоры...»

На переговоры приехали Смидович и секретарь ВРК Кушнер [1]. В портфеле у Петра Гермогеновича лежал напечатанный на машинке и испещренный поправками проект соглашения. Он начинался словами: «Вся власть в Москве находится в руках Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, белая гвардия распускается...»

Представители «Комитета общественной безопасности» уже ждали их на Николаевском вокзале в бывшем царском павильоне с позолоченными гербами, дорогой мебелью и картинами в тяжелых резных рамах. На видном месте красовался портрет Николая II.

За столом сидело человек 20 и среди них — представители Викжеля, «нейтралы», питающие надежды на примирение двух враждующих сторон.

— По-моему, все в сборе, можно начинать,— сказал Руднев, сидевший на председательском месте.

«Комитет общественной безопасности» тоже подготовил свой проект соглашения, и Руднев со Смидовичем обменялись документами.

— Однако они слишком далеко зашли! — воскликнул Руднев, прочитав проект соглашения, выработанный Военно-революционным комитетом.— Большевики требуют от нас ни больше ни меньше как самораспуститься.

— Это наглость!.. Какое безобразие! — раздались голоса.

Конечно, можно было доказывать свою правоту, возражать, выступить с гневной, обличительной речью. «Но зачем?» — подумал Смидович. Он зримо представил себе, как, воспользовавшись передышкой, закрепляются на занятых позициях революционные войска, подтягивается артиллерия, на исходных рубежах накапливаются силы, которые, как только окончится срок перемирия, мощно и слитно ударят по врагу.

И словно в подтверждение его мыслей громко, так, что задребезжали стекла в царском павильоне, бухнуло орудие.

— Одна из сторон нарушает перемирие.— Руднев поморщился.— Уверен, что ваша.— Он в упор посмотрел на Смидовича.

[1] Кушнер (Кнышев) П. И. (1889—1968) — активный участник Октябрьской революции в Москве. Член КПСС с 1905 года. В Октябре 1917 года входил в Московский ВРК.

— Может быть,— согласился Петр Гермогенович.— После того как юнкера привязали к автомобилю двинца и таскали его по мостовой, после расстрела безоружных солдат в Кремле народ трудно удержать от справедливого возмездия.

— Помилуйте, какое это имеет отношение к соглашению о перемирии? — с деланным удивлением спросил Руднев.

— Самое непосредственное,— отрезал Петр Гермогенович.

Смидович и Кушнер вернулись в Совет. Их ждали, заранее зная, какой будет исход переговоров.

— Полюбуйтесь! — сказал Петр Гермогенович, доставая из портфеля густо исписанный лист бумаги.

Усиевич тут же прочел его и озорно посмотрел на окружающих его товарищей.

— Постойте, постойте...— сказал он.— Неужели они воображают, что революционные войска поступят в распоряжение полковника Рябцева? — Он вдруг засмеялся заразительно и по-юношески звонко.— Вот это да! Да что они, рехнулись?

И тут захохотали все — весело, громко, искренне.

— Ответ будет? — спросил Смидович.

— Будет, Петр Гермогенович.— Муралов посмотрел на часы.— Скоро заговорит наша артиллерия.

— Да она как будто и не прекращала разговаривать? — Смидович рассказал о взрывах, которые доносились до царского павильона.

— Это в Рогожско-Симоновском районе не удержались и поковыряли тяжелыми снарядами кадетские корпуса.

— Первыми начали юнкера...

Одно заседание ВРК сменялось другим. Решались самые насущные вопросы. О хлебном пайке. О гуманном отношении к пленным. О возобновлении работы Центрального телеграфа. Смидович допрашивал юнкеров, сдавшихся во время боя за телефонную станцию. Они вели себя смирно, а некоторые от страха плакали. Смидовичу почему-то было жалко этих юнцов.

Свою жизнь в эти дни он мерил, как и все, какой-то особой, очень дробной мерой, ибо каждый час, а порой и каждая минута приобретали такое значение, какое в другую пору не имели месяцы и годы.

Вопрос о том, стрелять ли по Кремлю, в котором все еще хозяйничали юнкера, обсуждался ночью 31 октября. На этот раз единодушия не было. Резко возражал Ногин, не соглашался присутствующий на заседании объединенец Станислав Вольский.

Наконец зазвонили телефоны. Все поняли — отряд под руководством Григория Александровича Усиевича освободил от юнкеров телефонную станцию.

А вскоре в штабе появился нарочный «Комитета общественной безопасности». Вид у него был какой-то бесшабашный, совсем не соответствующий тревожному времени.

— Вроде бы сдаемся,— сказал он без особой грусти в голосе.

— Слава богу...— облегченно сказал Смидович.

...В зале губернской управы были заметны следы поспешной эвакуации: через выбитое оконное стекло врывался ветер, шурша разбросанными по полу бумагами.

Смидович и Смирнов сели за большой стол, покрытый зеленым сукном. Напротив них опустился в кресло Руднев, рядом — подпоручик Якулов, несмотря на свой невысокий чин, представлявший «соединенные войска, оставшиеся верными Временному правительству». По бокам стола поспешно уселись несколько членов «Комитета общественной безопасности», представители различных партий и организаций, претендующих на роль миротворцев,— объединенных интернационалистов и просто объединенцев, эсеров, меньшевиков, Викжеля, Бунда, еврейской социал-демократической партии «Поалей-Цион», польской левицы...

Руднев почти не говорил, от его высокомерия не осталось и следа. Всеми переговорами он предоставил заниматься Якулову.

Петр Гермогенович коротко изложил выработанные ВРК условия капитуляции: «Комитет общественной безопасности» прекращает свое существование, белая гвардия расформировывается...

Заседание подходило к концу, когда в зал вошел красногвардеец и передал Смидовичу записку на бланке ВРК. Она была от Алексея Ломова.

«Отвечайте немедленно, почему затягиваются переговоры. Ответ необходим сейчас же для начатия активных действий. Уже 4 часа»,— прочитал Петр Гермогенович. Он достал карандаш и написал на обратной стороне бланка: «Заканчивается. Согласие достигается по всем пунктам. Необходимо не начинать военных действий. Будем через полчаса».

Обсуждение быстро закончили, составили договор, и представители партий и организаций подписали его.

Петр Гермогенович посмотрел на часы. Было 5 часов вечера 2 ноября 1917 года...

...В Москве наступила тишина. Последними прогремели восемь пушечных выстрелов, уже после заключения мира.

Аросев немедленно позвонил из ВРК артиллеристам: «В чем дело?» Ответили коротко и ясно: «Осталось восемь снарядов, не пропадать же им!»

Военно-революционный комитет продолжал работать с прежней энергией, и Петр Гермогенович опять все дни и ночи пропадал в Совете. Слишком много накопилось вопросов: о хлебе для рабочих и гарнизона, о снятии проволочных заграждений, о банках, об организации похорон тех, кто пал за революцию в октябрьских боях.

Похороны назначили на 9 ноября.

Смидович заранее отнес машинистке адреса, по которым надо было послать телеграммы в Петроград, Иваново-Вознесенск, его родную Тулу: Московский Совет приглашал представителей трудящихся принять участие в траурной процессии. Сегодня они съезжались в Москву и приходили в Моссовет регистрироваться и получать направление в гостиницу и столовую.

— Простите... Я — американский журналист Джон Рид.— Худощавый, вежливо улыбающийся человек в клетчатом костюме и короткой куртке снял шляпу и протянул свое удостоверение.

— Очень приятно,— ответил Смидович по-английски.— Я слышал о вас, товарищ Рид. Нам очень важно, чтобы в Северо-Американских Соединенных Штатах узнали правду о России.

— Мне об этом говорят многие в вашей стране... И вот я у вас, чтобы присутствовать на похоронах героев. Вы не будете иметь что-либо против, если я сейчас же пройду на Красную площадь?

— Нет, конечно... Но если вы немного подождете, я пойду с вами, товарищ Рид.

Уже наступила ранняя ноябрьская ночь. Отблески костров и красных огней с кремлевских стен скупо освещали площадь, высокие груды земли возле огромных ям. Оттуда доносился стук ломов, которыми долбили твердую как камень землю, приглушенные голоса солдат и рабочих.

— Завтра мы опустим сюда двести тридцать восемь гробов...— сказал Петр Гермогенович.

Еще не рассвело, а к Моссовету уже стал стекаться народ, чтобы взять красные знамена и идти на площадь. Джон Рид пришел с несколькими иностранными корреспондентами и, заметив Смидовича, поздоровался как со старым знакомым. Ему нравилось, что он мог говорить с ним на родном языке.

— Разрешите, мы тоже понесем знамена,— попросил Рид.— Интернациональная колонна под общим Красным

знаменем. Это же примечательно и великолепно! Правда, товарищ Смидович?

Петр Гермогенович нес знамя Московского Совета... Вспомнился девятьсот пятый год, манифестации, тепло деревянного древка, которое судорожно сжимали ладони, напряженное ожидание пули или удара казачьей шашки...

Колонна медленно и торжественно шла вниз по Тверской, мимо заколоченных витрин и запертой на замок Иверской часовни. В этот день не работали магазины, не ходили трамваи. Вся трудовая Москва двинулась на похороны.

* *
*

Василий Иванович
СОЛОВЬЕВ

Соловьев В. И. (1890—1939 гг.), участник
борьбы за Советскую власть в Москве.
Член КПСС с 1912 г.
Родился в семье учителя в г. Гольдинген
Курляндской губернии (ныне Латвийская ССР).
Включился в социал-демократическое движение,
когда учился в Петербургском университете.
Партийную работу вел в Петрограде и Москве.
В 1913—1914 гг. сотрудничал в большевистских
газетах «Правда» и «Наш путь».
После Февральской революции 1917 г. Соловьев —
член Московского окружного комитета РСДРП(б),
затем возглавлял отдел печати и издательства
Московского Совета рабочих депутатов; один
из редакторов газеты «Социал-демократ».
Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской
конференции РСДРП(б) и VI съезда партии,

Василий Иванович
СОЛОВЬЕВ

член большевистской фракции Московской городской думы. 25 октября (7 ноября) 1917 г. избран членом Боевого партийного центра по руководству восстанием в Москве. В дни Октябрьского вооруженного восстания, как комиссар Московского Военно-революционного комитета, осуществлял связь с Московским губернским ревкомом. После победы Октябрьской революции — член бюро Московского комитета партии, член Президиума Моссовета. Участник гражданской войны 1918—1920 гг. В дальнейшем — на партийной, дипломатической и журналистской работе.

* * *

В Московском Совете и районах [1]

Напряженные дни переживала Москва.

В 10-х числах октября московскими партийными организациями (Областным бюро, Московским и окружным комитетами партии) была получена директива Центрального Комитета партии о «курсе на восстание».

Ряд товарищей, работавших в области,— Стуков, Кизельштейн, Нацаренус и другие — поехали по городам Московской области для предварительной информации и подготовки местных парткомов к одновременному выступлению вместе с Москвой. Работники «окружки» (так сокращенно по традициям со времен подполья называлась Московская губернская организация) объехали уездные организации Московской губернии.

В самой Москве был проведен ряд совещаний активных работников, и к середине октября отдельные меньшевики доверительно допытывали нас, большевиков:

— Да скажите же, наконец, нам, когда назначено выступление?

Нужно было начинать действовать, и когда утром 25 октября... пришли первые сведения о начавшемся восстании в Петрограде, к вечеру было созвано соединенное заседание Совета рабочих и Совета солдатских депутатов для избрания Военно-революционного комитета.

Начались страдные дни. Москва стала готовиться к бою.

Мне трудно хронологически и в деталях восстановить ге-

[1] Воспоминания В. И. Соловьева печатаются по книге: Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве, с. 394—402.

роические дни великой борьбы. Выступают отдельные эпизоды, отдельные переживания.

Вечер первого дня [1]. Здание Московского Совета. Маленькая витая железная лестница, ведущая на третий этаж. В первой комнате — партийная «пятерка», рядом заседает Военно-революционный комитет. С утра решаем объявить всеобщую забастовку. Военно-революционный комитет сейчас же подтверждает это решение, отдается распоряжение о выпуске воззвания, начинают передавать телефонограммы по районам, но и только... А дальше?

Выплывает вопрос о газетах. Ясно, что наутро могут выйти только советские газеты, только «Известия» и «Социал-демократ». Подвертывается Голенко.

— Товарищ Голенко, по постановлению партийного центра и Военно-революционного комитета вы должны не допустить выхода завтра буржуазных и соглашательских газет.

— Но, товарищи...

— Это постановлено.

— Хорошо.

Утром вышли только «Известия» и «Социал-демократ».

В здании Совета, где находится Партийный центр и Военно-революционный комитет, шум и беготня. Носят оружие и патроны. Идет запись в Красную гвардию. В стороне допрашивают перебежчиков. Слышны отдельные выстрелы. Телефоны еще не выключены. Звонок. Подхожу к телефону.

— Совет? Кого-нибудь из ВРК. Срочно, скорее!

— Откуда говорят? В чем дело?

Звонят из Кремля, один из солдат кремлевского 56-го полка. Рудневцы говорят, что большевики все сдались, предлагают сложить оружие. Взволнованный голос спрашивает, как быть и что делать. Я начинаю спокойно объяснять, что борьба только начинается, что впереди возможна только победа, что большевики не сдаются. Предлагаю не верить провокации и успокоить товарищей... Мы готовим помощь и скоро придем на выручку.

Ночью раздались первые выстрелы на Красной площади. Прибежало несколько двинцев: «Мы прорвались через засаду юнкеров, они занимают Кремль. Скорее, нужна помощь». Направляем их в наш штаб. Там Ярославский, Аросев. Высылаются дозоры, за организацию разведки берется Максимов. Шум, беготня; раздаются оружие и патроны. Сразу помощь двинуть не удалось, и юнкера заняли Кремль, отрезав наш 56-й полк.

[1] 27 октября.

Все горячее становится вокруг Военно-революционного комитета. Меньшевики уже ушли из его состава. Начинают приносить раненых. Наспех организуется лазарет. Военно-революционный комитет выносит постановление об удалении из здания Совета всех не принимающих непосредственного участия в работе. Начинаю обходить комнаты, чтобы проверить, не осталось ли кого-нибудь, кто мог бы быть более полезен в районе или в более спокойной обстановке. В одной из дальних комнат застаю М. Покровского и И. Скворцова (Степанова). Оба они работают в нашей газете «Социал-демократ», выходящей несмотря на события.

— Вы почему здесь? Вам здесь не место,— дружески улыбаясь, обращаюсь к ним.

А Михаил Николаевич и Иван Иванович смотрят виновато.

— Не гоните... Хочется быть вместе со всеми!

— Нельзя. В Замоскворечье! Там помещение для редакции, там спокойнее, там должны вы быть!..

Оба наших заслуженных товарища пытаются оправдаться и доказать, что они должны остаться в здании Совета.

— Постановление Военно-революционного комитета должно быть выполнено!

Медленно и неохотно уходят.

Военно-революционному комитету начинает угрожать непосредственная опасность. Юнкера вновь наступают по Брюсовскому [1] и Чернышевскому переулкам. Слаба и опасна связь с окраинами города, с рабочими районами. Слишком много ответственных товарищей в центре. Партийный центр постановляет, что часть активных защитников Совета и членов Военно-революционного комитета надо перебросить в районы, а в центре, в самом комитете, оставить минимальное число. Чтобы решить, кого и где, устраивается совместное летучее заседание. Несмотря на очевидную опасность, никто добровольно не хочет уходить. Аросев, Мельничанский, Рыкунов, Ногин, члены комитета и Партийного центра («пятерки») и нечлены соперничают друг с другом в почетном праве остаться на опасном посту.

Партийная «пятерка» удаляется на совещание и выносит готовое решение, кому оставаться в Совете и кому и куда идти в районы.

Итак, белогвардейцы занимают «Метрополь», здание городской думы, Кремль, Никитскую [2] и Арбат. Все районы — наши; от пробивающихся к нам товарищей мы знаем, что там

[1] Улица Неждановой.
[2] Улица Герцена.

кипит работа и организуются красногвардейские части, но здесь, в центре, в Московском Совете, мы чувствуем, что нас могут окружить. Мы уже почти отрезаны от Замоскворечья и Лефортова, нас отрезают от «Бутырок». Низ Тверской занят юнкерами, выше, поперек Тверской, работает неприятельский пулемет, поставленный в переулке на церковной колокольне. Единственная связь с внешним миром — по переулку на Большую Дмитровку и Петровку.

По постановлению штаба В. М. Смирнов отправляется на Ходынку за артиллерией и пропадает. Проходит ночь, а его все нет. Разносится слух, что артиллерия уже у «Яра»[1], но идут часы, слух не подтверждается. Отовсюду доносится частая, беспорядочная стрельба, совсем рядом с Советом. Подсчитываем наличные силы; выясняется, что в здании около 200 вооруженных людей. Немного.

К этому времени мы перешли во второй этаж. Окна комнаты, в которой заседают Военно-революционный комитет и партийная «пятерка» выходит во двор, рядом за тонкой стеной — штаб, окна его комнаты выходят на Чернышевский переулок. В углу нашей комнаты мягкий большой диван. Во дворе суетня и крики. Мы сидим на диване и тихо перекидываемся отдельными словами.

Вдруг из штаба кто-то вбегает:

— Сейчас нас начнут обстреливать из пулемета. Надо перейти в другую комнату.

— В чем дело? Говорите толком! Откуда, кто?..

Но толку не добиться.

— Куда же этот дьявол Смирнов подевался со своей артиллерией?

На всякий случай переходим в соседнюю комнату. Приносят миску с супом. Ага, значит, время обедать. Кто из тарелок, кто прямо из общего котла.

А положение все остается неопределенным. Несколько часов нет вестей из районов, где-то пропала наша артиллерия, сейчас начнет обстреливать какой-то полумифический пулемет. Нам ясно одно, что сейчас заседать не о чем и не для чего, что на счету каждый человек, что наше место теперь на Тверской и на Чернышевском, вместе с рабочими и солдатами. Как-то само собой складывается это убеждение у всех. С нами бессменно ведут протоколы секретарши Совета Темкина, Бричкина, Ломтатидзе. Вдруг они куда-то уходят. Через полчаса каждому из нас они надевают на руку крас-

[1] Имеется в виду ресторан в Петровском парке (ныне гостиница «Советская» на Ленинградском проспекте).

ную повязку с надписью: «Член Военно-революционного комитета».

Пусть знают юнкера и вся эта сволочь, куда им направлять штыки, если им удастся ворваться в Совет, пусть радуются... пока что. Совет они могут взять, но пусть они попробуют взять Сокольники или Благушу [1].

Торжественная минута. И тут произошло то, что бывает или в сказке, или... в революции.

Быстрыми шагами вошел В. М. Смирнов.

— Наша артиллерия на Скобелевской площади.

Сразу почувствовалось, что начинается перелом. Одно орудие направлено вниз по Тверской, другое — вверх, третье — по Козьмодемьяновскому переулку.

— Теперь голыми руками они Совета не возьмут. Теперь мы продержимся день, другой, пока не подтянутся районы.

Первый орудийный выстрел. Задрожали и полопались стекла. Меткий удар в гостиницу «Националь».

С совещания у «нейтрального» Викжеля вернулся Смидович и, волнуясь, начинает рассказывать о своих впечатлениях. Взгляд его падает на лежащие на столе револьверы. Он обрывает свой рассказ:

— Ведь я-то и стрелять по-настоящему не умею, а без этого нельзя.

Смидович берет в руки револьвер и начинает его вертеть и рассматривать. Раздается выстрел, по случайности никого не задевший.

— А еще голова седая,— укоризненно бросает кто-то сзади.

Проходная комната. Взад и вперед снуют люди. У дверей штаба толпится несколько солдат. В стороне стучат машинистки. За столом сидит Серебряков, курит папиросу и разбирает бумаги. Не то он только что вернулся из Питера, не то собирается туда.

Резкий взрыв. Где-то совсем рядом. Никто ничего не понимает. Паника. Падают на пол. Лезут под стол. Дюжий парень оказывается в ногах у Серебрякова.

— Ты куда, что с тобой?

— Я... я...

Бросаются к выходу. Серебряков с улыбкой смотрит на опустевшую комнату.

— Товарищи, спокойствие, это у нашего гранатчика взорвалась граната.

Местность в восточной части Москвы, в 1917 году входила в состав Благуше-Лефортовского района.

Тяжелая борьба шла в телефонной станции и у почтамта.

Юнкера крепко засели в Милютинском переулке. Наступлением на них руководит Усиевич. В это время пришло известие, что почтамт уже занят нами.

Надо посылать своего человека, чтобы наладить работу на телеграфе и связаться с Питером и провинцией.

— Вадим Николаевич, вам придется идти.

— Иду,— отвечает Подбельский.

Телеграф был за нами закреплен.

Идут тревожные дни, на смену приходят бессонные ночи. Все увереннее и тверже становится в районах, крепнет настроение центра. Радостные вести приходят отовсюду. Захвачен дом градоначальства с пленными. Заняты Никитские ворота. Подбит неприятельский пулемет. Утром отброшены к вокзалу «ударники», пытавшиеся пробиться в центр.

В комнату Военно-революционного комитета вбегает красногвардеец с винтовкой.

— Товарищи, какой-то митрополит или шут его знает кто, в белом облачении, просится войти в Совет.

— Пропустите.

Оказался делегат заседающего в то время в Москве церковного собора, митрополит Платон. Чтобы не принимать его в комнате комитета и не нарушать работы, стали решать, кому поручить переговоры с ним. Стоящий у двери Игнатов в буквальном смысле вытолкнул меня из комнаты.

Идите, и никаких.

Делать было нечего. Шумная соседняя комната. Приносят оружие. Стучит машинка. С винтовками за плечами проходят в штаб, находившийся рядом с комитетом, группы красногвардейцев и солдат. В полном облачении, в митре, с крестом в руках стоит Платон. Подхожу.

— Здравствуйте. Военно-революционный комитет поручил мне переговорить с вами. Что угодно?

Указываю на соседний стул и сажусь сам рядом. Платон хватает меня за руки и падает на колени. Бессвязно и волнуясь начинает говорить.

— Прекратите кровопролитие... Не надо смертей... В городе ужас... Когда все это кончится?..

Успокаиваю. Предлагаю сесть на стул. Начинаю объяснять, что в кровопролитии виноват «Комитет общественной безопасности», который не желает признавать и подчиняться власти Советов, единственной народной власти.

— Идите к ним и с ними разговаривайте. Как только юнкера сложат оружие, мы прекратим обстрел.

Митрополит поддакивает:

— Так это верно? Вы не жаждете крови? Согласны прекратить борьбу?..

Не могу не улыбнуться. Снова повторяю, что, как только белогвардейцы сдадутся, мы приступим к мирной работе.

— Хорошо, хорошо, я все передам собору.

Разговор окончен. Я вызвал краснокрестскую карету и поручил отвезти митрополита в подворье, где тот жил.

Я получаю поручение побывать в Замоскворечье, чтобы установить связь с районом и с редакциями «Известий» и «Социал-демократа», которые перебрались туда. Выхожу ночью вместе с Н. Мостовенко. Несколько раз останавливают наши часовые. Выходим на Большую Дмитровку, обходим Страстной монастырь, на Тверскую, по Садовой налево. Безлунно, темно. Вдали ухают орудия. В небе зарево пожара: горит зажженный нашими снарядами дом у Никитских ворот. На Садовой спокойно. У Кудрина [1] снова раздаются выстрелы. Спрашиваем патрульного:

— Товарищ, какого полка?

— Сто девяносто третьего.

— Ну, как у вас здесь?

— Да вот из дома напротив пошаливают. Утром надо будет дознаться.

Снова выстрел, потом другой. Слышен удар пули. Мы отходим за угол и идем дальше. Мостовенко тащит к себе.

— Зайдем, перекусим, что есть, часик отдохнем...

Утром иду дальше. Зубовский бульвар. Пустынно. Вдруг откуда-то раздаются выстрелы. Треск разбитых стекол. Крымский вал. Калужская площадь [2]. Рабочий район. Всюду оживление и движение. Мчится автомобиль с хлебом. Группами идут вооруженные рабочие. Сразу становится спокойно, хорошо и уверенно.

В районном Совете народу тьма-тьмущая. Суетится и отдает приказания Фрадкин (Волин). Редакции поместились в столовой Коммерческого института на Малой Серпуховке. В полутемной комнате за двумя столами сидят И. И. Степанов, М. С. Ольминский.

Тем временем подходят Яковлева, Кизельштейн, Владимирский. Устраиваем летучее заседание и обмениваемся мнениями о положении в разных районах. Общие сведения самые благоприятные. Владимирский остается дежурить на ночь в институте, Кизельштейн идет в районный Совет, я возвращаюсь в Военно-революционный комитет. Условливаемся утром сойтись в Центральном Совете.

[1] Площадь Восстания.
[2] Октябрьская площадь.

Сажусь на автомобиль вместе с Подбельским и Бричкиной. Советуют ехать через Краснохолмский мост. Подъезжаем к Таганке. Наши часовые предупреждают, что на площади работает чужой пулемет, и предлагают ехать переулками. Шофер разгоняет машину, и мы в темноте проносимся прямо через площадь. Благополучно. Пулемет трещит в стороне. Нас окликает наша застава. Проверка документов, надо показать пропуска. Но тормоз у автомобиля оказался испорченным, и мы мчимся вниз, к Землянке. По нас открывают стрельбу наши же солдаты. Жуткая минута. И, главное, ничего нельзя сделать. Машина все же с трудом и скрипя останавливается. Подбегает патруль.

— Ваши пропуска?

Суем ворох бумаг. Шофер включает огонь. Бумаги в порядке.

— Что вы, дьяволы, едете как с цепи сорвавшись? Или вам жизнь надоела?

И еще, и еще.

Оправдываемся, тормоз, мол, ничего не поделать, нельзя. Шофер отказался ехать дальше.

— Видите, машина испорчена.

Пошли пешком. Не успели мы пройти десятка два шагов, нас снова догоняет автомобиль.

Видно, у шофера отошло от сердца.

— Садитесь, довезу как-нибудь.

До Красных ворот добрались уже благополучно. Там мы отпустили машину назад и решили дальше пробираться пешком.

На Сухаревке [1] зашли в городской районный Совет. Несмотря на ночной час, жизнь бьет ключом. Вверх и вниз торопливо бегают люди. Рассказывают о стычке на Лубянке и о том, что Никольская улица [2] уже в наших руках. Очевидно становится, что дни наших врагов сочтены. Скорее в Центральный Совет со свежими, хорошими новостями.

Вечер 2 ноября. В районах продолжается борьба, там еще не знают о решении центра. Распределяем между собой, кому в какой район ехать, чтобы там объявить об окончании вооруженной борьбы и о капитуляции контрреволюционеров. Мне достается ехать в Городской район. Со мной командируется «нейтральный» Эдмин.

В районе нас встречает старая большевичка Ольга Афанасьевна Варенцова. Созываем районный военно-револю-

[1] Колхозная площадь.
[2] Улица Двадцать пятого Октября.

ционный комитет и всех активных работников. Читаю договор и приказ Военно-революционного комитета.

«Революционные войска победили... Враг сдался... Все на охрану завоеваний новой, рабочей, солдатской и крестьянской революции... Войска Советов остаются на своих местах... Войскам не расходиться до особого приказа Военно-революционного комитета».

Тихо, без энтузиазма был встречен этот приказ. Пролетарским чутьем чувствовали массы, что борьба не кончена, враг еще не сдался, что впереди новая борьба. Но приказ был выполнен.

— Да здравствует Советская власть!

* *
*

Александр Григорьевич
ШЛИХТЕР

Шлихтер А. Г. (1868—1940 гг.), участник борьбы за установление Советской власти в Москве, советский государственный и партийный деятель. Член КПСС с 1891 г.
Партийную работу вел на Украине, Урале, в Поволжье, Туле, Москве, Петербурге.
Участник революции 1905—1907 гг. в Киеве, Петербурге, Финляндии.
После Февральской революции — член исполкома Красноярского Совета и Среднесибирского областного бюро РСДРП.
Делегат VI съезда РСДРП(б).
В Октябрьские дни — комиссар Московского ВРК по продовольствию в Москве и губернии.
После Октября — нарком земледелия, нарком продовольствия РСФСР, в 1919 г.— наркомпрод Украины. С 1921 г.— на дипломатической работе.

С 1927 г.— нарком земледелия Украины.
В 1929—1937 гг.— кандидат в члены Политбюро ЦК КП(б) Украины.
Избирался членом Президиума ВУЦИК, членом ЦИК СССР.

* * *

Памятные дни в Москве [1]

...Уже 27 октября «Известия Московского Совета рабочих депутатов» писали: «Нелепое положение сложилось в Москве. Стены домов и заборы красноречиво говорят об этой нелепости. На них рядом расклеены плакаты от Военно-революционного комитета Московских Советов рабочих и солдатских депутатов и от Московской городской думы. Военно-революционный комитет говорит именем революции, которая организует свои силы против контрреволюции, стремившейся нанести ей последний удар. Московская центральная дума в воззвании, принятом большинством, состоявшим из кадетов-корниловцев и правого центра, призывает московское население сплотиться для поддержки губителей революции...»

Это было не только нелепое положение; это было уже начало гражданской войны в Москве.

...Звоню в Басманный районный Совет, звоню много раз. Тщетно. Телефон то занят, то никто не подходит. Тогда начинаю звонить в Московский Совет. После новых нескольких неудач телефон наконец откликается:

— Алло!

Я узнаю по голосу товарища Ногина.

— Товарищ Ногин?

— Да, кто спрашивает?

— Шлихтер. Товарищ Ногин,— обращаюсь я,— не можете ли сказать, куда бы мне было лучше всего сейчас пойти для получения какой-либо конкретной работы? Басманный район, куда я имел намерение отправиться, не откликается.

— Никуда сейчас не надо ходить,— отвечает мне раздраженно товарищ Ногин тоном, как мне показалось, не то печали, не то безнадежности,— и вешает трубку.

Звоню в Московский партийный комитет, который тогда помещался на Советской (тогда Скобелевской) площади, в

[1] Воспоминания А. Г. Шлихтера печатаются по тексту сборника: Пролетарская революция, 1922, № 10.

гостинице «Дрезден». Откликается чей-то незнакомый женский голос. Я называю себя и прошу сказать, где я могу узнать о распределении товарищей для работы в данный момент и, в частности, куда лично мне сейчас надо отправиться.

Мне отвечают, что никакого заранее составленного распределения нет, что есть много товарищей, которые сами отправляются отсюда по разным местам.

— Проезд свободен ли к вам?

— С Театральной — нет; кажется, с Тверской — свободный.

Я прощаюсь с семьей и ухожу, с тем чтобы взять первого попавшегося извозчика и кружным путем спуститься по Тверской к «Дрездену». Хотя было еще только 11 часов, Покровка, обыкновенно в этот час еще оживленная улица, была на этот раз необычно пуста [1]: нигде ни одного пешехода. Кругом какая-то щемящая, говорящая тишина. Где-то попадается навстречу извозчик.

— К Тверской, по Садовой поскорее, дам на чай.

— Десять целковых, господин!

Едем. Вот и Садовая. Несколько торопливых путников и кругом — опять зловещая, много говорящая тишина.

До Страстной площади все такая же обстановка предбоевого затишья. И только на Страстной изумленный глаз вдруг встречает несколько лотков с яблоками, разместившихся невдалеке от Пушкинского сквера. Все торговцы — подростки. По-видимому, это были уже те добровольцы-маркитанты, которые откуда-то обыкновенно появляются в районах действия войсковых частей и которых я видел и потом, спустя несколько дней, на Садовой улице в самый разгар баррикадных боев вблизи Садовой [2].

Мой извозчик молчит, но, видимо, настораживается и начинает спускаться дальше по Тверской почти шагом. Не доезжая немного до Газетного переулка, он вдруг и совсем останавливается.

— Так что, господин, нет дальше проезда; чего-то солдаты стоят и не пущают.

— Что за ерунда? Что случилось? — спрашиваю тоном наивного недоумения, а самого в это же время охватывает пронизывающая мысль: «Кто — часовые? Не встать ли самому и не справиться ли у часовых, в чем дело? У меня в карма-

[1] Я жил в то время на Покровке, в Введенском переулке, д. № 8.— *Прим. авт.*

[2] Садовая улица была, между прочим, единственной сравнительно безопасной улицей, по которой можно было в баррикадные дни попасть из Басманного района на Скобелевскую площадь, в Московский Совет.— *Прим. авт.*

не партийный билет. Если свои — пропуск обеспечен, а если чужие?.. Значит, самому прямо в капкан!»

— Поворачивай, чего стал! — это уже кричат часовые.

Извозчик испуганно дергает вожжами, чмокает и поворачивает.

— Вставайте, господин, поеду домой.

Я вынимаю двадцатипятирублевку, но у извозчика нет сдачи. Как же быть-то?

— А вот подъедем к яблочникам,— предлагаю я в надежде, что, может быть, что-нибудь удастся у них узнать.

— Не, какой тут размен,— встречают яблочники мою просьбу.

Сговариваемся на покупке мною 2 фунтов яблок.

— Что там такое случилось? Часовые стоят...— пытаюсь я заговорить с лоточниками с самым невинным видом обывателя.

— Чего случилось! Знамо, чего! Революция...

— Чьи же там стоят?

— Чьи... да всякие тут есть,— не без важности, тоном осведомленного человека отвечает лоточник.

С болью и обидой за неудачу я возвращаюсь опять кружным путем домой, куда попадаю уже около 2 часов ночи. То там то сям слышатся ружейные выстрелы...

Баррикадные дни начались...

На следующий день столь неожиданно сложившаяся для меня оторванность от товарищей и революционной работы была особенно невыносима. Частая стрельба, слышавшаяся в разных направлениях столицы, создавала представление о вооруженных столкновениях на широком фронте. Каковы наши силы? На чьей стороне перевес в этих первых схватках? Что делается сейчас в Петрограде?.. Все это вопросы, на которые в течение первой половины дня (28 октября) я ниоткуда не мог получить никаких ответов. Газеты не вышли. Но черные, змеиные слухи в устах торжествующего обывателя уже ползли и ширились и щемящей тревогой сжимали сердце.

— Керенский уже в Петрограде, большевики бегут, главари арестованы... Московский Совет уже окружен войсками Рябцева, оставшимися целиком верными Временному правительству, и с минуты на минуту будет раздавлен...

Это говорит дежурный «часовой» охраны, организованной, как оказывается, уже вчерашней ночью домовым комитетом того дома, в котором я жил в то время... Откуда ползли эти слухи? Кто вертел этой адской машиной, рассчитанной на внесение паники в ряды пролетариата и революционных

солдат? Два дня спустя после этого мы уже знали, что источником ложной информации о петроградских событиях являлся контрреволюционный Викжель...

И вдруг телефонный звонок. О радость! Наконец! Это звонит Р. А. Пельше, председатель Басманной районной управы, которому «после долгих и безуспешных попыток» удалось наконец соединиться со мной. Первый вопрос о том, что делается в городе. Информация товарищей весьма бедна, никаких точных сведений о положении дел в общемосковском масштабе они не имеют. Но один факт, весьма существенный и важный, имеется налицо: весь Басманный район находится в полном нашем распоряжении. В этом районе находится и единственная мельница, размалывающая зерно для московских хлебопекарен. Итак, район, из которого тянутся продовольственные артерии по всей Москве,— в наших руках. Такое положение надо немедленно и всемерно использовать в баррикадные дни. Задачи ближайшей революционной работы намечаются сами собой.

Мы условливаемся, что товарищи Пельше и Лазоверт вечером придут ко мне и мы наметим план нашей работы. Вечером мы порешили, что на следующий день я выясню в Московском комитете вопрос о работе лично для себя, а затем будем работать все вместе в Басманном районе.

Отчетливо помню свою первую встречу в этот же день, 29 октября, с Военно-революционным комитетом в Московском Совете. Еще до этой встречи для меня из бесед с товарищами уже выяснились совершенная хаотичность и беспризорность продовольственного дела в этот момент. Поэтому я пришел в Военно-революционный комитет с определенным планом обратить внимание комитета на необходимость немедленной организации революционного продовольственного органа при Военно-революционном комитете. Прошло уже пять лет, таких долгих лет, со времени памятных дней московской революции, а у меня перед глазами и сейчас как наяву стоит и комнатка № 5, в которой проходили заседания Военно-революционного комитета, и фигуры товарищей комитетчиков, сидящих за длинным столом. Особенно четко и ясно встает в памяти прекрасное своей нервной подвижностью и выразительностью лицо товарища Усиевича, так рано вырванного из наших рядов чехословацкими бандами в Сибири в 1918 году. Только красноватые белки глаз говорят о проведенных бессонных ночах. Сами же глаза искрятся живостью, не знающей устали. В момент моего прихода Усиевич председательствовал, Розенгольц секретарствовал.

— Доклад товарища Шлихтера об организации продовольствия в баррикадные дни,— объявляет Усиевич.

Революционный боевой аппарат не нуждается в длинных докладах. Вкратце, в течение нескольких минут, я лишь констатирую фактическое положение вещей в продовольственном деле и выдвигаю необходимость немедленного сосредоточения продовольственной власти при Военно-революционном комитете с распространением ее действий на Москву и ее окрестности.

— Предлагаю основные положения доклада признать правильными и назначить товарища Шлихтера комиссаром продовольствия города Москвы и ее окрестностей, кооптировав его немедленно в члены Военно-революционного комитета с правом решающего голоса,— говорит Усиевич. Предложение единогласно принято.

...Озлобленные и изолгавшиеся враги рабоче-крестьянской Советской России вот уже пять лет, изо дня в день, чуть не в каждой строчке своей зловонной печати твердят на все лады, что русский пролетариат показал себя в Октябрьской революции, как победивший «вчерашний хам», «жестокий», «беспощадный» по отношению к своему «вчерашнему господину» и не знающий в великой революции никаких других интересов, кроме личной корысти, личных материальных благ. К счастью, мне удалось получить весьма характерный для выяснения этого вопроса исторический документ, который я приведу здесь целиком, имея в виду сохранение его в качестве материала для будущего историка первой пролетарской революции. Вот этот документ:

От Московского Военно-революционного комитета.

ПРИКАЗ

Военно-революционный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов приказал:

1. Со 2 ноября отпускать хлебный паек по $^1/_2$ ф. в день на едока, о чем сделано распоряжение в районные управы.

2. С этого же числа в рестораны 1 и 2 разряда ни хлеба, ни муки для пользования посетителей означенных ресторанов не отпускать.

Военно-революционный комитет.

1 ноября 1917 года.

От комиссара по продовольствию г. Москвы и окрестностей.

Товарищи и граждане!

В разъяснение приказа Военно-революционного комитета сообщаю следующее:

1. По самоличному почину целого ряда фабрично-заводских комитетов рабочие в нескольких районах *отказались в пользу всего населения* от права получать хлебный паек по дополнительной карточке с тем условием, чтобы *всем жителям выдавалось не $^1/_4$ ф., а $^1/_2$ ф. на карточку в день.* Эта мера дала возможность в понедельник и вторник отпускать в этих районах каждому $^1/_2$ ф. в день [1].

Обращаюсь ко всем товарищам рабочим последовать этому примеру во всех районах. Товарищи! На вас смотрит весь пролетарский мир. Нет той жертвы, перед которой остановился бы пролетарий в борьбе за победу пролетарско-крестьянской революции. Сдайте свои дополнительные карточки фабрично-заводским комитетам на время революционной борьбы. Пусть фабрично-заводские комитеты оставят дополнительные карточки только тем рабочим, которые выполняют особенно тяжелые работы.

2. Прекращение отпуска хлеба и муки ресторанам 1 и 2 разрядов сделано с той целью, чтобы никто из граждан не получал в революционные дни добавочного хлебного пайка в ресторанах. Исключение сделано только для городской бедноты, обедающей в ресторанах 3 разряда.

Обращаюсь с призывом ко всем гражданам, посетителям ресторанов 1 и 2 разряда, приносить хлеб с собой.

Ресторанам вменяется в обязанность, под угрозой революционной ответственности, не чинить посетителям никакого препятствия в отпуске пищи без хлеба.

Надзор за выполнением этого требования поручаю товарищам трактирным служащим.

И. о. комиссара по продовольствию
Москвы и окрестностей А. Г. Шлихтер.

Москва, 1 ноября 1917 г.

Так *начинал* московский пролетариат свою борьбу за освобождение труда. В часы тяжелых испытаний, под угрозой весьма вероятного, в связи с военной обстановкой, *ухудшения* продовольственного положения московские рабочие заботятся не о том, чтобы припрятать свой добавочный паек про черный день, а спешат поделиться им со *всем* населением Москвы. ...Пройдут года, исчезнут классы, отомрут за ненадобностью партии, и многое, многое будет забыто из того, чем жили, страдали и радовались мы, современники великой революции. Но этот факт общечеловеческой — в лучшем, иде-

[1] Население получало в это время паек в $^1/_4$ фунта хлеба в день, а рабочие — $^1/_2$ фунта по нормальной карточке и еще $^1/_2$ — по дополнительной.— *Прим. авт.*

альном смысле этого слова — заботы «о своем ближнем» не будет забыт никогда, и наши потомки, вспоминая о нем, будут с благоговением обнажать свою голову перед памятником российскому пролетариату, бесстрашно поднявшему на своих плечах чудесное знамя великого освободительного восстания за весь мир и против всего мира...

Как же откликнулись на эту заботу те, кто всюду и везде кричат о своей «надклассовой» идеологии и считают себя патентованными выразителями «общечеловеческой» правды, справедливости и человеколюбия? Как отозвались на этот призыв революционного пролетариата прежде всего те, для которых продовольственное дело являлось их профессиональным долгом, те, спокойная деятельность которых была обеспечена революционной бдительностью пролетариев Басманного района?

А вот как. В дни, когда идут революционные бои, наш революционный штаб не мог испытывать продовольственных затруднений ни одной минуты. В каждый момент сюда приходили обессиленные, усталые и измученные солдаты и рабочие — в буквальном смысле слова в пороховом дыму — для того, чтобы в кратковременные моменты передышки и отдыха подкрепить себя пищей. А хлеба нет. Подвезти же хлеб из других районов было чрезвычайно трудно. Начиная от здания думы на Воскресенской площади и от «Метрополя», где были не то юнкера, не то другие контрреволюционные части, до самого Московского Совета по Тверской и по другим параллельным улицам была полоса смерти. Однажды автомобиль с Красным Крестом попытался проехать по Театральной площади по направлению к Моховой улице — и немедленно же была убита сестра милосердия. И вот через такую полосу смерти надо было подвозить хлеб из других районов. Но чтобы и в таких условиях подвозить хлеб — его надо было прежде всего иметь. Пекарни выпекали хлеб лишь в количестве, рассчитанном на нормальные выдачи, и лишь для такого количества размалывалось зерно ежедневными порциями. Снабжение штаба требовало весьма незначительной, но специальной траты хлеба сверх нормы. Я знал, что наличные запасы зерна чрезвычайно малы.

— Мы выиграем борьбу, если сможем в течение ближайших дней выдавать населению хотя бы по $^1/_4$ фунта в день,— так высказался, между прочим, однажды т. Шефлер в беседе со мной.

Творцы революции, *рабочие массы,* сумели... обеспечить населению не только эти $^1/_4$ фунта, но и увеличить паек до $^1/_2$ фунта, не отягощая вопроса о существовавшей в те дни

наличности продовольственных запасов. Но и помимо этого факта было еще одно соображение, обязывавшее не опускать руки... Ведь для того, чтобы выиграть борьбу, было мало продержаться на четвертьфунтовом пайке в течение нескольких дней баррикадной борьбы. Надо было кроме того и прежде всего, чтобы в центре Москвы, в Военно-революционном штабе, где трепетало сердце революционной борьбы и к которому стекались в баррикадные дни бойцы со всех районов для получения указаний, распоряжений и информации,— надо было, чтобы здесь в *эти* дни бойцы могли *не думать, не чувствовать* продовольственных лишений.

Для всякого, но не для Московской продовольственной управы, избранной еще за несколько месяцев до этого по закону Временного правительства и находившейся фактически в распоряжении меньшевиков и эсеров.

— Для революционного штаба нужно специально доставлять ежедневно несколько десятков пудов хлебом или мукой,— звоню я по телефону в Московский продовольственный комитет.

— Выпечка хлеба находится всецело в распоряжении районных управ. У нас же в запасах нет ни фунта муки. Зерно размалывается ежедневно в количестве дневной пайковой порции, и мука немедленно сдается по районам.

— Но все же мой наряд подлежит безоговорочному исполнению,— настаиваю я.

— Это можно сделать лишь за счет муки, отпускаемой нами по районам населению, то есть путем уменьшения пайка,— отвечают мне.

— Нет, этого делать нельзя,— заканчиваю я беседу.

Я не знал, кто говорил со мною по телефону, но мне не верилось, чтобы действительно не было фактически никакого другого способа для снабжения штаба хлебом, как только путем уменьшения пайка населению. Я решил поехать в продовольственный комитет, чтобы лично разобраться в этом вопросе.

Как сейчас, вижу перед собой темное, мрачное помещение продовольственного комитета. Прохожу ряд пустых больших комнат и попадаю в комнатушку, где приготовлен завтрак для ответственных работников. На столе хлеб, масло, колбаса; шипит большой самовар. А за столом около десятка с любопытством глядящих на меня таких безмятежных, чужих и чуждых лиц...

После моих вопросов мне разъясняют, что муки не только для Совета, но даже для районных управ, пожалуй, на завтра не будет, так как сегодня мельницы не работают.

— Рабочие отказываются молоть.

— Почему?

— Говорят, что камень не работает; потом требуют повышения платы. Пользуются тем, что теперь происходит. Никогда такой платы мы не платили [1].

И опять мне не верится, чтобы этого затруднения нельзя было устранить. Мне пришлось самому поехать на мельницу, чтобы выяснить обстоятельства дела.

Оказалось, что все дело в грузчиках. Грузчикам — этому наиболее отсталому слою пролетариата — была совершенно неинтересна в тот момент пролетарская революция, но для них чрезвычайно было важно удовлетворение их требований повышения заработной платы. Характернее всего было в данном случае то, что удовлетворение грузчиков требовало всего несколько десятков рублей в день. Для всякого нормального, действительно «надклассового» человека было бы совершенно немыслимо из-за такой добавочной траты шутить — с риском оставить на следующий день революционный город без хлеба. Но для эсеровско-меньшевистского продовольственного комитета понимание этой очевидной истины было недоступно; его интересовала лишь борьба с грузчиками во имя «нормальной» расценки труда.

— Никогда такой платы мы не платили!..

С грузчиками я покончил в два счета, признав их требование подлежащим немедленному удовлетворению. Угроза оставить Москву без хлеба была устранена...

— Нельзя ли достать где-нибудь муки на стороне, у торговцев?..

Эту вторую задачу разрешил член Лефортовской районной управы И. С. Лобачев, теперь народный комиссар по продовольствию Украины. Лобачев — самый настоящий рабочий, прямо от станка попавший в руководители продовольствен-

[1] Здесь же, в комитете, в разговоре мне, между прочим, указывалось, что вообще с продовольственными запасами дело обстоит плохо, так как подвоз зерна совершенно приостановлен вследствие загруженности железнодорожного узла. Очистить же узел при нынешней обстановке совершенно, мол, нельзя: «Нет рабочих рук». Я это сообщение немедленно использовал в том смысле, что дважды созывал собрание Викжеля для выяснения вопроса о мерах, необходимых для разгрузки узла. У Викжеля я встретился... с таким же характерным равнодушием к интересам снабжения Москвы, как и в продовольственном комитете. Пришлось и здесь использовать свою власть комиссара. Я потребовал точного ответа, сколько именно нужно людей для того, чтобы разгрузить скопившиеся несколько тысяч вагонов и очистить пути. Если не изменяет мне память, председатель Викжеля Гар, ныне коммунист, а тогда эсер, назвал цифру в 700—800 человек. Я сказал, что это количество рабочих рук будет получено мною от командующего войсками (нашими) Миронова, а от Викжеля я требую быстрого содействия планомерной разгрузке узла. Так был очищен от грузов Московский узел.— *Прим. авт.*

ного дела в районе. Лобачев нашел какого-то своего знакомого булочника. Мы в этот момент были еще очень скромны по отношению к предпринимателям, награбленного еще ни у кого не отнимали и никого вообще еще не трогали. Но хозяева-предприниматели уже были настороже, уже чуяли, что дело может оказаться для них весьма скверным, и быстро припрятались. Булочник, которого нашел Лобачев, никому из нас не поверил бы, но Лобачеву поверил. Булочнику было гарантировано, что ему немедленно будет уплачено, сколько он хочет, что у него после этого муки никто не отнимет и что вопрос идет только о том, чтобы он немедленно испек хлеб и проявил всю свою инициативу, самодеятельность и торговую сметку для того, чтобы хлеб этот провезти из Басманного района через полосу смерти в Тверской район, в Московский революционный комитет. Мы честно выполнили условия торговой сделки, хорошо заплатили булочнику и не отняли у него ни одного фунта муки, хотя знали, что он испек хлеб не изо всей муки. Но надо сказать, с другой стороны, что и булочник добросовестно выполнил свои обязательства, и через несколько часов мы имели хлеб уже на телегах. Но было страшно доверить эту драгоценность возчикам. Товарищ Лобачев, рабочий, для которого пролетарская революция была превыше всего, сам сел на телегу и самолично в тот же день сдал хлеб в хозяйственный отдел Военно-революционного комитета.

Впоследствии нас, большевиков, работавших по продовольствию в первые месяцы революции, высмеивали «профессиональные» продовольственники из разных «надклассовых» групп и эсеровско-меньшевистского лагеря за такое «кустарничество» в организации и практике продовольственного дела. Я должен сказать, что только потому, что каждый из нас при любой продовольственной мере не останавливался в случае революционной необходимости перед самоличным доведением этой меры до конца, как бы мала и незначительна, как бы «кустарна» ни была эта мера сама по себе,— только поэтому и удалось прокормить рабочих и солдат в первые, самые тяжкие в продовольственном отношении месяцы Октябрьской революции.

* *

*

Павел Карлович ШТЕРНБЕРГ

Штернберг П. К. (партийный псевдоним — Лунный) (1865—1920 гг.), профессиональный революционер, участник Октябрьской революции в Москве, ученый. Член КПСС с 1905 г. Родился в семье железнодорожного подрядчика в Орле. Окончил физико-математический факультет Московского университета. В годы учебы проявил блестящие способности в астрономии, написал научный труд.

В годы революции 1905—1907 гг.— один из активнейших членов Военно-технического бюро Московского комитета РСДРП.

В первую мировую войну поддерживал лозунг В. И. Ленина о превращении империалистической войны в войну гражданскую. С 1914 г.— профессор Московского университета; с 1916 г.— директор Московской обсерватории.

Павел Карлович
ШТЕРНБЕРГ

После Февральской революции 1917 г.— один из организаторов отрядов Красной гвардии в Москве, член Московского комитета РСДРП(б), член Центрального штаба Красной гвардии. В дни Октябрьского вооруженного восстания — член Замоскворецкого районного Военно-революционного комитета и Московского Военно-революционного комитета, участвовал в боях на улицах города, командовал отрядом Красной гвардии. По инициативе Штернберга в боях за Кремль была введена в действие тяжелая артиллерия. После победы Октябрьской революции назначен московским губернским комиссаром, избран членом Президиума Мосгубисполкома. С начала 1918 г.— член коллегии и заведующий отделом высших учебных заведений Наркомпроса. Участник гражданской войны.

* * *

Земля и звезды [1]

26 октября 1917 года. Гостиница «Дрезден».

Московский комитет заседал совместно с Областным бюро и окружкомом. Избрали Боевой партийный центр по руководству восстанием.

— Жаль, что это не сделано заранее, как в Петрограде,— сказала Варвара Яковлева.

— Пока гром не грянет, мужик не перекрестится,— вставил Ярославский.

Алексей Ведерников, не успев закурить трубку, на ходу застегивая пальто, выходил из комнаты. Куда девались его неповоротливость и медлительность! Он отправлялся в Покровские казармы за солдатами, чтобы занять почту и телеграф.

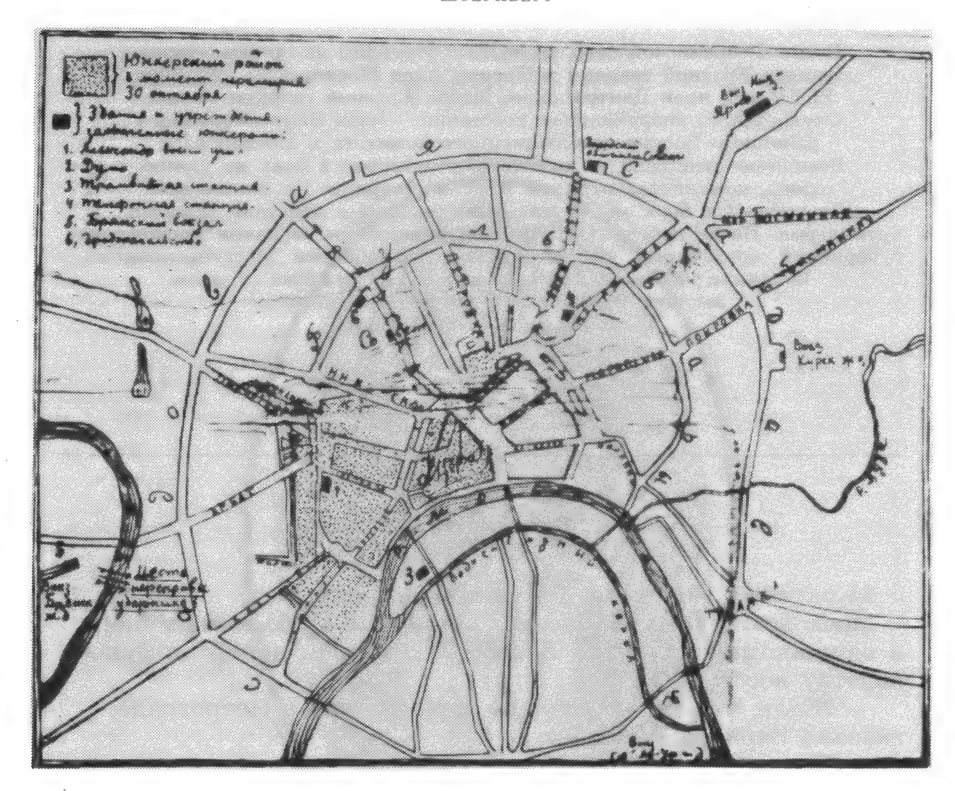
— Тише, тише, товарищи! — просила Яковлева и, склоняясь над столом, быстро водила пером по бумаге.

Павел Карлович скользнул взглядом по листку: «Рязань — докладчика не будет», «Калуга — бумага есть», «Смоленск — литературу посылаем». Варя составляла шифрованные телеграммы в область. Разные тексты означали одно и то же: началось!

В телефонограмме из Петрограда сообщали: заняли вокзалы, банк, телеграф.

Первыми стоят вокзалы. Партийный центр уже направил в Брянск и Орел человека, чтобы связаться с местными

[1] Из книги: *Чернов Юрий.* Земля и звезды. М., 1975

План театра военных действий в Москве
в Октябрьские дни 1917 г.
Документ того времени

большевиками, создать на станциях заслоны, преградить путь войскам с фронта, в случае если бросят их неожиданно на Москву.

У Павла Карловича «на случай восстания» были карты с мостами, виадуками, скрытыми подходами к железнодорожному полотну на ближних подступах к городу. Из числа рабочих еще в августе сформировали подрывные группы. О них-то и подумал Штернберг, подходя к двери красногвардейского штаба...

— Садитесь, садитесь, товарищи! — попросил Штернберг, но садиться было не на что, на стульях примостились по двое, единственный диван под тяжестью теснившихся на нем людей просел почти до пола. Те, кому не хватало места, жались к подоконникам.

Павел Карлович собрал красногвардейцев, обученных подрывному делу. Комната штаба — такая просторная и вместительная прежде — оказалась тесной.

— Эх, гайки-винтики, постоим! — сказал Виноградов, уловив, что Штернберга смущает невозможность всех усадить. Нетерпеливо-возбужденные слесари, токари, трамвайщики, в грубых сапогах, в брезентовых куртках, в любую секунду готовые к выезду за город, жаждали поскорее получить задание.

Неутомимый Виноградов около двух месяцев обучал их закладывать взрывчатку, производить взрывы. На практику возил он своих учеников в излюбленные Сокольники, на дальнюю вырубку, где когда-то встречался с Павлом Карловичем.

Штернберг объяснил красногвардейцам задачу: не пропустить к Москве эшелоны белой гвардии.

Указка скользила по карте вдоль густой паутины железных дорог, подступающих к городу, и, не тратя лишних слов, он как бы подвел черту разговору:

— Не пропустить!

По выщербленным мраморным лестницам загремели сапоги, подбитые железными подковами. Командиры групп, получив карты своих участков, уводили красногвардейцев на задание. А в двери уже входили новые люди, внося сырость холодного дня, протягивая донесения из районов...

Первая ночь восстания... Штернберг этой ночью так и не снял кожанку. Подрывники готовы были выполнить задание. И Штернберг взял на себя новое тяжкое бремя — обеспечение оружием рабочих районов.

Обстановка складывалась благоприятно. Арсенал в Кремле наш. Нужно было вывезти 70 тысяч винтовок...

Длинная вереница автомобилей двигалась по Тверской в сторону Кремля, увозя свежую частушку:

Без винтовок мы — мишени,
А с винтовками — стрелки.

...Предрассветная темень была густа, как смола. Грузовик оголтело прыгал по булыжникам. Кузов громыхал и трясся. В кабине жалобно скрипели пружины сидений. Штернберг сидел рядом с водителем.

Иногда, на мгновение, шофер зажигал фары. Сноп света, пугливо шмыгнув по мостовой, вырывал из мрака мокрые камни, бордюр тротуара и поспешно гас. Было непонятно, как шофер угадывает русло неширокой улицы.

Впереди предупредительно замигали фонарики. Двое с винтовками вышли на мостовую. Патруль. Юнкера.

Рука Штернберга легла на рукоятку маузера. Шофер обманно притормозил, сбросил скорость. И вдруг с яростным треском лопнула граната. У ног часового взметнулся рыжий огонь.

Грузовик бросился на шлагбаум. Осколки ветрового стекла зазвенели, мост загудел под колесами, кузов заходил ходуном.

Вдогонку грянули выстрелы, но звук их был услышан уже тогда, когда рука опустила рукоятку маузера, ставшую теплой и влажной.

Шофер, опьяненный скоростью, ветром, опасностью, казался одержимым. Он вцепился в баранку, слился с нею и расслабился лишь возле трехэтажного дома с часовыми у подъезда и светом в окнах.

Тормоза заскрипели:

— Прибыли!..

В Замоскворецком Военно-революционном комитете никто не спал.

— Если Магомет не идет к горе...— приветствовал Павла Карловича Файдыш. Рука его лежала на вертушке телефона.— Связаться с вами невозможно.

— Отныне я ваш,— объявил Штернберг.— Добрая половина работников из центра выехала в районы.

Павел Карлович обвел взглядом сидящих. Пожалуй, он знал всех — одних меньше, других больше. Файдыша он помнил 17-летним студентом, возглавлявшим одну из лучших групп по съемке Москвы. Штернберг уже тогда величал его по имени и отчеству — Владимир Петрович, но, по существу, это был мальчик.

Теперь Файдыш стал старше, позади 10 лет тюрьмы и ссылки. В его движениях, взгляде и голосе появились уверенность и самостоятельность.

«Опора надежная»,— Павел Карлович перевел взгляд на Петра Добрынина, который сам себя называл «послом Замоскворечья в Центральном штабе Красной гвардии». «Посол» отлично знал район, людей, неплохо владел оружием, в голове его рождались бесчисленные стратегические планы. Настало время проверить их на практике.

Трамвайщик Петр Апаков [1] сидел у самого окна и курил, переняв, очевидно, у Добрынина добрую традицию — дым выпускал в форточку. Апаков дважды бывал в гостинице

[1] Апаков П. Л. (1887—1919) — участник трех революций в Москве.

«Дрезден» и оба раза приходил с дельными предложениями. Во всяком случае, трамвайные телефонные будки «эксплуатировались» разведчиками, по его собственному выражению, «на всю железку».

Остальных Павел Карлович знал понаслышке: Сокола [1], молчаливо-хмурого солдатского вожака, представлявшего 55-й запасной полк; Петра Арутюнянца [2], лобастого черноглазого студента из Коммерческого института, о котором Добрынин говорил:

— Энергия Арутюнянца спит только тогда, когда спит Арутюнянц.

Люсик Лисинова что-то шептала насупленному Соколу. Рядом с ним, одетым в солдатскую шинель, ее белая блузка казалась особенно воздушной, а волосы еще угольнее, чернее, чем были на самом деле. Штернберг Лисинову встречал в Московском комитете — она слыла превосходным агитатором, а в первые дни восстания увидел ее в бывшем доме генерал-губернатора. Люсик приходила с донесениями из Замоскворечья...

— Ну, с чего начнем?

Штернберг обернулся к стене, занятой планом района со знакомыми пометками угловых зданий, высоких каменных домов, проходных дворов.

Павел Карлович решил, что правильнее будет, если он обстоятельно ознакомит соратников с обстановкой, правдиво расскажет обо всех ее плюсах и минусах, не спеша с готовыми выводами, не навязывая свою или чью-либо точку зрения.

Рассказ его был предельно конкретен и краток.

Период неопределенности позади. Иллюзия переговоров между непримиримыми врагами развеяна. «Комитет общественной безопасности», объединивший всю контрреволюцию, объявил нам войну.

Какова расстановка сил?

Противник хорошо вооружен, организован, обучен. На помощь ему идут с фронта казаки, драгуны, артиллерия...

Московский комитет отдал приказ о переходе в наступление. «Красный пояс», как называют окраины Москвы наши противники, должен сжаться.

[1] Сокол В. С. (1888—1965) — участник борьбы за Советскую власть в Москве. Член КПСС с марта 1917 года. В Октябрьские дни — председатель ревкома 55-го пехотного запасного полка.

[2] Арутюнянц П. Г. (1892—1939) — участник Октябрьской революции в Москве. Член КПСС с 1915 года. В Октябрьские дни 1917 года — председатель следственной комиссии Замоскворецкого ВРК. После гибели Петра Добрынина возглавил отряд Красной гвардии.

— Сжаться, конечно, сжаться,— сверкая угольями черных глаз, не выдержал горячий Арутюнянц,— но мы сидим без патронов.

Штернберг кивнул:

— Знаю. В других районах еще хуже.

— Перспектива вооружиться есть.— Штернберг несколько повысил голос: — В Арсенале Кремля семьдесят тысяч винтовок, пулеметы, гранаты. В Кремле наши машины и наши люди. Выехать они не могут: Кремль оцеплен юнкерами. Замоскворечье, между прочим, вплотную подступает к кремлевской набережной. Однако к этому мы еще вернемся. Ждем мы оружие и из Тулы, Владимира, Иванова, из ближнего Подмосковья.

— Пока это журавль в небе,— заметил Файдыш. Ему, начальнику Красной гвардии района, даже относительно близкое будущее представлялось далеким. Через несколько часов Файдышу предстояло повести людей в бой.

— Хорошо, когда есть журавль в небе.— Штернберг повернулся к Файдышу.— Но нам и без синицы не обойтись. Нужна синица в руки! И не послезавтра, не завтра, а немедленно, нынче ночью.

Штернберг встал. Не было и тени усталости в этом большом человеке, так и не снявшем кожаную куртку, перехваченную широким ремнем. Ремень чуть сполз, оттянутый маузером.

— Смотрите,— сказал он, тыча пальцем в план района,— в этих шести-, пяти- и четырехэтажных каменных домах — буржуазия, купечество, чиновничество, офицерье. Вы знаете, сколько машин с оружием роздано Рябцевым в домовые комитеты?

— Из каждой форточки на Остоженке и Пречистенке стреляют нам в спину,— подтвердил Апаков.

— Нынешней ночью,— Павел Карлович утверждающе провел рукой,— летучие отряды красногвардейцев обязаны обезвредить все подозрительные дома. Сопротивляющихся арестовать! Пусть контрреволюция послужит у нас в интендантах! Все конфискованное оружие — в ревком!..

Формировать летучие отряды поручили Петру Арутюнянцу. Через минуту его голос уже доносился из зала, где отдыхали рабочие и красногвардейцы. Оттуда докатилась волна оживления, захлопали двери, загремели по коридорам башмаки.

Вот уже и на улице командовали:

— По порядку номеров рас-счи-тайсь!

Добрынин кивнул в сторону улицы:

— Сегодня буржуи не досмотрят сны. Арутюнянц потрясет их души!

Штернберг продолжал:

— Есть еще один источник оружия — школа прапорщиков. Смотрите!

Он опять ткнул пальцем в план Замоскворечья:

— Эта школа как бельмо на глазу. Здесь, у нас под боком. А если пойдем вперед, нам в спину нацелят пулеметы...

— Разрешите?

Сокол, председатель полкового комитета, верный солдатской привычке, встал. Он не умел говорить сидя. И не умел говорить тихо. Тоже привычка. На полковых митингах тихий голос не услышат.

— Прапорщики сложить оружие отказались. У них триста пятьдесят штыков, пулеметы. Штурмовать — много крови прольется.

Речь Сокола похожа на рапорт. С упрямой решимостью он оперся на спинку стула, всем видом давая понять: лезть на рожон нет смысла, но если надо — мы готовы...

— Что же вы предлагаете? — спросил Штернберг.

Вместо ответа по существу Сокол сообщил:

— Школа прапорщиков объявила нейтралитет.

— Ах, нейтралитет! — Павел Карлович сделал шаг к Соколу: — И вы в него верите?

Сокол замялся.

— А я не верю. В дни войн и в дни революций нейтралитет — штука зыбкая, ненадежная, недолговечная. Нейтральные — между молотом и наковальней. Они колеблются, выжидают, лавируют. Вихрь событий в любую минуту грозит захватить, закрутить, затянуть их. Особенно не люблю нейтральных, у которых в окнах — пулеметы...

Решили: не тянуть ни часу. На рассвете 55-му запасному полку обезвредить школу прапорщиков, разоружить...

В ту ночь все колесики в механизме Замоскворецкого ВРК пришли в движение; с той ночи Штернберг возглавил Военно-революционный комитет и получил право главной подписи под документами.

Павел Карлович отыскал на карте Остоженку. В том месте, где отряд Добрынина охватывал клещами штаб МВО, где засели юнкера, нарисовал скобу, похожую на подкову.

Если б артиллерия... Он мечтательно подумал о пушках, которые сшибли бы пулеметчиков с колокольни, с башни Зачатьевского монастыря, проломили бы стены штаба.

В донесении, зашитом в кофту Люсик Лисиновой, он просил Московский ВРК прислать батарею и пулеметы. Он

послал донесения и более надежным, кружным путем, через Дорогомилово...

Штернберг откинулся на спинку стула, зажмурился, давая отдых глазам и сосредоточась.

Так он сидел пять, может быть, десять минут, вытянув под столом ноги и зажмурясь, пока не скрипнула дверь. Вошел вестовой.

— Все. Юнкера в Кремле.

...Бронетрамвай катил по Москве почти без шума, без огней, ненадолго останавливаясь, давая Павлу Карловичу возможность вслушиваться в непрочную ночную тишину и сделать пометки в тетради.

Идея оборудовать трамвай, защищенный от пуль, осенила Михаила Виноградова перед самым восстанием. Он принес Штернбергу в гостиницу «Дрезден» листок с нехитрыми чертежами и рисунком броневагона, на борту которого написал любимую строчку: «Постою за правду до последнева!»

Павел Карлович улыбнулся, вспомнив слова удалого купца Калашникова, спрятал чертежи в карман со смутной надеждой — авось пригодятся.

Апаков, которому Штернберг показал листок с расчетами Виноградова, заинтересовался:

— Прикинем.

Броневых листов в Замоскворецком трамвайном парке оказалось мало, едва хватило на кабину вагоновожатого. Думали-гадали и заменили броню деревянными рамами, простенки засыпали песком, попробовали: пуля не берет!

По предложению Штернберга внутри установили вращающееся колесо, укрепили на нем пулемет.

Так и родился «бронетрамвай», как его окрестили создатели, не очень смущаясь тем, что роль брони пришлось передоверить 50-миллиметровым доскам.

Вблизи Крымского моста из чердачного слухового окна кто-то подавал световые сигналы. Красный фонарь нервно моргал. Моргал то чаще, то реже, то угасал, чтобы спустя минуту снова послать в темноту ночи беспокойные сигналы.

— Ударим? — спросил Апаков.

— Ударьте! — согласился Штернберг.

Было слышно, как, скрипнув, повернулось колесо, и враз вагон наполнился стальной дрожью; гулкое эхо пулеметной очереди пронеслось в воздухе и оборвалось. Слуховое окно на чердаке безнадежно ослепло. Красный зрачок фонаря, очевидно, угас навсегда...

На Смоленской площади бронетрамвай остановился. В большом доме со стороны Арбата ярко светились огни.

Вражеские наблюдатели огласили площадь резкими, пронзительными свистками. Из подвалов загремели выстрелы, с чердака здания, господствующего над перекрестком, резанул воздух огонь «максима». Ночного покоя, взорванного, разбуженного беспорядочной пальбой, будто и не существовало. Шальные пули зацокали о броневой колпак, забарабанили по деревянной обшивке трамвая.

Высоко в воздухе повисло что-то горящее. Мрак расступился. Очевидно, в верхних этажах соседнего дома подожгли и сбросили паклю.

— Ударим? — спросил Апаков.

— Не надо,— ответил Штернберг.— Задний ход!

Трамвай медленно покатил задним ходом, удаляясь из зоны обстрела. Скоро растревоженная Смоленская площадь осталась в стороне. Темные, с редкими огнями, с редкими светлячками раскуренных цигарок в окнах, уплывали улицы.

Ночь властвовала над городом. С Остоженки и Пречистенки доносилась вялая перестрелка.

...На Калужской площади, высоко подняв могучие стволы, стояли тяжелые орудия. Возле них топтались артиллеристы, поеживались от сырости и холода, прятали озябшие руки в рукава.

Изредка взглядывая в окно, Павел Карлович неизменно испытывал удовлетворение при мысли, что теперь брошенные французские орудия не бутафория, что ими можно не только пугать слабонервных прапорщиков. Правда, пришлось изрядно повозиться. Сначала выяснилось, что наши снаряды к французским орудиям не подходят. Выручил университетский товарищ, инженер, мастер на все руки Евгений Александрович Гопиус, обточивший снаряды. К счастью, смерть, спрятанная в стальную оболочку, вела себя покорно, прежде назначенного часа не взбунтовалась. Вторая напасть — не было прицельных приспособлений, точнее, офицеры попрятали их, унесли, пытаясь обезвредить орудия. Тут уж на помощь артиллеристам пришел сам Павел Карлович, точно рассчитавший расстояние до целей.

Владимир Файдыш забрался с наводчиком на макушку самого высокого здания, чтобы приметить ориентиры: железную красную крышу штаба МВО, трубы, башенки.

Пришла наконец и батарея тяжелого артдивизиона. Штернберг тормошил Московский ВРК не зря: эту батарею он расположил на Воробьевых горах, откуда вся Москва просматривалась как на ладони.

Стволы направили на засевших в Кремле юнкеров...

Остановка была за малым — за разрешением открыть по врагу артиллерийский огонь. В Московском Военно-революционном комитете опять, как прежде в вопросе о переговорах, мнения разделились.

— Как,— негодовали противники артиллерии,— мы будем расстреливать из пушек Москву, с ее густонаселенными кварталами, с памятниками национальной культуры? Ни в коем случае!

— Нет,— возражали сторонники артиллерии,— мы не будем расстреливать из пушек Москву, мы откроем огонь по главным опорным пунктам белой гвардии. Мы не вправе ждать, пока Рябцев получит подкрепление и задушит революцию. Надо действовать!

Да, контрреволюция перешла к обороне. Кризис с оружием преодолен. Бесчисленными ручейками стекается помощь рабочей Москве. Попытка поддержать Рябцева провалилась: казачий полк, высадившийся в Кашире, повернул обратно. Но сколько таких полков, посланных белыми генералами, рвутся к Москве? Сколько эшелонов с артиллерией, сколько бронепоездов? Где гарантия, что их так же успешно, как под Каширой, остановят агитаторы, или железнодорожники, или пушки?

А если нет? Если начнется с новой силой страшная сеча?

Вот уж поистине «промедление смерти подобно». Надо немедленно смять, разгромить белое ядро. Не лезть же на стены, изрыгающие пулеметный шквал, с винтовками! Пусть заговорят пушки!

Разрушения? Как бы точно ни били артиллеристы, разрушения неизбежны.

Жертвы? Жертвы тоже неизбежны. Но их будет в сто, в тысячу раз больше, если не разгромить врага сейчас, обрушив на него всю свою силу, все средства подавления. Революция не побеждает уговорами.

На Калужской площади, перед окнами ревкома, неподвижно стояли безмолвные орудия. Артиллеристы по-прежнему поеживались от холода. Подходили красногвардейцы, хлопали ладонями по броне, о чем-то спрашивали солдат. Те пожимали плечами.

Павел Карлович обмакнул перо и, обращаясь в Московский ВРК, написал:

«Дальнейшее промедление и малая решительность могут весьма гибельно отразиться на успехах революции, поэтому Замоскворецкий Военно-революционный комитет предлагает начать работу шестидюймовых орудий и просит высказать свое мнение Военно-революционный комитет по этому пово-

ду. Предварительно предлагается сдаться юнкерам и в случае отказа с их стороны начать свои действия с 10 ч. утра.

П. Штернберг».

А в это время Замоскворечье, создавшее собственный арсенал в кинотеатре «Великан», вооружало рабочих. Конечно, одноэтажное здание, названное «Великаном», могло вызвать лишь улыбку. Впрочем, неказистое строение честно несло службу, дав под своей крышей приют ящикам с винтовками, патронами, гранатами.

Проезжая мимо «Великана», вокруг которого колыхалось море человеческих голов, Павел Карлович подумал, что на ноги поставлены уже не отряды, не полки, поднялся вооруженный народ.

Грузовик, хрипло сигналя, с трудом пробирался через многолюдные улицы. Возле Калужской заставы, выбравшись на простор, шофер облегченно вздохнул. В лицо ударил тугой и хлесткий ветер скорости.

Воробьевы горы озарялись вспышками. Тяжелая батарея вела огонь. Красногвардейцы, приехавшие в грузовике со Штернбергом, рассыпались по ближним склонам.

— Привез вам охрану,— сказал Павел Карлович комиссару.— Батарее без охраны нельзя.

Вместе они поднялись на взгорок. Внизу петляла Москва-река, темная от частых дождей, дальше, за островками дач, простирались пустыри со свалками нечистот и живодерными дворами, а еще дальше подымался гигантский город с устремленными в небо бездымными трубами заводов, маковками церквей, блеклых, не золотящихся из-за хмурого дня; и совсем будничными казались кварталы то многоэтажных, то приземистых, вросших в землю, домов.

Мощный цейсовский бинокль сокращал расстояния. Опытный глаз безошибочно определил обстановку.

Наступающие подковой огибали центр. Судя по вспышкам, наши орудия били от Большого театра, от церкви Никиты Мученика, с Берсеневской и Софийской набережных.

Столбы огня и дыма вставали, очевидно, над «Метрополем»...

К ближайшему орудию поднесли лоток со снарядами. Вслед за оглушающим грохотом послышалось шипение рассекаемого воздуха. Минуту-другую спустя в цитадели Кремля, над Николаевским дворцом, взметнулось, набухая и разрастаясь, бурое облако.

— В точку,— похвалил комиссар.

Тем временем красногвардейцы окопались на склонах. Убедившись, что батарея защищена от всяких неожиданно-

стей, и представив общую картину боя, Штернберг помахал шоферу: заводи!

Грузовик, громыхая и дребезжа, помчался знакомой дорогой в Замоскворечье.

Остоженку трясло от пулеметных очередей. Юнкера перерыли окопами подступы к штабу МВО, вгрызлись в землю, укрылись за штабелями дров, за железными койками, сцепленными колючей проволокой.

Еще вчера они подымались в контратаки, однако, отброшенные, оставив трупы за проволокой, присмирели, залегли.

Красногвардейцы — дом за домом, метр за метром — надвигались на штаб. Снаряды шестидюймовых орудий с треском лопались во дворе, вырывая комья земли, кромсая деревья. Один снаряд угодил в дровяной завал, хаотически вздыбил, разбросал бревна.

Юнкера обреченно отстреливались.

— Под пули не лезть,— приказал Штернберг.— Штаб на последнем издыхании. Артиллеристам снарядов не жалеть.

Штернберга угнетали потери: вчера скосило Добрынина, сегодня убита Лисинова. И как она оказалась в окопе, когда он велел ей после задания отдыхать?..

Арутюнянц ждал Штернберга во дворе, курил, прислушиваясь к стрельбе. Со стороны штаба доносились хлопки винтовочных выстрелов, редкая дробь пулемета. Они пересекли мостовую и поднялись по ступенькам серого, в дождевых потеках, дома. В просторной голой комнате вдоль стен лежали убитые. Тела были накрыты куртками и шинелями. Непривычно торчали башмаки со стоптанными подметками. Из-под серой шинели, прорванной в нескольких местах, выглядывал один сапог с рыжим пятном на голенище.

— Где Люся? — спросил Штернберг.

Они прошли до окна, Арутюнянц склонился и откинул пальто. Люсик Лисинова лежала у самой стены. Кто-то положил ей под голову маленькую подушечку. На гладком, молодом лице не было ни единой складки, ни единого пятнышка. Пробор, как белая тропинка, разделял ее густые черные волосы.

Павел Карлович вспомнил, как день назад Люсик последний раз шла сквозь патрули юнкеров на Скобелевскую площадь с его донесением. Ходила она почти всегда с Алексеем Столяровым — однокурсником по институту.

«Пойдем, джан?» — спросил Алексей.

«Наверное, влюблены друг в друга,— подумал тогда Штернберг.— А что означает «джан»?»

Он забыл их спросить об этом и теперь, конечно, уже не спросит. Эту подушечку, пожалуй, положил Столяров...

Павел Карлович бережно накрыл Люсино лицо.

Они молча опять прошли мимо тел с торчащими башмаками, вышли в переулок к машине.

— Москворецкий мост,— сказал Павел Карлович притихшему шоферу. Возле моста он рассчитывал догнать головную колонну, которую Файдыш вел к Кремлю.

Они отъехали не очень далеко. С Остоженки стрельба не доносилась — ни пулеметная, ни ружейная.

«Юнкера сдались»,— догадался Штернберг.

По дорогам к Москворецкому и Каменному мостам двигались отряды красногвардейцев. Из домов высыпали жители. И хотя где-то еще шел бой и бухали пушки, люди, очевидно, чувствовали близость победы.

На перекрестке, окруженный зеваками, стоял бронетрамвай.

Один из рабочих укреплял над дверцей Красное знамя. Петр Апаков, перетянутый ремнями и патронными лентами, с гранатами на поясе, сурово смотрел куда-то в сторону. На щеках бугрились крутые желваки.

«Он всегда мрачен. Неужели это с тех пор, когда Прасковья, избитая исправником, родила мертвого ребенка?»

Грузовик прогромыхал мимо бронетрамвая, мимо двух или трех отрядов, вооруженных берданками, и за мостом догнал головную колонну.

В Кремль входили через Спасские ворота. Башня была изрядно побита снарядами; часы, игравшие «Коль славен», молчали. Время, отпущенное былым хозяевам Кремля, истекло.

Навстречу замоскворецкой колонне высыпали откуда-то монахи. Все в черном, как вороны, с дергающимися на груди крестами, они признали в Штернберге старшего и, упав на колени, просили пощадить побежденных.

Широко ступая, он прошел мимо них, чувствуя, как жжет его изнутри сухой огонь, как горчит во рту, словно он наглотался едкого дыма.

То тут, то там попадались убитые. Камни сплошь были в выбоинах, валялись гильзы. Жидкими группками уходили юнкера, обезоруженные и отпущенные «под честное слово». С них брали обещание не подымать оружие на Советы. Он подумал: оправданно ли это чрезмерное милосердие? Борьба не закончена.

Стоя на броневике, проехал Ведерников. Изо рта у него торчала погасшая трубка. Отряды с красными знаменами с

разных сторон вступали в Кремль. В общей массе выделялись черные бушлаты балтийских матросов. От легкой и быстрой поступи балтийцев метались ленты их бескозырок.

«Успели!» — подумал Штернберг о матросах. Он знал, что Владимир Ильич Ленин торопил петроградцев с помощью москвичам. Балтийцев, отправлявшихся в Москву, Ильич напутствовал словами:

— Не забывайте, товарищи, Москва — сердце России, и это сердце должно быть советским...

*   *

*

Варвара Николаевна ЯКОВЛЕВА

Яковлева В. Н. (1884—1944 гг.), участница борьбы за Советскую власть в Москве, советский партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1904 г.
Родилась в семье мещанина в Москве. Училась на Высших женских курсах; вела социал-демократическую пропаганду в рабочих кружках. Участница революции 1905—1907 гг. в Москве. В 1910 и 1913 гг. была сослана в Восточную Сибирь, бежала; в конце 1913 г. сослана в Астраханскую губернию. После Февральской революции 1917 г.— секретарь Московского областного бюро РСДРП(б). Участница исторического заседания ЦК партии 10 (23) октября 1917 г. В Октябрьские дни 1917 г.— член Боевого партийного центра, член Московского

Военно-революционного комитета. В 1918 г. работала в Московской ЧК, затем — председатель Петроградской ЧК. В дальнейшем — на партийной и государственной работе.

* * *

Подготовка Октябрьского восстания в Московской области [1]

Я работала секретарем Областного бюро Центрального промышленного района весь период времени от Февраля до Октября 1917 года, и перед моими глазами прошла вся картина развития революционного движения в области за этот промежуток времени. Я не буду останавливаться на характере движения за весь этот период: это не входит в задачи настоящего краткого очерка, посвященного Октябрьским дням. Но мне представляется необходимым в кратких чертах охарактеризовать рост революционного настроения в массах в период, непосредственно предшествующий октябрьскому перевороту.

В Московскую область входило в то время значительное количество губерний, а именно: Московская, Ярославская, Тверская, Костромская, Владимирская, Нижегородская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Калужская и Орловская. Если в северных промышленных губерниях связи были крепкими и организации достаточно прочными, то о южных губерниях, с преобладающим крестьянским населением, этого никак нельзя сказать, и весь первый период связи в этих губерниях носили случайный характер.

После июльских дней все доклады с мест в один голос отмечали не только резкое падение настроения в массах, но даже определенную враждебность их к нашей партии. Были довольно многочисленные случаи избиения наших ораторов. Число членов в организациях сильно уменьшилось, а некоторые из организаций даже вовсе перестали существовать, особенно в южных губерниях. Под знаком этого настроения прожили мы весь июль и август. Но уже в конце августа начал замечаться поворот: недовольство в массах росло, революционное настроение повышалось. Снова стали расти наши

[1] Воспоминания В. Н. Яковлевой публикуются по изданию: Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 302—306.

организации, начали возрождаться распавшиеся. Чем дальше, тем все больше увеличивались наши связи. Нам уже не приходилось разыскивать связи, нас искали, к нам шли ходоки из самых отдаленных углов. И что самое замечательное, совсем другая публика стала появляться в помещении Областного бюро: шли крестьяне. Приходили из деревень Калужской и Тамбовской губерний, приходили в Москву, потому что не находили большевистских комитетов в своих уездных городах. Появилось много солдат из гарнизонов отдельных городов области; даже больше — появились ходоки из Воронежской, Пензенской и даже Вологодской губерний. Спрос на книгу и листовку был колоссальный. Наш магазин «Волна» работал лихорадочно.

Во второй половине сентября работники Областного бюро объезжали область; ряд из них отправился в южные губернии, ибо слишком многочисленны и настоятельны были требования на наших агитаторов, докладчиков, лекторов. Впечатления их были совершенно тождественны: всюду, во всех губерниях происходил процесс поголовной большевизации масс. И все отмечали также, что деревня требовала большевика.

Наши комитеты в таких губерниях, как Рязанская и Тамбовская, могли жаловаться скорее на обилие связей, чем на недостаток их. Обслужить их они во всяком случае не могли. Эти комитеты, в которых было лишь два-три более подготовленных в партийном смысле товарища, перешли к системе обслуживания деревни солдатом-большевиком в качестве агитатора. И таких агитаторов разъезжало по деревням десятки.

И все-таки потребность деревни в большевистском «ораторе» не могла быть удовлетворена ни в какой мере. В ряде городов рост революционного настроения в массах поспел уже сказаться значительным изменением состава Советов, главным образом, Советов рабочих депутатов. Но были города, в которых обе секции, как рабочая, так и солдатская, оказались в большинстве большевистскими. Первым из них был Иваново-Вознесенск; тамошние товарищи уже поднимали в Областном бюро вопрос о том, объявлять ли им власть Советов или довольствоваться тем, что Совет имел эту власть фактически. Что касается крестьянских губерний: Рязанской, Калужской, Тамбовской, то там все еще было в брожении; настроение масс уже определилось, но в организационные формы оно еще не успело вылиться. Состав Советов там отражал прошлый период, и они всюду в огромном большинстве эсеровско-меньшевистские.

Таково было положение вещей, когда мы получили сведения о созыве на 10 октября пленума ЦК партии. Из состава Областного бюро входил в ЦК в качестве члена товарищ Ломов; я была кандидатом, но так как работы было всегда очень много, то я никогда не ездила на заседания. На этот раз, однако, секретарь ЦК товарищ Свердлов прислал телеграмму, которой требовал непременного приезда Ломова и вызывал меня, как секретаря Областного бюро. Эта телеграмма дала нам понять, что заседание будет иметь какое-то важное значение. И хотя мы определенно не знали, но понимали и чувствовали, что будет поставлен вопрос о решительном шаге, о перевороте. В Москве в партийных кругах уже шли дискуссии на эту тему, правда, еще не на официальных заседаниях, а в отдельных тесных кружках товарищей. Физиономии находившихся в Москве партийных органов уже определились. Областное бюро совершенно единодушно стояло на такой точке зрения: переворот близок, все к тому идет; рост революционного настроения огромен; надо им овладеть возможно скорее, не дать ему вылиться в стихийные формы; надо не упустить момента. В Московском комитете не было такого единства. Колебания были значительны. Большинство, однако, стояло за то, что к решительным действиям перейти можно будет лишь тогда, когда мы получим большинство в Московском Совете и притом также и в солдатской секции. Окружной комитет, под каковым названием работал комитет Московской губернии (без Москвы), занимал позицию неопределенную, и мы в Областном бюро считали, что в решительную минуту он колебнется в сторону МК.

Накануне отъезда, поздно вечером, мы собрали в квартире товарища Обуха нескольких товарищей не для дискуссий, а для сведения воедино впечатлений их о настроении масс. В общем и целом даваемая ими характеристика совпадала с изложенной выше.

Если память мне не изменяет, мы приехали в Питер в самый день 10 октября, и здесь товарищ Свердлов сказал нам, что пленум созван для разрешения одного-единственного вопроса: держит ли партия курс на восстание в ближайшее время. Сказал он нам также, что на заседание придет и Владимир Ильич, конспиративно приехавший из Финляндии.

Владимир Ильич пришел, когда все уже были в сборе, и появился в совершенно неузнаваемом виде: бритый, в парике, он напоминал лютеранского пастыря...

Поздно вечером, вероятно уже после 12 часов, было вынесено решение... о том, что партия держит курс на восстание в ближайшее время.

На следующий день я и Ломов выехали в Москву и тотчас же по приезде созвали узкий состав Областного бюро.

После краткого обмена мнений мы решили немедленно по телеграфу вызвать по представителю от всех комитетов, входивших в нашу область, чтобы через них поставить всех в курс дела, договориться о тексте условных телеграмм, которые мы им дадим на условные частные адреса, когда время будет выйти на улицу. При этом же свидании мы должны были с ними выяснить число сочувствующих и несочувствующих нам частей гарнизона, силы восстания и опорные его точки в каждом центре.

Нескольких товарищей мы послали снова в объезд, а всю намеченную Областным бюро работу с представителями проделали я и Стуков; отчасти нам помог и товарищ Кизельштейн. От этих бесед у нас остался по каждой губернии список городов с нашим большинством в Советах и данные о численности и силе частей войск, нам враждебных, нас поддерживающих и нейтральных, а также список условных адресов для телеграмм...

25 октября, в день организации Московского Военно-революционного комитета, то есть в день начала переворота, еще до заседания Московского Совета, избравшего Военно-революционный комитет, немедленно после заседания Московского комитета партии, принявшего это решение, мы разослали по области условные телеграммы. Позднее на первом, после Октябрьских дней, пленуме Областного бюро... был констатирован факт получения наших телеграмм всеми комитетами. Секретари немедленно созвали заседание комитетов, которые приняли те или иные конкретные решения. У меня нет под руками материалов, которые позволили бы изложить ход восстания в Московской области, а изложить это по воспоминаниям вряд ли было бы полезно. Я хочу здесь отметить лишь одно обстоятельство. Данный этими телеграммами сигнал повел не только к тому, что в отдельных городах была начата борьба за власть Советов. Отсутствие связи с Москвой в течение нескольких дней заставило товарищей в городах, где переворот прошел более или менее безболезненно, подумать о том, что надо пойти на помощь Москве. Из ряда мест потянулись к Москве отдельные части войск, которых в общей сложности было до 4 тысяч (опять-таки, если память не изменяет). Некоторые из них приняли активное участие в московских боях.

* *

*

Емельян Михайлович
ЯРОСЛАВСКИЙ

Ярославский Е. (Ильян) М. (настоящая фамилия
и имя — Губельман Миней Израилевич)
(1878—1943 гг.),
участник Октябрьской революции в Москве,
советский государственный и партийный
деятель, ученый, академик АН СССР (с 1939 г.).
Член КПСС с 1898 г.
Родился в семье ссыльного поселенца в Чите.
Организовал первый социал-демократический
кружок среди рабочих Забайкальской железной
дороги. В 1901 г. выезжал в Берлин и Париж,
установил связи с искровцами, стал
корреспондентом «Искры» (псевдоним —
Социалист). В 1902 г.— член Читинского
комитета РСДРП. В 1903 г. арестован,
но освобожден под надзор полиции. Перешел
на нелегальное положение, уехал в Петербург,

где избран членом Петербургского комитета РСДРП. В годы революции 1905—1907 гг. вел партийную пропаганду в Петербурге, Москве и других городах. Делегат IV (Объединительного) съезда РСДРП (1906 г.) и V (Лондонского) съезда РСДРП (1907 г.). Вскоре был арестован и сослан на поселение в Якутию. Освобожден Февральской революцией 1917 г. Избран членом Якутского комитета общественной безопасности, председателем объединенного Якутского Совета рабочих и солдатских депутатов. С июля 1917 г. жил в Москве, входил в состав Московского комитета РСДРП(б) и Военной организации при МК РСДРП(б). Делегат VI съезда РСДРП(б). Вел работу по подготовке частей Московского гарнизона к вооруженному восстанию. Много выступал перед рабочими и солдатами, известен как замечательный оратор, агитатор и лектор. Один из редакторов газет «Социал-демократ» и «Деревенская правда». С 24 октября (6 ноября) 1917 г.— член Центрального штаба Красной гвардии при Моссовете. 25 октября (7 ноября) вошел в Боевой партийный центр по руководству вооруженным восстанием в Москве и одновременно назначен комиссаром Московского Военно-революционного комитета в Кремле. С ноября 1917 г.— член Президиума Исполкома Моссовета, помощник комиссара штаба Московского военного округа. С мая 1918 г.— московский окружной военный комиссар. В дальнейшем — на партийной и научной работе. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

* * *

«Мы твердо шли к победе»[1]

Так скажет Емельян Ярославский спустя год после исторических Октябрьских дней 1917 года. Так скажет он, имея в виду блестящую плеяду революционеров-ленинцев, пришедших к победе через десятилетия борьбы, через тюрьмы и каторгу, невосполнимые потери друзей и близких, к которой имел честь принадлежать.

Первая же весть о великих переменах в стране застала самого Ярославского в Якутске, на поселении. Это поселение после шести лет каторги было последней «мерой пресечения», принятой царским правительством против профессионального революционера.

Но и здесь, в Якутске, он нашел выход своей кипучей энергии, страсти к действию. Ярославский организовал революционные кружки, обучал в них якутов основам марксизма-ленинизма.

«Первые же дни марта 1917 года показали, какое огромное значение имела эта работа,— вспоминал Ярославский,— мы

[1] Автор очерка П. С. Фатеев.

в первые же дни революции 1917 года услышали программные марксистские речи на якутском языке, мы сумели прямо издать листовки на якутском языке, мы получили первый основной кадр якутов, будущих большевиков, ленинцев, марксистов».

Сразу же после Февральской революции Ярославский по поручению Якутского комитета РСДРП создает и редактирует газету «Социал-демократ». Она выходила с 18 (31) марта по 21 мая (3 июня) 1917 года. Всего было подготовлено и выпущено пять номеров. Ярославский опубликовал в газете небольшую, но очень емкую по мысли статью о В. И. Ленине, в которой ему удалось не только создать образ вождя революции, но и в сжатой форме изложить основы ленинизма.

Газета решительно настраивала своего читателя на борьбу за социалистическую революцию, освещала революционные события в стране и крае, разоблачала трусость и предательство меньшевиков и эсеров. Много материалов печаталось по национальному вопросу, о задачах экономического и культурного развития Якутии. Важную роль в издании газеты сыграли Г. И. Петровский и Г. К. Орджоникидзе, находившиеся также в якутской ссылке и выступавшие в газете с яркими политическими материалами.

В мае 1917 года Емельян Михайлович Ярославский вместе с Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровским и другими большевиками, находившимися в якутской политической ссылке, был отозван ЦК партии в центр страны.

23 мая Ярославский покинул Якутск.

«Когда он возвращался из далекой якутской ссылки — сначала по широкой Лене на неторопливом пароходе, потом на подводах,— один крестьянин разговорился с ним в пути и сказал:

— Какие-то объявились, говорят, большаки али лешаки, что хотят, чтобы скорее закончилась война...

— А как ты думаешь? Лучше было бы, если бы война закончилась? — спросил Ярославский.

— Да зачем она, война-то, вона земли да лесов сколько!

— А хорошо бы в деревне не было богатеев и чтобы земля и скот всем трудящимся — по справедливости?

— Да куда бы уж лучше!

— И чтобы народное управление было, а не чиновники измывались над народом?

— Конечно! — согласился крестьянин.

— Так ты самый большевик и есть! — сказал неожиданно Емельян Михайлович.— Ты же согласен с нами по всем основным вопросам...

Умение убеждать — тонкое и сложное мастерство. Но им Емельян Михайлович владел в совершенстве. Находилась ли перед ним аудитория в несколько тысяч слушателей или один человек, он готов был выложить весь арсенал имеющихся у него фактов, доводов и доказательств...»[1]

3 июня Ярославский прибыл в Москву — крупнейший промышленный центр страны: здесь было 400 тысяч рабочих, находился многочисленный военный гарнизон. Тысячами нитей Москва была связана с губерниями Центрально-промышленного района — Владимирской, Воронежской, Калужской, Костромской, Нижегородской, Орловской, Смоленской, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Ярославской. Вот почему Центральный Комитет РСДРП перебрасывал в Москву опытных, закаленных деятелей партии, способных обеспечить подготовку и проведение социалистической революции в столь важном центре. Именно таким деятелем Центральный Комитет считал Емельяна Ярославского.

В Москве в 1917 году полно и ярко раскрылся талант Ярославского — публициста, пламенного агитатора.

Печать в то время играла огромную роль в борьбе за влияние на массы, за завоевание на сторону большевиков рабочих, солдат, матросов, всех демократических сил. Партия, ее организации на местах развернули небывало широкую издательскую деятельность, печатную и устную пропаганду и агитацию среди трудящихся, создавая политическую армию социалистической революции.

В марте — июне наша печать выходила легально, но подвергалась жестокой травле со стороны буржуазной, меньшевистской, эсеровской печати, выходившей огромными тиражами, в лучших типографиях и на лучшей бумаге, с участием квалифицированных буржуазных и мелкобуржуазных борзописцев. Для большевистских же изданий создавались труднейшие условия: их выживали из типографии, им запрещали выражать свое отношение к антинародной политике Временного правительства, их лишали бумаги, подвергали цензурным и полицейским преследованиям, реакционная печать занималась клеветническими измышлениями в адрес наших газет и журналов, старалась подорвать их авторитет и влияние на массы.

Но, несмотря ни на что, большевистские газеты печатали все важнейшие статьи В. И. Ленина, предоставляли на своих страницах трибуну наиболее талантливым журналистам его

[1] См.: Герои Октября, с. 128—129.

школы — М. С. Ольминскому, И. И. Скворцову-Степанову, А. С. Бубнову, В. П. Ногину, Е. М. Ярославскому.

Ярославский сразу же после приезда в Москву стал корреспондентом «Правды», деятельным сотрудником и одним из редакторов московской газеты «Социал-демократ», начавшей выходить с 7(20) марта 1917 года и сыгравшей значительную роль в подготовке вооруженного восстания в Москве. Он активно сотрудничал во всероссийской большевистской ежедневной газете «Солдатская правда».

Опыт, приобретенный им в солдатской печати в годы первой российской буржуазно-демократической революции, имел огромное значение. Он хорошо понимал роль вооруженных сил в революции, на личном опыте познал все горести и невзгоды солдатской жизни, ужасы офицерского произвола, зуботычины, физического истязания и полного бесправия солдат. Он научился писать для солдатских газет о самом главном, писать ясно, просто, захватывающе интересно, чтобы привлечь их на сторону социалистической революции.

«Мы научились бороться за войско,— писал Емельян Михайлович,— мы научились объединять революционное движение в войсках с революционным движением рабочего класса и крестьянства. Мы сумели слить эти три огромных потока революционного движения в рабочем классе, в армии и крестьянстве в один могучий поток. Наша солдатская печать и в 1917 г. сыграла огромную революционную и организационную роль. «Солдатская правда», «Окопная правда» были органами, которые формировали революционное сознание солдатских масс... Наша военная работа, работа военных организаций нашей партии... была необходимым звеном, необходимым рычагом в общей нашей революционной работе. Без этой работы нельзя было обеспечить победы пролетарской революции...»

Своим пером, страстным большевистским словом Ярославский внес заметный вклад и в борьбу партии за крестьянские массы. С 4(17) октября 1917 года стала выходить «Деревенская правда». Емельян Михайлович являлся редактором и постоянным неутомимым автором этой газеты, выступавшим в ней под десятком разных имен и заполнявшим своими материалами по самым актуальным вопросам чуть ли не все ее полосы.

В своих публикациях Ярославский разоблачал контрреволюционный, антинародный характер Временного правительства, буржуазных и монархических партий, соглашательской, предательской политики мелкобуржуазных партий,

доказывая трудящимся массам, что только пролетарская революция может решить задачи политического и экономического раскрепощения народа, прекратить человекоубийственную империалистическую войну и решить вопрос о передаче земли тем, кто ее обрабатывает. Одновременно он пропагандировал идею гегемонии пролетариата в социалистической революции, союза рабочих и крестьян, боролся за единство солдатских и матросских масс с рабочим классом и беднейшим крестьянством, за подготовку к организованному выступлению всех сил социалистической революции.

Из множества партийных «специальностей» была у старого большевика Емельяна Ярославского одна особо важная, опасная и любимая им — это революционная работа в войсках. В семнадцатом году он приложил немало сил, энергии и таланта, чтобы завоевать на сторону большевистской партии солдатские массы Московского гарнизона.

«...Весь свой старый опыт, всю накопленную за годы каторги и ссылки энергию я отдал этой работе в армии»,— говорил Ярославский.

С приездом Ярославского в Москву заметно оживилась работа Военного бюро МК РСДРП. Емельян Михайлович неутомимо выступал на митингах. Он быстро приобрел известность как замечательный оратор и агитатор.

Реакционно настроенные офицеры и соглашатели из полковых комитетов всячески старались лишить Ярославского возможности общаться с солдатской массой. Они не позволяли ему пройти на территорию гарнизона Мызораевского артиллерийского склада вблизи Москвы (там находилось около 8 тысяч солдат). Однако товарищи из «Военки» нашли способ, как обойти преграды. Офицеры, проверявшие у ворот документы, не выпускали Ярославского. Тогда несколько солдат-большевиков встретили Емельяна Ярославского в стороне от ворот и помогли ему перебраться через высокий забор на территорию артсклада. Тем временем руководитель большевиков Мызораевского гарнизона Иван Стефашкин обошел казармы и собрал солдат на митинг.

Емельян Михайлович вспоминает о митингах в Мызораевском гарнизоне: «Не было такого солдатского собрания, на котором солдаты не подавали бы десятки записок по вопросу о земле. Дискуссия о земле была самой страстной. Припоминаю пяти-шестичасовые собрания солдат на Мызораевском огнескладе, которые организовывал обычно Стефашкин. Солдаты жадно вслушивались в споры о земле и сами принимали в них участие. Сотни передовых рабочих и крестьян

в военных мундирах по-большевистски воспитывались в этой борьбе с эсерами, меньшевиками и кадетами»[1].

Летом и осенью 1917 года Ярославский вел огромную работу по созданию отрядов Красной гвардии и по большевизации Московского гарнизона. Эта работа усилилась после расстрела Временным правительством июльской демонстрации и корниловского мятежа и достигла особого накала накануне и в дни октябрьских сражений.

Участник революционной борьбы в Москве А. Блохин[2] вспоминал: «...однажды я выступал с Ем. Ярославским на Ходынке. Солдаты-артиллеристы, не дав Ярославскому закончить выступление, подали команду: «По орудиям! Выводи лошадей! Айда к Совету!»

Солдаты горели желанием боевых действий. Емельяну Ярославскому пришлось уговаривать солдат подождать приказа Военно-революционного комитета.

Особенно высок революционный накал был у полковых и ротных комитетов. 26 октября состоялось общее гарнизонное собрание членов этих комитетов, находившихся уже под руководством большевиков. На нем возник вопрос о необходимости переизбрания Совета солдатских депутатов и слияния его с Советом рабочих депутатов. Эсеры и меньшевики подняли демагогические дебаты, которые ни к чему не приводили. «Наконец Ярославскому,— пишет А. Блохин,— пользовавшемуся большим авторитетом в гарнизоне, удалось утихомирить разгоревшиеся страсти...»

Руководитель Военной организации «Ем. Ярославский получил специальное указание из Петрограда от Я. М. Свердлова всеми силами добиваться перевыборов солдатских комитетов».

В сентябре «все полковые и ротные комитеты, за исключением 1-й запасной артиллерийской бригады, были переизбраны».

Рост авторитета большевиков среди солдатских масс лучше всего показали выборы в московские районные думы в воинских частях, проходившие 24 сентября 1917 года. В Кремлевских казармах из 2029 человек за большевиков проголосовало 1812, в Покровских казармах из 1007 — 957, в Фанагарийских казармах из 903—836, в Спасских казармах из 1085 — 967, в Александровских из 2366 — 1634, в мастерских тяжелой осадной артиллерии из 2347 — 2286, в украинском запорожском полку из 1270 — 1108 и т. д. Только

[1] См.: Герои Октября, с. 130.

[2] Блохин А. Д. (1884—1980) — участник трех революций в Москве. Член КПСС с 1903 года.

в военном училище из 685 юнкеров за большевиков проголосовало 319.

25 октября (7 ноября) в Москве получили сообщение о победе социалистической революции в Петрограде. Сразу же был создан боевой центр партии по руководству борьбой за власть Советов и избран Военно-революционный комитет Московского Совета. Но контрреволюционные силы старой столицы создали «Комитет общественной безопасности» и развернули вооруженную борьбу с восставшими рабочими и солдатами.

Е. М. Ярославский входит в состав Московского Военно-революционного комитета и становится одним из руководителей вооруженного восстания.

* * *

Как пролилась кровь [1]

Что мы готовимся к борьбе с властью буржуазии, мы не скрывали. Что не сегодня завтра эта борьба может принять характер открытого столкновения между нашими силами и силами противника — это все ясно сознавали. Мы не безумцы, как нас хотят изобразить. Мы не авантюристы, не искатели приключений, как этого хотелось бы многим нашим врагам. Мы упорно работали над созданием, сплочением, организацией могучей силы, мы точно учли эту силу, мы уверенно начали борьбу, мы твердо шли к победе.

И те самые Рудневы, Гельфготы и другие деятели из «Комитета общественной безопасности», которые вооружили сынков буржуазии, создав из нее белую гвардию, те самые Гагарины, Друцкие и Кравчуки, под чьим влиянием действовали юнкера, расстреливая санитарные отряды и детей на улицах, те самые господа, которые били ногами в живот арестованных, проливают слезы о том, что пролилась кровь.

Кто же пролил ее? Надо ли было ее проливать?

Я хочу рассказать о первых жертвах, о первых выстрелах.

26-го вечером Военно-революционный комитет отдал мне приказ принять на себя обязанности комиссара Кремля и

[1] Воспоминания Е. М. Ярославского печатаются по тексту газеты «Известия ВЦИК Советов крестьянских, рабочих, казачьих и красноармейских депутатов и Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов» (1918, 6 ноября).

Арсенала, так как стало точно известно, что Рябцев готовится ввести юнкеров в Кремль. Тогда же прапорщик Берзин получил приказ принять на себя обязанность начальника гарнизона Кремля. Одновременно мы получили донесение, что вооружается белая гвардия, что юнкера сосредоточивают свои силы, что идут лихорадочные приготовления к бою, что Манеж занимается юнкерами. Из Манежа, где стоят автомобили, солдаты передали нам, что Рябцев приказал привести автомобили в негодность или перегнать их в Кремль. Для нас ясно было, что Кремль хотят сделать базой, крепостью сил контрреволюции, сил вооруженной буржуазии; мы видели, что это план того самого «Комитета общественной безопасности», который засел в городской думе.

Посоветовавшись с Берзиным, мы сочли необходимым усилить гарнизон одной или двумя ротами 193-го полка. Несколько рот 56-го полка были целиком на нашей стороне, но мы хотели придать им бодрости этим подкреплением. Вместе с тем, зная, что Московский гарнизон плохо вооружен, что в противовес белой гвардии буржуазии необходимо вооружить Красную гвардию пролетариата, мы заручились приказом Военно-революционного комитета выдать вооружение как солдатам Московского гарнизона, так и рабочим района.

Ночью я поехал в Хамовнические казармы 193-го полка. Я обратился к членам полкового комитета, которые в это время были на дежурстве — дежурство было установлено нами во всех войсковых частях Московского гарнизона,— и предъявил им данный мне Военно-революционным комитетом приказ. Приказ этот был тотчас же выполнен, и рота 193-го полка отправилась в Кремль. Я опередил ее. В Кремле господствовал полный порядок. Утром рано стали въезжать грузовики за оружием. Начальник Арсенала полковник Лазарев согласился подчиниться требованию Военно-революционного комитета, настаивая лишь на том, чтобы оружие выдавалось через определенное лицо (в данном случае прапорщика Берзина) под расписку, с соблюдением установленных формальностей. Часам к 10 утра было выдано 1500 винтовок, несколько ящиков с патронами и три нагана. Ни одно ружье не было вынесено за ворота Кремля. Все ворота Кремля были заперты, и только через калитку у Троицких ворот я распорядился впускать и выпускать живущих в Кремле служащих, чиновников, священников, монахов, а также подводы с провиантом. Ни одного выстрела не раздалось за весь день, хотя солдат оскорбляло то, что у всех ворот стояли юнкера, а у некоторых — казаки. Мы прилагали все усилия к тому, чтобы не пролилась кровь; почему-то была вера в то, что до столкно-

вения не дойдет, что буржуазия не захочет пережить ужасов открытой гражданской войны, уступит внушительным силам рабочих и солдат.

Когда грузовики были загружены, мы знали уже, что Кремль со всех сторон окружается юнкерами, которые задерживают наши автомобили и встретят выстрелами наши вооруженные отряды. Случайно выстрелила у Спасских ворот винтовка; тотчас же юнкера отскочили от ворот, цепью вытянулись вдоль стены и взяли ружья «на изготовку». Стояли и ждали: вот-вот откроются ворота, вот-вот надо убивать. У нас была возможность прорваться: в наших руках были броневики, мы могли бы ими расчистить путь, вывезти оружие и взять на себя инициативу борьбы с юнкерами. Если я и Берзин этого не сделали, то исключительно потому, что из Центра нам передали по телефону, что с Рябцевым ведутся переговоры, что в 3 часа дня с ним поедут выработать условия, в том числе и условия вооружения солдат и рабочих. После обеда приехали в Кремль Муралов, Ногин и Камский [1]. Я не присутствовал при их переговорах, но узнал, что 56-й полк останется на местах, а охрана Кремля будет поручена какой-нибудь другой части; намечались роты 192-го полка. Рябцев же настаивал на том, чтобы охрана Кремля и Арсенала была поручена юнкерам. Целый день до вечера ждали. Я сам выпустил из Троицких ворот Рябцева и его адъютанта; теперь глубоко сожалею об этом, так как Рябцев сыграл, несомненно, провокационную роль во всей этой истории. Вечером снова прибыли Муралов и Аросев после нового разговора с Рябцевым и предложили вывести роту 193-го полка из Кремля. Когда солдаты 56-го полка узнали, что Рябцевым решено ввести в Кремль юнкеров и поручить им охрану Кремля и Арсенала, они пришли в необычайное волнение. Они готовы были убить Рябцева, и многие требовали его ареста. Мне и Берзину стоило большого труда отговорить их, мы доказывали, что этого нельзя сделать, пока Военно-революционный комитет еще надеется на мирный исход дела путем переговоров. Рябцев несколько раз пытался доказать солдатам, что он должен ввести юнкеров. Для чего? «Для охраны народного достояния от расхищения»,— отвечал Рябцев. Это озлобляло, это разжигало солдат. Снова и снова Рябцев принимался путано доказывать солдатам, что нет в этом деле врагов, что у всех один фронт, что он стремится сохранить этот фронт, стремится предотвратить столкновение, оградить Арсенал от расхищения.

[1] Владимирский М. Ф.

Я сказал Рябцеву: «Заявляю вам, как уполномоченный Военно-революционным комитетом, что Кремль будет охранять 56-й полк; рота 193-го полка будет уведена тотчас же, как будут сняты с пути стоящие у Кремля юнкера; 56-й полк добровольно не уступит своих постов юнкерам. Я прошу вас, именно во избежание кровопролития, не вводите в Кремль юнкеров. Я ручаюсь, что ни одно ружье не будет вывезено, пока вы с Военно-революционным комитетом не выработаете условий вооружения солдат и рабочих. Я знаю хорошо настроение солдат, жил все время с ними и ручаюсь за неизбежность кровопролития, как только юнкера войдут в Кремль». Напрасно Берзин столь же категорически заявил, что он, начальник Кремлевского гарнизона, не впустит юнкеров. Напрасно солдаты горячо настаивали на том же самом.

Рябцев стоял на своем. Только когда кругом стали звучать угрозы, он заявил, что юнкера войдут для охраны окружного суда. Но и это не было принято. У нас у всех получилось впечатление, что Рябцев согласился наконец с нами. Рота 193-го полка стала готовиться к выходу из Кремля, хотя солдаты 56-го полка были против этого. Рябцев поехал отдавать распоряжение об уводе юнкеров. Я и Аросев, взяв пропуска через цепь юнкеров в штабе, поехали на автомобиле через Троицкие ворота. Автомобиль только успел двинуться, как раздались отчаянные крики впереди: «Стой, стой!» Шофер с трудом остановил катившийся под гору автомобиль. Нам приказали выйти. Несколько винтовок в упор направлены были в нас по обе стороны внешнего проезда. Офицер просмотрел пропуск, покричал на нас из-за того, что мы сразу не остановились, и сказал, что мы можем ехать. В это время загремел выстрел: пуля над самым моим ухом.

Таким образом, несмотря на то что терпение солдат в Кремле целый день подвергалось серьезным испытаниям, они не дали ни одного выстрела.

Кровь пролита была не нами, кровопролитие начато было юнкерами, ворвавшимися утром 28-го в Кремль. Оно подготовлялось Рябцевым, Рудневым, Маневичем, Шубниковым, Гагариным, Друцким и другими вдохновителями юнкеров, погнавшими этих юношей в бой против рабочих и солдат... Мы лишь приняли бой, когда он стал неизбежным, и от обороны перешли в наступление.

* *
*

СОДЕРЖАНИЕ

ГВАРДИЯ ОКТЯБРЯ

Москва

Заведующий редакцией А. И. Котеленец
Редактор Л. С. Макарова
Младший редактор Т. А. Ходакова
Художник А. А. Кузнецов
Художественный редактор О. Н. Зайцева
Технические редакторы Е. В. Васильевская и М. И. Егорова

ИБ № 7170

Сдано в набор 12.12.86. Подписано в печать 19.05.87. А 11314. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,0. Усл. кр.-отт. 50,50. Уч-изд. л. 23,78. Тираж 200 000 (20 001—200 000) экз. Заказ № 4796.
Цена 1 р. 10 к.

Политиздат. 125811, ГСП,
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография издательства «Горьковская правда».
603006, г. Горький, ул. Фигнер, 32.

1 р. 10 к.
ПОЛИТИЗДАТ

Гвардия Октября/Москва